

В О П Р О С Ы ИСТОРИИ

В НОМЕРЕ:

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕНТРАЦИИ СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА СССР

ПРИРОДНАЯ СРЕДА И ЭКОНОМИКА
РОССИИ (XVIII—XIX вв.)

ЭВОЛЮЦИЯ ДВИЖЕНИЯ ЗА МИР В АНГЛИИ

ПОПЫТКИ СГОВОРА МАОИСТОВ С США В 1944—1945 гг.

КРЕПОСТНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИИ

«НЕДЕЛЯ БАРРИКАД» (АЛЖИР)

БАСКИ

1

МОСКВА • 1979

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1926 года.
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Вопросы ИСТОРИИ

№ 1

ЯНВАРЬ

1979

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- М. А. Вылцан — Этапы развития концентрации и специализации сельскохозяйственного производства СССР 3
- И. П. Осадчий (Краснодар) — Победа социалистической революции на Северном Кавказе 21
- А. В. Дулов (Иркутск) — Природные условия и развитие производительных сил России в XVIII — середине XIX века 38
- И. И. Жигалов — Британское движение в защиту мира: генезис, эволюция, особенности (1945—1978 гг.) 54
- А. М. Дубинский — Переговоры «союзнической группы наблюдателей» США с руководством КПК 71

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

- М. Д. Курмачева — Крепостная интеллигенция в России XVIII века 82

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

- П. П. Черкасов — «Неделя баррикад» в г. Алжире 95

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР

- Академик Б. А. Рыбаков, А. Д. Горский, Б. А. Колчин — 50-летие
В. Л. Янина 110

Рецензии

- Н. И. Горлач (Харьков), И. Ф. Грива (Харьков), А. Е. Кучер (Харьков), И. М. Цемкалов (Харьков) — «Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР» 112
- А. Я. Полякова — С. А. Федюкин. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к цену 115

Член-корреспондент АН СССР А. Г. Милейковский — Е. Амбарцумов. Как начинался социализм. Россия при Ленине в 1917—1923 гг.	117
А. Г. Каримуллин (Казань), М. А. Мулюков (Казань) — В. З. Гафуров, З. З. Мифтахов. Развитие полиграфии и печати Татарии	119
Н. Я. Эйдельман — П. А. Зайончковский. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.	121
Л. В. Поздеева — О. С. Сороко-Цюпа. Рабочее движение в Канаде (1929—1939)	124
Н. В. Сивачев — «США: государство и экономика (механизм государственно-монополистического регулирования экономики)»	126
В. М. Массон (Ленинград) — Н. Р. Гусева. Индуизм. История формирования. Культовая практика	129
Новые книги	132
Статьи в советских периодических изданиях	134
Хроникальные заметки	137

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

И. В. Созин — 60-летие восстановления польской государственности	141
А. С. Намазова — VIII конференция советских и французских историков	145

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры

Р. Л. Сабсович (Ленинград) — История профсоюзов в трудах французских историков и социологов	149
---	-----

Рецензии

В. Д. Мозеров (Саранск) — Социалистические страны после второй мировой войны 1944—1974. (Проблемы политического, социального и хозяйственного развития)	156
В. В. Согрин — Г. С. Коммаджер. Империя разума. Как Европа представляла себе Просвещение, а Америка воплотила его принципы на практике	158

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах	161
Рецензии на советские издания	163
Коротко о книгах	164

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

Д. Н. Эндаков (Владивосток) — О роли Российско-Американской компании в развитии русского мореплавания	168
---	-----

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

М. М. Таланов — Кулагинская Краснознаменная	170
М. М. Сафонов (Ленинград) — Против кого был направлен памфлет?	175

У исторической карты народов мира

Н. В. Пчелина — Баски	180
Сведения об авторах	187
<u>Алексей Алексеевич Сидоров</u>	188
Резюме статей на английском языке	190

СТАТЬИ

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КОНЦЕНТРАЦИИ И СПЕЦИАЛИЗАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА СССР

М. А. Вылцан

В широкой, научно обоснованной программе всесторонней интенсификации сельскохозяйственного производства, разработанной на мартовском (1965 г.) и последующих Пленумах ЦК КПСС, развитой XXIV и XXV съездами партии, наряду с комплексной механизацией, химизацией сельского хозяйства, мелиорацией земель важное место отводится дальнейшему развитию концентрации и специализации в этой отрасли народного хозяйства. В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции» (май 1976 г.) указывается, что «специализация и концентрация сельскохозяйственного производства на базе широкого кооперирования, перевод его на современную индустриальную основу — это магистральное направление дальнейшего развития социалистического сельского хозяйства, новый этап практического осуществления идей ленинского кооперативного плана в условиях развитого социализма»¹. Июльский (1978 г.) Пленум ЦК КПСС, подводя итог проделанной по осуществлению этого постановления работы, высоко оценил экономическое и социальное значение специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции, наметил важные меры по дальнейшему подъему сельского хозяйства.

В советской экономической литературе концентрация сельскохозяйственного производства определяется как процесс сосредоточения средств производства — земли, скота, орудий труда, а также рабочей силы и выпуска продукции на все более крупных предприятиях. Под специализацией сельского хозяйства понимается одна из форм общественного разделения труда, обеспечивающая концентрацию производства главных для специализированного хозяйства, района или зоны продуктов и рациональное, наиболее эффективное использование земли, труда и материальных средств. Концентрация и специализация производства — сложные, взаимосвязанные общественно-экономические явления. Они представляют собой одновременно и специфический элемент производительных сил и составную часть производственных отношений.

О закономерностях развития концентрации и специализации сельскохозяйственного производства накоплена, особенно в последние годы,

¹ «Правда», 2.VI.1976.

обширная экономическая, а также социологическая литература². При всей ценности экономических и социологических исследований они, как правило, в силу своей специфики слабо связаны с историческим материалом. Что же касается имеющихся отдельных работ историков³, то и они пока затрагивают только вопросы современного этапа концентрации и специализации сельскохозяйственного производства. Как возникли, какие этапы прошли в своем развитии эти явления,— в этом плане проблема, по существу, не стала еще предметом самостоятельного рассмотрения. В настоящей статье предпринята попытка решения этой задачи.

В. И. Ленин, разрабатывая методологию анализа процессов концентрации земледелия, отмечал, что «группировка земледельческих хозяйств по величине площади земли, занимаемой или обрабатываемой ими,.. явно недостаточна, ибо не учитывает совершенно процесса интенсификации земледелия»⁴. Он подчеркивал, что «о размерах хозяйства количество земли свидетельствует лишь косвенно, и это «свидетельство» тем менее достоверно, чем шире и быстрее идет интенсификация земледелия»⁵.

При определении периодизации процесса концентрации сельскохозяйственного производства следует учитывать, что интенсификация социалистического сельского хозяйства СССР, унаследовавшего от дореволюционной России отсталую технико-экономическую базу, в течение длительного времени развивалась медленно, а таким экономическим рычагам, как хозяйственный расчет, прибыль, себестоимость, в силу не только объективных, но и субъективных причин не уделялось должного внимания, в особенности в колхозах. Данные об этих экономических показателях, как правило, отсутствуют в статистической отчетности. Все это ограничивает выбор критериев периодизации процесса концентрации, вынуждая исследователей обращаться преимущественно к показателям о физических размерах предприятий, хотя интенсивное, высокопродуктивное, рентабельное хозяйство по своей экономической природе является более крупным, чем экстенсивное и убыточное, даже если первое по своим физическим параметрам уступает последнему.

В основе выделения этапов специализации лежит преобладание той или иной ее формы, то есть преобладание специализированных или многоотраслевых хозяйств. Разумеется, необходимо учитывать при этом и развитие зональной, внутрихозяйственной и межхозяйственной специализации.

² Н. П. Александров. Специализация и концентрация производства в колхозах и совхозах. М. 1966; Е. П. Губин. Пути формирования аграрно-промышленных объединений. М. 1966; И. П. Коровкин. Специализация сельского хозяйства пригородных зон. М. 1968; С. С. Сергеев. Экономический анализ сельскохозяйственного производства. М. 1968; «Производственные типы сельскохозяйственных предприятий». М. 1973; И. И. Бодюл. Социально-экономические отношения в деревне на стадии развитого социализма. М. 1974; А. С. Негру-Водэ. Межхозяйственная кооперация: опыт и проблемы. М. 1975; его же. Аграрно-промышленное кооперирование в СССР. М. 1975; Р. И. Тонконог. Научно-технический прогресс и аграрные отношения на современном этапе. М. 1976; Б. И. Плешков. Специализация и кооперирование в сельскохозяйственном производстве. М. 1976; В. П. Лозовой. Общественное разделение труда и формы производства развитого социализма. Ярославль. 1976; С. И. Семин, П. Н. Гусев, П. П. Писаренко. Развитие социалистических производственных отношений в сельском хозяйстве. М. 1977; В. П. Ефимов, В. П. Манякин. Эффективность сельскохозяйственного производства в СССР. М. 1977; «Проблемы межхозяйственной кооперации и промышленной интеграции сельскохозяйственного производства». М. 1977; «От ленинского Декрета о земле...». М. 1977; «Развитие специализации, концентрации и межхозяйственной кооперации в сельском хозяйстве Киргизской ССР». Фрунзе. 1978, и др.

³ «Советская деревня на современном этапе». Воронеж. 1974; В. Б. Островский. Новый этап в развитии колхозного строя. М. 1977.

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 179.

⁵ Там же, стр. 192.

Между этапами концентрации и специализации сельскохозяйственного производства и периодами развития общества в целом нет да и не может быть полного совпадения. Однако при всем своеобразии процессов концентрации и специализации они, безусловно, отражают черты и особенности важнейших периодов развития общества, поскольку являются результатом действия его основных закономерностей. Так, переходный от капитализма к социализму период был вместе с тем этапом становления в сельском хозяйстве социалистических форм концентрации средств производства и специализации. Есть свои особенности в их развитии и в период борьбы за создание развитого социалистического общества, когда сельское хозяйство уже полностью функционирует на социалистической основе, и в период зрелого социализма, когда сложился единый мощный народнохозяйственный организм и действие экономических законов социализма наиболее полно и всеобъемлюще.

Великий Октябрь уничтожил строй эксплуатации и угнетения, «открыл новую эпоху — эпоху перехода человечества от капитализма к социализму»⁶. Частная собственность на землю была отменена навсегда, на смену ей пришла всенародная, государственная собственность⁷. Одним из итогов аграрной революции, непосредственно сказавшимся на развитии производительных сил деревни, явилось измелъчение («деконцентрация») сельскохозяйственного производства. Крупное помещичье, а частью и кулацкое хозяйство были экспропрированы (полностью ликвидация кулачества как класса произошла позже — на основе коллективизации сельского хозяйства). К измелъчению сельскохозяйственного производства в 20-е годы вело и уравнительное распределение земли среди крестьян-единоличников (получили землю и обзаводились хозяйством десятки тысяч батраков, активизировался процесс семейно-имущественных разделов).

О масштабах резко усилившегося процесса дробления крестьянских хозяйств в исторической литературе высказывались различные мнения⁸, но все исследователи сходятся на том, что распыление производительных сил отрицательно сказывалось на развитии сельского хозяйства, тормозило его подъем и переход к высшим формам производства.

Сплошная коллективизация сельского хозяйства на основе ленинского кооперативного плана стала важнейшим этапом социалистической концентрации сельскохозяйственного производства. Вместо 24—25 млн. мелких крестьянских хозяйств, насчитывавшихся накануне коллективизации (1927 г.)⁹, ко времени ее завершения (1937 г.) было создано 243,7 тыс. колхозов. Если на одно крестьянское хозяйство в среднем приходилось около 2—3 работников, 4—6 га посева, 2,4 головы крупного рогатого скота, 0,8 — свиньи, 4,2 — овцы и козы, 1,3 — лошади, то на каждый колхоз — 146 трудоспособных, 486,6 га по-

⁶ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года». М. 1977, стр. 4.

⁷ Об итогах аграрной революции см.: Ю. А. Поляков. Социально-экономические итоги аграрных преобразований Октябрьской революции (1917—1920 гг.). «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР». М. 1963; П. Н. Першин. Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование в двух книгах. М. 1966; С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 1. М. 1974, и др.

⁸ Е. Н. Кочетовская. Национализация земли в СССР. М. 1952, стр. 165; Ю. А. Поляков. Указ. соч., стр. 38; В. П. Данилов. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М. 1977, стр. 208—211, и др.

⁹ В. П. Данилов не без серьезных оснований полагает, что прочно вошедшая в литературу цифра — 25 млн. крестьянских хозяйств — преувеличена примерно на 1 млн. (см. В. П. Данилов. Указ. соч., стр. 212).

севной площади, 67,7 головы крупного рогатого скота, 27,4 — свиньи, 112,6 — овцы и козы и 55,9 — лошади¹⁰.

На том этапе концентрация представляла собой объединение мелких индивидуальных крестьянских хозяйств с их примитивными средствами производства. Сложная сельскохозяйственная техника длительное время сосредоточивалась в специальных государственных предприятиях — МТС, осуществлявших производственно-техническое обслуживание колхозов на договорных началах. Молодые, не окрепшие еще колхозы не имели средств, чтобы покупать тракторы и другие современные машины, приобретать горючее, строить помещения для хранения техники и мастерские для ее ремонта. Колхозам было намного труднее, чем государству, организовать подготовку квалифицированных кадров, способных управлять новейшими машинами. Немаловажное значение имел и тот факт, что промышленность не могла тогда обеспечить машинами все колхозы. В интересах быстрее социального переустройства деревни и дальнейшего развития сельского хозяйства и возникла система централизованного распределения и использования техники через МТС.

Стоимость (в сопоставимых ценах) сельскохозяйственных машин и орудий в крестьянском хозяйстве на 1 га посева равнялась в 1928/29 г. примерно 12 рублям. К 1937 г. стоимость тракторов, сельскохозяйственных машин (включая комбайны) и автомобилей на 1 га посева составляла по СССР 46 руб., в том числе в колхозах и МТС — 37 рублей¹¹. Следовательно, концентрация техники в расчете на 1 га посева в денежном выражении уже в то время поднялась в СССР по сравнению с 1928/29 г. почти в 4 раза.

По уровню концентрации средств производства самой высокой формой хозяйства в аграрном секторе являются совхозы, базирующиеся на общенародной, государственной собственности. Развивая выводы К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин еще до победы Великой Октябрьской социалистической революции выдвинул идею «образования из каждого конфискованного помещичьего имения крупного образцового хозяйства под контролем *Советов батрацких депутатов*», указывая при этом, что организация таких хозяйств необходима «в интересах повышения техники производства хлеба и размеров производства, а также в интересах развития рационального крупного хозяйства и общественного контроля над ним»¹². Уже в 1917—1920 гг. преимущественно на базе конфискованных помещичьих имений было создано более 6 тыс. государственных сельскохозяйственных предприятий¹³. В ряде районов возникавшие в те годы образцовые хозяйства — совхозы были специализированными. Декретами СНК РСФСР в июне 1918 г. было организовано значительное число свекловичных и племенных животноводческих совхозов.

Особенности развития советской экономики в первые годы нэпа привели, с одной стороны, к заметному сокращению общей численности совхозов, с другой — к концентрации основной массы совхозов в руках крупных государственных систем (Госсельсиндикат, Сахаротрест, Госсемкультура и т. д.)¹⁴. Июльский (1928 г.) Пленум ЦК ВКП(б), принявший решение о создании крупных высокомеханизированных зерновых

¹⁰ «Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР». Статистический сборник. М.-Л. 1939, стр. 16; «Сельское хозяйство СССР». Статистический сборник. М. 1960, стр. 263.

¹¹ «20 лет Советской власти». Статистический сборник. М. 1937, стр. 49; В. П. Давыдов. Указ. соч., стр. 275.

¹² В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 166.

¹³ В. Н. Лаврентьев. Строительство совхозов в первые годы Советской власти (1917—1920). М. 1957, стр. 90.

¹⁴ И. Е. Зеленин. Совхозы в первое десятилетие Советской власти. 1917—1927. М. 1972, стр. 386.

совхозов, ознаменовал новую веху в совхозном строительстве. Вскоре вступили в строй такие крупные зерновые совхозы, как «Гигант» (Северо-Кавказский край), «Днепропетровский» (УССР), «Борисовский» (Западно-Сибирский край) и др. К началу 1931 г. в системе Зернотреста насчитывалось 183 специализированных зерновых совхоза¹⁵. Постановлением СНК СССР от 13 февраля 1930 г. «О мерах к развитию животноводства» намечалась организация крупных животноводческих совхозов и колхозов, повышение продуктивности ферм¹⁶. Состоявшийся в июне — июле того же года XVI съезд партии указал на необходимость дальнейшего развертывания сети животноводческих совхозов¹⁷. В 1930 г. были созданы тресты «Скотовод», «Свиновод» и «Овцевод», объединявшие соответственно 140, 350 и 115 совхозов¹⁸.

В годы массовой коллективизации сельского хозяйства линия на специализацию была принята и в отношении колхозов. Ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП(б) признал необходимым форсировать развертывание строительства специальных животноводческих, молочных, зерновых и других колхозов. Ориентируя местные партийные организации на специализацию колхозного производства, Коммунистическая партия, конечно, видела ограниченные возможности тогдашних небольших, плохо вооруженных техникой колхозов для решения этой задачи. Поэтому в начале массовой коллективизации ЦК ВКП(б) рекомендовал объединять усилия мелких колхозов «для совместного строительства предприятий, тракторных колонн и крупных машинных станций с конной или смешанной тяговой силой»¹⁹.

В порядке эксперимента партия поощряла инициативу, направленную на создание смешанных колхозно-совхозных объединений с согласованным хозяйственным планом, общей технической базой, общими предприятиями по переработке сельскохозяйственных продуктов, а также установление тесных хозяйственных связей между государственными промышленными предприятиями, с одной стороны, и окружающими колхозами и совхозами — с другой. Постановлениями СНК СССР и правительств союзных республик к 1930 г. предполагалось организовать около 300 крупных аграрно-промышленных комбинатов (площадь землепользования каждого от 100 до 300 тыс. га)²⁰. Однако для широкой организации аграрно-промышленных комбинатов, их успешного функционирования не было еще экономических, технических и организационных условий. Поэтому, как справедливо отмечает И. И. Бодюл, «попытка создания аграрно-промышленных комбинатов оказалась преждевременной, хотя идея комбинирования была правильной»²¹.

Уже на том этапе жизнь внесла коррективы и в направление хозяйственной специализации совхозов и колхозов. Выяснилось, что имевшая место у части совхозов чрезмерная специализация и концентрация земельных угодий при невысоком уровне технической оснащенности также не была оправданна. Монокультура зерна при агротехнике тех лет

¹⁵ М. Л. Богденко. Строительство зерновых совхозов в 1928—1932 гг. М. 1958, стр. 56.

¹⁶ «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам». Т. 2. М. 1967, стр. 179.

¹⁷ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8-е. Т. 4, стр. 453.

¹⁸ «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам». Т. 2, стр. 279.

¹⁹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 4, стр. 349.

²⁰ Е. П. Губин. Указ. соч., стр. 7.

²¹ И. И. Бодюл. Аграрно-промышленные и межколхозные объединения, их роль в социально-экономическом развитии советской деревни. «Проблемы истории современной советской деревни. 1946—1973». М. 1975, стр. 29. Более подробно об этом см. Ю. С. Давыдов, Н. К. Фигуровская. Развитие аграрно-промышленной интеграции в СССР. «Вопросы истории», 1978, № 8.

приводила к снижению урожайности. Опыта руководства крупными специализированными хозяйствами еще не было. Особенно трудно управляемыми были совхозы-гиганты²². При преобладании ручного труда в колхозах неизбежным следствием узкой специализации было чрезмерное сезонное напряжение трудовых и тягловых ресурсов. Животноводческим хозяйствам нелегко было решить проблему кормов, а растениеводческим — рационально использовать побочную продукцию полеводства. Совхозы и колхозы зернового направления без развитого животноводства не могли восполнить органическими удобрениями нехватку минеральных удобрений. Вот почему XVII съезд партии (1934 г.) в постановлении «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.)» среди других мер по подъему совхозного производства указал на необходимость разукрупнения громоздких совхозов, ликвидации их чрезмерной специализированности.

Линия на создание многоотраслевых хозяйств нашла свое отражение и в решениях XVIII съезда ВКП(б) (1939 г.)²³. Если в 1933 г. по расчету на 100 га пашни в зерносовхозах приходилось 0,53 головы крупного рогатого скота, то в 1940 г. — 4,6; свиней соответственно 0,09 и 0,9 головы²⁴. О повороте к многоотраслевому типу хозяйства говорят и следующие данные. В 1930 г. на мясо-молочный совхоз приходилось в среднем 759 га посевов, а в 1940 г. — 3137 га; на свиновхоз соответственно 812 га и 2693 гектара. Однако, несмотря на разукрупнение, совхозы продолжали оставаться крупнейшими сельскохозяйственными предприятиями. В 1940 г. в среднем на совхоз приходилось 14,3 тыс. га земельной, 2,8 тыс. га посевной площади, 592 головы крупного рогатого скота, 459 свиней и 1420 овец и коз²⁵. Недостаточный уровень развития материально-технической базы и концентрации сельскохозяйственного производства не позволил тогда проводить углубленную специализацию колхозов и совхозов, способствовал повороту к многоотраслевому направлению хозяйств²⁶.

Важное значение для повышения продуктивности социалистического сельского хозяйства имела специализация различных почвенно-климатических зон на производстве отдельных видов культур. Эта специализация до революции складывалась стихийно на протяжении длительного времени. В условиях колхозно-совхозного строя оказалось возможным перейти на научные принципы зональной специализации. Еще XVI съездом ВКП(б) (1930 г.) был поднят вопрос о рациональном размещении сельского хозяйства на территории СССР по отраслям

²² В 1931 г. средние размеры земельных угодий одного совхоза Зернотреста составляли 82,6 тыс. га, а некоторые совхозы имели свыше 200 тыс. га земли (И. Е. Зеленин. Зерновые совхозы СССР. М. 1966, стр. 19); см. по этому вопросу также В. И. Зайдинер. Дважды орденоносный (Из истории совхоза «Гигант»). «Вопросы истории», 1978, № 11.

²³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 5, стр. 137; т. 6, стр. 246—247.

²⁴ И. Е. Зеленин. Зерновые совхозы СССР, стр. 63.

²⁵ М. А. Вылцан. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны. М. 1970, стр. 84—85.

²⁶ Исторической обусловленности многоотраслевого хозяйства в некоторых работах дается не совсем правильная оценка. Так, в сборнике статей «Сельскохозяйственное производство — на путь специализации» (Казань. 1965) читаем (стр. 4): «В нашей экономической литературе на протяжении довольно продолжительного времени пропагандировалась теория так называемого многоотраслевого типа хозяйства как якобы самого выгодного и рентабельного. И надо сказать — эта «теория» нанесла немалый вред правильной специализации сельского хозяйства, ибо она на деле звала к универсальному типу хозяйства, несовместимому с рациональным общественным разделением труда, с углубленной и устойчивой специализацией». Вряд ли подобный упрек обоснован. Неправоммерно также видеть причину слабого развития специализации отдельных предприятий лишь в пропаганде той или иной теории. Она определялась прежде всего объективными факторами.

и культурам²⁷. Задача размещения и специализации сельскохозяйственного производства решалась в соответствии с единой народнохозяйственной проблемой рационального размещения производительных сил. В годы социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства быстрыми темпами шел процесс ликвидации унаследованной от капитализма неравномерности в размещении производства, а также деления областей исключительно на промышленные и аграрные, односторонней специализации сельского хозяйства; вокруг крупных городов и промышленных центров начали создаваться картофельно-овощные и животноводческие базы; посевы многих сельскохозяйственных культур продвинулись далеко на север.

Валовая продукция сельского хозяйства в годы второй пятилетки (1933—1937 гг.), то есть в конце переходного от капитализма к социализму периода, по сравнению с 1909—1913 гг. возросла в среднем на 32%, в том числе продукция земледелия на 57% (продукция животноводства снизилась на 10%)²⁸. Рост продукции земледелия осуществлялся преимущественно за счет увеличения посевных площадей; в выходе продукции на единицу площади посева существенных перемен пока не произошло. Урожайность зерновых культур выросла незначительно, а ряда технических культур, посевы которых особенно расширились, даже уменьшилась²⁹. Хотя концентрация сельскохозяйственного производства на данном этапе сводилась преимущественно к увеличению физических размеров хозяйств и, по существу, мало коснулась экономических его показателей, она имела огромное социальное значение. Это был процесс коренной ломки вековых устоев жизни деревни, ликвидации капиталистических форм хозяйства, рождения новых, социалистических производственных отношений и форм организации труда, преодоления мелкособственнической и формирования коллективистской психологии крестьян. В социалистической кооперации крестьянских хозяйств, концентрации сельскохозяйственного производства партия нашла наиболее доступный и легкий для многомиллионных масс крестьянства путь к новой жизни.

Период с конца 30-х годов, когда в нашей стране только завершилось построение основ социализма, до создания зрелого социалистического общества представляет собой следующий большой, обладающий характерными чертами и особенностями этап развития концентрации и специализации сельскохозяйственного производства. Это была концентрация и специализация на базе организационно-хозяйственного укрепления молодых, только что сложившихся социалистических предприятий в деревне, выбора таких путей концентрации и специализации, которые наиболее полно соответствовали бы достигнутому уровню развития производительных сил сельского хозяйства, задачам развития и упрочения социализма.

Наряду с относительно крупными хозяйствами в 30-е и 40-е годы существовало много мелких артелей, образовавшихся на базе отдельных небольших деревень, расположенных преимущественно в Нечерноземной зоне. Экономические возможности мелких колхозов по сравнению с крупными были ограничены. По мере возрастания материально-технической помощи сельскому хозяйству со стороны Советского государства создавались благоприятные предпосылки для укрупнения мелких артелей. Довольно широкое укрупнение колхозов во второй половине 30-х годов проводилось в связи с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 декабря 1935 г. «Об организационно-хозяйственном

²⁷ См. «КНСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 4, стр. 454.

²⁸ «Сельское хозяйство СССР», стр. 21.

²⁹ Там же.

укреплении колхозов и подъеме сельского хозяйства в областях, краях и республиках Нечерноземной зоны»³⁰.

Однако вплоть до 1950 г. укрупнение колхозов не приобрело повсеместного, массового характера. Более того, в военные и первые послевоенные годы в больших масштабах осуществлялось разукрупнение колхозов³¹, что было вызвано тяжелейшими последствиями войны, ослаблением материально-технической базы колхозов, сокращением их трудовых ресурсов. Еще в проекте Наркомзема СССР «О мерах улучшения работы МТС», рассмотренном июньским (1937 г.) Пленумом ЦК ВКП(б) и переданном на обсуждение местных партийных организаций, предусматривалось разукрупнение чрезмерно больших МТС, устанавливались максимальные размеры посевных площадей на одну МТС³². Упорядочение сети МТС посредством разукрупнения громоздких станций, осуществленное в предвоенные, военные и первые послевоенные годы, сыграло определенную роль в улучшении производственно-технического обслуживания колхозов. Для организационно-хозяйственного укрепления колхозов в годы третьей и четвертой пятилеток большое значение имели также меры, направленные на соблюдение Устава сельскохозяйственной артели, в частности возвращение колхозам разбазаренной по разным причинам части общественных земель.

Коммунистическая партия и Советское правительство, приступая в начале 1950 г. к массовому укрупнению колхозов, когда их материально-техническая база, подорванная в годы войны, значительно укрепилась, исходили из ленинских указаний о превосходстве крупного хозяйства и необходимости соответствия хозяйственных форм и производственных отношений уровню и характеру производительных сил. Общее количество сельхозартелей с 252 146 в конце 1949 г. уменьшилось до 94 834 в конце 1952 года. За то же время число наличных трудоспособных на один колхоз увеличилось со 113 до 286; размеры посевной площади — с 456 до 1384 га, количество крупного рогатого скота — с 85 до 285 голов; рабочих лошадей — с 19 до 65 голов; стоимость основных средств производства — со 172,4 тыс. до 613,7 тыс. рублей³³.

В целом укрупнение колхозов явилось важной вехой в дальнейшей концентрации социалистического сельскохозяйственного производства, обеспечившей повышение уровня обобществления средств производства, более рациональное использование финансовых и материальных ресурсов, рабочей силы, улучшение организации труда и укрепление хозяйств квалифицированными кадрами руководителей и специалистами³⁴. Вместе с тем при проведении этого мероприятия были допущены определенные просчеты. В одних случаях укрупнение сводилось не к коренным изменениям в организации и технологии производства, а к простому объединению руководства тех же мелких артелей, то есть это была не концентрация производства, а централизация руководства им. В других случаях проявилась тенденция к созданию громоздких, экономически не обоснованных и трудноуправляемых хозяйств. Здесь не последнюю роль сыграло определенное отставание экономической науки от практики социалистического строительства, неразработанность вопроса об оптимальном размере социалистического сельскохозяйственного

³⁰ «Собрание законов и распоряжений СССР», 1935, № 65, ст. 520. Комплексная программа подъема сельского хозяйства Нечерноземья предусматривается в постановлении ЦК КПСС и СМ СССР от 14 марта 1974 г. «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» («Правда», 15.III.1974).

³¹ В. С. Долгов. Разукрупнение колхозов в первые послевоенные годы (1945—1950 гг.). «Проблемы отечественной истории». Ч. II. М. 1973.

³² См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 5, стр. 290.

³³ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1538, лл. 1, 136, 137, 145, 149.

³⁴ И. М. Волков. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. М. 1972. стр. 210, 212.

предприятия. Рекомендации об оптимальных размерах совхозов появились только в 1962 г., а колхозов — еще позже ³⁵.

Задачи завершения строительства социализма, его упрочения и дальнейшего развития требовали более полного использования движущих сил общественного производства, соблюдения экономического закона планомерного, пропорционального развития всех отраслей народного хозяйства, преодоления отставания сельского хозяйства. Программу подъема сельского хозяйства на рассматриваемом этапе выработал сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС. Материальные ресурсы были перераспределены между городом и деревней таким образом, чтобы, сохраняя темпы преимущественного развития тяжелой индустрии, одновременно укрепить и расширить техническую базу сельского хозяйства, повысить материальную заинтересованность тружеников деревни в развитии общественного производства. Была проведена огромная работа по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, МТС и совхозов, обеспечению их квалифицированными кадрами руководителей и специалистов, лучшему использованию трудовых ресурсов.

С развитием колхозного строя и совершенствованием его материально-технической базы у экономически крепких колхозов появилась реальная возможность перехода к новым формам производственно-технического обслуживания. Проведенная в 1958 г. реорганизация МТС повлияла на дальнейшее значительное укрупнение колхозов. Многие мелкие артели стали объединяться, чтобы иметь возможность приобретать и использовать технику. Число колхозов с конца 1957 до конца 1959 г. уменьшилось (частично за счет преобразования в совхозы) с 76,5 тыс. до 53,4 тысячи. В то же время число колхозных дворов в среднем на один колхоз увеличилось с 245 до 343, а площадь общественных посевов — с 1696 до 2316 гектаров ³⁶. Вместе с тем реорганизация МТС привела к определенному рассредоточению, распылению техники по многим хозяйствам, лишенным зачастую необходимой ремонтной базы; к ухудшению в начале 60-х годов качественных показателей использования техники.

Одним из специфических путей повышения уровня обобществления сельскохозяйственного производства явилось преобразование с середины 50-х годов значительной части колхозов в совхозы. В специальном Положении о порядке передачи совхозам земель и общественного имущества колхозов при преобразовании их в совхозы и порядке расчетов с колхозниками, утвержденном в мае 1957 г., подчеркивалось, что реорганизация колхозов в совхозы может осуществляться только на строго добровольных началах и лишь в том случае, «если целесообразность этой меры не вызывает сомнений» ³⁷. Уже в 50-е годы на базе 8,4 тыс. колхозов (в подавляющем большинстве экономически слабых) было создано 1120 совхозов ³⁸.

В литературе имеются различные оценки характера преобразования экономически слабых колхозов в совхозы. Одни видят в этом закономерный и планомерный путь превращения формы хозяйства, основанной на кооперативно-колхозной собственности, в высшую форму, базирующуюся на общенародной, государственной собственности ³⁹. Однако

³⁵ И. А. Игнатовский. Социально-экономические изменения в советской деревне. М. 1966, стр. 171.

³⁶ М. А. Вылцан. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945—1958). М. 1976, стр. 226.

³⁷ «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам». Т. 4. М. 1958, стр. 726—732.

³⁸ М. Л. Богденко, И. Е. Зеленин. Совхозы СССР. Краткий исторический очерк. М. 1976, стр. 191.

³⁹ В. К. Савосько, И. Ш. Шамшатов. Колхозное строительство в Казахстане. Алма-Ата. 1974, стр. 44—62; Ф. К. Михайлов. Совхозное строительство в Казахстане (1946—1970 гг.). Алма-Ата. 1972, стр. 41.

вряд ли такой путь возможен на основе экономически слабых колхозов. Другие считают это мероприятие вынужденным, чрезвычайным, экстраординарным⁴⁰. При общей оценке преобразования колхозов в совхозы и перспектив этого процесса следует исходить не из того, чтобы «ускорять превращение одной формы в другую», а из того, чтобы «всемерно способствовать развитию и процветанию обоих типов общественного хозяйства»⁴¹.

В 50-е годы совхозы, так же как и колхозы, значительно окрепли в организационно-хозяйственном отношении. С первых лет пятой пятилетки проводилось укрупнение совхозов, получившее особенно широкий размах в 1954—1958 гг., когда только в Российской Федерации было укрупнено 1410 хозяйств. С 1950 по 1958 г. землепользование каждого совхоза увеличилось более чем вдвое (с 12,2 тыс. до 24,9 тыс. га), количество рабочих — с 303 человек до 605 человек. Более чем в 3 раза выросла численность тракторного парка и почти в 2 раза повысилось поголовье коров, свиней и овец⁴². В развитии государственного сектора сельского хозяйства во второй половине 50-х годов примечательной особенностью было также строительство новых совхозов. В 1954—1956 гг. преимущественно в восточных районах страны было создано 686 новых совхозов, а всего за 1954—1958 гг. — 1750⁴³.

В 40-е и 50-е годы продолжалась линия на развитие многоотраслевого типа хозяйства. Февральский (1947 г.) Пленум ЦК ВКП(б) отметил как крупный недостаток в работе совхозов чрезмерную их специализацию, одностороннее направление хозяйства. Пленум обязал Министерство совхозов СССР развивать в совхозах наряду с ведущей отраслью и другие, позволяющие наиболее полно использовать природные и экономические условия отдельных хозяйств⁴⁴. К концу четвертой пятилетки большинство совхозов отказалось от односторонне зернового направления в полеводстве, значительно расширив посевы кормовых культур для животноводства. Узкоспециализированными оставались лишь племенные, садоводческие, овощеводческие и некоторые другие хозяйства⁴⁵. Если позволял достигнутый уровень производительных сил, укрупненные колхозы также развивались как многоотраслевые хозяйства. Февральский (1958 г.) Пленум ЦК КПСС отметил, что «укрупненные колхозы за последние годы стали экономически более сильными, многоотраслевыми, технически оснащенными хозяйствами»⁴⁶.

В развитии зональной специализации сельского хозяйства уже в предвоенные годы вполне определенно проявилась тенденция к распространению зерновых посевов на восток страны. В апреле 1940 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР: Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Омской, Челябинской, Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Кустанайской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей»⁴⁷. Это постановление предусматривало и освоение определенного количества целинных земель.

⁴⁰ М. Л. Богденко. Совхозы СССР. 1951—1958. М. 1972, стр. 171; И. М. Волков. Некоторые вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства в послевоенные годы. «История СССР», 1973, № 1, стр. 13.

⁴¹ «Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. 24—26 марта 1965 года». Стенографический отчет. М. 1965, стр. 27.

⁴² М. Л. Богденко, И. Е. Зеленин. Указ. соч., стр. 193.

⁴³ Там же, стр. 184.

⁴⁴ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 6, стр. 246.

⁴⁵ И. Е. Зеленин. Совхозы СССР (1941—1950 гг.). М. 1969, стр. 166.

⁴⁶ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 7, стр. 318.

⁴⁷ «Правда», 21.IV.1940.

Массовое освоение земельного запаса СССР началось в середине 50-х годов. Именно в эти годы потребность получить хлеб с целинных земель соединилась с реальной возможностью выполнить эту историческую задачу. «На целине,— подчеркнул в своих воспоминаниях Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев,— миллионы советских людей продолжали делать опыт революции, умножали в новых исторических условиях ее завоевания, творили живой опыт победоносного строительства развитого социализма»⁴⁸. Только за три года совхозами и колхозами Казахстана, Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской и Омской областей, Урала и Дальнего Востока было вспахано более 32 млн. гектаров⁴⁹.

В результате последовательного внедрения плановых начал в развитие народного хозяйства в стране сложились крупные специализированные зоны товарного производства зерна, хлопка, сахарной свеклы, льна-долгунца, картофеля и овощей, фруктов, чая, молока, шерсти⁵⁰.

Валовая продукция сельского хозяйства в 1959 г. по отношению к довоенному, 1940 г. увеличилась на 56%, в том числе земледелия — на 40% и животноводства — на 91%. Об улучшении качественных показателей сельскохозяйственного производства за это время говорят следующие данные: урожайность с 1 га зерновых культур повысилась (в центнерах) с 8,2 до 10,5, хлопка-сырца — с 10,8 до 21,7, сахарной свеклы — со 146 до 159, льноволокна — с 1,7 до 2,3⁵¹. Рост валовой продукции и улучшение качественных показателей сельского хозяйства стали возможными благодаря организационно-хозяйственному укреплению колхозов и совхозов, тем мероприятиям, которые проводились партией и государством по развитию концентрации и специализации сельскохозяйственного производства. В развитии концентрации и специализации это был сложный период поиска наиболее оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий, их рационального направления, своего рода перегруппировки производительных сил и совершенствования производственных отношений в соответствии с задачами завершения строительства социализма, его развития и упрочения. В борьбе за создание зрелого социалистического общества существенно изменились социальный облик крестьянина, его политическая сознательность, культурно-технический уровень, материальное положение.

Построение развитого социалистического общества в СССР означало переход к новому этапу в развитии концентрации и специализации сельскохозяйственного производства. При определении времени вступления СССР в период зрелого социализма необходимо, как нам представляется, в полной мере учитывать состояние дел в аграрном секторе экономики страны. С этой точки зрения ближе к истине стоят те авторы, которые относят вступление СССР в период развитого социализма ко второй половине 60-х годов⁵², когда в ряду других грандиозных перемен в жизни нашего общества в аграрном секторе на основе решений мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС были осуществлены широкие социально-экономические мероприятия, сложился единый мощный народнохозяйственный комплекс. Если на предыдущих этапах исторического развития концентрация ограничивалась преимущественно простым объединением хозяйств, увеличением их размеров, а специализация не была глубокой и устойчивой, то теперь на основе интен-

⁴⁸ Л. И. Брежнев. Целина. М. 1978, стр. 5.

⁴⁹ См. Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 4. М. 1974, стр. 439.

⁵⁰ «Сельское хозяйство Советского Союза. XIV Международная конференция экономистов сельского хозяйства (г. Минск. 1970 г.)». М. 1970, стр. 79—80.

⁵¹ «Сельское хозяйство СССР», стр. 21, 208—209.

⁵² В. И. Касьяненко. Развитой социализм: историография и методология проблемы. М. 1976; Ф. Н. Гельбух, П. П. Лопата. Развитое социалистическое общество: историческое место и основные черты. М. 1976.

сификации, использования экономических рычагов и дальнейшего разделения труда происходят коренные изменения в самой технологии сельскохозяйственного производства, зарождаются более высокие формы концентрации и специализации сельского хозяйства на базе межхозяйственного кооперирования и агропромышленного интегрирования.

За десятилетие, истекшее после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, колхозы выделили на капитальные вложения более 75 млрд. руб.— почти в 1,5 раза больше, чем за все предыдущие годы. В целом по сельскому хозяйству капитальные вложения за годы восьмой и девятой пятилеток составили 213 млрд. руб. (из 320 млрд. руб. за все годы Советской власти). В расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий суммарные капитальные вложения колхозов и государства увеличились за этот период с 2,1 тыс. до 5,9 тыс. рублей⁵³. Вследствие укрупнения артелей и частичного их преобразования в совхозы общее число колхозов с 1960 по 1975 г. сократилось с 44,9 тыс. до 29 тысяч. За то же время количество колхозных дворов в среднем на одно хозяйство увеличилось с 383 до 473; площадь общественных посевов — с 2,7 тыс. до 3,4 тыс. га; численность крупного рогатого скота — с 807 до 1664 голов; тракторов (в пересчете на 15-сильные) — с 24 до 105. Если в 1959 г. стоимость неделимых фондов одного колхоза составляла 324,5 тыс. руб., то в 1975 г. — 3216 тыс. рублей⁵⁴.

Колхозная собственность не только выросла количественно, в ней произошли качественные изменения, свидетельствующие о ее сближении с государственной формой собственности. Основные средства производства первых колхозов представляли собой сложение простого крестьянского инвентаря — конных плугов, борон, сеялок, телег, мелкого инвентаря, обобществленного рабочего и продуктивного скота. По мере развития колхозов у них появилась современная крупная сельскохозяйственная техника. Колхозная собственность выросла за счет увеличения количества построек хозяйственного и культурно-бытового назначения, увеличения численности продуктивного скота. По структуре производственных фондов колхозы сближаются с совхозами⁵⁵.

Решения мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС открыли новую главу и в истории совхозов. За 10 лет, истекших после пленума, государством было направлено на развитие совхозного производства 67,5 млрд. руб. капитальных вложений — в 2,7 раза больше, чем за все предыдущие годы существования совхозной системы. В результате основные производственные фонды совхозов увеличились за это время более чем в 2 раза и составили к началу 1974 г. 55,6 млрд. рублей⁵⁶. Уже в 1968 г. совхозами и другими государственными сельскохозяйственными предприятиями производилось 38% всей товарной продукции сельского хозяйства⁵⁷. Для сравнения отметим, что в 1928 г. на долю совхозов приходилось всего 1,5% общей валовой продукции сельского хозяйства⁵⁸.

Совхозы, уступая колхозам по объему производства, значительно превосходят их по уровню концентрации средств производства. В 1975 г. на совхоз приходилось посевной площади 5,9 тыс. га (в колхозе — 3,4 тыс.), крупного рогатого скота 1973 головы (в колхозе — 1664)⁵⁹.

⁵³ «Курсом мартовского Пленума». М. 1975, стр. 308; «Правда», 25.II.1976.

⁵⁴ «Сельское хозяйство СССР», стр. 56—59; «Сельское хозяйство СССР». Статистический сборник. М. 1971, стр. 483; «Народное хозяйство СССР в 1975 г.». Статистический ежегодник. М. 1976, стр. 309, 415.

⁵⁵ В. Б. Островский. Колхозное крестьянство СССР. Саратов. 1967, стр. 57—67; «Советская деревня на современном этапе». Воронеж. 1974, стр. 75.

⁵⁶ «Курсом мартовского Пленума», стр. 312.

⁵⁷ «Народное хозяйство СССР в 1968 г.». Статистический ежегодник. М. 1969, стр. 323.

⁵⁸ «Победы социалистического сельского хозяйства». М. 1939, стр. 64.

⁵⁹ «Народное хозяйство СССР в 1975 г.», стр. 309, 436.

Фондо- и энерговооруженность труда в совхозах выше, чем в колхозах, соответственно в 1,8 и 1,7 раза. К 1975 г. из общего количества работников, непосредственно участвующих в сельскохозяйственном производстве совхозов (без руководителей и специалистов), механизированным трудом было занято около 28%, в колхозах — 19%. Хотя общая численность работников, занятых в сельскохозяйственном производстве совхозов, в 1,8 раза меньше, чем в колхозах, годовая производительность их труда в 1,35 раза выше⁶⁰.

После победы колхозного строя многие годы обобществление сельскохозяйственного производства шло преимущественно по линии увеличения размеров хозяйств; в условиях зрелого социализма оно стало развиваться в направлении межхозяйственной кооперации. Важнейшей ее формой является производственная кооперация колхозов. Межколхозные производственные связи на первых порах охватывали преимущественно строительство. Особенно широко они были распространены на Украине, где в 1958 г. 390 межколхозных строительных организаций обслуживали 68,7% всех колхозов⁶¹. В последующие годы производственные связи развернулись и в других сферах деятельности колхозов. В 1970 г. в стране насчитывалось уже 4554 межколхозных объединения, организации и предприятия, число пайщиков в которых составляло более 64 тыс. (некоторые колхозы являлись пайщиками одновременно двух и более межколхозных объединений). Из общего числа этих объединений, имеющих один вид деятельности, было: строительных — 2432, по производству строительных материалов — 146, лесхозов (лесничеств), лесоучастков — 288, заводов по производству кормов — 77, по переработке сельскохозяйственных продуктов — 14, откормочных животноводческих пунктов — 272, птицефабрик и птицеферм — 574, пунктов по искусственному осеменению сельскохозяйственных животных — 26, прочих производств и организаций — 321. Кроме того, существовало 299 межколхозных объединений и организаций со смешанными видами деятельности⁶². Образование и развитие межколхозных объединений представляют собой крупный шаг по пути сближения колхозной собственности с всенародной.

Другой важнейшей формой межхозяйственной кооперации являются колхозно-совхозные объединения. Их создание значительно ускоряет процессы сближения колхозно-кооперативной собственности с государственной, углубления их взаимодействия, взаимопроникновения, комбинирования и слияния в будущем в единую коммунистическую собственность. Совхозно-колхозные объединения существуют во всех союзных республиках. Так, в Литовской ССР в 1974 г. действовало 41 объединение, в которых участвовало 64,8% колхозов и 64,3% совхозов республики. В начале 1975 г. было создано еще 19 объединений с участием 15,5% колхозов и 13,2% совхозов республики⁶³.

В 1976 г. в стране функционировало более 7 тыс. межхозяйственных предприятий, организаций и объединений, основные фонды которых (кроме строительных предприятий) составляли 3576,8 млн. руб., а среднесписочная численность работников — 366,6 тыс. человек⁶⁴. К середине 1978 г. численность межхозяйственных и агропромышленных предприя-

⁶⁰ «Проблемы преодоления социально-экономических различий между городом и деревней». Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов. М. 1975, стр. 88.

⁶¹ П. Першин. Сближение колхозно-кооперативной собственности с общенародной. «Вопросы экономики», 1959, № 5, стр. 27.

⁶² «Сельское хозяйство СССР». М. 1971, стр. 576.

⁶³ «Проблемы преодоления социально-экономических различий между городом и деревней». Всесоюзная научная конференция. Тезисы выступлений. Вып. 1. М. 1975, стр. 40.

⁶⁴ «Народное хозяйство СССР за 60 лет». Юбилейный статистический ежегодник. М. 1977, стр. 358, 364.

тий и объединений превысила 8 тысяч⁶⁵. Уже к концу девятой пятилетки в среднем каждый колхоз состоял в двух и более межхозяйственных организациях, а каждый третий совхоз являлся пайщиком межхозяйственной кооперации. Почти 96% межхозяйственных формирований занимались одним видом деятельности. Это значит, что хозяйства не просто создавали более крупные предприятия, но и организовывали совместные специализированные производства с применением новой технологии, что обеспечивало получение более высоких экономических показателей⁶⁶.

В последние годы все более широкое распространение получает межхозяйственное использование машинного парка. В Молдавской ССР, например, объединения по механизации стали возникать вскоре после реорганизации МТС. Колхозы пришли к выводу о нецелесообразности распыления по хозяйствам мощных, дорогостоящих машин и агрегатов и по собственной инициативе, поддержанной райкомами партии, стали создавать межколхозные технические отряды и объединения. В 1977 г. в 30 из 36 сельских районов Молдавской ССР работали межхозяйственные объединения по механизации и электрификации. По решению общих собраний колхозников этим объединениям переданы техника, ремонтные мастерские и полевые станы, на базе которых создаются территориальные станции технического обслуживания машин. В объединениях по механизации сконцентрировано 85% тракторов, 88% — комбайнов, $\frac{2}{3}$ — другой техники колхозов республики. В Молдавской ССР, где объединения функционируют уже в течение трех лет, в среднем на одного механизатора выработано 898 эталонных гектаров пахоты, что на 35% больше, чем в колхозах. Опыт по групповому использованию техники накоплен и некоторыми другими районами страны. Летом 1977 г. широкое распространение получила одобренная ЦК КПСС инициатива тружеников Ипатовского района Ставропольского края по организации комплексных уборочно-транспортных отрядов. На Украине, например, работало около 15 тыс. таких транспортно-уборочных отрядов⁶⁷.

Переход к совместной эксплуатации техники имеет громадное значение для решения такой важной социально-экономической проблемы, как выравнивание производственных возможностей хозяйств, использование достижений технического прогресса. Там, где имеются объединения, на полях всех колхозов (экономически крепких и слабых, крупных и мелких) применяется одинаково мощная техника по энергонасыщенности, агрегатированию, способная обеспечить комплексную механизацию производственных процессов. «Межхозяйственная кооперация, — подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции», — расширяет масштабы и возможности колхозного и совхозного производства, повышает уровень его концентрации без чрезмерного укрупнения и образования неуправляемых хозяйств. Все это способствует наращиванию производства сельскохозяйственной продукции и решению большой социальной задачи: повышению уровня обобществления колхозного производства, совершенствованию общественных отношений, сближению двух форм социалистической собственности, постепенному устранению существенных различий между городом и деревней⁶⁸.

⁶⁵ См. Л. И. Брежнев. О дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 3 июля 1978 года. Постановление Пленума ЦК КПСС, принятое 4 июля 1978 года. М. 1978, стр. 34.

⁶⁶ «Проблемы совершенствования социально-экономических отношений в сельском хозяйстве». М. 1975, стр. 46.

⁶⁷ «Правда», 10.I.1978.

⁶⁸ «Правда», 2.VI.1976.

После мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС были созданы благоприятные условия для углубленной и устойчивой специализации совхозов и колхозов. Например, если ранее $\frac{4}{5}$ хозяйств (158 колхозов и 188 совхозов) Пензенской области производили самую разнообразную товарную продукцию растениеводства и 95% хозяйств продавали государству почти все виды животноводческой продукции, то уже к концу восьмой пятилетки (1970 г.) выращиванием товарного зерна занималось 270 хозяйств, сахарной свеклы — 159, конопли, подсолнечника и картофеля — 62, откормом свиней — 60 (вместо 221). Молочный скот разводили все колхозы и совхозы области, а для 61 предприятия эта отрасль стала ведущей. Каждое свиноводческое хозяйство давало по несколько тысяч центнеров продукции, а вместе — 55—60% всей свинины, которую область продавала государству. Специализация позволила повысить производительность труда в свиноводстве на 20%, сократить расход кормов почти на 10%, снизить себестоимость на 12%⁶⁹.

Из 543 колхозов Молдавской ССР уже к 1968 г. узкую специализацию приобрело 51 хозяйство, 309 колхозов имели по две и 56 — по три ведущих отрасли. Около $\frac{1}{3}$ колхозов обеспечивали 62% валового сбора винограда (добиваясь рентабельности в 100—120%, в то время как в среднем по республике она составляла 76%). $\frac{1}{3}$ часть хозяйств располагала 44% плодоносящих садов и давала 52% сбора фруктов (при рентабельности 144%). Промышленное производство овощей сосредоточивалось в 16% колхозов, производивших 68% валового сбора овощных культур⁷⁰.

Специализация сельскохозяйственного производства — процесс многогранный. Одновременно со специализацией предприятий развивается и их внутрихозяйственная специализация. Она протекает преимущественно по пути сокращения количества товарных отраслей до рационального минимума при оптимальном их сочетании. Количество товарных отраслей в среднем на один совхоз страны сократилось с 4,9 в 1967 г. до 4,2 в 1974 году. За тот же период заметно — с 21 до 34% — увеличился удельный вес совхозов с более четким разделением труда (до 3 товарных отраслей). В РСФСР доля таких хозяйств возросла с 19 до 38%, в Молдавии — с 10 до 29%. Лишь за два года (1973 и 1974) доля многоотраслевых совхозов страны (с 6 и более отраслями) снизилась с 28 до 22%⁷¹. Как отмечается в уже упоминавшемся Постановлении ЦК КПСС, опубликованном 2 июня 1976 г., необходимо углублять дальше зональную специализацию. Плановые, сельскохозяйственные органы призваны всемерно ее совершенствовать, добиваясь рационального использования земли, благоприятных природно-климатических и экономических условий каждого района страны для получения большего количества сельскохозяйственной продукции и снижения затрат. Особое внимание партия уделяет Нечерноземной зоне.

Высшей формой специализации, возникшей в условиях зрелого социализма, является специализация на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. Преимущества и положительное воздействие углубленной специализации и концентрации на экономику видны на многочисленных примерах работы крупных животноводческих ферм, комплексов и других межхозяйственных предприятий Молдавии, Белоруссии, Украины, Краснодарского края, Марийской АССР, Воронежской, Пензенской и ряда других областей. Как показывает опыт, затраты труда на производство единицы продукции в специализирован-

⁶⁹ «Сельское хозяйство Советского Союза. XIV Международная конференция экономистов сельского хозяйства (г. Минск. 1970 г.)», стр. 89.

⁷⁰ Б. К. Визер. Развитие сельского хозяйства Молдавской ССР. 1951—1970. Кишинев, 1975, стр. 242.

⁷¹ Б. Плешаков. Развитие специализации и концентрации. «Экономика сельского хозяйства», 1976, № 9, стр. 29.

ных хозяйствах в 2,5—3 раза, а себестоимость в 1,5—2 раза ниже, чем в неспециализированных⁷².

Усиление экономических связей сельского хозяйства с промышленностью, превращение некоторых видов производства, до сих пор осуществляющихся в значительной мере внутри сельского хозяйства, в специализированные индустриальные отрасли (кормопроизводство, хранение, доработка и переработка сельскохозяйственной продукции) привели к развитию межотраслевой интеграции, созданию аграрно-промышленных комплексов (АПК), или, точнее, объединений, но уже на новой, более высокой, чем в конце 20-х — начале 30-х годов, материально-технической основе⁷³.

В углублении процесса агропромышленной интеграции, перевода сельского хозяйства на индустриальную основу все больше возрастает роль рабочего класса, социалистической промышленности как на стадии, предшествующей труду земледельца и животновода, так и на последующих стадиях: с одной стороны, это — постоянное повышение и совершенствование производства сельскохозяйственной техники, удобрений, комбикормов и других материально-технических средств; с другой — улучшение системы хранения, переработки и транспортировки сельскохозяйственной продукции. «Производственная смычка между городом и деревней, основанная на братском содружестве рабочих и крестьян, сыгравшая большую роль на предыдущих этапах социалистического строительства, — указывается в том же Постановлении ЦК КПСС, — в дальнейшем закономерно перерастает в более высокую форму производственно-экономического сотрудничества сельского хозяйства с промышленностью, которую В. И. Ленин называл соединением промышленности и земледелия на основе сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда»⁷⁴.

Во многих республиках, краях и областях специализация и концентрация на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции сделали только первые шаги. В этом важном деле были допущены и просчеты: в одних случаях много мелких ферм, попав в разряд «неперспективных», было ликвидировано, в других — сложная задача перестройки сельского хозяйства, перевода его отраслей на промышленную основу решалась некомплексно, без достаточного научного обоснования. Газета «Правда» сообщала, например, что в Тамбовской области слишком увлеклись созданием крупных откормочников, упустив из поля зрения другие, во многом решающие звенья — репродукцию и доращивание молодняка, развитие кормовой базы. В результате мощные животноводческие комплексы, созданные в области, не дали должного эффекта⁷⁵.

Июльский (1978 г.) Пленум ЦК КПСС в своем постановлении отметил, что межхозяйственная кооперация пока слабо охватывает полеводство, мелиорацию земель, химизацию сельского хозяйства и использование техники⁷⁶. Предупреждая как против неоправданной медлительности, так и против поспешности в этом важном деле, Л. И. Брежнев особо подчеркнул значение правильного выбора лучших организационных форм специализации и концентрации на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции применительно к различным отраслям и направлениям сельского хозяйства: «Нам нужны не всякие объединения, а те, которые действительно поднимают на новую ступень социалистическое обобществление производства и труда, базируются на новейших достижениях науки, техники и технологии,

⁷² «Правда», 2.VI.1976.

⁷³ Подробнее см. Ю. С. Давыдов, Н. К. Фигуровская. Указ. соч.

⁷⁴ «Правда», 2.VI.1976.

⁷⁵ «Правда», 29, 30.I.1978.

⁷⁶ «Правда», 5.VII.1978.

обеспечивают наивысшую производительность и дают максимум дешевой продукции»⁷⁷.

Дальнейший рост производительных сил СССР объективно требует принципиально нового, комплексного подхода к организации сельскохозяйственного производства, его концентрации и более глубокой специализации, объединения усилий хозяйств в целях широкого использования достижений научно-технического прогресса. За годы, прошедшие с мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, «на новую ступень поднялись производительные силы деревни, возросли масштабы производства в колхозах и совхозах, получили дальнейшее развитие обобществление и разделение труда, расширились и усложнились экономические связи отраслей агропромышленного комплекса»⁷⁸. О подъеме сельскохозяйственного производства в условиях развитого социализма можно судить по следующим данным. В 1978 г. собран наивысший за всю историю страны урожай зерновых — 235 млн. тонн. Среднегодовой объем валовой продукции сельского хозяйства за последние семь лет возрос в 1,4 раза по сравнению с таким же периодом до мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. Производство зерна увеличилось на 61,5 млн. т, хлопка-сырца — на 3 млн. т, сахарной свеклы — на 25 млн. тонн. Выросли урожайность и валовые сборы всех других сельскохозяйственных культур. За это же время среднегодовой объем продукции животноводства возрос на 45%, производство мяса увеличилось с 9,2 до 14 млн. т, молока — с 63,9 до 88,8 млн. т, яиц — до 53,5 млрд. шт., или в 1,9 раза⁷⁹. Характерно, что этот рост валовой продукции достигнут почти исключительно за счет усиления интенсификации и улучшения качественных показателей земледелия и животноводства. С 1965 по 1976 г. прямые затраты труда (человеко-часов) уменьшились в колхозах на производство 1 ц зерна с 4,7 до 1,4; хлопка-сырца — с 40 до 35; картофеля — с 5,5 до 3 и т. д.⁸⁰. В совхозах уменьшение затрат труда было еще ощутимее.

Отметив большое значение работы, проведенной со времени мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС по подъему сельского хозяйства, июльский (1978 г.) Пленум ЦК КПСС вместе с тем подчеркнул, что общий уровень развития этой жизненно важной отрасли еще не отвечает быстрорастущим потребностям общества⁸¹. Пленум выработал широкую программу дальнейшего укрепления материально-технической базы сельского хозяйства, улучшения организации производства, повышения его эффективности, с тем чтобы в самое ближайшее время гораздо полнее удовлетворять потребности в продуктах питания и сырье. «Ради роста производства зерна, мяса, овощей, — отмечает Л. И. Брежнев, — мы выделяем теперь огромные материальные и денежные ресурсы... Внедряем новейшую технику, перевооружаем сельское хозяйство, последовательно вводим специализацию и концентрацию производства, принимаем такие комплексные программы, как преобразование исконных русских земель Нечерноземья — это сегодня наш передний край»⁸².

Подъем сельского хозяйства, развитие межхозяйственного кооперирования и агропромышленного интегрирования имеют не только большое производственно-экономическое значение, но и далеко идущие социальные последствия. В социалистическом сельском хозяйстве, основанном на общественной собственности на средства производства, специализация и концентрация направлены на ускорение роста производи-

⁷⁷ Л. И. Брежнев. О дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР, стр. 36.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ «Правда», 5.VII, 28.XI.1978.

⁸⁰ «Народное хозяйство СССР за 60 лет», стр. 374.

⁸¹ См. Л. И. Брежнев. О дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР, стр. 10, 49—53.

⁸² Л. И. Брежнев. Пелена, стр. 62.

тельных сил и совершенствование производственных отношений. Межхозяйственная кооперация — это шаг вперед в повышении уровня обобществления колхозно-кооперативной собственности, ее сближении с общенародной, государственной собственностью. По отношению к средствам производства и другим важнейшим классовообразующим признакам колхозник, участвующий в такой кооперации, уже отличается от «традиционного» колхозника, труд которого базируется на средствах производства одной артели. Меняется и социально-экономическая сущность работников государственно-кооперативных предприятий, где формируется новый тип работника — «колхозника-рабочего». Специализация и концентрация сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции, перевод некоторых отраслей сельского хозяйства на промышленную основу, химизация и мелиорация земледелия — все это активно содействует превращению сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального.

В соответствии с важнейшими периодами истории советского общества, его закономерностями в развитии концентрации и специализации сельскохозяйственного производства в СССР, таким образом, можно выделить три крупных этапа. Переходный от капитализма к социализму период был вместе с тем этапом становления в сельском хозяйстве социалистических форм концентрации средств производства и специализации. В период борьбы за развитие и упрочение социализма, создание зрелого социалистического общества происходило дальнейшее повышение уровня концентрации сельскохозяйственного производства на основе организационно-хозяйственного укрепления колхозов и совхозов. Концентрация производства сопровождалась специализацией крупных зон и регионов страны. Наиболее характерной и целесообразной структурой общественного производства в колхозах и совхозах на этом этапе было многоотраслевое хозяйство. Построение развитого социалистического общества ознаменовалось зарождением и развитием новых форм концентрации и специализации сельского хозяйства на базе межхозяйственного кооперирования и агропромышленного интегрирования.

Дальнейшее углубление научно-технической революции в условиях социалистической системы хозяйства закономерно создает необходимые материальные предпосылки для полного преодоления социального неравенства и социальных различий, построения бесклассового коммунистического общества. В решении грандиозных социально-экономических задач Коммунистическая партия всегда опиралась и опирается на опыт и достижения предшествующих этапов исторического развития.

ПОБЕДА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

И. П. Осадчий

В. И. Ленин неоднократно отмечал огромную важность исторического опыта партии в осуществлении социалистической революции на местах, в различных районах страны. «Мы убеждены,— писал он,— что если наша революция достигла настоящих успехов, то это потому, что именно власти на местах, опыту самих мест мы всегда уделяли самое главное внимание»¹. Поэтому необходимо исследовать не только общие закономерности революции, но и особенности борьбы за победу Советской власти (и соответственно — тактики большевиков) в различных районах страны, проявлявшиеся в силу специфических условий их социально-экономического развития, своеобразия политической обстановки и расстановки классовых сил. К числу таких районов относится и Северный Кавказ². «Если припомните два года борьбы,— говорил Ленин в ноябре 1919 г.,— вы увидите, что... даже в некоторых великорусских частях России, где было особенного состава население, например, в казачьих... движение к победе шло не так быстро и не тем путем, как шло в Петербурге и в Москве — в центре России»³.

Тема социалистической революции на Северном Кавказе уже привлекала внимание советских историков. В первое десятилетие после гражданской войны были опубликованы очерки и статьи по различным вопросам и эпизодам революции в отдельных районах края⁴. Были также предприняты первые попытки воссоздания общей картины подготовки и осуществления социалистической революции и борьбы за Советскую власть во всех районах Северного Кавказа⁵. Заметный шаг в исследовании истории социалистической революции на Северном Кавказе произошел в 30—40-х годах⁶ и особенно в послевоенный период, когда

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 249.

² В данной статье речь пойдет о победе социалистической революции в Предкавказье: в Кубанской и Терской областях, в Ставропольской и Черноморской губерниях.

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 302.

⁴ К. Бутаев. Борьба горцев за революцию. Владикавказ. 1922; Г. Ладоха. Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар. 1923; А. Метелев. Кубанское крестьянство в борьбе с корниловщиной. «Пролетарская революция», № 4 (51), 1926; Ф. Головенченко и др. 1917 год в Ставропольской губернии. Ставрополь. 1927; Я. Ратгаузер. Революция и гражданская война на Тереке (1917—1918 гг.). Баку 1927; Х. Ошаев. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный. 1927; Л. Ильин. Казачество Северного Кавказа в революции 1917 года. «Пролетарская революция», 1928, № 2(73).

⁵ Н. Л. Яичевский. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Тт. 1—2. Ростов-н/Д. 1927; его же. Краткий очерк истории революции на Юго-Востоке (1917—1920 гг.). Ростов-н/Д. 1929; его же. От победы к победе (Краткий очерк гражданской войны на Северном Кавказе). Ростов-н/Д. 1931; И. П. Борисенко. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. Тт. 1—2. Ростов-н/Д. 1930.

⁶ Н. Г. Буркин. Октябрьская революция и гражданская война в горских районах Северного Кавказа. Ростов-н/Д. 1933; Н. Г. Буркин и др. Октябрь на Северном Кавказе. Ростов-н/Д. 1934; Я. Н. Раенко. Из истории большевистских организаций Кубано-Черноморья (1914—1920 гг.). Краснодар. 1940; И. М. Разгон. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. М. 1941; и др.

были изданы десятки трудов о борьбе за Советскую власть в различных районах Северного Кавказа: на Тереке и в Ставрополье, на Кубани и в Черноморье⁷. Обстоятельное освещение получил процесс развития и победы социалистической революции в Дагестане.

Наиболее значительными работами по истории борьбы за Советскую власть на Северном Кавказе, изданными в последние годы, являются труды, в которых в едином комплексе исследуется деятельность большевистских организаций Северного Кавказа в период подготовки и осуществления социалистической революции и содержится глубокий анализ социально-экономических и политических отношений того времени в данном регионе⁸. В коллективной монографии, опубликованной в канун 60-летия Великого Октября⁹, дана общая картина подготовки и осуществления социалистической революции на Дону и Северном Кавказе, отражены некоторые особенности тактики большевиков в революции.

Таким образом, общая картина революционной борьбы трудящихся под руководством ленинской партии на Дону и Северном Кавказе в основном воссоздана: освещены социально-экономическое развитие и политическая обстановка в канун революции, важнейшие периоды ее развития, сложность и острота классовой борьбы, отягощенной сословными и национальными противоречиями, в общем плане раскрыта деятельность большевистских организаций по завоеванию широких масс трудящихся на свою сторону и по разоблачению предательской линии меньшевиков и эсеров, исследованы некоторые вопросы тактики большевиков в революции. Вместе с тем анализ имеющихся работ свидетельствует о том, что еще не полностью изучен в едином плане процесс развития и победы социалистической революции в целом на Северном Кавказе: нуждаются в дальнейшей разработке такие принципиально важные вопросы, как расстановка классовых сил в революции, специфические особенности борьбы за установление Советской власти и особенности тактики большевиков в различных районах Северного Кавказа. Заслуживает более глубокого исследования и более полного отражения роль ЦК партии и Ленина в организации победы Советской власти в данном регионе. Ниже автор останавливается на некоторых из указанных вопросов, пытаясь показать общее и особенное в борьбе за победу социалистической революции в различных районах Северного Кавказа.

Ленин писал, что «в тех местностях России, где не было крепостного права, где за земледелие брался всецело или главным образом

⁷ Г. Е. Улько. Октябрь на Черноморье. Краснодар. 1957; Н. И. Иванько. За власть Советов. Ставрополь. 1957; Х. Бербекоев. Борьба трудящихся Кабарды и Балкарии за власть Советов. Нальчик. 1957; Р. Х. Ругов и У. А. Улигов. Борьба трудящихся за власть Советов в Кабарде и Балкарии. Нальчик. 1957; М. С. Тотоев. Очерки истории революционного движения в Северной Осетии (1917—1920 гг.). Орджоникидзе. 1957; Е. П. Киреев. Пролетариат Грозного в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный. 1962; Ш. М. Магомедов. Октябрь на Тереке и в Дагестане. Махачкала. 1965; Д. З. Коренев. Революция на Тереке. Орджоникидзе. 1967; М. А. Абазатов. Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии за Советскую власть. Грозный. 1969; К. Т. Лайпанов. Октябрь в Карачаево-Черкесии. Черкесск. 1971; А. И. Козлов. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов. Ростов-н/Д. 1972; И. П. Осадчий. Октябрь на Кубани. Краснодар. 1977.

⁸ Г. К. Долунц. Киров в революции. Краснодар. 1967; его же. Киров на Северном Кавказе. М. 1973; Л. А. Этенко. Большевистские организации Дона и Северного Кавказа в борьбе за власть Советов. Ростов. 1972; его же. Ленин и горцы Северного Кавказа. Орджоникидзе. 1975; Р. Х. Ругов. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик. 1975; В. А. Занин. Ленинское учение о революционно-демократической диктатуре и Советы. Краснодар. 1975; Б. П. Екати. Большевики Терека — организаторы борьбы трудящихся за победу и упрочение Советской власти в Северной Осетии. Орджоникидзе. 1976; А. И. Козлов. На историческом повороте. Ростов-н/Д. 1977.

⁹ «Октябрь на Дону и Северном Кавказе». Ростов н/Д. 1977.

свободный крестьянин,.. развитие производительных сил и развитие капитализма шло несравненно быстрее, чем в обремененном пережитками крепостничества центре»¹⁰. К этим местностям Ленин относил и Северный Кавказ. Бурное экономическое освоение его российским и иностранным капиталом началось в конце XIX века. В канун первой мировой войны в руках иностранных капиталистов (американских, английских, французских, немецких, бельгийских и пр.) находились многие промышленные предприятия Кубани, Черноморья, Терека.

Рабочий класс на Северном Кавказе формировался главным образом за счет приехавших рабочих и разорившихся крестьян, гонимых сюда нуждой и безработицей из различных местностей России. Здесь, как и в других районах Юга и Юго-Востока страны, образовались свои рабочие рынки, где сходились пролетарии и наниматели. К числу таких рынков относились «города Екатеринодар и Новороссийск, станция Тихорецкая и др.»¹¹. Среди многочисленных переселенцев, составлявших значительный процент городского и сельского населения Северного Кавказа, имелось и большое количество таких, которые уже побывали в поисках лучшей доли во многих районах России и воочию убедились в повсеместном господстве эксплуататорского строя. В их среде нередко оказывались и участники революционных выступлений, скрывавшиеся от преследования властей. Бесспорно, что все это в немалой степени содействовало формированию классового сознания рабочих Северного Кавказа.

Наряду с общей тенденцией бурного капиталистического развития каждый административный район имел свои специфические социально-экономические особенности. Так, по уровню промышленности выделялась Черноморская губерния. Если в целом по Северному Кавказу в общем объеме производства преобладала продукция сельского хозяйства, то в Черноморье основное место занимала продукция промышленности. Это, естественно, отразилось на росте городского населения и численности рабочего класса. Если в Ставропольской губернии оно в предреволюционные годы составляло всего 5%, в Кубанской области — 20%, на Кавказе — 14,5%, а в целом по России — 15%, то в Черноморской губернии в 1917 г. больше половины населения (56,8%) жило в городах¹². В литературе приводятся следующие данные о числе рабочих на Северном Кавказе: в 1917 г. в Кубанской области 102 тыс., в Терской области и Ставропольской губернии вместе взятых — 112 тыс., в Черноморской губернии — 30 тыс., а всего по региону — 244 тыс. рабочих всех категорий¹³. Однако эти цифры требуют некоторых уточнений и пояснений. Во-первых, при определении количества рабочих в различных районах применен неодинаковый критерий подсчета. В частности, если в общее число рабочих Кубанской, Терской областей и Ставропольской губернии вошли все их категории (промышленные, строительные, железнодорожные, занятые в городском и сельском кустарном промысле и т. д.), то по Черноморской губернии подсчетом охвачены лишь занятые на крупных предприятиях (14 718 человек) и строители Черноморской железной дороги (примерно 15 тыс. человек)¹⁴. Во-вторых, не выявлено количество рабочих отдельно по Ставропольской губернии и Терской области. По подсчетам Н. И. Лебедика, в Ставропольской губернии на промышленных предприятиях, в кустарном производстве, на строительстве и железнодорожном транспорте бы-

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 16, стр. 217.

¹¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 239.

¹² «Статистика Юго-Восточного края», 1921, № 1—2, стр. 4; «Статистический ежегодник России, 1914», 1915, Отд. I, II, стр. 61—62, 98.

¹³ «Октябрь на Дону и Северном Кавказе», стр. 31; А. И. Козлов. На историческом повороте, стр. 86.

¹⁴ А. И. Козлов. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов, стр. 6.

ло занято в общей сложности примерно 40 тыс. рабочих¹⁵. Аналогичных данных по Терской области нет. И в-третьих, на Северном Кавказе накануне первой мировой войны было немногим более 90 тыс. рабочих фабрично-заводской промышленности¹⁶, в том числе в Черноморской губернии — около 15 тыс.¹⁷, в Кубанской области — около 35 тыс.¹⁸, в Ставропольской губернии — более 7 тыс.¹⁹, в Терской области — около 30 тыс. (из них — в Грозненском нефтепромысловом районе — 15—20 тыс.)²⁰, в Северной Осетии — около 2 тыс.²¹, и несколько тысяч человек в остальных районах Терека, включая города и поселки Кавказских минеральных вод.

Десятки тысяч рабочих Северного Кавказа были заняты кустарным промыслом, трудились самостоятельно, как правило, вне связи с фабрично-заводской промышленностью, и потому их нельзя безоговорочно зачислять в разряд промышленных рабочих. В 1913 г. в кустарном производстве Кубанской области было занято 31 тыс. человек, в том числе на селе — около 25 тыс., в Ставропольской губернии в 1914 г. — 25 тыс., из них на селе — более 21 тыс. человек²². Многие тысячи рабочих были заняты на кустарных промыслах Терской области и Черноморской губернии. По уровню сознательности и организованности кустари, естественно, в массе своей стояли ниже промышленных рабочих, были заражены мелкобуржуазной идеологией и являлись питательной средой для непролетарских партий.

Удельный вес рабочих в общей массе населения Северного Кавказа был значительно ниже общероссийского. Если в целом по стране он составлял 14,8%²³, то на Северном Кавказе — только 4,1%. Лишь в Черноморье доля рабочих была выше общероссийской: они составляли более 18% населения губернии. Промышленный пролетариат был сосредоточен в основном в таких городах, как Грозный, Екатеринодар и Новороссийск. На грозненских нефтепромыслах, как уже отмечалось выше, насчитывалось примерно 15—20 тыс. рабочих; 44,4% всех промышленных пролетариев Кубанской области работало в Екатеринодаре²⁴; на цементных заводах, железнодорожных предприятиях, на элеваторе и в порту Новороссийска трудилось не менее 12 тыс. человек²⁵. Фактически в трех названных городах была сконцентрирована почти половина рабочих, представлявшая собой наиболее зрелую и организованную часть промышленного пролетариата Северного Кавказа. Отряды рабочих численностью 2—5 тыс. человек имелись в Туапсе, Армавире, Тихорецке, Майкопе, Владикавказе, Ставрополе. Таким образом, промышленные рабочие за редким исключением были вкраплены небольшими группами в массы земледельческого населения и испытывали на себе сильное давление мелкобуржуазной стихии. В то же время пролетарские оазисы являлись «опорными пунктами» рабочего класса сре-

¹⁵ Н. И. Лебедик. Состав и положение рабочих Северного Кавказа накануне первой мировой войны. «Вопросы истории». «Научные труды» Краснодарского пединститута, 1965, Вып. 56.

¹⁶ По данным Н. И. Лебедика, численность рабочих фабрично-заводской промышленности Кубанской области, Черноморской и Ставропольской губерний (без Терека) составляла 61 916 человек (см. Н. И. Лебедик. Указ. соч., стр. 220).

¹⁷ А. И. Козлов. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов, стр. 6.

¹⁸ «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 год». Пггр. 1914, стр. 84; «Кубанский сборник», Екатеринодар, 1916, т. XX, прил. табл. 19.

¹⁹ «Обзор Ставропольской губернии за 1914 год». Ставрополь. 1915, стр. 55.

²⁰ «Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы». М. 1958, стр. 93, 317; Е. П. Киреев. Указ. соч., стр. 25.

²¹ Л. С. Гапоненко. Решающая сила Великого Октября. М. 1977, стр. 33.

²² Н. И. Лебедик. Указ. соч., стр. 216.

²³ «Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции». М. 1957, стр. 65.

²⁴ Г. Ладоха. Указ. соч., стр. 9.

²⁵ Г. Е. Улько. Указ. соч., стр. 7.

ди миллионных масс сельского пролетариата и полупролетариата, широких слоев трудящегося крестьянства.

Основным и естественным союзником рабочего класса в социалистической революции являлся сельский пролетариат и полупролетариат — батраки и бедняки. Удельный вес полупролетарских слоев — безлошадных и однолошадных крестьянских и казачьих хозяйств (бедняков) в общей массе населения Северного Кавказа составлял 38,8%, в то время как в общероссийском масштабе он равнялся 49,6%. В итоге, если в целом по стране сельский пролетариат и полупролетариат составляли 64,4%, то на Северном Кавказе их удельный вес немногим превышал 43% населения²⁶. Такая социальная структура населения на Северном Кавказе, представляя собой одну из главных особенностей социально-экономических и политических отношений в данном регионе, оказывала чрезвычайно сильное влияние на развитие революции, в значительной мере усложняя ее процесс, затрудняя ее победу. Однако соотношение и расстановка классовых сил вследствие своеобразия исторического развития и специфических социально-экономических и политических отношений в различных районах Северного Кавказа не были одинаковыми. Это также сказывалось на ходе революции, остроте и формах борьбы за победу Советской власти, особенностях тактики местных большевистских организаций.

Исключительно сложными и своеобразными были аграрные отношения в различных районах Северного Кавказа. В Черноморской губ. 80% всей земельной площади принадлежало царской фамилии, министрам, князьям, отставным генералам и т. п. Трудящееся крестьянство в массе своей страдало здесь от безземелья и малоземелья, 72,8% крестьянских хозяйств были бедняцкими. В то время как в соседней Кубанской области на одно крестьянское хозяйство в среднем приходилось 6,2 дес., в Ставропольской губ. — 11,7, а в целом по Европейской России — 4,7 дес., — в Черноморье всего лишь 1,2 десятины²⁷. Крестьянская беднота, задавленная нищетой и политическим бесправием, являлась естественным союзником рабочего класса в социалистической революции. Поэтому на всех ее этапах перевес сил в Черноморье был на стороне пролетариата.

В отличие от Черноморья Ставропольская губ. была сугубо аграрным районом. Сельское население составляло здесь 95%, что значительно превышало нормы сельского населения не только в соседних земледельческих губерниях и областях, но и в целом по России (85%)²⁸. В ставропольской деревне шел весьма быстрый процесс социального расслоения. Буржуазные дельцы и кулаки непрерывно богатели за счет разорения основной массы крестьян. Сельская буржуазия составляла здесь, по данным Н. И. Иванько, 11% населения, но в ее руках оказалось почти 37% всей посевной площади и около половины числившегося в губернии скота. Многие кулацкие хозяйства имели по 200—400 дес. земли и больше²⁹. Свыше 57% всех крестьянских дворов на Ставрополье были бедняцкими; из них 36,4% бедняков засевали от 0,75 до 1,3 дес. на двор, около 20% хозяйств не имели посевов, 27,7% хозяйств — рабочего скота, а 12,6% — вообще никакого скота³⁰. Самую обездоленную группу сельского населения составляла иногородняя беднота, у большей части которой не было ни посевов, ни рабоче-

²⁶ «Октябрь на Дону и Северном Кавказе», стр. 33.

²⁷ «Виды на урожай в Черноморской губернии». Вып. I. Тифлис. 1916, стр. 9; «Юго-Восток». Ростов-н/Д. 1924, стр. 510; А. И. Козлов. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов, стр. 7.

²⁸ «Юго-восточный статистический сборник». Ростов-н/Д. 1918, стр. 4, 6.

²⁹ Н. И. Иванько. Указ. соч., стр. 15.

³⁰ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК), ф. 299, оп. 1, д. 328, л. 23; д. 357, л. 28; Т. Беликов. Борьба за установление Советской власти на Ставрополье. «Сборник трудов» Ставропольского пединститута, 1957, вып. 12, стр. 139.

го скота, ни сельскохозяйственного инвентаря. Ее уделом оставалось батрачество у кулаков. «Недостаток наемных рабочих,— говорилось в одном из документов,— восполняется своими малоземельными крестьянами — рабочими и так называемыми «иногородними», не получившими земельных наделов, хотя и проживающими долгие годы в селениях Ставропольской губернии»³¹. Многочисленная крестьянская беднота была основной опорой небольшого отряда промышленных рабочих Ставрополя в революционной борьбе. Треть всех крестьянских хозяйств губернии являлась середняцкими. Они представляли собой неустойчивую социальную группу и вместе с другими мелкобуржуазными слоями города и деревни служили благодатной почвой для образования здесь крупных организаций мелкобуржуазных партий, в особенности эсеров. Не случайно Ставропольская губ. считалась одной из их вотчин. Это в значительной мере затрудняло и осложняло деятельность большевиков в борьбе за массы.

Кубанская область по своему экономическому развитию и социальной структуре резко отличалась от соседних Черноморской и Ставропольской губерний. Население области состояло из двух основных сословий: казачества и иногородних. В 1916 г. на долю казачества приходилось 43% населения Кубани, иногородние (включая коренное население — горцев) составляли 57%³². В экономическом, социально-политическом и правовом отношении эти два сословия не были равны. Казаки находились в привилегированном положении: они имели земельные наделы, были освобождены от всех налогов и участвовали в управлении областью. Иногородние в массе своей являлись бесправными. Они оплачивали все натуральные повинности и различные налоги, несли расходы по общественному управлению, 92,3% иногородних не имели своей земли и вынуждены были арендовать ее у зажиточных казаков³³. В распоряжении казачьего сословия находилось почти 80% общей земельной площади области, в то время как на долю иногородних, составлявших большинство населения Кубани, оставалось немногим более 20% земли³⁴. Средний надел на душу мужского населения в предреволюционные годы равнялся у казаков 10,4 дес. земли, у горцев — 3, а у иногородних лишь 1,5 десятины³⁵. В то же время как среди казачества, так и среди иногороднего крестьянства, несмотря на кажущуюся сословную однородность, фактически существовали острые социальные противоречия. Процесс классового размежевания, расслоения внутри обоих сословий шел очень активно. На одном полюсе и у казаков и у иногородних усиливалось кулачество, а на другом концентрировались разорившиеся и обнищавшие крестьяне и часть казаков, переходившая в разряд бедняков и батраков. Среди казачьих хозяйств зажиточные (кулацкие) составляли 21%, середняки — 43,5% и бедняцкие (однолошадные и безлошадные) — 35,5%. Казачья беднота подвергалась всяческим притеснениям казачьих верхов, и сословная принадлежность становилась для нее формальным признаком. В среде коренного и иногороднего, оседлого крестьянства дифференциация была еще разительнее: среди коренных крестьян бедняки составляли 36,3%, середняки — 50,7%, кулаки — 13%; среди оседлых иногородних: бедняков было 56,4%, середняков — 31,8%, кулаков — 11,8%³⁶. Мировая империалистическая война небывало обострила положение казачьей и

³¹ ГАСК, «Обзор Ставропольской губернии за 1914 год».

³² Г. Ладоха. Указ. соч., стр. 4.

³³ Н. А. Ефимов. Установление Советской власти на Кубани и разгром Корнилова под Екатеринодаром. «Ученые записки» Кустанайского пединститута, 1961, т. 6, стр. 1.

³⁴ «Краснознаменный Северо-Кавказский. Очерк истории Северо-Кавказского военного округа». Ростов-н/Д. 1971, стр. 14.

³⁵ Г. Ладоха. Указ. соч., стр. 14.

³⁶ А. И. Козлов. На историческом повороте, стр. 114—115.

иногогородней бедноты и в значительной мере способствовала росту ее революционных настроений.

Классовые противоречия внутри сословий все больше углублялись и нередко прорывались наружу непримиримо враждебными отношениями между казачьей верхушкой и трудовым казачеством, особенно казачьей беднотой — в одном случае и выступлениями иногогородней крестьянской бедноты против кулачества — в другом. Эти антагонистические противоречия всегда брали верх и имели главное, определяющее значение в расстановке классовых сил в надвигавшейся социалистической революции, несмотря на сохранявшиеся острые сословные противоречия. Иногогородние крестьяне-бедняки вместе с казачьей беднотой выступали в революции по одну сторону баррикад, в едином строю с рабочим классом. В свою очередь, по другую сторону баррикад оказывались рядом разсословные, но классово однородные эксплуататоры: зажиточное казачество и иногогороднее кулачество. В условиях нищеты и бесправия находилось трудящееся горское население Кубани — адыгейцы. В то же время горская феодальная знать сохраняла свое привилегированное положение и являлась союзником российских капиталистов и помещиков. Все это создавало сложную, специфическую обстановку, в которой развивалась революция на Кубани.

Терская область в административном отношении состояла из четырех отделов, в которых проживали преимущественно казаки и пришлые, иногогородние крестьяне, и шести округов с абсолютно преобладавшим горским населением. Все лучшие земли были отданы казачеству и горской феодальной знати, которая верой и правдой служила царю. Основная масса горцев была лишена земли. Горские области были, по сути дела, окружены кольцом казачьих поселений.

В социально-экономическом и политическом отношении Терская область представляла собой отсталый аграрный район. На 1 января 1916 г. горцы составляли 57,4% населения области, иногогородние — 23,6%, казаки — 19%³⁷. Господствующее положение в экономической и политической жизни области занимало казачество, ему принадлежало 60% лучших земель³⁸. Если на душу терский казак имел в среднем 1 дес., то в горской Чечне на нее приходилось всего 0,4 дес., в горной Осетии — 0,3, а в Ингушетии — 0,2 дес. каменистой земли³⁹. Большинство горской бедноты вынуждено было арендовать землю у зажиточных казаков на кабальных условиях, причем арендная плата постоянно росла, а количество сдаваемых земель уменьшалось. К тому же земли перекраивались таким образом, что чересполосное землевладение горцев, казаков и иногогородних служило постоянным источником острых межнациональных и межсословных столкновений. Аграрный вопрос здесь фактически являлся основой непримиримых социальных и национальных противоречий и был главным вопросом революции.

Как и в Кубанской области, все три основные группы населения (казачество, иногогороднее крестьянство и горцы) в Терской области были социально неоднородными. Внутри сословий существовали классовые противоречия между зажиточными слоями казачества, иногогородним кулачеством и горской знатю, с одной стороны, и крестьянской, казачьей и горской беднотой — с другой. В конечном счете социальные противоречия играли решающую роль в расстановке классовых сил в революции в Терской области.

Многонациональный состав населения, сложность межнациональных отношений и острота национального вопроса — наиболее характер-

³⁷ «Служебно-статистический отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1915 год». Владикавказ. 1916, стр. 6—8.

³⁸ «Терский календарь на 1914 год». Владикавказ. 1913, стр. 8—9; И. М. Разгон. Указ. соч., стр. 54.

³⁹ «Юго-Восток», 1922, № 2, стр. 47; И. М. Разгон. Указ. соч., стр. 54.

ная особенность Терека и соседнего Дагестана среди других районов Северного Кавказа. Впрочем, национальный вопрос занимал не последнее место и на Кубани, и в Ставрополье, и в Черноморье. Общей чертой для всех районов Северного Кавказа было то, что угнетенные национальные меньшинства не только испытывали на себе экономический, политический и духовный гнет самодержавия, но и жестоко эксплуатировались своей национальной верхушкой (феодалами, князьями, буржуазными предпринимателями и т. п.). Только одними своими силами горцы Северного Кавказа, как и другие угнетенные национальности России, не могли добиться социального и национального освобождения. Достижение этих целей было возможно лишь при наличии единого революционного фронта с пролетарским и крестьянским движением, с борьбой трудящихся всех национальностей России, путем сплочения вокруг авангарда социалистической революции — российского рабочего класса, руководимого большевистской партией.

Характеристика социально-политических отношений и расстановки классовых сил на Северном Кавказе будет неполной, если не сказать о наличии в составе местного населения жестоко эксплуатируемой, обездоленной многочисленной армии сельских пролетариев-батраков. К сожалению, дореволюционная статистика и имеющиеся исследования не содержат точных данных о количестве батраков в различных районах Северного Кавказа. Имеются, однако, сведения о том, что они исчислялись многими десятками тысяч. В частности, есть указания на то, что в отдельные предреволюционные годы в Кубанской области их собиралось до 150 тыс., в помещичьих и кулацких хозяйствах Ставропольской губ. работало 25 тыс. постоянных или сезонных батраков⁴⁰. Масса батраков была занята на различных промыслах в Черноморской губ. и Терской области. Это были разорившиеся владельцы бедняцких хозяйств из центральных районов России и самого Северного Кавказа. Сельские пролетарии — батраки вместе с крестьянской, казачьей и городской беднотой составляли прочную опору рабочего класса в деревне, являясь его надежным союзником в борьбе за победу социалистической революции.

Общей чертой всех губерний и областей Северного Кавказа было преобладание мелкобуржуазного, преимущественно крестьянского населения. В целом по региону (включая Донскую область) среди крестьянских хозяйств на долю середняцких приходилось 46,6%, кулацких — 15%, бедняцких — 39,3%⁴¹. Среди казачества середняк являлся не только основной социальной категорией, он был к тому же зажиточнее среднего крестьянина, имел больше земли, скота и сельхозинвентаря, чаще прибегал к найму сезонных рабочих. К нему вполне можно отнести слова Ленина о том, что на Юге «середняки похожи на кулаков»⁴². В казачьих районах Северного Кавказа, как и на Дону, было «всего больше зажиточных крестьян, живших наемным трудом, эксплуатирующих чужой труд, поставленных в постоянную борьбу с пришлым населением крестьянским, которое приведено туда издали нуждой»⁴³. Казачество, по определению Ленина, представляло собой земледельцев, «самых зажиточных, наиболее сословно замкнутых»⁴⁴.

В силу названных причин среднему казаку пришлось проделать более длительный, более трудный и мучительный путь к революции, его колебания были значительно сильнее, а процесс признания им диктатуры пролетариата оказался сложнее и дольше, чем у крестьянина-

⁴⁰ «Краснодар». Исторический очерк. Краснодар. 1956, стр. 50; Н. И. Иванько. Указ. соч., стр. 12.

⁴¹ А. И. Козлов. На историческом повороте, стр. 110.

⁴² В. И. Ленин. ПСС, Т. 39, стр. 88.

⁴³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 297.

⁴⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 402.

середняка центральных районов России. Длительная политическая неуравновешенность средних слоев порождала пассивность и апатию одной ее части, колебания другой то в сторону революции, то в сторону ее противников. Неустойчивость и колебания средних слоев на различных этапах революции и гражданской войны во многом предопределяли успехи или поражения противоборствующих классов. Ленин предвидел это. «Что касается до казачества,— указывал он,— то здесь мы имеем слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев (среднее землевладение около 50 десятин) одной из окраин России, сохранивших особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта. Здесь можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи»⁴⁵. Опасность превращения казачьих районов Северного Кавказа в «русскую Вандею» усиливалась тем, что значительный слой населения Северного Кавказа составляло кулачество (и казачье и иногороднее), представлявшее, по определению Ленина, «главную и самую серьезную опору контрреволюционного движения в России»⁴⁶.

Главными особенностями социально-политических отношений в Кубанской и Терской областях были наличие в составе их населения особой группы крестьянства — казачества, сложное переплетение сильных классовых, сословных и национальных противоречий, осложнявших развитие здесь революционных событий и придававших им особую остроту и драматизм. Однако решающую роль в расстановке сил в революции на всех этапах ее развития и здесь играли классовые противоречия.

Сложные социально-политические условия Северного Кавказа требовали от большевистской партии проведения гибкой тактики, направленной на расширение и укрепление социальной базы революции, на создание ее политической армии, творческого подхода к решению революционных задач. Местные большевистские организации строго учитывали своеобразие и особенности социально-экономического развития и политической обстановки, характерные для данного региона. Однако эта специфика была не настолько сильной, чтобы Северный Кавказ мог за счет сепаратистских устремлений, попыток обособиться, замкнуться в рамках казачьей или национальной «автономии», «спастись» от общероссийского революционного процесса, выпасть из него, оказаться вне его действия. Острейший общенациональный кризис, который назревал и достиг необычайной силы в стране к осени 1917 г., охватил и эту ее южную окраину, в том числе, что важно подчеркнуть, казачьи и национальные ее районы. Северный Кавказ, как и в целом Россия, созрел для социалистической революции; здесь были налицо объективные условия и субъективные факторы для ее победы.

ЦК РСДРП(б), изыскивая любую возможность для оказания практической помощи большевистским организациям Северного Кавказа, живо откликался на все их просьбы и запросы, направляя сюда своих опытных работников. Так, с мандатом ЦК в марте 1917 г. в Новороссийск прибыл А. А. Яковлев, в апреле в Екатеринодар — И. И. Янковский, в мае во Владикавказ — С. Г. Буачидзе, в августе в Геленджик — В. Н. Лосев⁴⁷. В «Адресной книге» ЦК РСДРП(б) за 1917 г. перечислены 39 организаций, учреждений и отдельных лиц из различных районов Северного Кавказа, с которыми был связан штаб большевистской партии. В их числе 21 — с Кубани и Черноморья, 15 — с Террека, 3 — со Ставрополя⁴⁸. В адрес большевистских организаций Се-

⁴⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 219.

⁴⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 11.

⁴⁷ Г. Е. Улько. Указ. соч., стр. 40—41; В. В. Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП(б) в 1917 году. Хроника событий. М. 1969, стр. 66, 117; «Октябрь на Кубани и Черноморье». Краснодар. 1924, стр. 121; «Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917—1922 гг.», стр. 93.

⁴⁸ В. В. Аникеев. Указ. соч., стр. 453, 463, 466, 469.

верного Кавказа ЦК РСДРП(б) систематически направлял опубликованные в виде брошюр или на страницах газет статьи и речи Ленина, директивные документы, резолюции VII (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезда РСДРП(б), «Правду» и другие большевистские издания, марксистскую литературу⁴⁹ и т. п. Важное значение имело участие представителей большевистских организаций Северного Кавказа в работе VII (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезда РСДРП(б), резолюции которых воплощали в себе ленинский научно обоснованный план осуществления социалистической революции. Делегатами VII (Апрельской) конференции РСДРП(б) являлись, в частности, Л. В. Ивницкий (Екатеринодар), избранный в мае 1917 г. председателем Екатеринодарского комитета РСДРП(б), и Н. И. Островская (Геленджик)⁵⁰, член РСДРП с 1901 г., профессиональная революционерка. На VI съезде РСДРП(б) делегатами Северного Кавказа были Н. А. Анисимов (от Грозненской организации РСДРП(б)), П. В. Самарский (от Туапсинской и Сочинской организаций), Ф. Я. Волик (от Екатеринодарской и Кисловодской организаций)⁵¹.

Представители большевистских организаций и трудящихся Северного Кавказа в качестве делегатов II Всероссийского съезда Советов участвовали в октябрьских событиях в Петрограде, в принятии ленинских декретов о мире и о земле, в избрании ВЦИК и первого рабоче-крестьянского правительства — Совета Народных Комиссаров во главе с Лениным. В числе делегатов съезда были С. М. Киров (Владикавказ), Н. А. Анисимов (Грозный), А. А. Лиманский (Екатеринодар), А. А. Рубин (Новороссийск), Л. П. Стрелянов (Туапсе), Э. М. Балод (Армавир)⁵². Известно, что II съезд Советов принял постановление о переходе власти на местах к Советам, о борьбе с контрреволюционными выступлениями, об образовании в армии временных ревкомов, а также обращение к казакам с призывом переходить на сторону Советской власти. В обращении «К рабочим, солдатам и крестьянам!», написанном Лениным, съезд провозгласил, что Советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение»⁵³. Важность этих документов для практической деятельности большевиков среди широчайших масс трудящихся на местах, и в частности на Северном Кавказе, трудно переоценить.

В дни Октября делегаты-большевики II съезда Советов от Северного Кавказа побывали в ЦК РСДРП(б). 28 октября (10 ноября) 1917 г. Секретариат ЦК просил издательство «Прибой» отпустить за счет Центрального Комитета на 300 руб. литературы делегату съезда от трудящихся Новороссийского округа А. А. Рубину для Новороссийского комитета партии, а 2 ноября делегату съезда от трудящихся Туапсе Л. П. Стрелянову для Туапсинского комитета РСДРП(б)⁵⁴. Есть основание полагать, что в период работы II съезда Советов ЦК посе-

⁴⁹ В. В. Аникеев. Указ. соч., стр. 429, 434.

⁵⁰ «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы». М. 1958, стр. 327, 329. Делегатом конференции был и В. Н. Лосев. Он представлял Нижегородскую организацию РСДРП(б), но летом 1917 г. прибыл в Черноморье, сыграл видную роль в борьбе за победу социалистической революции в этом крае (см. там же, стр. 328).

⁵¹ «Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы...», стр. 304—305, 371, 373—374. В анкете одного из делегатов съезда было указано, что его партийная деятельность протекала главным образом в Армавире (см. там же, стр. 297). Однако установить фамилию этого делегата, к сожалению, не удалось.

⁵² «Второй Всероссийский съезд Советов». Сборник материалов. М. 1957, стр. 264, 389. В работе съезда участвовал и представитель большевиков Ейска, однако фамилию его установить не удалось.

⁵³ Там же, стр. 401.

⁵⁴ В. В. Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП(б) — РКП(б) в 1917—1918 гг. М. 1974, стр. 23, 38.

тили и другие делегаты трудящихся Северного Кавказа. В ЦК РСДРП(б) обращались и многие приезжавшие в Петроград ответственные работники большевистских организаций Северного Кавказа, в частности Я. В. Полуян, М. Е. Пивоваров и Чугунов из Екатеринодара, Г. К. Грушко из Тихорецкой, председатель Сочинского комитета РСДРП(б) В. К. Королев и другие⁵⁵. Они получали там необходимые политические установки.

Центральный Комитет партии живо откликался на письма большевистских организаций и трудящихся Северного Кавказа. Так, 20 ноября 1917 г. Секретариат ЦК обратился в издательство «Прибой» с просьбой отпустить в кредит на 200 руб. литературы для Ставропольского комитета РСДРП(б)⁵⁶. В начале января 1918 г. секретарь ЦК и председатель ВЦИК Я. М. Свердлов просил ЦК выдать 1500 руб. Пикману, Меницкому и Пинсону, командируемым на Северный Кавказ для оказания практической помощи местным большевистским организациям и Советам⁵⁷. В «Адресной книге» ЦК РСДРП(б) есть сведения о посылке телеграфных директив большевистским организациям Екатеринодара, Ставрополя, Новороссийска и других мест Северного Кавказа по различным вопросам их практической деятельности⁵⁸. Все это свидетельствует о том, что, несмотря на крайне сложную обстановку в стране, ленинский ЦК руководил большевиками Северного Кавказа в их борьбе за установление Советской власти в крае. Постоянное внимание этому региону уделяли также Совнарком и ВЦИК. В частности, направленные ими на Кубань агитаторы-организаторы П. Румянцев, И. Арцимович, М. Меньших, А. Палетайнен, Г. Берн, Н. И. Шевченко, А. Фаришев и другие оказали неоценимую помощь местным большевистским организациям в установлении Советской власти в области⁵⁹.

Первыми на Северном Кавказе подняли знамя Октября большевики Черноморской губ.— наиболее развитого в промышленном отношении района в крае. Умело используя обстановку в губернии, они в ноябре — декабре 1917 г. обеспечили победу социалистической революции и установление Советской власти. Лишь в Сочинском округе она утвердилась в январе 1918 года. Власть мирно, бескровно перешла в руки большевистских Советов Черноморья, опиравшихся на Красную гвардию как вооруженную силу революционных масс. Бескровный переход власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Черноморской губ., как и в ряде других мест России, стал возможным главным образом потому, что большевики имели там значительную социальную опору в лице пролетарских и полупролетарских слоев города и деревни, и перевес сил был на стороне революции, а попытки сопротивления контрреволюции были парализованы решительными действиями революционных масс. В Ставрополье в авангарде революционных сил шли рабочие и солдаты губернского центра, руководимые большевиками. Опираясь на них, «большевики перенесли свои основные усилия в сельские местности для завоевания крестьянских масс». Необходимость этого диктовалась и тем, что «меньшевики и эсеры упорно противодействовали провозглашению Советской власти, ссылаясь на крестьянские настроения, на Учредительное собрание и т. д.»⁶⁰. Значительное воздействие на трудовое крестьянство Ставрополья в деле освобождения его из-под влияния мелкобуржуазных соглашателей ока-

⁵⁵ Там же, стр. 165, 177, 186—187, 198—199, 225.

⁵⁶ Там же, стр. 80.

⁵⁷ Там же, стр. 152.

⁵⁸ Там же, стр. 91, 99, 106, 160—161.

⁵⁹ «Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917—1920 гг.». Сборник документов. Краснодар. 1953, стр. 170, 180.

⁶⁰ «В. И. Ленин и Ставрополье». Ставрополь. 1971, стр. 163.

зали революционные солдаты-фронтовики, распропагандированные большевиками. Они донесли до трудового крестьянства содержание ленинских декретов о земле и о мире, раскрыли им классовую сущность Советской власти. И перелом в настроении крестьянства все больше нарастал, оно все активнее включалось в революционную борьбу. С каждым днем в губернии росло число сел, в которых установилась Советская власть.

Учитывая это, Ставропольский губком РСДРП(б) созвал 29 декабря 1917 г. IV губернский крестьянский съезд. Он показал, что длительная, упорная борьба большевиков за трудящееся крестьянство завершилась полным успехом. 30 декабря съезд вынес решение: «Всю власть в губернии передать Советам крестьянских, рабочих и солдатских депутатов... и защищать эту власть с оружием в руках». Съезд направил приветствие ВЦИК и Совнаркому на имя Ленина и Свердлова. «Ставропольская губерния,— говорилось в нем,— тесно и неразрывно связана с Советской властью, как властью, выражающей интересы трудового народа». По предложению большевиков делегаты съезда приняли участие в созванном эсерами и меньшевиками общегубернском народном собрании, открывшемся 31 декабря 1917 г., и тем самым изменили его социальный состав и оказали решающее влияние на содержание принятых им резолюций. Эсеры и меньшевики, убедившись в своем полном политическом банкротстве, покинули ими же созванное собрание. В полночь 31 декабря 1917 г. оно подавляющим большинством голосов приняло решение «признать единственной законной в России властью — Советскую власть», «организовать в губернии власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов»⁶¹, одобрило ленинский Декрет о земле. Делегаты собрания направили приветственную телеграмму Ленину. В течение января 1918 г. Советская власть полностью восторжествовала на Ставрополье. И произошло это тоже фактически мирно, бескровно.

Несмотря на свою малочисленность, рабочий класс Ставрополя, руководимый большевиками, сумел сплотить вокруг себя основную массу сельских пролетариев и полупролетариев (батраков и крестьянскую бедноту) и десятки тысяч революционно настроенных солдат, дислоцировавшихся в гарнизонах губернии и находившихся в массе своей под большевистским влиянием. Это обеспечило значительный перевес сил на стороне социалистической революции и явилось первопричиной относительно легкой, быстрой и бескровной победы Советской власти на Ставрополье. Огромное влияние на массы оказали осуществляемые Советским правительством революционные преобразования, которые отвечали коренным интересам рабочих, солдат и трудового крестьянства. Сыграл свою роль и другой немаловажный момент, характеризующий расстановку сил в революции в данном районе. Несмотря на то, что лагерь реакции здесь составлял многочисленный и экономически сильный слой кулачества, а также торговцы, обуржуазившиеся помещики, разного рода капиталистические предприниматели, чиновники, духовенство, контрреволюция не имела в губернии готовых офицерских или казачье-кулацких военных формирований и вначале оказалась фактически бессильной в борьбе с революцией.

Крайне остро шла борьба за власть Советов в казачьих областях и национальных районах Северного Кавказа. Здесь ее в значительной мере осложняли межсословные и межнациональные противоречия, всемерно разжигаемые реакцией с целью отвлечения трудящихся от классовой борьбы. Однако под напором развивавшегося революционного процесса, под влиянием активной и настойчивой большевистской агитации росли революционные настроения и в казачьих областях. Еще в

⁶¹ ГАСК, ф. р-168, оп. 1, д. 9, л. 3.

октябре 1917 г. Ленин отмечал: «А теперь разложение началось и у казаков, а кроме того, им изнутри их казачьих областей грозят гражданской войной крестьяне»⁶². Уделяя неослабное внимание развитию социалистической революции в казачьих областях Северного Кавказа, Ленин 22 декабря 1917 г. подписал обращение «Ко всему трудовому казачеству» и постановление об отмене обязательной воинской повинности, которое заменяло постоянную службу краткосрочным обучением при станицах, принимало на счет государства обмундирование и снаряжение казаков, призванных на военную службу, отменяло еженедельные дежурства казаков при станичных управлениях, зимние занятия, смотры и лагеря, устанавливало полную свободу передвижения казаков. Ленинские документы, адресованные трудовому казачеству, в огромной степени способствовали его политическому воспитанию и переходу на сторону революции. Один из столпов русской контрреволюции, генерал Алексеев, характеризуя обстановку в казачьих областях, вынужден был признать, что «идеи большевизма нашли приверженцев среди широкой массы казаков»⁶³.

Тем не менее классовый враг на Кубани обладал значительными людскими и материальными ресурсами в лице зажиточного и части среднего казачества, кулачества, горской феодальной знати, городской буржуазии, а также черносотенцев всех мастей, сбежавшихся сюда из районов, где революция уже победила. В силу этого главной в деятельности большевистских организаций Кубани в этот период была военная боевая работа. Большевистские организации Кубани и соседнего Советского Черноморья приложили максимум усилий, чтобы в кратчайший срок — в течение трех-четырех месяцев — создать значительные вооруженные силы. Их основу составляли красногвардейские отряды и дружины, сформированные из рабочих, а также из солдат и казаков-фронтовиков. Целые полки, возвращавшиеся с фронта, переходили на сторону революционного народа. «Надежды Войскового правительства на поддержку воинских частей, прибывших с фронта, не оправдались, — вынуждена была признать крайне реакционная газета «Вольная Кубань». — Ни одна воинская часть, вернувшаяся с фронта, не подчинилась Войсковому правительству»⁶⁴.

Ленин лично заботился о быстрейшем разгроме контрреволюции на Кубани. 19 декабря 1917 г. он предписал всем комиссарам железных дорог: «Немедленно пропускать эшелон 1 Кавказского полка, 5 Кавказской казачьей дивизии, идущий для борьбы с Калединым и Филимоновым, ввиду чего настоящему эшелону разрешается свободное передвижение по железной дороге через Москву, Харьков, Ростов и в станицу Кавказскую, Кубань, что подписями и приложением печати Совет Народных Комиссаров удостоверяет и просит оказывать настоящему эшелону всякое содействие в скорейшем движении по железной дороге»⁶⁵. К марту 1918 г. перевес сил на Кубани был уже на стороне революции. Сломив ожесточенное сопротивление контрреволюции, революционные части, сформированные в советских районах Кубани и Черноморья, повели решительное наступление на Екатеринодар. Враг панически бежал. Главнокомандующий советскими войсками на Северном Кавказе А. И. Автономов телеграфировал Ленину: «Последний оплот контрреволюции — город Екатеринодар — сдался без боя 14 сего марта»⁶⁶. Социалистическая революция победила по всей Кубани.

В исключительно сложных условиях вели борьбу за Советскую власть большевики многонационального Терека. Получив известие

⁶² В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 388.

⁶³ «Известия ВЦИК», 19.11.1918.

⁶⁴ «Вольная Кубань», 4.1X.1918.

⁶⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 50, стр. 361—362.

⁶⁶ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 645, л. 29.

о победе социалистической революции в Петрограде, местная реакция вместе со всей южной контрреволюцией, и в частности с областными казачьими правительствами Дона и Кубани, предпринимала меры к тому, чтобы не допустить установление Советской власти, насильственно подавить революционные силы в области. Главные усилия контрреволюция направляла на всемерное разжигание межнациональной розни. Еще в канун Октября ей удалось спровоцировать вооруженное столкновение горцев с казаками и солдатами и, используя до предела обостренную таким путем обстановку, объявить область на военном положении. За революционную деятельность была введена смертная казнь⁶⁷. Однако Октябрь уже бурлил по всей Терской области. На революционное воспитание горцев сильное воздействие оказывали вести о социальных преобразованиях Советской власти, которые, преодолевая контрреволюционные кордоны, доходили до Терека и широко распространялись большевиками в массах. Исключительное влияние на политическое пробуждение народов Терека оказали такие ленинские документы, как «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», «Декларация прав народов России», обращение Совнаркома «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока».

Ближайшими задачами революционных сил Терека в декабре 1917 г. Ленин считал «очищение Терской области от банд Караулова и закрепление за русскими крестьянами, чеченцами, осетинами, ингушами, кабардинцами, кумыками, ногайцами и пр. их неотъемлемых прав на устройство своей национальной жизни»⁶⁸. В этом плане самоотверженно и умело вели революционную работу среди трудящихся Терека большевистские организации, во главе которых стояли такие испытанные политические руководители, как С. М. Киров, С. Г. Буачидзе, И. В. Малыгин, Н. А. Анисимов, Г. Г. Анджиевский, М. Д. Орахелашвили. Неустанная деятельность большевиков среди рабочих, солдат, крестьянской, горской и казачьей бедноты давала свои результаты. «Советская власть,— отмечал Киров,— находит с каждым днем все более и более широкое признание среди многоплеменного населения Терского края»⁶⁹. На Терекс, как и в других национальных районах России, расстановка сил сложилась так, как и указывал Ленин в дореволюционное время: «При всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям»⁷⁰.

Важнейшим условием победы Советской власти на Терекс явилась гибкая тактика большевиков, проводимая с учетом исключительно сложной политической обстановки и расстановки классовых сил в области. Местные партийные организации показали немало примеров умелой борьбы за сплочение всех подлинно революционных элементов. Вот один из таких примеров. В конце лета — начале осени 1917 г. в Терской области образовалась осетинская революционно-демократическая партия «Кермен», отражавшая интересы бедноты и возглавлявшая революционную борьбу. Социально-классовая неоднородность этой партии, политическая расплывчатость и нечеткость ее проекта-программы вызвали со стороны отдельных владикавказских большевиков возражения против установления связи и взаимодействия с нею⁷¹. Подвергая

⁶⁷ И. М. Разгон. Указ. соч., стр. 66; П. Г. Буркин. Указ. соч., стр. 19.

⁶⁸ «Ленин о Доне и Северном Кавказе». Ростов-н/Д. 1969, стр. 398.

⁶⁹ С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912—1934). М. 1957, стр. 39.

⁷⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 134.

⁷¹ Эти же обстоятельства породили различные оценки партии «Кермен» в работах некоторых советских историков; С. Д. Кулов. Керменисты в борьбе за Советскую власть. Орджоникидзе. 1973; «Октябрьская революция и гражданская война в Северной Осетии». Орджоникидзе. 1973; К. А. Хмельевский. Актуальные вопросы истории борьбы за власть Советов на Дону и Северном Кавказе (Современная историография проблемы). «Известия» Северо-Кавказского научного центра высшей школы, серия общественных наук, 1974, № 4, стр. 26—33, и др.

резкой критике эту тактическую ошибку, Киров, по воспоминаниям М. Д. Орахелашвили, говорил: «Люди хотят бороться, хотят подвести крестьянские массы к борьбе за власть, а вы заглядываете им в бумажку, написанную неискушенной еще рукой, и отталкиваете. Они вас свяжут с осетинской деревней. Надо их приблизить к себе, надо повести рядом с собой, и в этой совместной с нами борьбе они будут отбрасывать некоторые иллюзии, которые (и) сейчас общей нашей борьбе не мешают»⁷².

Принципиальная позиция Кирова по вопросу совместной с керменистами революционной борьбы против общих классовых врагов стала тактической линией большевиков Терска. В партию «Кермен» были направлены большевик Георгий Цаголов, который, по определению Кирова, «переносил всю тяжесть работы в партии по идейному и организационному руководству»⁷³ и вскоре стал председателем ЦК партии, другие видные работники Владикавказской организации РСДРП(б). Под влиянием неустанной идеологической работы большевиков в исключительно короткий срок, всего несколько месяцев, успешно прошел процесс политического роста многих керменистов, их марксистско-ленинского воспитания. «Организация Кермен стала надежным приводным ремнем от большевистской — и никакой другой — партии к бедняцким массам Осетии, а затем и других горских народов, и даже местами — к станичной казацкой бедноте»⁷⁴, — писал впоследствии М. Д. Орахелашвили. Весной 1918 г. большинство керменистов вступило в РКП(б), приняв название «Осетинская организация РКП(б) «Кермен».

Кстати, «Кермен» не была исключением среди непролетарских организаций Терска, с которыми взаимодействовали большевики. Благодаря правильной политической тактике и практической деятельности коммунистической партии в ее ряды вступило также большинство членов революционно-демократической крестьянской организации «Карахалк», возглавлявшей революционную борьбу кабардино-балкарской бедноты. Состав организации в социально-классовом отношении был весьма неоднороден, она не имела ясной революционной программы. Под активным влиянием большевиков революционное крыло «Карахалка» повело борьбу за полный разрыв с местной знатью, кулаками, муллами, которые всемерно проповедовали в своих классовых и националистических целях «единство всех магометан»⁷⁵. «Все члены «Карахалка», — писал впоследствии в своих воспоминаниях один из активнейших участников борьбы за власть Советов в Кабардино-Балкарии Б. Э. Калмыков, — примкнули с первых же дней революции к партии трудящихся, к большевикам, и составили ядро теперешней коммунистической организации»⁷⁶. Большевизация «Кермена» и «Карахалка» означала завоевание на сторону социалистической революции и Советской власти огромной массы шедшей за ними осетинской и кабардино-балкарской бедноты.

Другой пример. В конце января 1918 г. Киров и его соратники в целях сплочения всех революционно-демократических сил перед лицом проходившей консолидации сил контрреволюции пошли на создание социалистического блока, который должен был противостоять реакции. В его состав вошли, с одной стороны, большевики и керменисты, с другой — меньшевики и эсеры. «Я должен напомнить, — говорил Киров в докладе на I сессии Терского народного съезда, состоявшейся в январе — феврале 1918 г., — что мы, социалисты разных течений, пришли сю-

⁷² М. Д. Орахелашвили. Стальной большевик, гибкий тактик. «Пролетарская революция», 1935, № 6, стр. 120.

⁷³ «Пролетарская революция», 1940, № 2, стр. 203.

⁷⁴ «Пролетарская революция», 1935, № 6, стр. 121.

⁷⁵ «История Кабардино-Балкарской АССР». Т. 1. М. 1967, стр. 409—410.

⁷⁶ Цит. по: «История Кабардино-Балкарской АССР». Т. 2. М. 1967, стр. 15.

да на съезд вовсе не за тем, чтобы демонстрировать перед съездом свои партийные различия. Напротив, наша задача показать съезду те точки соприкосновения, которые нас объединяют, ибо мы знаем, что грозный момент, переживаемый нами, требует напряжения и объединения всех наших сил... Если мы не создадим единого революционного крепкого фронта, то наше дело здесь будет погублено»⁷⁷. Отвечая делегатам, требовавшим безотлагательного признания власти Совета Народных Комиссаров и провозглашения Советской власти на Тереке, Киров говорил: «В блоке смотрят на власть Совета Народных Комиссаров по-разному. Но у нас есть демократическая платформа, на которую мы призываем встать весь съезд; мы боремся за республику демократическую: рабочих, солдат и крестьян... Наша задача — объединение, объединение и объединение. И тогда каждый шаг нашей работы будет утверждением Советской власти»⁷⁸.

Лозунгами образовавшегося на Тереке социалистического блока были: объединение всех революционных сил для отпора контрреволюции, организация на местах народовластия, немедленное прекращение межнациональных столкновений, проведение в жизнь намеченной демократической платформы. Возникновение перед лицом объединенного фронта контрреволюции временного социалистического блока на широкой демократической платформе в сложный период развития революции в области явилось результатом гибкой политической тактики большевиков Терска. Эта тактика в конечном счете обеспечивала здесь победу социалистической революции. Прошел месяц, и II сессия Терского народного съезда, состоявшаяся в марте 1918 г. сначала в Пятигорске, а затем во Владикавказе, признала власть Совнаркома во главе с Лениным и провозгласила Советскую власть в области. Попытки эсеров и меньшевиков помешать принятию этих решений закончились неудачей. В приветственной телеграмме, посланной Ленину, сообщалось, что «Терский областной демократический съезд народов 4 сего марта постановил признать власть СНК и поручил президиуму съезда приветствовать Совет»⁷⁹. Решением съезда была образована Терская Советская Республика как составная часть РСФСР. «На Северном Кавказе, в Кубанской и Терской областях,— писала позднее «Правда»,— укрепились действительно народные Советы депутатов, сплотившие вокруг себя широкие слои всех без исключения племен и народов Северного Кавказа»⁸⁰.

Все попытки международной империалистической реакции и внутренней контрреволюции задуть Советскую власть на Северном Кавказе потерпели крах. Важнейшим источником победы социалистической революции на Северном Кавказе, как и в целом в стране, явились неослабное внимание и помощь ЦК РСДРП(б) и Ленина местным большевистским организациям. Их всемерное стремление развивать инициативу и энергию местных партийных комитетов способствовало творческому подходу и решительным действиям большевиков по выработке правильной тактики для успешного осуществления социалистической революции с учетом условий и обстановки в данном районе. «И если... революция с такой быстротой в несколько месяцев... сделала свое дело, то это потому, что мы всецело полагались на местные элементы,— говорил Ленин,— что мы открывали им полный простор действий, что мы именно с мест ждали того энтузиазма, который создал непреодолимость и быстроту действий нашей революции»⁸¹.

⁷⁷ С. М. Киров. Избранные статьи и речи, стр. 15, 17.

⁷⁸ Там же, стр. 19--20.

⁷⁹ «Документы по истории гражданской войны в СССР». Т. I. М. 1941, стр. 255.

⁸⁰ «Правда», 23.V.1918.

⁸¹ В. И. Ленин. ИСС. Т. 45. стр. 249.

Районы Северного Кавказа (Черноморье, Ставрополье, Кубань, Терек) отличались в социально-экономическом и политическом отношениях друг от друга, имели свою расстановку классовых сил, что обусловило и своеобразное развитие в них социалистической революции. В тех случаях, когда у большевиков была широкая социальная опора среди десятков тысяч промышленных и сельских пролетариев и полупролетариев (Черноморье) или среди громадного количества революционных солдат и крестьянской бедноты (Ставрополье), образовался перевес сил на сторону революции и процесс установления Советской власти совершился мирно, бескровно. В других случаях, как это было в казачьих районах, этот процесс проходил в форме гражданской войны. На Тереке большевики применили тактику «левого блока», сплочения на революционно-демократической основе всех революционных сил, умело сочетая борьбу за демократию с борьбой за социализм. Острота классовых выступлений зависела от степени сопротивления эксплуататорских классов, имевших в ряде районов Северного Кавказа, главным образом в казачьих областях, довольно значительную социальную базу и активную поддержку мелкобуржуазных партий, меньшевиков и эсеров в особенности. С учетом этого строилась деятельность большевиков Северного Кавказа, творчески применявших ленинскую теорию к сложным социально-политическим условиям данного региона.

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ И РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ РОССИИ В XVIII — СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

А. В. Дулов

В последнее время советские историки стали уделять большее внимание вопросам взаимодействия природы и общества в прошлом¹. Это дает возможность получить новую информацию, дополняющую и уточняющую (иногда довольно серьезно) наши представления о конкретных условиях и особенностях развития отдельных народов, племен и государств. Вызывает несомненный интерес и вопрос о роли природных факторов в развитии экономики России XVIII — первой половины XIX века. Специально он не ставился, но отдельные его аспекты рассматривались уже в работах дореволюционных исследователей. Не потеряли, например, своего значения наблюдения А. П. Щапова об изменении природы обществом и роли природных условий для сельского хозяйства; большой конкретный материал о влиянии природных условий на развитие транспорта собрали А. С. Николаев и С. М. Житков. Некоторые выводы общего характера были сделаны Г. В. Плехановым². Советские специалисты рассматривали вопрос о роли природного фактора в различных сферах человеческой деятельности, учитывали его при изучении истории сельского хозяйства³, промышленности и техники⁴. Географами и биологами исследовалась также история из-

¹ А. Я. Шевеленко. Природный фактор и европейское общество V—X веков. «Вопросы истории», 1969, № 10; Ю. А. Кизилов. Географический фактор в истории средневековой Руси. «Вопросы истории», 1973, № 3; В. Д. Блаватский. Природа и античное общество. М. 1976; А. В. Дулов. Человек и природа на Руси в XIV—XVII вв. «Природа», 1976, № 12; его же. Литература о роли географической среды в истории общества. «Вопросы истории», 1973, № 8.

² А. С. Николаев, С. М. Житков. Краткий исторический очерк развития водяных и сухопутных сообщений и торговых портов в России. СПб. 1900; А. П. Щапов. Историко-географическое распределение русского народонаселения. Соч. Т. 2. СПб. 1906; Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли. Ч. I. Очерк развития русских общественных отношений (Г. В. Плеханов. Соч. Т. XX. М.-Л. 1925, стр. 36).

³ К. В. Сивков. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в. М. 1951; Г. П. Строд. Сборы и урожайность хлебов в Латвии в 80-х гг. XVIII — начале 60-х гг. XIX в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962». Минск. 1964; И. Д. Ковальченко. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М. 1967; Е. П. Воронина. Роль сельскохозяйственных культур в аграрном производстве России в различные исторические периоды. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968». Л. 1972; С. Х. Вахтре. О влиянии климатических условий на урожай в Эстонии в XVIII—XIX вв. Там же; И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX в. М. 1974; М. М. Громыко. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск. 1975.

⁴ Н. Б. Бакланов. Техника металлургического производства XVIII века на Урале. М.-Л. 1935; Д. Кашинцев. История металлургии Урала. М.-Л. 1939; В. В. Данилевский. История гидросиловых установок России до XIX в. М. 1940; Н. И. Фальковский. История водоснабжения в России. М.-Л. 1946; П. Г. Любими-

менения человеком природы⁵. Однако в комплексе эта проблема ни разу не ставилась; в общих работах по отечественной истории она, как правило, почти совершенно игнорируется.

В данной статье сделана попытка наметить путь рассмотрения того, как природные условия воздействуют на развитие производительных сил. Автор ограничивает свою задачу выяснением следующих вопросов: возрастание возможностей общества в освоении природы в XVIII — первой половине XIX в.; влияние социального строя на эффективность использования природных условий; основные взаимосвязи между производством и природой в сфере сельского хозяйства, промышленности и транспорта; изменение природы обществом; влияние географической среды на особенности экономического развития России.

Главным фактором, который определял важнейшие черты динамики взаимоотношений природы и общества, был рост возможностей человека в освоении природы. Он проявлялся прежде всего в вовлечении в хозяйственное пользование новых территорий, ранее не заселенных или заселенных слабо. Для России в XVIII в. важное значение здесь имел выход на берега морей — Балтийского (в начале столетия) и Черного (в конце столетия). Это дало возможность использовать моря в транспортных и других целях. Переход к России Причерноморья обеспечил необходимые условия для сельскохозяйственного и промышленного освоения новых территорий и тех степных районов, которые являлись русскими и до начала XVIII в., но были редко заселены из-за угрозы неприятельских набегов. Продвижение в XVIII в. границ России в районах Казахстана и Сибири на юг позволило начать строительство металлургических заводов на Южном Урале и Алтае, сельскохозяйственное использование земель Южной Сибири.

За полтора века увеличилось число сельскохозяйственных культур, выращиваемых населением страны. К концу XVII в. в Европейской России возделывалось около 55 видов полезных растений⁶, из которых наиболее распространены были рожь, овес, ячмень, пшеница, репа и др. За 160 лет (с конца XVII до середины XIX в.) общая картина земледельческого производства довольно существенно изменилась за счет использования ряда новых ценных культур, общее число которых достигло по крайней мере 113. Особенно удобным в условиях Европейской России был картофель, имеющий отличные пищевые свойства и дающий высокие урожаи. Так, высаженный в Новгороде в 1765 г., он сразу же показал урожайность сам-86⁷. Приобрел также известное распространение подсолнечник, табак, красильные растения вайда и марена. Заметно увеличились в течение полутора веков площади, занятые виноградниками. В первой половине XIX в. в России стали выделять сахар из сахарной свеклы, что способствовало росту про-

ро в. Очерки по истории русской промышленности. М. 1947; П. М. Лукьянов. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX в. Тт. 1—4. М.-Л. 1948—1955; Ф. Бублейников. История открытий ископаемых богатств нашей страны. М. 1948; А. В. Хабаров. Очерки по истории геологоразведочных знаний в России. Ч. 1. М. 1950; М. А. Цейтлин. Очерки развития лесозаготовок и лесопиления в России. М. 1968.

⁵ М. А. Цветков. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М. 1954; С. В. Кириков. Изменения животного мира в природных зонах СССР. Степная зона и лесостепь. М. 1959; его же. Изменения животного мира в природных зонах СССР. Лесная зона и лесотундра. М. 1960; А. Т. Харитоньев. Роль хозяйственной деятельности человека в изменении ландшафтов Горьковского правобережья. Горький. 1960.

⁶ Материалы для составления списков растений в основном взяты из статей: Г. Ковалевский. Очерк сельскохозяйственных культур и интродукции их в России в XVIII веке. «Известия» Института опытной агрономии. М. 1929. Т. VII, № 6; Е. П. Воронина. Указ. соч., и др.

⁷ «Очерки истории СССР». Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М. 1953, стр. 34.

изводства последней. Однако новые культуры обычно занимали сравнительно небольшие площади и в основном были сосредоточены в недавно присоединенных районах.

В XVIII — первой половине XIX в. серьезно изменились возможности общества также благодаря введению в промышленное производство новых видов минеральных ресурсов. К началу XVIII в. в промышленности и ремесле применялось не менее 37 различных типов минералов и горных пород⁸. Производство железа основывалось тогда главным образом на использовании лимонита (болотная, озерная или дерновая руда). К середине XIX в. число различных типов минерального сырья возрастает на 48 единиц. Так, серебро и цветные металлы стали извлекать почти из 20 видов различных руд (до начала XVIII в. медь и серебро привозили из других стран, так как промышленных запасов руд этих металлов в Европейской России практически не было). Очень важным обстоятельством явилось вовлечение в производство уральских железных руд, прежде всего титаномагнетитов. Эти месторождения отличались высоким содержанием железа, ценными «легирующими» добавками и почти полным отсутствием вредных примесей. На базе главным образом уральских руд русская промышленность с 1700 до 1860 г. увеличила производство чугуна со 150 тыс. до 18 млн. пудов⁹. Для использования богатейших уральских руд были построены мощные предприятия, оснащенные передовой для XVIII в. техникой.

Русские рабочие и мастера при обработке различных видов сырья не ограничивались только физическими методами, но умели уже производить перемены в молекулярном строении вещества. В конце XVII в. в России изготавливали не менее 29 различных видов химически переработанных изделий. В это число входили железо, чугун, сталь, медь, бронза, зола, поташ, деготь, смола, керамика, стекло, эмаль, чернь, искусственные краски, клей, квасцы, мыло, дубильный настой, кислый хлебный раствор, пергамен, древесный уголь, селитра, порох, цементирующие растворы, бумага, скипидар, канифоль, олифа, соль выварочная. К середине XIX в. новыми типами химических изделий стали серебро, свинец, олово, бетон, азотная и серная кислоты (в небольших количествах в аптеках они производились еще в XVII в.), соляная и уксусная кислоты, метиловый спирт, сургуч, древесный и генераторный газы, сода, соли хрома, цианистые соединения, стеариновые свечи, фарфор и фаянс¹⁰. Таким образом, общее число химических изделий было не менее 46.

Важное значение для человека имело использование природных источников энергии. Выяснение вопроса о том, каким количеством энергии владело общество в начале XVIII и к середине XIX в. в расчете на душу населения, могло бы наглядно проиллюстрировать степень роста возможностей человека, особенно если эту величину сопоставить с его чисто биологическими возможностями. Естественно, что точных цифр для того времени получить нельзя, но даже приблизительные подсчеты могут помочь более конкретно представить взаимодействие природы и общества в этой области. Произведенные нами вычисления

⁸ Списки минералов и горных пород составлены на основании следующей литературы: В. Севергин. Начертание технологии минерального царства. Тт. I—II. СПб. 1821—1822; В. А. Обручев. Рудные месторождения. Часть описательная. Л.-М. 1935; А. Е. Ферсман. Из истории культуры камня в России. М.-Л. 1946; его же. Очерки по истории камня. Т. I. М. 1954; см. также: А. В. Хабаров. Указ. соч.; Ф. Бублейников. Указ. соч.; П. М. Лукьянов. Указ. соч.

⁹ В. З. Дробижев, И. Д. Ковальченко, А. В. Муравьев. Историческая география СССР. М. 1973, стр. 233.

¹⁰ При составлении списков химических изделий была использована работа П. М. Лукьянова, а также издания, в которых имеются сведения о минералах и горных породах.

показывают, что за счет использования топлива, применения лошадей, водяных и ветряных мельниц жители России обладали таким количеством энергии, которое в конце XVII в. в 6—7 раз превышало мускульную силу, а к середине XIX в. — в 7—8 раз. Следовательно, уже тогда человек благодаря своему труду сумел овладеть огромными силами, в несколько раз превышавшими его биологические возможности. Эти цифры могут вызвать сомнение — ведь известно, что уровень техники был в то время довольно низким. Однако следует учесть, что более половины этой величины давало бытовое потребление топлива, которое не влияло прямо на повышение производительности труда, но обеспечивало человеку возможность существования в условиях довольно сурового климата Европейской России.

Помимо уровня технического развития общества, на характер использования естественных богатств большое влияние оказывали социальные отношения. Феодальный строй обуславливал такие формы освоения человеком сил природы, которые были связаны с медленным развитием экономики, застойным характером производства. «До капитализма земледелие было в России господским делом, барской затеей для одних, обязанностью, тяглом — для других, поэтому оно и не могло вестись иначе, чем по вековой рутине, необходимо обуславливая полную оторванность земледельца от всего того, что делалось на свете за пределами его деревни»¹¹, — писал В. И. Ленин. Серьезно затрудняла развитие хозяйства сословность феодального строя. Она резко ограничивала возможность перехода лиц из одного сословия в другое, препятствуя зависимому населению становиться лично свободными людьми. Практически обреченные существовать в рамках того сословия, в котором родились, крестьяне не имели особого стимула для развертывания хозяйственной инициативы, ибо львиная доля результатов их изобретательности все равно оказывалась в руках феодалов. Тормозящее влияние феодального строя во всех сферах использования природы в народном хозяйстве становится особенно заметным со второй половины XVIII в., когда в России начинается период кризиса феодализма.

В XVIII — середине XIX в. господствующий класс выступает в качестве эксплуататора не только труда зависимого населения, но и богатств природы. Пользуясь возможностями политического строя тогдашней России, феодалы старались извлечь из этих богатств максимальный доход. Чем более высокое положение занимали представители господствующего класса, тем больше таких возможностей у них имелось. Так, императорская фамилия собирала ясак с сибирских народов в свою пользу, владела горными заводами в Сибири, дававшими серебро, забирала часть доходов со множества промыслов. До секуляризации монастырям принадлежали огромные земельные богатства. Немало возможностей имело и дворянство: в 1716 г. оно получило монопольное право винокурения¹²; в XVIII в. представители придворной знати (Шуваловы, Чернышевы, Воронцовы и др.) распределяют между собой уральские рудники¹³; в первой половине XIX в. титулованное дворянство пользуется преобладающим правом на владение золотоносными участками в Сибири¹⁴. Помещики пытаются захватить львиную долю богатств, отбирая у крестьян право ловли рыбы и охоты, берега рек и даже воду, покосы, право собирать дрова в лесу и т. д. Дворянство добивалось монопольного права владения землей и достигло своей цели. В XVIII в. не раз издавались указы, подтверждавшие, что толь-

¹¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 310.

¹² А. Романович-Словатинский. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. СПб. 1870, стр. 260.

¹³ Д. Кашинцев. Указ. соч., стр. 116, 145, 225.

¹⁴ В. Г. Карцов. Деятельность петрашевца Р. А. Черносвитова в Сибири. «Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв.». Новосибирск. 1965.

ко дворяне могут являться собственниками земли. Лишь в 1801 г. было разрешено государственным крестьянам и представителям других лично свободных сословий покупать землю. Но этот указ не мог поколебать подавляющего преобладания помещичьего землевладения.

Антагонизм социальных отношений феодализма приводил к тому, что нередко прогресс в развитии экономики достигался ценой усиления эксплуатации непосредственных производителей. Это особенно ярко проявилось во время строительства Петербурга и каналов, при сооружении и эксплуатации уральских заводов, являвшихся в XVIII в. выдающимися достижениями европейской техники, но разорявших приписанных к ним крестьян. Дорогой ценой доставалось крестьянству строительство сухопутных дорог и поддержание их в действии. Декабрист П. Г. Каховский отмечал в одном из своих писем: «Сколько раз дороги были переделываны, сколько тысяч верст изрыто и перерыто; в летние месяцы, когда нужно обрабатывать поля, земледельцы отрываются на поправку дорог, и нивы их пустуют. Дорожная повинность, одна превышающая все прочие земские повинности... ни от одной столь много не терпит народ, как от оной»¹⁵.

Тяжесть этой повинности усугублялась еще взяточничеством и казнокрадством, характерными для крепостнического государственного аппарата. Произвол, вымогательства, казнокрадство, царившие в органах, управлявших государственными, кабинетскими и удельными крестьянами, осложняли их положение и мешали им добиваться успехов в сельскохозяйственном производстве. Известный русский агроном XVIII в. А. Т. Болотов, рассказав о том, как его непосредственный начальник Н. С. Давыдов, управлявший в 60-х годах XVIII в. царскими волостями в Тульской губернии, присваивал себе деньги и другие материальные ценности, добавляет: «Не лучшим образом хозяйствовал он и нашими излишними, в оброк отдаваемыми землями, и сколько оных раздаваемо было друзьям и прихлебателям его почти даром и за ничто... Словом, все его хозяйство было прямо удивительное и такое, которое можно было назвать совершенно расточительным»¹⁶.

Правительство России эпизодически пыталось в интересах класса феодалов в целом предпринять некоторые шаги для улучшения использования природы. Издавались отдельные законы об охране природы; поощрялось развитие ряда важных отраслей промышленности, разведение новых ценных видов сельскохозяйственных культур и пород скота. В последние десятилетия крепостного права правительство устраивает выставки, награждая медалями помещиков и крестьян, умело и инициативно ведущих хозяйство. В 1719 г. было дано право искать руды на землях любых владельцев; разрешалось даже, если землевладелец не желает сам разрабатывать месторождение, строить на его земле металлургические заводы, а часть полученных доходов отдавать ему. Однако эта мера оказалась слишком невыгодна для дворянства и в 1782 г. была отменена¹⁷. Все эти мероприятия, многие из которых имели некоторое положительное значение, не могли изменить общего характера использования природных ресурсов в феодальной России, которое велось хищническими способами и было направлено прежде всего на удовлетворение нужд класса феодалов.

Природные условия серьезно влияли на все отрасли экономики страны. Особенно сильно это ощущалось в сельском хозяйстве. Очень важное значение имели для его развития температурные условия. По

¹⁵ Цит. по: А. С. Кудрявцев. Очерки истории дорожного строительства в СССР. Т. I. М. 1951, стр. 148.

¹⁶ А. Т. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Т. II. М.-Л. 1931, стр. 393.

¹⁷ А. А. Преображенский. Об эволюции феодализма помещичьей собственности в России XVII — начала XIX века. «Вопросы истории», 1977, № 3, стр. 61.

современным данным, Европейскую часть страны можно подразделить на несколько поясов в зависимости от обеспеченности атмосферным теплом, которая определяется суммой активных температур (то есть выше 10° тепла) за год, дающих возможность вегетации растений. Холодный агроклиматический пояс состоит из двух подпоясов. Очень холодный (соответствующий примерно зоне тундры) имеет сумму температур не выше 400° и позволяет выращивать в открытом грунте только скороспелую овощную зелень¹⁸. Холодный подпояс (совпадающий с районами лесотундры и северной тайги) обладает суммами температур до 1200° . Здесь выращивали репу и ранние виды зерновых культур (ячмень, овес, озимая рожь). Основная часть Европейской России лежит в умеренном поясе, суммы температур которого колеблются от 1200 до 4000° . Северная его полоса (полоса ранних культур умеренного пояса) с суммой температур $1200\text{—}1600^{\circ}$ давала возможность выращивать, кроме культур более северного пояса, также зернобобовые, лен, картофель и т. д. Эта полоса совпадает с подзоной средней тайги. Южнотаежные районы и частично районы смешанных лесов составляют полосу среднеранних культур умеренного пояса: при сумме температур от 1600 до 2200° в них можно было выращивать более поздние сорта растений, характерных для северных полос, а также пшеницу, в самой же южной части полосы — свеклу на корм и для производства сахара. Эти две полосы объединяются в холодноумеренный подпояс. Наконец, умеренный подпояс, простиравшийся от южной части подзоны смешанных лесов до полупустынь и северных склонов Кавказа, имеет суммы температур от 2200 до 4000° и дает возможность выращивать кукурузу на зерно, подсолнечник, сахарную свеклу, виноград. Площади, занятые этими культурами в XVIII — первой половине XIX в., увеличивались (две из них — сахарная свекла и подсолнечник — стали распространяться только с XVIII века).

Природные условия оказывали влияние на формирование районной специализации земледелия. Пользуясь методами математической статистики, И. Д. Ковальченко пришел к выводу, что коэффициенты корреляции между размещением посевов зерновых культур и населения равнялись в начале XIX в. 0,91, а между уровнем районной специализации и урожайностью — всего 0,15 в 1802—1811 гг. и 0,01 в 1851—1860 годах¹⁹. Следовательно, в первой половине XIX в. уровень специализации земледелия определялся почти исключительно размещением населения, степень же урожайности не играла существенной роли. Однако крестьяне (если не мешали социальные факторы) особенно плотно заселяли те районы, в которых имелись хорошие условия для развития сельского хозяйства. Поэтому определенная вторичная связь специализации земледелия с природными условиями существовала.

В специализации земледелия по более мелким территориальным единицам (уезды, волости, станы, отдельные массивы полей) природные условия играли значительно большую роль. Не случайно основная часть плодородных ополей Волго-Клязьминского междуречья специализировалась на производстве хлеба или занималась огородничеством. Рельефно выступает зависимость производственной специализации населения Рязанской губ. в середине XIX века. В южной, черноземной ее части население занималось в основном земледелием, в более северной, где меньше плодородных почв, для жителей немалое значение имели другие отрасли сельского хозяйства, а в покрытом лесами и болотами Мещерском крае хлебопашества почти не было, население кормилось за счет ремесла и различных лесных промыслов.

¹⁸ М. И. Давыдова, А. И. Каменский, Н. П. Неклюкова, Г. К. Тушинский. Физическая география СССР. М. 1966, стр. 174—175.

¹⁹ В. З. Дробнижев, И. Д. Ковальченко, А. В. Муравьев. Указ. соч., стр. 216.

Производительность труда в земледелии в большей степени зависела от почвенно-климатических условий. Существенное влияние оказывали на нее и погодные факторы. Судя по данным о средних ежегодных урожаях в Европейской России за 1801—1860 гг.²⁰, в целом по стране отклонения от обычной средней нормы (сам-3,5) не были особенно велики. В среднем они составляли 10%. Из 60 лет в течение четырех урожайность совпадала со средней, 27 лет была ниже и 29 — выше средней нормы. Наиболее тяжелыми годами в этом отношении были 1833 (32% ниже нормы), 1855 (26%), 1839 и 1848 гг. (по 23%). Самыми урожайными были 1842 и 1843 гг. (по 26% выше нормы). Благодаря обширной территории неурожай в одних губерниях могли частично компенсироваться урожаями в других, поэтому отклонение по стране в целом от нормы не было особенно значительным. Но в более мелких территориальных единицах — губерниях, уездах, деревнях — размер урожая изменялся, по-видимому, сильнее, чем по стране в целом. Конкретные причины неурожая в различных районах могли сильно отличаться друг от друга. Так, в Эстонии это были морозные или продолжительные зимы, а летом — слишком дождливая или прохладная погода. В этих случаях яровые культуры не успевали созреть до осенних заморозков или погибали от дождей. Засуха и жара гораздо реже наносили здесь серьезный вред посевам²¹. На Южной Украине хлебопашество, наоборот, страдало от засух, градобитий, саранчи²².

Производительность труда в зерновом хозяйстве весьма существенно варьировалась не только во времени, но и в территориальном отношении. Обычная средняя урожайность, за пределы которой редко выходят показатели районов, составляла в первой половине XIX в. сам-3, сам-4. Ниже этого уровня урожайность районов опускалась только в двух случаях (Северо-Запад и Центральный нечерноземный район — по сам-2,7)²³. Наиболее высокая урожайность была в Прибалтике (сам-4,6) и Юго-Западном районе (сам-4,1). В Южном Степном районе урожайность равнялась сам-3,7; в Центральном черноземном — сам-3,5; в Северном — сам-3,4; в Поволжье и Левобережной Украине — сам-3,3 и в Западном районе — сам-3.

Таким образом, районы с благоприятными для зернового производства природными условиями не уменьшали урожайность ниже сам-3. Средняя урожайность в районах выше сам-4 поднималась чаще, причем в большинстве случаев именно в этих районах. Показательно, однако, что один из нечерноземных районов — Прибалтика — давал высокую урожайность. Это объяснялось интенсивным характером сельского хозяйства в данном регионе и отсутствием там крепостного права. В целом разница между районами с хорошими условиями для земледелия и зонами со средними или трудными условиями сравнительно невелика: средние цифры урожайности по этим двум зонам отличаются всего на 10—30% в пользу южной зоны. Следовательно, на величину урожайности большое влияние оказывали чисто социальные факторы; воздействие природных факторов также было значительным, обуславливая в целом хорошо заметную, хотя и не очень большую разницу в урожайности. В первой половине XIX в. урожайность упала, причем осо-

²⁰ В. Г. Михайловский. Урожай в России 1801—1914 годов. Тезисы доклада. «Бюллетень ЦСУ», 1921, № 50, стр. 4.

²¹ С. Х. Вахтре. Указ. соч., стр. 207.

²² Е. И. Дружинина. Южная Украина в 1800—1825 гг. М. 1970, стр. 215.

²³ Здесь и далее все подсчеты сделаны на основании следующей литературы: данные по второй половине XVIII в. (Прибалтика, Украина, Запад) — Н. А. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М. 1957, стр. 355—356; остальные сведения по XVIII в. — Е. И. Индова. Урожай в Центральной России за 150 лет (вторая половина XVII—XVIII в.). «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965». М. 1970, стр. 152; сведения по XIX в. — И. Д. Ковальченко. Указ. соч., стр. 77.

бенно резко в большинстве южных районов. Это объяснялось хищническими методами использования земли, что при господстве крепостного хозяйства приводило к снижению естественной производительности почвы, обрабатываемой барщинным трудом, и (в некоторых южных районах) к эрозии почвенного слоя. В северной зоне, где почва обрабатывалась тщательнее и нередко унавоживалась, падение урожайности оказалось менее заметным.

Еще большее влияние природные условия оказывали на производительность труда в зерновом хозяйстве. Это зависело не только от плодородия почвы, но и от климата, свойств грунта и т. д. Чтобы найти хотя бы гипотетические соотношения производительности труда, рассмотрим затраты его на 100 га посева зерновых в человеко-днях. Имеющиеся сведения об этом относятся к 1933—1937 гг. и рассчитаны применительно к хозяйству, ведущемуся без использования машины и удобрений²⁴. Конечно, с середины XIX в. до 30-х годов XX в. сельскохозяйственные орудия несколько изменились, как и глубина вспашки, система полеводства и т. д. Но поскольку природные условия, влияющие на затраты труда в сельском хозяйстве, в основном остались прежними, соотношение затрат труда не должно было измениться существенно. Сопоставив цифры урожайности для первой половины XIX в. и соотношение затрат труда на производство зерна с одной и той же площади, в результате расчетов получаем индекс производительности труда. Наименьшая его величина приравнена к единице. Этот индекс равняется для Севера 1—1,4; для Северо-Запада — 1,1; для Центрального нечерноземного района — 1,3; для Запада — 1,4; для Левобережной Украины — 1,6; для Прибалтики — 1,9; для Юго-Запада — 2,0; для Поволжья — 2,1—4,1 и для Южного Степного района — 3,3—3,5. Правда, полученные соотношения не только являются весьма приблизительными для первой половины XIX в., но, кроме того, не учитывают затрат труда на внесение удобрений. Так как последние применялись почти исключительно в нечерноземных районах, цифры, показывающие соотношение производительности труда этих районов, следовало бы еще уменьшить. Таким образом, в районах с более благоприятными условиями производительность труда была в несколько раз выше (приблизительно от 2 до 4—5).

Производительность труда в немалой степени влияла на складывание уровней цен на зерно. Стоимость ржи в пунктах с наиболее дешевым и наиболее дорогим хлебом отличалась в XVIII — первой половине XIX в. в 4—5 раз²⁵.

На производительность труда в сельском хозяйстве тормозящее влияние оказывали феодально-крепостнические отношения. При барщинной форме эксплуатации невозможно было заставить крестьянина трудиться на помещика так же тщательно, как и на себя. В середине XIX в. производительность труда барщинных крестьян на своем участке была не менее чем в 2 раза выше, чем на земле помещика²⁶. Даже при более благоприятной для крестьянского хозяйства оброчной форме эксплуатации крестьянину трудно было проявить инициативу, уйти от старых, рутинных способов труда.

Инициативу и самостоятельность сельского населения сдерживало также общинное землевладение, существовавшее в большинстве губерний Европейской России. Вся земля общины делилась на несколько полей, имевших почву разного качества, и все крестьянские хозяйства получали наделы в каждом из этих полей. Следствием этого была че-

²⁴ «Естественно-историческое районирование СССР». Труды комиссии по естественно-историческому районированию СССР. Т. I. М.-Л. 1947, стр. 353.

²⁵ См. И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. Указ. соч., стр. 80—81, 121, 152.

²⁶ И. Д. Ковальченко. Указ. соч., стр. 337.

респалосина, при которой поля состояли из большого числа мелких клочков земли. Это затрудняло их обработку, а на многочисленных межах беспрепятственно размножались сорняки и вредители растений. Крестьянин был лишен возможности применить собственные способы обработки земли, так как на всех полях существовал один севооборот, которому вынужденно и подчинялось каждое хозяйство. Череспалосина мешала и крестьянам и помещикам. А. Т. Болотов при всем своем желании в XVIII в. не смог перейти от трехполья к семипольному севообороту. «При сих экономических затеях и упражнениях,— писал он,— ничто мне так не досаждало, как наша череспалосина или то обстоятельство, что я жил в деревне не один, а с другими владельцами, и как полевая земля, так и все другие уголья были у нас в общем владении и не в разделе, а пашенная земля разделена была подесятинно и владение оной переменяно чрезвычайным образом»²⁷. В первой половине XIX в. помещики при поддержке правительства пытаются осуществить «полюбовный» раздел земель, но и перед крестьянской реформой большая часть помещичьих земель не была разделена. В 40-х годах в Новгородской губ. $\frac{2}{5}$ пахотных земель находились в череспалосном владении, в Курской — $\frac{4}{5}$, в Орловской — $\frac{2}{3}$; значительную долю череспалосные владения занимали и в других губерниях²⁸.

Социальные факторы серьезно влияли на выбор крестьянами видов сельскохозяйственной деятельности. В XVIII в. лен и конопля крайне редко возделывались в хозяйстве помещиков, так как, будучи трудоемкими, эти культуры оказывались нерентабельными в условиях барщинного труда²⁹. Почти не удавалось в то время помещикам и разведение в больших количествах скота из-за низкой эффективности барщинного труда по уходу за ним. В первой половине XIX в. на Правобережной Украине быстро росли посевы пшеницы в связи с появившейся возможностью массового вывоза хлеба за границу через черноморские порты³⁰.

Значительной была роль природных факторов в развитии промышленности и ремесла. В связи с совершенствованием техники в XVIII—первой половине XIX в. во многом изменился характер необходимых для промышленности видов сырья. Правда, увеличилась за это время и территория страны. Она в целом была хорошо обеспечена ресурсами для основных отраслей промышленности, причем в ряде случаев эти ресурсы были исключительными по количеству и качеству (уральские железо, платина, хром и драгоценные камни, золото, запасы древесины, поваренной соли и т. д.). Россия в целом, несомненно, имела наиболее благоприятные из европейских стран природные условия для промышленного развития. Затруднения с сырьем наблюдались в то время лишь в редких случаях (некоторые виды текстильного сырья, растительные краски). Правда, развитие промышленности осложнялось тем, что многие важные виды сырья располагались вдали от плотно заселенных районов страны: на Урале, Нижней Волге, в Сибири. Огромные расстояния и несовершенные средства сообщения удорожали стоимость сырья и затрудняли развитие промышленности.

Природные условия серьезно влияли на размещение промышленности и ремесла. В XVIII—первой половине XIX в. основные районы сосредоточения горнодобывающей и металлургической промышленности переместились: вместо подмосковных и северо-западных областей они передвинулись на Урал, Алтай, в Забайкалье, то есть в места с наи-

²⁷ А. Т. Болотов. Указ. соч. Т. II, стр. 321.

²⁸ К. Арсеньев. Статистические очерки России. СПб. 1848, стр. 258, 260, 432, 434.

²⁹ Е. И. Илдова. Указ. соч., стр. 143.

³⁰ «Очерки экономической истории России первой половины XIX века». М. 1959, стр. 12.

более благоприятными сырьевыми и топливными (дровяными) ресурсами. В лесистых средневоложских, приуральских и северных губерниях размещались промыслы по лесопильной, механической и химической обработке дерева. Заметно было также влияние природных условий на размещение ряда отраслей, использовавших сельскохозяйственное сырье. Так, производство солдатского сукна было сосредоточено в районах Левобережной Украины, Воронежской и Симбирской губ., близких к местам разведения овец; льняных тканей и пеньки — в западных губерниях и на Верхней Волге, то есть в местах возделывания конопли и льна; свеклосахарные заводы — главным образом в областях выращивания сахарной свеклы, на Украине и в Черноземном центре³¹.

Но основные пункты обрабатывающей промышленности были расположены в районе, который имел наибольшую плотность населения и крупные города, — в Промышленном центре и в Петербургской губернии. Производство металлических изделий, хлопчатобумажная, шелковая и частично суконная, химическая отрасли производства развивались в первую очередь в этом районе. Можно считать, что в XVIII — первой половине XIX в. происходит дифференциация, приближение промышленности металлургической и перерабатывающей сельскохозяйственное сырье к районам сырья, а обрабатывающей — к районам наибольшего скопления населения, к центральным губерниям страны.

В тот же период были достигнуты заметные успехи в геологическом обследовании страны. С середины XVIII в. проводятся регулярные разведки сложных крупных месторождений. В конце XVIII в. проходят знаменитые академические экспедиции; исследование недр России ведется все убыстряющимися темпами. Открытие месторождений минералов во вновь заселяемых районах требовало обычно довольно значительного времени и труда. Сопоставляя время освоения районов Урала и Сибири со временем открытия в этих местах наиболее ценных для того периода полезных ископаемых, можно прийти к выводу, что основные месторождения важнейших полезных ископаемых были открыты через 100—150 лет после начала освоения данного района, то есть уже тогда, когда он имел сравнительно густое население и солидный опыт поисков. Тогдашний уровень развития геологии делал разведку минералов весьма ненадежной и во многом зависящей от случайностей. Известны факты, когда рудознатцы, будучи на месте выхода руд или рядом с ним, не могли их найти. Так, В. де Геннин писал Петру I, что месторождение меди, на котором работал Выйский завод, истощилось. А почти через 100 лет вблизи завода обнаружили богатейшее Меднорудянское месторождение. М. М. Пеходяшин в середине XVIII в. искал медь на том месте, где впоследствии действовал Богословский рудник; не докопав одного метра до открытых через полвека запасов руды, он прекратил разведку. В начале XVIII в. было забраковано знаменитое впоследствии Гумешевское месторождение; оно было оценено по достоинству лишь спустя полтора десятка лет³².

Размеры и степень развития отраслей промышленности определялись в основном социальными причинами. Отсталость экономики и социального строя России от передовых стран Европы заметно проявлялась и в использовании природных ресурсов страны. Несмотря на природные богатства, перед крестьянской реформой Россия ввозила 87,3% каменного угля, 69,8% химических продуктов, 50% стали, 46% льняных тканей, а экспорт меди, железа и чугуна был ниже импорта³³.

³¹ П. Крюков. Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России, служащий текстом промышленной карты. СПб. 1853. стр. 31, 34—35, 41.

³² Ф. Бублейников. Указ. соч., стр. 65, 67, 71.

³³ С. А. Покровский. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М. 1947, стр. 224.

В больших количествах ввозился из-за границы свинец³⁴, хотя собственных серебряно-свинцовых месторождений было вполне достаточно. Низким уровнем технологии отличалась русская селитряная промышленность. По мнению председателя Общества техников в Риге Фиркса, в России при наличии отличных ресурсов для этого производства из одного и того же количества сырья получалось в 2—3 раза меньше селитры, чем в западных государствах³⁵. Высокий акциз на поваренную и глауберову соль, из которых изготовлялась сода, давал правительству огромные доходы, но в то же время значительно затруднял развитие важной для народного хозяйства содовой промышленности³⁶.

Феодально-крепостнические отношения часто способствовали созданию таких условий, при которых многие природные ресурсы не находили применения, хотя технически были вполне доступны. Правительство давало премии тем, кто откроет новые месторождения, но рудознатцев ожидало серьезное сопротивление со стороны владельцев земель. Последние не хотели открытия новых месторождений руд в своих владениях: сами они часто были не в состоянии строить новые заводы и опасались, что правительство, пользуясь указами Петра I, разрешит другим заводчикам организовывать предприятия на их землях. Поэтому они всячески преследовали рудознатцев. Большинству государственных крестьян, живших в этих районах, также было невыгодно открытие новых месторождений. Крестьяне знали, что именно им придется работать на новом заводе или возить на старый руду из нового рудника и что их хозяйство от этого серьезно пострадает. В связи с этим происходили даже жестокие расправы крестьян с теми, кто открывал новые выходы руды. Недаром, когда в 1722 г. уральский крестьянин Иван Рычков нашел руду в трех верстах от деревни, он не стал об этом заявлять администрации, так как «если мне место указать, то де почнут медную руду промышленять а нашей де деревне от того будет утеснение»³⁷.

Роль социальных факторов ярко проявлялась при использовании природных ресурсов Урала для производства чугуна. В XVIII в. богатейшие запасы руды и древесного топлива в сочетании с дешевым крепостным трудом дали возможность правительству и заводчикам выплавлять здесь огромное количество чугуна на экспорт и стать ведущей страной в мире по его производству. Больше всего чугуна в то время покупала Англия, обладавшая хорошими запасами руды, но имевшая очень мало древесного топлива. Однако к концу XVIII в. базировавшаяся уже на буржуазной основе металлургическая промышленность Англии все в большей степени использует в качестве топлива каменный уголь, и ввоз русского чугуна постепенно падает. Крепостное право, тормозившее развитие производства и внутреннего рынка, было причиной того, что в России на душу населения производилось значительно меньше чугуна, чем в буржуазных странах (перед крестьянской реформой в 2,5 раза меньше, чем в Англии, и в 3,5 раза меньше, чем во Франции). Железо было слишком дорого для крестьян, и поэтому они ограничивались лишь самыми необходимыми металлическими изделиями³⁸.

Немалое значение имела внешняя торговля, обеспечивавшая страну теми видами сырья, которых не было на ее территории. Это в первую очередь хлопок, шелк-сырец, некоторые виды красок, сахарный тростник (XVIII в.).

³⁴ «Памятная книжка для русских горных людей на 1862 год». СПб. 1872. стр. 164.

³⁵ «Об упадке селитряной промышленности в России». «Морской сборник», 1860. № 9, часть неофициальная, стр. 536—540.

³⁶ П. М. Лукьянов. Указ. соч. Т. II, стр. 656.

³⁷ Д. Кашинцев. Указ. соч., стр. 60—61.

³⁸ «Очерки экономической истории России первой половины XIX века», стр. 200.

Серьезное влияние природные условия оказывали на работу транспорта. Наиболее важную роль в перевозке грузов внутри России XVIII — первой половины XIX в. играл водный транспорт. Речной транспорт двигался по «готовой» дороге: иногда для плавания судов не нужно было производить никаких дополнительных работ, прокладка же гужевых дорог требовала огромных затрат труда. Вторым существенным преимуществом было то, что при небольших скоростях передвижения сила трения о воду значительно меньше, чем на грунтовой дороге. В результате при одной и той же силе тяги по воде можно было переместить в несколько десятков раз более тяжелый груз, чем по грунтовой дороге. В среднем лошадь везла воз в 15—25 пудов. На Вышневолоцких каналах барку водоизмещением 130—180 т тянули 10 лошадей, а при движении вверх по р. Мологе барку с грузом 3 тыс. пуд. тянули всего 4 лошади³⁹. Таким образом, на водных путях на каждую лошадь приходилось в 30—75 раз больше груза, чем на сухопутных.

Густая речная сеть в большинстве районов Европейской России способствовала развитию водного транспорта, а отсутствие гор облегчало прокладку каналов. В середине XIX в. в Европейской России, по неполным данным, насчитывалось 60 судоходных рек⁴⁰. Кроме того, имелось немало рек, по которым можно было плавать только во время половодья. Общая продолжительность навигации определялась для Европейской России в среднем в 239 дней; для северных рек она составляла 6—6,5 месяца, для южных — 8—10 месяцев⁴¹. В первой половине XIX в. малые суда, которые могли перевозить грузы на далекие расстояния, имели грузоподъемность не менее 10—30 т и требовали для себя глубин 40—60 сантиметров.

Серьезным препятствием для судоходства являлись пороги, которые имелись не менее чем на 10 судоходных реках. Почти на всех из них были также мели и перекаты. Обычно после весеннего половодья вода наносила новые острова или отмели, и на многих реках надо было каждый год приспосабливаться к изменившейся обстановке. По этой причине чрезвычайно трудным было судоходство на Дону. Даже на Волге общая длина мелей и перекатов составляла почти 90 верст⁴². Волга и ее притоки играли особую роль во внутренних перевозках. Волжский бассейн давал возможность перевозить $\frac{3}{4}$ по весу и $\frac{4}{5}$ по стоимости от всех грузов, шедших по водным путям⁴³. В ряде южных районов внутреннего судоходства не было совсем или оно было развито очень слабо. Перед крестьянской реформой не было судоходства в Харьковской губ.; почти отсутствовало оно в Воронежской, Пензенской, Тамбовской губ., в Прикубанье.

Важным шагом вперед было создание системы каналов. Длина всех каналов в России к 1849 г. составляла 615 верст, а общая протяженность искусственной линии судоходства — 1236 верст. Особенностью движения по каналам было то, что суда не могли по ним плыть самостоятельно, а должны были передвигаться с помощью конной тяги или бурлаков. Каналы оказались, в сущности, не чисто водными путями, а водно-сухопутными. В первой половине XIX в. были проведены работы по расчистке порогов на некоторых реках (Нева, Волхов, Западная Двина). Для временного улучшения судоходных условий использовался

³⁹ «Военно-статистическое обозрение Российской империи». Т. IV, ч. 1. «Военно-статистическое обозрение Тверской губ.». СПб. 1848, стр. 149, 152.

⁴⁰ «Обзор внутреннего судоходства Европейской России за 1854 год». Ведомость об открытии и закрытии судоходства в 1854 г. СПб. 1855, стр. 1—6.

⁴¹ «Статистический временник Российской империи». II, вып. 2. 1872, стр. XLVIII.

⁴² «Судоходный дорожник Европейской России». Ч. I. СПб. 1854, стр. LVII—LVIII.

⁴³ В. З. Дробышев, И. Д. Ковальченко, А. В. Муравьев. Указ. соч., стр. 256.

спуск воды, удерживаемой плотинами. При таком способе, применявшемся на Верхней Волге, Оке, Цне и ряде каналов, объем текущей воды возрастал и судам удавалось преодолевать опасные места. Важное значение имело создание транзитного водного пути Урал — Центр — Петербург. Это дало возможность доставлять уральское железо в районы Петербурга и Центра дешевым водным путем. Таким образом, в рассматриваемый период человек сумел благодаря частичным изменениям природы улучшить условия судоходства в Европейской России.

В отличие от водных путей постоянные сухопутные дороги не могли проходить по созданной только природой поверхности — их прокладывали лишь по территории, измененной или затронутой деятельностью человека. Роль природных факторов в создании сухопутных средств транспорта, их прямое влияние на характер транспортных магистралей значительно меньше. На прокладку гужевых дорог благоприятно влияло отсутствие резких контрастов рельефа в Восточной Европе. Грунтовые дороги легче всего было прокладывать в степной полосе, сложнее — в лесной, особенно при наличии болот. Качество этих дорог зависело и от состава почвы. При слишком большом количестве глины дорога легко размокает и становится непроезжей; при излишнем количестве песка она теряет упругость⁴⁴. Сухопутные дороги были подвержены сезонности: проезд по ним чрезвычайно затруднялся в период распутицы, зимой колесные повозки заменялись санями. Поскольку при этом уменьшается сопротивление поверхности движению, при езде по снегу можно было увеличивать скорость или нагрузку на экипаж. Зимой дороги нередко прокладывались через замерзшие озера или болота, а также по льду рек, что позволяло иногда значительно сократить длину пути. Строители уже в конце XVIII в. в целом верно выбирали наиболее целесообразные приемы сооружения дорог на пересеченной местности.

Благодаря колоссальному труду народа в XVIII — первой половине XIX в. было построено много важных дорог. На реках возводились каменные и чугунные мосты, тщательно засыпались болота. В 30—50-х годах XIX в. активно велось строительство шоссейных дорог, имевших твердое покрытие и допускавших движение даже в период распутицы. К моменту крестьянской реформы шоссейные дороги соединили все важнейшие города Европейской России; общая их длина составила 8862 версты. Однако остальные дороги, особенно местного значения, по-прежнему были сезонными и непроезжими во время разливов или дождей. Отсутствие хороших дорог в южных районах страны дало себя знать во время Крымской войны, когда повозки с боеприпасами и подкреплением часто увязали в грязи.

Феодальные отношения, в немалой степени затруднявшие строительство сухопутных дорог, препятствовали и созданию большого торгового флота. Из фактов, приведенных в 1804 г. Комитетом об устройстве кораблестроительной части, следует, что производительность труда в кораблестроении в России была в 8 раз ниже, чем в Англии. Корабельный мастер Бухтесв говорил (1839 г.), что в России большинство купеческих судов строят «брадатые мастера, взятые вчера от сохи и не знающие даже, что прямой угол содержит 90°». Он же писал, что на южных морях страны строятся по чертежам и обладают достаточной прочностью не более $\frac{1}{5}$ части всех торговых кораблей, остальные же отличаются низким качеством⁴⁵.

В результате использования природы человеком в различных сферах его деятельности произошли заметные изменения географической

⁴⁴ М. Сумгин. Краткий курс дорожной геофизики. М. 1931, стр. 67.

⁴⁵ М. В. Познер. Исторический обзор правительственных распоряжений для развития русского торгового судоходства. СПб. 1895, стр. 143.

среды. Значительно сократились площади, занятые лесом. Он широко шел на нужды отопления, лесохимической промышленности, плотницкого и столярного дела. По мнению М. А. Цейтлина, в середине XIX в. в лесах России заготавливалось ежегодно не менее 35 млн. куб. саженей древесины для народного хозяйства. Леса серьезно страдали от пожаров, возникавших нередко по вине человека⁴⁶. Под воздействием деятельности крестьян заметно изменилось соотношение различных угодий в Европейской России. По расчетам М. А. Цветкова, здесь в 1696 г. лес занимал 52,7% всей площади, пашни — 7,9%, сенокосы и другие удобные земли — 16,5%; 22,9% приходилось на неудобные земли. В 1861 г. на той же территории пашня составляла уже 20%, сенокосы и другие удобные земли — 14,6%, лес — 42,3%, неудобные земли — 23,1%⁴⁷. Таким образом, площадь, занятая лесом, сократилась на 10,4%.

Однако с начала XVIII в. очевидным стал и противоположно направленный процесс воздействия человека на природу — посадки деревьев. До крестьянской реформы площадь посадок в Европейской России составила 300—350 тыс. десятин⁴⁸. Но это равнялось всего 0,6—0,7% от общего количества истребленного за полтора века леса.

Вырубки леса, распашки степей, охота привели к тому, что в лесных районах с относительно густым населением почти полностью исчезли такие животные, как косуля, олень, тетерев (на окраинах они еще оставались). Меньше стало в центральных губерниях медведей. В степной и лесостепной полосе к середине XIX в. были истреблены тарпаны, которые еще в XVIII в. встречались нередко; почти исчез сайгак, значительно меньше стало грызунов, обитающих в густых кустарниках дикой степи, — байбака и степной сеноставки. Зато возросло количество сусликов, очень хорошо приспособленных к жизни среди полей. Сильно поредели стаи степных птиц: белой куропатки, дрофы, пеликанов и особенно резко — стрепета⁴⁹. Наряду с этим продолжало расти поголовье различных видов домашнего скота. В конце 40-х годов XIX в. в Европейской части страны насчитывалось 90,3 млн. голов скота⁵⁰.

Значительным было изменение гидрографии Европейской России. Почти при каждой крупной деревне имелся пруд, а иногда два. Вероятно, следует говорить о существовании в середине XIX в. 25 тыс. прудов в Европейской России. В конце 50-х годов XIX в. в губерниях Тульской, Рязанской, Самарской, Курской, Тверской, Черниговской и Нижегородской (сельские жители которых составляли 15% всего сельского населения Европейской России) насчитывалось в общей сложности более 3088 прудов⁵¹. Общая площадь всех искусственных водоемов к концу периода феодализма, вероятно, достигала в регионе нескольких тысяч квадратных километров.

Ряд рек в этот период изменил свое русло под воздействием человека, в том числе две довольно крупные: Кубань, которая после прорытия канала в 1819 г. стала впадать в Ахтанизовский лиман Азовского

⁴⁶ М. А. Цейтлин. Указ. соч., стр. 25.

⁴⁷ М. А. Цветков. Указ. соч., стр. 110, 115.

⁴⁸ Подсчитано по: М. А. Цветков. Указ. соч., стр. 138—168.

⁴⁹ См. С. В. Кириков. Изменения животного мира в природных зонах СССР. Лесная зона и лесотундра; его же. Изменения животного мира в природных зонах СССР. Степная зона и лесостепь.

⁵⁰ 16,7 млн. лошадей, 23,2 млн. крупного рогатого скота, 39 млн. овец, 10,2 млн. свиней, 1,2 млн. прочего скота (подсчет произведен по: К. Арсеньев. Указ. соч., стр. 225—475).

⁵¹ Подсчитано на основании следующих источников: «Города и селения Тульской губернии в 1857 г.». СПб. 1858; «Рязанская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г.». СПб. 1862; «Курская губерния. Список населенных мест по сведениям 1862 г.». СПб. 1868; «Списки населенных мест Российской империи. XLIII. Тверская губерния». СПб. 1862; «Списки... XXV. Нижегородская губерния». СПб. 1863; «Списки... XXXV. Самарская губерния». СПб. 1864; «Списки... Черниговская губерния». СПб. 1866.

моря, а старое ее русло (Черноморское) постепенно высохло, и Вуокса, которая была соединена с помощью взрывных работ с озером Суходольским (1857 г.)⁵². Реки Европейской России, на берегах которых стояли крупные города, сильно загрязнялись. Особенно легко засорялись реки и каналы, в которых течение воды было замедленным. Кое-где стало чувствоваться также загрязнение рек сточными водами промышленного характера. В Петербурге уже к 90-м годам XVIII в. пришлось перенести из центра большинство кожевенных заводов, «дабы не сорили воду в городе»⁵³.

Весьма заметным стало и геологическое воздействие человека на природу. Оно проявлялось прежде всего в освоении полезных ископаемых, извлечении их из земных недр. Глубина рудников и различных выработок была подчас значительной. В 30-х годах XVIII в. глубина уральских рудников составляла 28—50 метров. В первой половине XIX в. Риддерский рудник имел глубину 49 м, Воздвиженское месторождение (около Нерчинского завода) было выработано до 70—80 м; рудник Благодатский — до 140 м, а Змеиногорское месторождение в 1835 г. оставлено на глубине 215 метров⁵⁴. Ряд месторождений был настолько выработан, что это влекло за собой свертывание производства или использование другого сырья (медистые песчаники в Прикамье, соляные источники северо-восточной части Европейской России).

Под влиянием трудовой деятельности человека во многом изменился поверхностный слой почвы. Местами он был заменен различными видами искусственных покрытий; в крупных городах берега рек укреплялись каменными или деревянными сооружениями. Большое значение имела постоянная обработка почвы земледельцами. Проводимая, как правило, на низком техническом уровне, вспашка захватывала лишь верхний слой почвы до глубины 10—12 см, что приводило очень часто к постепенному ее истощению. Верхний слой, лишенный поддержки растений, постепенно удалялся с полей ветрами и дождями. В южных районах подобная распашка дикой степи приводила к иссушению почвы, снижению уровня подпочвенных вод, образованию оврагов, смыву верхних горизонтов почвы дождями⁵⁵. Все это влекло за собой засухи, неурожаи, серьезно затрудняло развитие земледелия.

Но были и положительные результаты деятельности человека: в производстве использовались сырье культурных растений, продукты, полученные от прирученных животных (шерсть, жир, кости, кровь), побочные продукты человеческой жизнедеятельности (селитра, например, изготовлялась «из разного мусора, находящегося под избами»⁵⁶). Исходными материалами для производства ряда изделий были ранее изготовленные человеком вещи. В 1859 г. три петербургских металлургических завода постоянно пользовались железным ломом⁵⁷; в строительстве употреблялись остатки старых построек; при изготовлении бумаги сырьем служило тряпье; гончары обычно добавляли в глину шамот (толченая старая керамика); серебряные и медные изделия нередко шли на переплавку.

Вопрос об особенностях развития любой страны, а тем более о причинах, вызывавших эти особенности, весьма сложен. В складывании их огромную роль играют общественные факторы — социальные,

⁵² Ф. Навозова. Краснодарский край. Краснодар. 1955, стр. 60; С. В. Калесник. Ладожское озеро. Л. 1968, стр. 11.

⁵³ «Очерки истории Ленинграда». Т. I. М.-Л. 1955, стр. 273.

⁵⁴ В. А. Обручев. Рудные месторождения. Часть описательная. Л.-М. 1935, стр. 265, 388, 262.

⁵⁵ В. В. Докучаев. Наши степи прежде и теперь. Избранные труды. М. 1949, стр. 363—364 и др.

⁵⁶ П. М. Лукьянов. Краткая история химической промышленности СССР. М. 1959, стр. 38.

⁵⁷ «Памятная книжка для русских горных людей на 1852 год», стр. 76.

политические, этнические и т. д. Но существенное значение имеют и природные условия. Они не благоприятствовали населению, занимавшемуся сельским хозяйством. Более длинная и суровая зима, чем в странах Западной Европы, более короткие весна и осень, меньшее количество осадков приводили к тому, что период сельскохозяйственных работ на востоке был намного короче: вместо 8 месяцев, как в большинстве европейских государств, он длился всего 5—7 месяцев⁵⁸. Засухи в Западной Европе бывают весьма редко. Кроме того, климатические условия России не позволяли выращивать ряд ценных теплолюбивых культур, которые возделывались в остальной части материка.

По-видимому, ряд природных особенностей, в частности относительное однообразие природных условий Восточно-Европейской равнины, в XVIII—XIX вв. влияли на замедленное (по сравнению с западноевропейскими государствами) складывание всероссийского рынка. К. Маркс отмечал, что «не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится вести свое хозяйство человеку, это разнообразие способствует умножению его собственных потребностей, средств и способов труда»⁵⁹. Разнообразие природных условий стимулирует обмен товарами, облегчает специализацию труда, способствует развитию экономических связей, росту производительных сил. И, конечно, многие европейские страны (например, Италия, Англия, Франция), в которых низменные районы соседствуют с горными, приморские — с удаленными от моря, плодородные земли — с территориями, богатыми полезными ископаемыми и т. д., имели в этом отношении преимущество перед Россией.

Россия располагала огромными территориями, а количество жителей в ней было лишь немногим больше, чем в крупных странах Европы. Это приводило к очень низкой плотности населения (в 1800 г. она составляла около восьми человек на кв. м в Европейской России, при 40—49 — в большинстве западноевропейских стран⁶⁰). Конечно, плотность населения сама по себе не определяет уровень экономического развития, но при прочих равных условиях концентрация населения способствует ускорению этого развития, облегчая передачу производственного опыта, ускоряя разделение труда. При высокой плотности населения значительно легче строить сухопутные дороги, требующие больших затрат труда. Низкая плотность населения обуславливала медленное хозяйственное освоение окраин России. Государства Западной Европы, имевшие меньшие размеры, уже в период средневековья заселили основную площадь своих стран; в дальнейшем рост населения в некоторых из них приводил к эмиграции. В России же освоение новых районов продолжалось и позже.

Краткость сельскохозяйственного периода, зависевшая от климатических условий Восточной Европы, заставляла крестьян в свободные от полевых работ месяцы заниматься домашней промышленностью и промыслами. А это уменьшало их потребность в изделиях ремесленников, тормозило развитие промышленности, рыночных отношений.

Итак, особенности природных условий России оказывали значительное воздействие на развитие экономики страны в XVIII — первой половине XIX века. Но основную роль во взаимовлиянии природы и общества играли, конечно, факторы социальные.

⁵⁸ М. И. Венюков. О физико-географических условиях расселения русского народа. «Русская мысль», 1881, кн. 1, стр. 44.

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 522.

⁶⁰ Б. Ц. Урланис. Рост населения в Европе. М. 1941, стр. 357.

БРИТАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ МИРА: ГЕНЕЗИС, ЭВОЛЮЦИЯ, ОСОБЕННОСТИ (1945—1978 гг.)

И. И. Жигалов

«Нельзя рассчитывать на то, что без активных действий международной общественности, самых широких политических сил удастся повернуть ход событий — от вооружения к разоружению»¹, — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, выступая в Праге 31 мая 1978 года.

Антивоенное движение в Англии, являясь составной и органической частью всепланетного движения в защиту мира, имеет свои характерные особенности. Дело в том, что Англия, окончив вторую мировую войну в числе стран-победительниц, в составе «большой тройки», несмотря на явное ослабление в послевоенные годы своих позиций, продолжает оставаться ведущей военной державой Западной Европы. Характерной для Англии на протяжении всех послевоенных лет была тенденция к постоянному увеличению государственных расходов на военные цели. В течение всего этого периода военный бюджет Великобритании был одним из самых больших среди капиталистических стран мира². Англия усиливала гонку вооружений, увеличивала свой военный вклад в НАТО, способствовала упрочению позиции агрессивных блоков. Она являлась единственной страной Западной Европы, состоявшей активным членом одновременно трех региональных военных блоков — НАТО, СЕАТО и СЕНТО. Она активно потворствовала восстановлению германского империализма, поддерживала агрессивные акции США, вела колониальные войны и т. п. С 1954 г. Великобритания производит атомное оружие, с 1957 г. — термоядерное. Ее вооруженные силы расположены в различных частях земного шара. На ее территории сформировался мощный военно-промышленный комплекс. Как экспортер оружия, она занимает третье место в капиталистическом мире (после США и Франции).

Все это не могло не вызвать в этой стране к жизни реакцию прогрессивных сил: антивоенные, антиимпериалистические движения, острую социально-политическую борьбу по вопросам войны и мира, против угрозы новой мировой войны, за сокращение военных расходов, за разрядку международной напряженности. Важной особенностью британского антивоенного движения было то, что оно не ограничивалось только борьбой с собственно военной опасностью, но касалось многих глобальных вопросов мировой политики, занимало определенные позиции по узловым проблемам международной жизни. В отдельные периоды это движение втягивало в свою орбиту сотни тысяч людей, политические партии, профсоюзы, влиятельные общественные объединения и ассоциации. Внутриполитическая борьба по проблемам войны и мира вызвала к жизни весьма специфические формы и методы, получившие

¹ «Правда», LVII, 1978.

² См. «SIPRI. Yearbook of World Armaments and Disarmaments, 1968/1969». Uppsala, 1969, p. 260.

международную известность и признание («Комитет прямых действий», «Движение за ядерное разоружение», «Комитет 100», борьба за одностороннее ядерное разоружение, Олдермастонские походы, кампания гражданского неповиновения и т. д.). Из среды британских сторонников мира вышли крупные деятели, оказавшие заметное влияние на национальное и международное движение в защиту мира, — Х. Джонсон, Д. Бернал, А. Монтегю, Б. Рассел, Г. Шаффер, Д. Коллинз и др.

Цель данной статьи — рассмотреть историографию, генезис, эволюцию и специфику британского антивоенного движения после 1945 г., его причины, характер, движущие силы, идейно-политическое направление, наметить его периодизацию, охарактеризовать современный этап его развития.

Важная роль Великобритании в современном мире, масштабы и особенности движения в защиту мира в стране обусловили тот факт, что проблемы английского движения поборников мира, ядерного разоружения и разрядки получили освещение как в западноевропейской и американской, так и в советской литературе.

Несмотря на то, что в последние годы на Западе изучение жизненно важной проблемы войны и мира выделяется в самостоятельную отрасль знаний — а именно науку о мире (в ряде стран появились даже так называемая плеомология — наука о происхождении и предупреждении войны — и специфическое течение общественной мысли — исследование проблем мира — «peace research»), английская буржуазная историография стремится игнорировать или по крайней мере принизить значение антивоенного движения в стране, деятельности массовых организаций в защиту мира. Примером может служить книга знатока внутривнутриполитической обстановки в Англии А. Сэмпсона, называемая многими «энциклопедией британского образа жизни». В этой объемистой работе даже не названы такие крупные антивоенные формирования, как «Движение за ядерное разоружение»³. Недостаточное внимание буржуазных исследователей к внутривнутриполитической борьбе не случайно. Это связано с их попытками замолчать, игнорировать и исказить такую закономерность исторического развития, как возрастание роли народных масс в общественно-политической жизни, усиление влияния общественности на международную политику, на исход противоборства сил мира и сторонников агрессивного курса и гонки вооружений в различных странах, и в частности в Англии, представить эту роль и это влияние в негативном плане. Британские буржуазные историки и политические деятели фальсифицируют историю внутривнутриполитической жизни своей страны, борьбы по проблемам войны и мира, антивоенных выступлений масс как одного из основных стимулов развития рабочего движения, пытаются доказать, что все помыслы трудящихся сосредоточены на улучшении своего благосостояния и что в вопросах внешней политики они полностью поддерживают правительственный курс.

Историография британского антивоенного движения весьма специфична и в том смысле, что в ней трудно еще определить четкие направления или выделить те или иные школы. Хотя в западной литературе имеется значительное число публикаций, в которых фиксируется наличие движения в защиту мира в Англии или оцениваются его отдельные стороны, многие работы носят публицистический характер. Специальные исследовательские монографии и научные статьи по данной проблеме насчитываются буквально единицами.

Первой из этих работ была книга сотрудника либеральной газеты «Guardian» пацифиста К. Драйвера, в которой исследуется «Движение за ядерное разоружение» с момента его возникновения в 1958 году⁴.

³ А. Сэмпсон. Новая анатомия Британии. М. 1975.

⁴ Ch. Driver. The Disarmers. A Study in Protest. L. 1964.

Автор обстоятельно излагает историю этого крупнейшего антивоенного формирования, раскрывает его прогрессивный характер, приводит много интересных фактов. Однако, выпячивая на первый план пацифистов, он фактически игнорирует ту важную роль, которую играли в этой организации коммунисты, сторонники Английского комитета защиты мира. Спустя несколько лет вышла книга Ф. Паркина, в которой предпринята попытка социологического анализа того же движения⁵. В ней содержится немало интересного материала, но ее органическим недостатком является то, что она опирается на опросы сторонников мира, проведенные значительно позже 1963 г., то есть после подписания Договора о частичном запрещении ядерных испытаний, когда период наиболее активной борьбы против них уже миновал. В движении поборников мира значителен удельный вес молодежи, студенчества. С этой точки зрения представляет интерес книга правого лейбориста К. Кроуча⁶, из которой явствует, что часть английской молодежи дезориентирована в вопросах общественной жизни. Вызывают возражения утверждения автора, что усиление радикальных настроений в среде молодежи связано с ошибками правительства, «некоторыми недостатками буржуазного общества», «негибкими формами» политического строя и т. д.

Среди западных историков, исследующих различные аспекты британского антивоенного движения, выделяются своей активностью американские. Они пристально следили за внутренним положением в Англии и позицией различных политических сил. Их интерес к указанным вопросам был связан с политическими целями. Профессор Йельского университета Б. Рассэт в книге об отношениях между Англией и США рассматривал успехи борцов за мир и разоружение в Великобритании как одну из основных опасностей для англо-американского союза. Он даже ставил вопрос, каким образом США могли бы помешать расширению борьбы за ядерное разоружение в Великобритании⁷. Л. Эпштейн по заданию «Фонда Рокфеллера» изучал положение в Англии в период суэцкого кризиса и в связи с борьбой по вопросам ядерной политики⁸. В Колумбийском университете Ф. Меерсом была подготовлена диссертация о деятельности «Движения за ядерное разоружение» и «Комитета 100» в 1957—1962 годах⁹.

В целом буржуазная и лейбористская историография исследуемой проблемы бедна и крайне тенденциозна. Для нее характерно стремление возложить на СССР и другие социалистические страны ответственность за «холодную войну», игнорировать борьбу против военной опасности и гонки вооружений, деятельность антивоенного движения. Антисоветизмом и грубым извращением целей и методов деятельности британских борцов за мир отличаются работы и выступления многих праволейбористских лидеров, которые активно поддерживали политику «с позиции силы», участие Великобритании в гонке вооружений, агрессивных блоках, международных кризисах.

В западной, и в частности британской, немарксистской историографии по рассматриваемому вопросу пока слабо прослеживается тенденция отхода от позиций и оценок времен «холодной войны». Все еще активны исследователи, которых пугает поворот к мирному развитию

⁵ F. Parkin. *The Middle Class Radicalism. The Social Basis of the British Campaign for Nuclear Disarmament*. Manchester. 1968.

⁶ C. Crouch. *The Student Revolt*. L. 1970.

⁷ B. Russett. *Community and Contention. Britain and America in the Twentieth Century*. Cambridge (Mass.). 1963, p. 204.

⁸ L. Epstein. *Britain and the H-bomb*. «Review of Politics», 1959, July, № 3; e j u s d. *British Politics in the Suez Crisis*. Urbana. 1964.

⁹ F. E. Myers. *Civil Disobedience and Organizational Change: The British Committee of 100*. «Political Science Quarterly», March 1971, № 1; e j u s d. *Dilemmas in the British Peace Movement Since World War II* «Journal of Peace Research», 1973, № 1—2.

на европейском континенте, которые хотели бы сохранить Великобританию как оплот «холодной войны». Влиятельная буржуазная печать настойчиво проповедует, что «война неизбежна»¹⁰. Показательна в этом отношении позиция Х. Ситона-Уотсона. Его работы насыщены измышлениями о «новом империализме», он отождествляет внешнюю политику СССР и царской России¹¹. Знаменательно, что именно он обрушился на известного американского историка и политика Д. Кеннана, высказавшего мысль, что США следует взять на себя инициативу в сокращении ядерного потенциала¹². Разрядка международной напряженности проложила своеобразную разграничительную линию в среде буржуазных исследователей: одних она еще более сблизила с политикой империалистических кругов, других заставила усилить оппозицию милитаризму.

Английская марксистская историография, представленная в основном статьями, дает научную характеристику внутривнутриполитических процессов в своей стране, тактики Коммунистической партии Великобритании (КПВ) и ее отношения к антивоенным формированиям. Эта интерпретация содержится в материалах съездов КПВ, книгах, статьях и выступлениях ее руководящих деятелей. Для понимания особенностей развития Англии, ее внутривнутриполитических проблем, изменений в настроениях народных масс важное значение имеют книги и статьи прогрессивных исследователей (Д. Притта, А. Хатта и др.). Важно также знание публикаций крупных деятелей антивоенного движения страны, лауреатов Международной Ленинской премии мира Д. Бернала, А. Монтегю, Г. Шаффера и др.

Советская историография представлена коллективными и индивидуальными работами и статьями, в которых анализируются некоторые аспекты британского движения в защиту мира, хотя это и не являлось главной задачей этих исследований¹³. Специально посвящена изучаемой проблеме книга С. П. Перегудова о внутривнутрипартийной борьбе в лейбористской партии в связи с движением за ядерное разоружение и мир во Вьетнаме в 1957—1968 годах¹⁴. Некоторые аспекты и периоды темы рассмотрены в монографиях, статьях и разделах ряда коллективных трудов¹⁵.

В советской историографии еще нет общепризнанной периодизации британского движения в защиту мира. Задача осложняется многочис-

¹⁰ См. Дж. Уоддис. Время изменить курс. «Во что обходится капитализм». М. 1976, стр. 44.

¹¹ H. Seton-Watson. The History of the World Communism. L. 1960; e j u s d. Neither War nor Peace. L. 1960; e j u s d. The New Imperialism. L. 1961, и др.

¹² H. Seton-Watson. George Kennan's Illusion. «Encounter», November, 1976; см. об этом Ю. И. Игрицкий. Полемка по поводу разрядки на страницах журнала «Encounter». «Вопросы истории», 1977, № 10.

¹³ Из работ последних лет см.: В. В. Песчанский. Современное рабочее движение в Англии. М. 1963; А. Н. Красильников. Внешняя политика Англии и лейбористская партия. М. 1968, и др.

¹⁴ С. П. Перегудов. Антивоенное движение в Англии и лейбористская партия (1957—1968). М. 1969.

¹⁵ См., например, И. И. Жигалов. Борьба рабочего класса и Компартии Великобритании против суэцкой авантюры. «Новая и новейшая история». 1964, № 6; его же. Прогрессивные силы Великобритании в борьбе за разоружение и мир (1956—1964). М. 1965; его же. Великобритания: народ и внешняя политика. М. 1967; его же. Движение сторонников мира в Великобритании. М. 1965; его же. Олдермастонские походы и антивоенное движение в современной Великобритании. «Вопросы истории», 1965, № 3; А. Н. Красильников. Иностранные базы в Англии после второй мировой войны и борьба масс против них. «Новая и новейшая история», 1964, № 1; Г. М. Алпатова. Борьба левых лейбористов Англии за прогрессивную внешнюю политику в начале 50-х годов (1950—1953). «Ученые записки» Пермского университета, 1965, № 134; А. И. Калядин. Милитаризация и проблемы разоружения в Англии. «Западная Европа: милитаризм и разоружение». М. 1966; В. П. Лисина. Левые лейбористы Англии и начало разрядки международной напряженности в 1953 г. «Ученые записки» Пермского университета, 1966, № 149.

ленностью и комплексностью внутренних и международных факторов, влияющих на это движение. Наиболее обоснованными и убедительными вехами, связанными с важнейшими событиями в нем после 1945 г., отмечающими его развитие, подъемы и спады, могут быть следующие: 1945—1949, 1949—1957, 1957—1963, 1963—1965, 1965—1976, 1976 — конец 1977 г. и с конца 1977 г. по настоящее время.

Первый период развития британского движения в защиту мира после окончания второй мировой войны характеризуется прежде всего подъемом трудящихся масс¹⁶, связанным с влиянием на внутрисполитическое положение Англии результатов и последствий войны. Героическая борьба советского народа, который спас мир от фашистского порабощения, оказала огромное воздействие на умы и сознание англичан. Великобритания закончила войну в числе стран-победительниц. Несмотря на ослабление экономических, политических, колониальных и стратегических позиций британского империализма, она продолжала оставаться обладательницей обширных колониальных владений, ее экономическое, финансовое и политическое влияние в Азии, Африке и Латинской Америке оставалось достаточно сильным. За время войны возросли экономическая мощь и политическая роль крупнейших английских монополий. Самые опасные конкуренты Великобритании — Германия, Италия и Япония — были в числе побежденных. Серьезным внешнеполитическим фактором, способствующим повышению политического веса Англии в мире, было возглавляемое ею Содружество. Признание за Англией привычного статуса великой державы было закреплено ее местом постоянного члена Совета безопасности ООН, участием в Ялтинской и Потсдамской конференциях, в оккупации Германии и Австрии.

Сразу же после окончания войны Великобритания вместе с США фактически отказалась от дальнейшего сотрудничества с СССР, включилась в «холодную войну» и расширила масштабы враждебной Советскому Союзу деятельности. Уже 13 мая 1945 г. У. Черчилль выступал по радио с резких антисоветских позиций¹⁷. Говоря о поведении Черчилля в период Потсдамской конференции трех держав в июле—августе 1945 г., бывший американский посол в Москве Дж. Дэвис замечал, что тот встал на точку зрения Гитлера и Геббельса, стремившихся разрушить единство союзников¹⁸. Правящие круги Великобритании поставили перед собой цель не допустить победы социалистических революций в Европе и Азии, восстановить капиталистические порядки в странах Восточной Европы, разгромить национально-освободительные движения и упрочить колониальные режимы в странах Британской империи. Такая политика предусматривала консолидацию империалистических сил, нанесение удара по главному оплоту мирового революционного и демократического движения — СССР. Приход к власти лейбористов не создал серьезных препятствий для проведения этого курса.

Заметным событием, оказавшим влияние на внутрисполитическую обстановку в Англии и отразившим великодержавные амбиции ее правящей элиты на международной арене, явилась речь Черчилля 5 марта 1946 г. в американском городе Фултоне, произнесенная в присутствии президента США Г. Трумэна¹⁹. Как отмечает Э. Дзелепи, в Лондоне считали, что текст выступления Черчилля был подготовлен в сотрудничестве с лейбористским правительством. Эта речь выражала внешнеполитическую программу англо-американского блока. Черчилль предложил создать «ассоциацию народов, говорящих на английском языке»,

¹⁶ См. A. Galder. The People's War. Britain 1945—1949. N. Y. 1969.

¹⁷ Э. Дзелепи. Секрет Черчилля. М. 1975, стр. 191—192.

¹⁸ «Foreign Relations of the United States. The Conference of Berlin, 1945». Vol. 1. Washington. 1960, pp. 73—75; см. также Э. Дзелепи. Указ. соч., стр. 203.

¹⁹ «The New York Times», 6.III.1946.

и сформулировал кредо англо-американского военно-политического союза, предусматривающее организацию войны против СССР и стран народной демократии, борьбу с демократическим движением в колониях и зависимых странах, установление англо-американского господства над миром. Его речь означала своего рода ультиматум. Б. Шоу оценил ее как равносильную «неофициальному объявлению войны России»²⁰.

Подписав в марте 1948 г. Брюссельский договор о создании Западного союза и вступив в апреле 1949 г. в Североатлантический пакт, Англия еще более активизировала борьбу против СССР и социалистического лагеря. Праволейбористские лидеры и их идеологи — К. Эттли, Э. Бевин, Г. Моррисон, Д. Стрэнчи и др. — развернули яростную антисоветскую и антикоммунистическую пропаганду. В русле этой политики произошли такие события, как подписание в июле 1948 г. соглашения о размещении военных баз США в восточной части Англии, появление на ее территории первых американских бомбардировщиков, создание (это стало известно только через 30 лет²¹) при британском министерстве иностранных дел засекреченного органа — информационно-исследовательского отдела (ИИО) — для подготовки антикоммунистических изданий, которые стали заполнять публичные, школьные и университетские библиотеки. Секретарь лейбористской партии М. Филлипс 21 декабря 1947 г. подписал циркуляр о гонениях на коммунистов, а в октябре 1948 г. Генеральный совет Британского конгресса тред-юнионов (БКТ) издал «Черные циркуляры», запрещающие принимать коммунистов в тред-юнионы и т. д. Те самые круги, которые до войны считали Англию «бастионом Запада против большевизма», выступили теперь в роли вдохновителей «холодной войны».

Антинародная, реакционная внешняя политика обострила классовые противоречия в стране, усилила беспокойство ее передовой общественности за судьбы мира и демократии. Прогрессивные силы Великобритании избавлялись от присущего им ранее «безразличия к политике»²². Обострялась политическая чувствительность англичан к общему направлению официальной дипломатии. Именно в этих условиях начало разворачиваться движение в защиту мира.

Активную борьбу за мир в 1945—1949 гг. развернула КПВ; ее представители в парламенте У. Галлахер и Ф. Пирэтин систематически выступали в палате общин; по инициативе газеты «Daily Worker» в июле 1948 г. была проведена конференция, посвященная борьбе за всеобщий мир (в ней участвовали 1300 человек). Но в целом антивоенное движение в Англии в те годы еще не было массовым.

Новый этап 1949—1957 гг. был ознаменован прежде всего созданием в июле 1949 г. Английского комитета защиты мира (ближе к английскому названию — Британского комитета мира). Это было важное событие в антивоенном движении страны. Появление этой организации было закономерным следствием возникновения Всемирного движения сторонников мира, реакцией на образование Западного и Североатлантического блоков, на империалистическую агрессию против народов Индонезии, Малайзии, Греции, Вьетнама и др. Как известно, в апреле 1949 г. в Париже и Праге состоялся I конгресс сторонников мира, в состав постоянного комитета которого входили и видные английские общественные деятели Д. Бернал, Д. Н. Притт, Д. Плэттс-Миллс, Х. Джонсон. Часть из них (Д. Бернал, Д. Притт) вошла затем в руководство Английского комитета защиты мира. С первых дней своего существования он подвергся репрессиям со стороны правительствен-

²⁰ Э. Дзелепи. Указ. соч., стр. 240.

²¹ «The Observer», 31.I.1978.

²² Д. Н. Притт. Очерки внешней и внутренней политики лейбористов в 1945—1951 гг. М. 1964, стр. 9.

ных кругов. Сразу же после образования комитета исполком правящей лейбористской партии и Генсовет БКТ запретили своим членам под угрозой исключения участвовать в его работе. Генсовет БКТ отказал даже в регистрации Совету профсоюзов Лондона, объединявшему в своих рядах 600 тыс. членов, на том только основании, что этот орган выступал за мир.

Английский комитет защиты мира, несмотря на чинимые его деятельности препятствия, уже в октябре 1949 г. провел в Лондоне первый Национальный конгресс в защиту мира. Важной кампанией английских сторонников мира явился сбор подписей под Стокгольмским воззванием 1950 года. Хотя малочисленность аппарата, созданного для проведения этой кампании, равно как и угроза исключения сторонников мира из лейбористской партии и сказались на общем числе подписавших воззвание (323 тыс. человек²³), тем не менее выступления против поддерживаемой британскими империалистическими кругами агрессивной войны США в Корее способствовали расширению фронта сторонников мира в Англии²⁴.

Как известно, в 1949 г. вопреки прогнозам западных стран СССР овладел секретом атомного оружия. Это событие стало поворотным пунктом в процессе переоценки их отношений с Советским Союзом²⁵. В июле 1950 г. состоялся второй Национальный конгресс в защиту мира, обсудивший положение в связи с корейской войной. 900 делегатов, представлявших организации, в которых состояло 3 млн. человек, единодушно осудили действия США в Корее. Острая внутривнутриполитическая обстановка сложилась в связи с тем, что лейбористское правительство сорвало проведение в ноябре 1950 г. в г. Шеффилде II Всемирного конгресса сторонников мира. По указанию НАТО английские власти, встревоженные нарастанием масштабов движения в защиту мира, сделали все, чтобы не допустить проведения конгресса на территории Великобритании.

В начале 50-х годов в Англии происходило довольно активное противоборство между сторонниками реалистической политики и адвокатами гонки вооружений и перевооружения Западной Германии. Истинная воля трудящихся проявлялась тогда не в решениях Генсовета БКТ, который одобрил агрессию американского империализма в Корее, а в выступлениях и решениях профсоюзов машиностроителей, железнодорожников, автомобилестроителей и др., требовавших ослабления международной напряженности, прекращения гонки вооружений и т. п. В 1950—1951 гг. прошли национальные конференции сторонников мира. Петицию, составленную на основе Стокгольмского воззвания, подписали 1400 тыс. англичан. К концу 1951 г. по всей Великобритании действовало около 300 комитетов защиты мира, а к весне 1952 г. под обращением Совета мира о заключении Пакта мира между пятью великими державами было собрано 1,3 млн. подписей²⁶. В 1952 г. произошли забастовки машиностроителей в Манчестере, Шеффилде, Лондоне и других городах, на военных заводах «Метро-Виккерс». В ходе их наряду с экономическими выдвигались и политические требования — о заключении Пакта мира, сокращении вооружений, запрещении применения атомного и бактериологического оружия.

Хотя движение сторонников мира вследствие соглашательской позиции руководящих деятелей лейбористской партии и аполитичности значительных слоев английского общества не получило еще тогда ши-

²³ Там же, стр. 309.

²⁴ A. H u t t. British Trade Unionism. L. 1975, p. 185.

²⁵ См. Э. Д з е л е н и. Указ. соч., стр. 301—304; Н. Д. М а к л е й н. Внешняя политика Англии после Суэца. М. 1972, стр. 364.

²⁶ Ю. Д. З о р и н а. Положение и борьба рабочего класса стран Западной Европы. М. 1957, стр. 313—316.

рокого размаха, оно все же оказывало определенное сдерживающее влияние на правительство в вопросах участия в корейской войне и других милитаристских акциях. Крупным этапом в развитии антивоенного движения стала борьба трудового народа Англии, ее миролюбивых сил против агрессивной войны в Египте, в подготовке и развязывании которой активную роль сыграл британский правящий класс.

Суэцкий кризис 1956 г. явился одной из наиболее острых глобальных конфликтных ситуаций за весь период после окончания второй мировой войны. Английское правительство, возглавляемое А. Иденом (Черчилль по состоянию здоровья в апреле 1955 г. ушел в отставку), ясно показало, что оно не собирается считаться с национальными интересами и законными требованиями народов. Когда в июле 1956 г. Египет национализировал компанию Суэцкого канала (львиную долю доходов которой получала Великобритания), ее правящие круги с самого начала пытались решить вопрос силой оружия. «Национализация Египтом Суэцкого канала вызвала панику в Лондоне, где опасались, что примеру Египта могут последовать и другие арабские страны»²⁷.

Массовые выступления рабочих против войны побудили многих прогрессивно настроенных англичан, в том числе видных общественных деятелей, присоединиться к борьбе за справедливое решение суэцкого вопроса²⁸. В антивоенном движении активно участвовала молодежь²⁹, студенты³⁰, интеллигенция. От профессоров и преподавателей многих университетов и колледжей поступали резолюции, призывающие правительство покончить с войной. Примером может быть письмо протеста 95 человек из Королевского Оксфордского колледжа³¹. Ряд представителей левых кругов англиканской церкви заявили протест против применения силы в Суэце. Антивоенные заявления сделали Б. Рассел, каноник Д. Коллинз и другие. Энергичные действия рабочего класса и всех прогрессивных сил страны явились одним из факторов, заставивших правящие круги Великобритании прекратить военные действия против Египта. Характерной особенностью этого широкого движения против сил реакции и войны было то, что оно шло снизу.

Борьба против развязанной консерваторами агрессии стала важнейшим событием в истории антивоенного движения английского народа после второй мировой войны и отправным моментом для последующего его этапа. Активная роль английских правящих кругов в развязывании агрессии против Египта, а также все большая ставка на развитие собственного атомного оружия явились для значительных слоев населения и отрезвляющим уроком и тревожным сигналом. Видный деятель рабочего движения А. Хатт отмечает, что к 1957 г. вопрос ядерного разоружения становится центральным³². Именно эта проблема и была главной для британских поборников мира в 1957—1963 гг., то есть до подписания Московского договора о частичном запрещении испытаний ядерного оружия.

В 1957 г. правительство утвердило пятилетний план перевооружения Англии и превращения ее в «независимую термоядерную державу». Не случайно лидер лейбористов Х. Гейтскелл опубликовал тогда книгу, в которой пытался опровергнуть как принципы, так и политику мирного сосуществования государств с различным социальным строем³³. Эти факты свидетельствовали о том, что британские правящие круги, проявившие инициативу в размещении американских баз на своей терри-

²⁷ C. Hugo. Britain in To-Morrow's World. L. 1969, p. 91.

²⁸ См. подробнее И. И. Жигалов. Борьба рабочего класса и Компартии Великобритании против суэцкой авантюры.

²⁹ «World News», 16.XI.1957, p. 723.

³⁰ «Daily Worker», 6.XI.1956.

³¹ «Manchester Guardian», 6.XI.1956.

³² A. Hutt. Op. cit., p. 204.

³³ H. Gaitskell. The Challenge of Coexistence. L. 1957, pp. 8—10.

тории и создании НАТО, продолжали агрессивную политику. Л. Эпштейн отмечает, что после Суэца английское правительство видело в ядерном оружии средство восстановления влияния Великобритании как великой державы. Обладание независимым ядерным оружием являлось, по мнению этого же автора, «двухпартийной политикой»³⁴. В 1957 г. правительствами Англии и США была впервые сформулирована доктрина «взаимозависимости». Появившееся английское ядерное оружие в соответствии с англо-американским планом было нацелено против объектов в «коммунистической Европе»³⁵.

После суэцкого конфликта антивоенное движение активизировалось. В борьбу включаются широкие круги мелкой буржуазии, буржуазной интеллигенции, придерживающиеся далеко не прогрессивных взглядов. К движению примкнули даже некоторая часть крупной буржуазии и представители аристократии, стоявшие на позициях буржуазного пацифизма. Насколько вопрос о прекращении ядерных испытаний волновал английских рабочих, свидетельствует то, что почти все профессиональные конференции (работников снабжения, шахтеров, железнодорожников, механиков, пожарных, работников транспорта и разнорабочих), проходившие с апреля 1957 г., в своих резолюциях требовали запрещения испытаний ядерного оружия.

Запуск Советским Союзом в октябре 1957 г. первого искусственного спутника Земли развеял иллюзии о военном превосходстве Запада, на которых была построена вся стратегия НАТО и политика «с позиции силы». Многие официальные и общественные деятели, ранее придерживавшиеся западной ядерной стратегии, теперь стали признавать ее банкротство и начали требовать изменений. Советский спутник послужил как бы катализатором, который помог выкристаллизоваться опасениям английского народа по поводу политики «холодной войны», наличия американских военных баз на территории страны, политики возрождения западногерманского милитаризма и форсирования ядерного вооружения.

Эти настроения вылились в форму активного протеста против агрессивной внешней политики правительства, прежде всего в вопросах ядерного вооружения. Огромное впечатление на общественность произвело предложение юбилейной сессии Верховного Совета СССР в ноябре 1957 г. создать межпарламентский комитет СССР, США и Англии для обмена мнениями о путях, ведущих к прекращению испытаний ядерного оружия и его запрещению. Представители различных слоев английского общества уже не ограничивались одними резолюциями и петициями, а переходили к массовым и организованным действиям, к созданию новых организаций, к использованию более эффективных методов и средств борьбы за прогрессивную внешнюю политику.

Сильное воздействие на англичан оказали сообщения о создании в СССР межконтинентальных баллистических ракет. Видный деятель английского коммунистического и рабочего движения П. Датт писал: «Советская бомба была мощным оружием в пользу ядерного разоружения. Когда советское научное и техническое превосходство в ядерной и ракетной области стало очевидным для всех, ... растущие слои общественного мнения, которые были готовы поддержать атомную бомбу при Эттли и Трумэне, начали усиливать деятельность, направленную на ядерное разоружение. Здесь связь дат является важной. Первый спутник был запущен на орбиту Земли в октябре 1957 г., в ноябре 1957 г. был создан в Британии «Комитет прямых действий против ядерной войны». В феврале 1958 г. было создано «Движение за ядерное разо-

³⁴ L. Epstein. The Nuclear Deterrent and the British Election of 1964. «The Journal of British Studies», 1966, № 2, pp. 140—141.

³⁵ «The Times», 25.VI.1962.

ружение»³⁶. Главный научный советник английского правительства С. Цукерман, когда стало ясно, что СССР располагает не только бомбардировщиками, но и ракетами, признал, что «развитие событий привело к тому, что использование со стороны НАТО любого ядерного оружия означало бы начало третьей мировой войны»³⁷. На англичан сильно влияла и эволюция взглядов таких деятелей, как Б. Рассел, фельдмаршал Б. Монтгомери, маршал авиации Д. Слэссор, военный теоретик Б. Лиддл Гарт, крупный ученый П. Блэкетт, и др.

Активизировавшиеся сторонники мира стремятся объединить свои усилия, создают новые и влиятельные антивоенные формирования. В июне 1957 г. на основе организаций «Национальный комитет борьбы за запрещение водородной бомбы» (возник в 1954 г. по инициативе лейбористов А. Гринвуда, Ф. Брокуэя, С. Сильвермена и др.) и «Лейбористское товарищество в защиту мира» (образовано в апреле 1955 г. по инициативе лейбористов Иэтса, Хьюза и др.) был создан «Национальный Совет борьбы за запрещение испытаний ядерного оружия». Однако самым крупным событием в развитии движения в защиту мира стало тогда образование нового антивоенного объединения «Движение за ядерное разоружение» (ДЯР) (ближе к английскому названию — «Кампания за ядерное разоружение»), которое, по мнению английских и американских буржуазных исследователей, через два года после своего создания стало «главной силой в британской политической жизни» и «самым большим массовым движением в Британии в нынешнем веке и вероятно даже со времени чартизма»³⁸.

30 января 1958 г. на пресс-конференции было объявлено о создании ДЯР и о его руководящих деятелях. Во главе объединения стали: Б. Рассел, Дж. Коллинз, редакторы лейбористских еженедельников «Tribune» и «New Statesmen» М. Фут и К. Мартин, известный писатель Д. Пристли и др. ДЯР объединяло членов различных партий, тред-юнионов и т. п. По мнению Коллинза, цели ДЯР разделяли 20% населения, около 50%, помимо этого, сочувствовали движению, хотя в случае необходимости вряд ли решились бы голосовать за него. Его поддерживали 30—40 лейбористских членов парламента. Объявленной целью новой организации было настаивать на переговорах на высшем уровне с другими державами и стремиться к достижению соглашения о всеобщем разоружении и к ликвидации ядерной опасности. В заявлении ДЯР отмечалось, что переговоры должны иметь место на базе: 1) прекращения испытаний ядерного оружия; 2) отказа от создания новых ядерных баз; 3) создания нейтральных и свободных от ядерного оружия зон; 4) запрещения производства ядерного оружия; 5) отказа от распространения ядерного оружия. По мнению влиятельной лейбористской газеты «Daily Mirror», «Движение за ядерное разоружение» возникло в условиях, когда «образовалась гигантская пропасть между общественным мнением и правительственной политикой»³⁹. К 1962 г. ДЯР объединяло около 500 тыс. активных членов. Крупнейшим достижением движения была организация Олдермастонских походов мира. Проводимые на протяжении почти всех последующих 20 лет, разные по своим лозунгам, масштабу и влиянию, они стали не только событием первостепенной политической важности, но и получили всемирную известность и признание. Аналогичные марши мира прошли в США, ФРГ, Дании и других странах⁴⁰.

³⁶ P. Duff. Problems of Contemporary History. L. 1963, p. 71.

³⁷ S. Zuckerman. Scientists and War. L. 1966, p. 105.

³⁸ F. E. Myers. Dilemmas in the British Peace Movement Since World War II, p. 81; C. Driver. Op. cit., p. 256.

³⁹ «Daily Mirror», 2.II.1958.

⁴⁰ См. подробнее И. И. Жигалов. Олдермастонские походы и антивоенное движение в современной Великобритании.

В 1961 г. в Англии возник «Комитет 100», который в борьбе против ядерного оружия применил метод гражданского неповиновения. Его участников не пугали ни аресты, ни суды, ни тюрьмы. О масштабах кампании говорит тот факт, что только в ходе демонстрации 24 марта 1962 г. было арестовано 1172 человека. Арестам подвергались даже члены парламента (Ф. Брокуэй)⁴¹. Борьба за ядерное разоружение серьезно повлияла на тред-юнионы и лейбористскую партию, результатом чего были беспрецедентные решения конгресса тред-юнионов и конференции лейбористской партии в 1960 г. в поддержку одностороннего ядерного разоружения.

Английские сторонники мира активно участвовали в Московском конгрессе за разоружение и мир 1962 года. Важным направлением их борьбы в рассматриваемый период была также кампания протеста против политики США в отношении Кубы в дни Карибского кризиса 1962 года⁴². Негативное отношение различных слоев английского общества к действиям американской военизированной и внешней политике своего правительства создало определенную преграду для британской правящей элиты, и она, будучи ближайшим военно-политическим союзником США, не решилась разорвать дипломатические отношения с Кубой и прекратить торговлю с нею⁴³.

Изменение соотношения сил в мире в пользу социализма, утрата США монополии на атомное оружие, просчеты в планах западных держав опередить СССР в создании термоядерного оружия и ряд других причин, в том числе многолетняя активная борьба сотен тысяч англичан против ядерного вооружения, вынудили Великобританию подписать в Москве в 1963 г. «Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой». А. Дуглас Хьюм, который еще в 1961 г. говорил, что английский народ готов, если необходимо, превратиться в «атомную пыль»⁴⁴, в 1963 г. как британский министр иностранных дел подписал Московский договор. Английские сторонники мира, все миролюбивые англичане с глубоким удовлетворением встретили этот акт, видя в нем успех своей многолетней борьбы в защиту мира.

Середина 1963 г. по ряду причин стала рубежом, за которым начался заметный спад активности и массовости движения сторонников мира в Англии. Многие его участники считали запрещение ядерных испытаний (в том числе в одностороннем порядке) главной и часто единственной и «конечной» целью движения. Подписание Московского договора вызвало у многих чувство успокоенности. Ослаблению интенсивности движения за мир способствовали и некоторые меры, предпринятые США и Англией после Карибского кризиса (ликвидация на территории Великобритании ряда ракетных и авиационных баз и т. п.). Сыграли свою роль и проявившиеся в тот момент (хотя и назревавшие ранее) серьезные внутренние противоречия между участниками различных потоков и формирований движения в защиту мира, в том числе между ДЯР и «Комитетом 100». Отвлекающим моментом явилась и борьба, развернувшаяся в связи с парламентскими выборами 1964 г., а также приход к власти лейбористов и их обещания.

Следующим этапом в развитии движения в защиту мира в Англии стал период с 1965 по 1976 г., когда на первый план выдвинулась борьба против агрессии США во Вьетнаме. Вначале военные действия во Вьетнаме воспринимались в Англии как обычная колониальная война

⁴¹ С. Driver. Op. cit., p. 122.

⁴² См. подробнее И. И. Жигалов. Политическая борьба в Англии в связи с Карибским кризисом осенью 1962 г. «Новая и новейшая история», 1967, № 2.

⁴³ «The Times», I.III.1964.

⁴⁴ Цит. по: «Political Affairs», March 1973, № 3, p. 26.

в отдаленном районе мира, не представляющая серьезной опасности для человечества. Однако, когда в 1965 г. американская военщина совершила резкий поворот в сторону расширения интервенции, а в феврале 1965 г. начались варварские бомбардировки территории ДРВ и открытое использование сухопутных и морских сил США, отношение к этим событиям со стороны английской общественности начало меняться. Уже в 1965 г. был создан «Британский совет за мир во Вьетнаме». В начале 1966 г. исполком КПВ имел все основания отметить, что агрессия США во Вьетнаме становится центральным вопросом политической жизни Англии⁴⁵.

Борьба против агрессии США в Юго-Восточной Азии стала новым стимулом для деятельности борцов за мир⁴⁶. В 1965 г., после годовичного перерыва, возобновились весенние (Олдермастонские) походы. Подъем молодежного движения на рубеже 1966 г. в Англии был также связан с борьбой против американской агрессии⁴⁷. Все участники движения за мир требовали отмежевания Англии от политики США в Юго-Восточной Азии. Их выступления создавали такие морально-политические и правовые преграды, что британские правящие круги (учитывая и ряд других причин) так и не решились принять прямое и открытое участие в американских операциях.

В середине 60-х годов важным направлением деятельности сторонников мира была также борьба против гонки вооружений, за прекращение бессмысленного расходования национальных ресурсов на военные приготовления, за отмену налогов, идущих на военные цели. Острота этой проблемы объяснялась тем, что в те годы доля военных расходов Англии в валовой национальной продукции составляла 5,7% и была после США (9,8%) наибольшей в капиталистическом мире⁴⁸. Страна тратила на военные нужды более 2 млрд. ф. ст. в год, на предприятиях и в учреждениях, связанных с военной промышленностью, работало около 1 млн. человек. Военные разработки составляли 40% общенациональных научных исследований⁴⁹.

В начале 70-х годов наступила разрядка напряженности в международных отношениях, явившаяся результатом изменения соотношения сил на мировой арене. Это было связано не только с объективными причинами (состоянием экономики, соотношением военных сил и т. п.), но и с конкретными действиями СССР и других социалистических стран, с подъемом массового движения борцов за мир, в том числе и в Великобритании. Английские сторонники мира активно поддерживали Всемирный конгресс миролюбивых сил в Москве в 1973 году. КПВ систематически подчеркивала значение борьбы в защиту мира, указывая, что «без внешней политики, выступающей за мир, под угрозой оказываются все успехи внутри страны»⁵⁰. Главная задача английского движения сторонников мира в тот период определялась необходимостью заставить свое правительство предпринять реальные шаги к упрочению мира, значительному сокращению военных расходов, отказу от ядерной политики, ликвидации ядерных баз США на Британских островах, обеспечению активного вклада в дело мира, безопасности и сотрудничества в Европе. Определенным показателем влияния движения в защиту мира явилось изменение позиции руководства лейбористской партии и тред-юнионов по отношению к участникам этого движения и, в частности, решение исполкома лейбористской партии отменить запрет на участие лейбори-

⁴⁵ «Comment», May 7, 1966, p. 295.

⁴⁶ См. подробнее И. И. Жигалов. Агрессия США во Вьетнаме и Великобритания. «Вопросы истории», 1968, № 6.

⁴⁷ M.-A. Rook. Anarchy and Apathy. Student Unrest 1968--1970. L. 1971, p. 14.

⁴⁸ «The Military Balance. The Institute for Strategic Studies». L. 1968.

⁴⁹ S. Zuckerman. Op. cit., pp. 45, 41.

⁵⁰ «Comment», 1973, № 11, p. 167.

стов в организациях сторонников мира и в обществах дружбы с социалистическими странами⁵¹.

Позитивное воздействие на внутривластную обстановку в стране оказала англо-советская встреча на высшем уровне в Москве в начале 1975 г., отразившая стремление английской общественности к тому, чтобы Великобритания стала активным участником процесса разрядки. Переговоры Г. Вильсона с советскими руководителями расширяли возможности международного сотрудничества, стали важной вехой в развитии стабильных отношений между двумя странами на основе принципов мирного сосуществования⁵². Итоги переговоров были положительно встречены большинством англичан. Однако появилось немало публикаций и речей, в том числе и принадлежавших влиятельным деятелям, стремившимся умалить значение итогов московских переговоров, критиковавшим Г. Вильсона за «уступчивость» по отношению к СССР.

Миролюбивые силы страны приветствовали Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, видя в нем подтверждение правильности своей позиции. КПВ, которая считала, что «только путем сохранения мира и шагов, направленных к разоружению, можно создать условия, в которых могут быть разрешены насущные экономические и социальные проблемы нашего времени и открыт путь к социализму»⁵³, на своем XXXIV съезде в ноябре 1975 г. горячо поддержала итоги Совещания в Хельсинки. В докладе Генерального секретаря КПВ, в частности, говорилось: «Европейская конференция по безопасности и сотрудничеству означает новую стадию в борьбе за мир и разрядку в Европе. Ее успешное завершение явилось итогом многолетней деятельности прогрессивных сил, в которой политика мира и инициативы СССР были решающими»⁵⁴. Оценки буржуазных кругов отражали широкий спектр взглядов — от ярых противников разрядки до убежденных ее сторонников.

Британские сторонники мира считали своей важнейшей задачей успешное проведение в г. Йорке Международной конференции по разоружению. Она состоялась весной 1976 года. КПВ объявила о своей полной поддержке этой конференции. Как отмечал председатель подготовительного национального комитета Ф. Филд, перед этим форумом стояли две задачи: повысить уровень общественного сознания в отношении опасности гонки вооружений и социально-экономических последствий роста военных расходов и призвать ООН к скорейшему созыву Всемирной конференции по разоружению с участием неправительственных организаций. А. Монтегю отметил, что конференция в Йорке символизирует собой новый этап расширения общественной базы борьбы за мир без оружия, без войн, начало которой положил Всемирный конгресс миролюбивых сил, состоявшийся в Москве в октябре 1973 года. В единогласно принятой на конференции декларации отмечалось, что дальнейшая гонка вооружений, предполагающая производство еще более страшного оружия, представляет беспрецедентную угрозу для человечества. Многочисленные организации, принимавшие участие в этом форуме, исходя из различных точек зрения, пришли к общему убеждению об «отчаянной необходимости» положить конец гонке вооружений и добиваться быстрого прогресса на пути к всеобщему и полному разоружению. В декларации содержалось требование провести под эгидой ООН Всемирную конференцию по разоружению. Йоркская декларация стала

⁵¹ Г. Шаффер. Не упустить возможности мира. «Проблемы мира и социализма», 1975, № 4, стр. 22.

⁵² См. «Документы и материалы советско-английских переговоров в Москве». М. 1975, стр. 66—68.

⁵³ «Action for Peace. Call to Communists from Gordon McLennan». «Comment», 1971, № 10, p. 146.

⁵⁴ «Morning Star», 17.XI.1975.

ключевым документом и платформой дальнейшей деятельности английских сторонников мира. Проведение конференции рассматривалось лидерами английского антивоенного движения как важный успех, тем более что она проходила в обстановке злобных нападок апологетов «холодной войны» и антисоветизма⁵⁵.

Выступая на конференции коммунистических и рабочих партий Европы, состоявшейся в Берлине в июне 1976 г., Генеральный секретарь КПВ Г. Макленнан отметил, что «свой вклад в международную борьбу против империализма и крупных монополий мы можем прежде всего внести, усиливая движение за мир, демократию и социальный прогресс в нашей стране»⁵⁶. В Заявлении Исполкома КПВ, обсудившего доклад своей делегации на Берлинской конференции, говорилось, что соглашение, достигнутое по поводу ее документа «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе», явилось важным успехом европейских коммунистов в борьбе за мир. Призывая рабочее движение, все прогрессивные силы, сторонников мира в Англии умножить усилия, чтобы закрепить разрядку, Исполком КПВ подчеркнул важность борьбы за прекращение гонки вооружений, призвал добиваться ликвидации всех иностранных военных баз и прекращения производства ядерного оружия, выхода Англии из НАТО⁵⁷.

В истории антивоенного движения в Великобритании после второй мировой войны были подъемы и спады, будни и периоды особой остроты и накала, когда мобилизовывались все внутренние силы для того, чтобы довести до сознания широких народных масс понимание необходимости умножить усилия в борьбе против опасных планов империализма. К таким периодам относится и современный этап борьбы в защиту мира, начавшийся с конца 1977 г., когда наиболее агрессивные империалистические круги Запада поставили на повестку дня вопрос о производстве нейтронной бомбы. Впервые он обсуждался группой ядерного планирования НАТО в сентябре 1977 года. Одной из главных целей размещения этого оружия на территории западноевропейских стран было стремление washingtonских и натовских руководящих кругов еще теснее привязать эти страны к военной колеснице НАТО.

Учитывая традиции движения в защиту мира в Англии и негативную реакцию миролюбивой общественности страны, буржуазные средства массовой пропаганды начали кампанию по «облагораживанию» этого варварского оружия. «The Times» утверждала, что нейтронная бомба — это всего лишь тактическое оружие, а по сути дела даже вовсе не бомба⁵⁸. Поборники мира в Великобритании с растущим чувством настороженности следили за попытками натовских лидеров легализовать нейтронное оружие и разместить его на территории западноевропейских стран.

Значительное внимание вопросам борьбы за мир было уделено на XXXV съезде КПВ в ноябре 1977 года. И во вступительном слове Председателя КПВ М. Макгэхи и в докладе Генерального секретаря КПВ Г. Макленнана о новом проекте партийной программы «Путь Британии к социализму» говорилось о том, что коммунисты совместно со всеми прогрессивными силами страны участвуют в антивоенном движении, развивающемся в рамках всемирного движения за мир и разоружение⁵⁹. В резолюции съезда по проблемам мира и разрядки отмечались опасные последствия производства нейтронной бомбы и подчеркивалось, что борьба за мир должна выдвинуться на передний план во всей деятель-

⁵⁵ G. Shaffer. International Peace Forum. «Labour Monthly», 1976, № 5, p. 205.

⁵⁶ «Правда», 1.VII.1976.

⁵⁷ «Morning Star», 12.VII.1976.

⁵⁸ «The Times», 19.IV.1978.

⁵⁹ «Morning Star», 14.XI.1977.

ности партии. Съезд призвал общественность мобилизовать свои усилия на поддержку требования о скорейшем созыве Всемирной конференции по разоружению. Он приветствовал огромный вклад социалистических стран, и особенно Советского Союза, в борьбу за всеобщий мир.

Борцы за мир начали готовить общенациональную кампанию против нейтронной бомбы. Первым шагом был организованный в середине декабря 1977 г. семинар под лозунгом «Запретить нейтронную бомбу, остановить гонку вооружений», задача которого состояла в том, чтобы сплотить тех, кому дорог мир, разъяснить всем людям чудовищность нового оружия массового уничтожения. Следующим шагом явилась демонстрация протеста у посольства США. В конце 1977 г. более 1 млн. англичан поставили подписи под петицией, призывавшей правительство поддержать требование об отказе от применения ядерного оружия первым. В январе 1978 г. видный английский ученый Э. Буроп, президент Всемирной федерации научных работников, от имени 400 тыс. ученых 31 страны направил Д. Каллагэну письмо с призывом воздержаться от принятия решения о развертывании нейтронного оружия, как предназначенного для агрессии, рассчитанного на захват почти неповрежденных городов, промышленных сооружений и материальных ценностей. В декабре 1977 г. активисты «Движения за ядерное разоружение» на своей ежегодной конференции постановили начать сбор подписей под национальной петицией, требующей запретить производство нейтронной бомбы. Избранный на конференции новый председатель ДЯР католический священник Б. Кент заявил, что это движение приветствует призыв Советского Союза прекратить гонку вооружений и начать разоружение.

Главным событием в жизни сторонников мира в начале 1978 г. явилась Всебританская ассамблея за мир и разоружение⁶⁰. Ее центральной темой стала кампания против нейтронной бомбы. Целью ассамблеи было сплотить и побудить к активным действиям миллионы людей и добиться от правительства конструктивного участия в работе специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. Ни одна встреча сторонников мира, когда-либо проводившаяся в Англии, не имела среди своих инициаторов такого широкого круга профсоюзных, общественных и религиозных организаций: 14 профсоюзов (в том числе исполкомы девяти общенациональных тред-юнионов), Общебританская группа по связям миролюбивых групп (представляет 20 организаций сторонников мира), ДЯР, Английский комитет за европейскую безопасность и сотрудничество и др. Среди более чем 700 делегатов ассамблеи были представители практически всех миролюбивых слоев английского общества⁶¹. Декларация ассамблеи, принятая подавляющим большинством голосов (за — 725, против — 5), призвала организации и отдельных граждан страны выступить против нейтронной бомбы⁶².

Борьба по вопросам войны и мира усилилась и в связи с опубликованием в феврале 1978 г. «Белой книги» по вопросам обороны, в которой признавалось, что вопреки обещаниям главным ориентиром для властей стал натовский курс на наращивание военных бюджетов. Военные расходы Англии в 1978/79 финансовом году определялись в 6919 млн. ф. ст., что составляло 4,75% валового национального продукта и превышало средний показатель ее европейских союзников по НАТО. Учитывая, что размеры ежегодного военного бюджета страны за 3,5 года почти удвоились (в 1945—1975 гг. он составлял 3612 млн. ф. ст.), вопрос о гонке вооружений, толкающей мир к ядерной войне, приобрел особую остроту⁶³.

⁶⁰ «Labour Monthly», 1978, March/April, pp. 88–89.

⁶¹ «Morning Star», 30.I.1978.

⁶² «Morning Star», 2.II.1978.

⁶³ См. «Pugwash Newsletter», January 1977, Vol. 14, № 3, pp. 87, 101–104.

Общенациональная кампания против нейтронной бомбы началась 20 марта. Развернулся сбор подписей под петицией «Остановить нейтронную бомбу!». Ее подписали почти все делегаты конференции объединенного профсоюза машиностроителей. Решительно выразили свой протест против нового оружия участники национальной конференции профсоюза моряков в Абердине. Делегаты ежегодной конференции Национального союза студентов Великобритании провели митинг протеста против нейтронной бомбы. Активное участие в сборе подписей под петицией против нейтронной бомбы на улицах, на рабочих местах, в жилых районах принимали коммунисты. КПВ провела неделю активных действий в поддержку петиции ДЯР⁶⁴. Сторонники мира отметили в 1978 г. 20-летие ДЯР и Олдермастонских походов сбором подписей под петицией против нейтронной бомбы.

Эта кампания повлияла на официальный курс Лондона. Премьер-министр Англии Каллагэн высказал «опасение насчет тяжелых экономических последствий гонки вооружений и оговорок относительно распространения сферы действия НАТО на Африку»⁶⁵. Выступления миролюбивых сил против нейтронной бомбы продолжаются. 25 июня 1978 г. на страницах журнала «Comment» член Политического комитета Исполкома КПВ Б. Рамелсон подчеркнул, что борьба против нейтронной бомбы остается главной задачей сил мира в Англии.

Изучение истории английского движения в защиту мира позволяет сделать некоторые выводы. Оно прошло сложную эволюцию, став организационной частью всемирной борьбы в защиту мира. В конце 50-х и в 60-е годы это движение приобрело самый широкий по сравнению с такими же явлениями в других ядерных капиталистических державах размах. Сознательное сопротивление военным авантюрам и планам превратилось в постоянный и влиятельный атрибут политической жизни Великобритании.

Массовое антивоенное движение стимулировало развитие сознания трудящихся, расширение их политического кругозора, сталкивало их с официальной политикой правительства, хозяевами предприятий и руководителями тред-юнионов. В движении за мир участвовали неоднородные социальные силы с различным уровнем политического развития. Идейная пестрота участников, отсутствие единой политической платформы сказываются на деятельности антивоенных организаций.

Арсенал борьбы за мир в рассматриваемый период пополнился новыми боевыми формами, получившими международное признание и распространение в других капиталистических странах. Существенной особенностью был постепенный переход от моральных форм протеста к политической борьбе, растущее стремление общественности выработать единую платформу действий, объединить свои усилия, связать борьбу за мир с решением социально-экономических проблем.

Вопросы войны и мира, внешней политики зачастую еще кажутся рядовым англичанам сравнительно далекими от их повседневной жизни. Лишь в моменты, когда связь между внешней и внутренней политикой становится особенно зримой и ощутимой, пассивное желание мира перерастает у этих людей в готовность к активному действию.

Хотя среди рядовых англичан всегда сохраняются сильные антивоенные настроения, движение за мир переживает нередко фазы спада активности, дробления сил, сокращения масштаба выступлений. Различные формы протеста часто не совпадают по времени. Во многом спады активности объясняются гибкой политикой правящих кругов и военно-промышленного комплекса, которые иногда идут на частичные уступки, на некоторые позитивные шаги на международной арене, чтобы приту-

⁶⁴ «Morning Star», 29.IV.1978.

⁶⁵ См.: Б. Пономарев. Опасный курс. По поводу политики совета НАТО. «Проблемы мира и социализма», 1978, № 8, стр. 5.

пить острое антивоенной критики империализма, умерить натиск на политику правительства. Умело использовался ими и фактор времени — борьба за отдельные требования тянулась годами, и сторонники мира не всегда воспринимали конечные результаты как итог своей борьбы, свое завоевание. Контролируемые в основном консервативными силами и монополистическим капиталом средства массовой информации приложили немало усилий, чтобы внести разлад в ряды движения, раздуть имеющиеся в его среде расхождения, усилить противоречия между разными его потоками.

В настоящее время международная обстановка, в которой действуют поборники мира, существенно изменилась по сравнению с 50-ми и 60-ми годами. На смену «холодной войне» пришла разрядка международной напряженности. Разрядка повлияла на характер деятельности, на выработку новых целей и лозунгов, на структуру и состав участников движения за мир. В наши дни английские борцы за мир, несмотря на антисоветскую истерию и усилия мощной пропагандистской машины, пытающейся в угоду военно-промышленному комплексу внедрить в массы представление, будто милитаризация экономики способна избавить страну от губительных последствий нынешнего экономического кризиса, вводят активную кампанию протеста против нейтронного оружия, нового тура военных приготовлений и увеличения численности британских вооруженных сил.

ПЕРЕГОВОРЫ «СОЮЗНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ» США С РУКОВОДСТВОМ КПК

А. М. Дубинский

К концу второй мировой войны американские правящие круги считывали, что в итоге ее США станут господствующей державой во всем мире, в том числе в Азии, включив в сферу своего влияния Китай и другие страны этого региона. Резкое ослабление позиций европейских колониальных держав в Азии, казалось, открывало перед США широкие перспективы проникновения на этот континент. При этом, однако, не учитывались коренные изменения в расстановке сил на мировой арене, и прежде всего возрастание роли и авторитета Советского Союза. Мао Цзэ-дун и его окружение вынашивали в то время планы отхода от СССР, от мирового коммунистического движения. Неверие в советскую помощь Китаю в борьбе с японской агрессией лежало в основе курса Мао на сближение с США. Пользуясь беспомощностью гоминьдана вывести Китай из военно-политического кризиса, маоисты готовы были предоставлять США вооруженные силы КПК при условии получения американского оружия и признания КПК основной силой Китая. Эти намерения представляли определенный интерес для тех американских политиков, которые, с одной стороны, надеялись использовать вооруженные силы КПК для борьбы с японцами, а с другой — подорвать ее связи с Советским Союзом. Именно эти соображения и привели к установлению контактов между КПК и США на заключительной фазе второй мировой войны.

Деятельность американской «союзнической группы наблюдателей», прибывшей в июле 1944 г. в Яньань — центр Пограничного (Особого) района Шэньси — Ганьсу — Нинся, контролируемого КПК, нашла достаточно полное отражение в опубликованных документах и материалах, а также в работах участников этой группы, в различных американских и английских изданиях¹.

«Союзническая группа наблюдателей» США прибыла в Яньань в то время, когда благодаря победам Советских Вооруженных Сил в 1943—1944 гг. над немецко-фашистскими войсками был завершен ко-

¹ См. «The Amerasia Papers: A Clue to the Catastrophe of China» (далее — «The Amerasia Papers»), Vol. 1—2. Prepared by the Subcommittee to Investigate the Administration of the Internal Security, Act and other Internal Security Laws of the Committee in the Judiciary United States Senate, Washington, 1970; «Lost Chance of China. The World War II Dispatches of John S. Service» (далее — «Lost Chance of China»), N. Y., 1974; «The Chinese Communist Movement. A Report of the United States War Department, July 1945» (далее — «The Chinese Communist Movement»), Stanford (California), 1968; J. S. Service. The Amerasia Papers: Some Problems in the History of US — China Relations, Berkeley, 1971; B. W. Tuchman. Stilwell and the American Experience in China, 1911—1945, N. Y., 1971; J. P. Davies. Dragon by the Tail. American, British, Japanese and Russian Encounter with China and one another, N. Y., 1972; J. Gittings. The World and China, 1922—1972, L., 1974. Важные наблюдения и оценки деятельности американской «союзнической группы наблюдателей» нашли отражение в дневнике П. И. Владимирова («Особый район Китая, 1942—1945», М., 1973); см. также Е. Ф. Ковалев. Маоизм без маски. «Вопросы истории», 1975, № 2.

ренной перелом в ходе второй мировой войны в пользу антигитлеровской коалиции. Милитаристская Япония пыталась затянуть военные действия на Тихом океане, рассчитывая использовать фактор времени для достижения компромисса с США и Великобританией. В расчетах правящих кругов Японии немаловажное место отводилось китайскому плацдарму. Тактика пассивной, показательной войны с Японией, осуществляемая Чан Кай-ши, внутривнутриполитическое положение в Китае, обострившийся конфликт между гоминьданом и КПК — все это благоприятствовало активизации в 1944 г. японских вооруженных сил на китайском театре военных действий.

В Вашингтоне понимали, сколь опасное положение создалось в Китае с точки зрения реализации американской стратегии в Азии. В Белом доме считали, что нельзя позволить гоминьдановскому режиму саботировать войну с Японией. Вашингтон был заинтересован в том, чтобы войска и партизанские отряды, находившиеся в распоряжении КПК, совместно с гоминьдановскими армиями усилили боевые операции против японцев: это предусматривалось стратегией англо-американских союзников в войне на Тихом океане. Еще в августе 1943 г. по поручению государственного секретаря США его политический советник С. К. Хорнбек предупредил гоминьдановского министра иностранных дел Сун Цзы-вэня о необходимости избегать военных действий с коммунистами. Такого рода предостережения имели место и со стороны советника американского посольства в Чунцине Дж. Ачесона².

Весной 1944 г. Япония развернула широкое наступление против гоминьдановских войск. Китайский фронт, по существу, стал разваливаться. Американский посол в Чунцине К. Е. Гаусс с тревогой сообщал в Вашингтон об «общем подавленном, растерянном и даже в чем-то пораженческом настроении в официальных и других кругах Китая». Он подчеркивал, что поражение гоминьдановских войск было вызвано также тем «признанным фактом, что даже китайские крестьяне выступали против китайских (гоминьдановских.— А. Д.) войск, которые сами, находясь в плачевном состоянии, все время угнетали их»³.

Прогрессивная общественность мира, в том числе и в англосаксонских странах, считала, что в Китае следует взять курс на твердую поддержку демократических элементов, которые настаивали на полной ликвидации коррумпированной диктатуры гоминьдана, на прекращении им блокады Особого района с его центром Яньань в целях сплочения всех сил, способных вести борьбу против японского империализма.

Маоистская часть в руководстве КПК в то время лелеяла надежду на установление связи с влиятельными представителями американской администрации, чтобы добиться поддержки Соединенных Штатов. Курс Мао Цзэ-дуна давал ему основание надеяться на понимание со стороны Вашингтона. По сути дела, Мао не выдвигал социалистической перспективы развития Китая. Из развиваемого им понимания «новой демократии»⁴ вытекала необходимость широкого привлечения иностранного капитала для реконструкции Китая после окончания войны. Такая постановка вопроса могла привлечь внимание США к яньаньским лидерам.

Интерес США к налаживанию контактов с руководством КПК мог стимулировать и еще один фактор. Известно, что «кампания по упорядочению стиля» в работе КПК, инициатором которой был Мао, в 1943 г. достигла своего апогея и приняла резко антисоветскую направленность. Она была призвана показать особую линию КПК, ее коренное отличие

² С. Павляк. Политика США по отношению к Китаю. М. 1976, стр. 98.

³ «Foreign Relations of the United States» (далее — FRUS). Washington. 1944, p. 5; см. также J. Gittings. Op. cit., p. 104.

⁴ Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. М. 1953, стр. 246; см. также «Идейно-политическая сущность маоизма». М. 1977, стр. 20.

от «доктрин Москвы». Позиция Мао и его ближайшего окружения в вопросе о взаимоотношениях с КИСС была замечена американскими наблюдателями, внимательно следившими за процессами, происходившими в КПК. Анализируя их в свете стратегических целей политики США в Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, группа дипломатов американской службы в Китае искала в маоистах прочную, надежную опору для США, чтобы предупредить перерастание национально-освободительной революции в социалистическую и не допустить ориентации Китая на Советский Союз.

Попытки лидеров КПК установить контакты с США на официальном уровне относятся еще к августу 1942 г., когда в Чунцин прибыл Л. Кэрри — советник президента Ф. Д. Рузвельта. Находившийся там в качестве представителя КПК Чжоу Энь-лай намеревался связаться с Кэрри. Однако американское посольство воспрепятствовало этому. Тем не менее Чжоу Энь-лаю удалось переслать Кэрри два письма через Дж. Дэвиса — политического советника генерала Дж. Стилуэлла, командующего американскими войсками в Китае. В первом письме Чжоу Энь-лай ставил вопрос о необходимости передачи части американских поставок Китаю по ленд-лизу вооруженным силам КПК. Он обратил внимание Кэрри на то, что чунцинские чиновники разбазаривают вооружение, поступающее из США, «продают его на черном рынке». Во втором письме Чжоу Энь-лай от имени руководства КПК заявлял, что оно «будет приветствовать прибытие в районы, контролируемые коммунистами, одного или нескольких представителей американского правительства»⁵.

В 1942 г. в Чунцине побывал также Линь Бяо. Вместе с Чжоу Энь-лаем он имел встречу с Дж. Сервисом и Дж. Винцентом. Как сообщали эти американские дипломаты, КПК была убеждена, что только воздействие на гоминьдан со стороны США может поправить положение, снять напряженные отношения между гоминьдановскими и коммунистическими силами. Чжоу Энь-лай и Линь Бяо настаивали на том, чтобы США признали войска, контролируемые китайскими коммунистами, в качестве участников войны, указывали на необходимость убедить Чан Кай-ши снять блокаду освобожденных районов и заключить соглашение, по которому коммунистические вооруженные силы получали бы «пропорциональную долю американских поставок, поступающих в Китай»⁶. Дж. Гиттингс, приведя данные о встречах в 1942 г. Линь Бяо и Чжоу Энь-лая с Сервисом и Винцентом, подчеркивает: «Среди части коммунистов бытовало убеждение, что между ними и американцами, с которыми они встречались, существовал некоторый взаимный интерес и даже симпатия, что не было совсем лишено оснований»⁷.

Еще в январе 1943 г. Сервис, который вскоре был прикреплен к штабу Стилуэлла, предложил дальневосточному отделу госдепартамента США послать в Яньань американских офицеров. Он высказался за пересмотр политики Вашингтона в Китае, отметив, что предоставление гоминьдану большого количества военного снаряжения может быть использовано Чан Кай-ши в конфликте между гоминьданом и КПК, в то время как американское оружие должно быть употреблено прежде всего для борьбы с японцами⁸. Тем временем в феврале и мае 1943 г. Чжоу Энь-лай снова предложил, чтобы «небольшая группа американских офицеров организовала наблюдательные посты в провинциях Шэньси и Шаньси»⁹. В середине 1943 г. Дэвис в памятной записке, адресованной Стилуэлли, настойчиво убеждал его направить в Яньань

⁵ FRUS, 1942, pp. 226—228; см. также J. Gittings. Op. cit., p. 100.

⁶ J. Gittings. Op. cit., p. 100.

⁷ Ibid.

⁸ FRUS, 1943, pp. 193—199; см. также J. Gittings. Op. cit., p. 101.

⁹ J. Gittings. Op. cit., p. 101.

миссию. С другой памятной запиской, посланной Дэвисом Стилуэллу в январе 1944 г., ознакомился Рузвельт. В этом документе зона, где действовали коммунисты, изображалась как «наиболее крепкий, дисциплинированный и воинственный антияпонский режим в Китае». Аргументы Дэвиса произвели впечатление на президента, и он распорядился принять соответствующие меры¹⁰.

Вашингтон был крайне заинтересован в том, чтобы проникнуть на север Китая, обеспечив себе тем самым выгодные стратегические позиции в центре азиатского материка. Значительное ослабление гоминьдановской армии в середине лета 1944 г. вызвало большое беспокойство президента США. В своем послании Чан Кай-ши от 6 июля Рузвельт настаивал на сосредоточении в руках Стилуэлла контроля над гоминьдановской армией, «чтобы справиться с катастрофой, угрожающей сейчас Китаю и нашим всеобщим планам победы над Японией»¹¹. Но эти требования вызвали возражения Чан Кай-ши, не ладившего со Стилуэллом; последний подвергал критике гоминьдановский режим и был сторонником урегулирования конфликта между гоминьданом и КПК. В июне 1944 г. в Китай прибыл вице-президент США Г. Уоллес, который, ведя от имени Рузвельта переговоры с Чан Кай-ши, настаивал на реорганизации гоминьдановского правительства¹². Тогда же Уоллес поставил вопрос о необходимости направить американскую миссию в Яньань. Чан Кай-ши, ранее противившийся этому, неожиданно для американской стороны дал согласие, предложив, однако, назвать миссию «группой наблюдателей» (ее неофициальное кодовое название «миссия Дикси»).

В середине 1944 г. появились первые сообщения об иностранцах-журналистах, посетивших районы, контролируемые китайскими коммунистами. Корреспонденции журналистов были весьма благоприятными для КПК, несмотря на то, что ее руководство осуществляло тактику пассивного ведения войны с Японией и накапливало силы для борьбы с гоминьданом. Отсутствие военных действий с японцами позволило руководству КПК сосредоточить в то время усилия на решении в пограничном районе продовольственной проблемы, а также вопроса о снабжении своих воинских частей одеждой. Члены первой партии союзнической «группы наблюдателей» сфотографировали теплое добротное обмундирование бойцов 8-й армии, контрастировавшее с внешним видом гоминьдановских солдат, выглядевших оборванцами. Сервис отмечал в донесении от 28 июля 1944 г.: «Все члены нашей группы чувствовали одно — будто мы приехали в совершенно другую страну и встретились с другим народом»¹³. У «группы наблюдателей» сразу сложилось убеждение, что вооруженные силы КПК могли бы стать ценными союзниками в войне.

«Союзническая группа наблюдателей», в которую первоначально входили девять человек, состояла из представителей американских разведывательных служб, воздушных сил, медицинских работников, связистов, а также специализированных войск. Ее возглавил бывший помощник военного атташе при посольстве США в Чунцине полковник Д. Баррет. Он занимался прежде всего военными вопросами, а Сервис развернул в Яньани «политическую работу». В состав группы входили также Дж. П. Дэвис, Дж. К. Эмерсон, Т. Т. Уайт и, кроме того, не-

¹⁰ Ibid.

¹¹ «Romanus and Sunderland. Stilwell's Command Problems». Washington. 1958, p. 383.

¹² Во время пребывания в Чунцине Уоллес изучал конкретные способы и условия использования после войны огромного китайского рынка в интересах американских монополий. После возвращения в США в выступлении по радио 9 июля 1944 г. он подчеркнул огромные возможности, которые сулила торговля с Китаем бизнесменам (см. L. K. Rossing et. China's Wartime Politics 1937—1944. Princeton. 1945, p. 43).

¹³ «Lost Chance in China», p. 179.

сколько офицеров, которыми руководил бригадный генерал Ф. Линдсей. «Группа наблюдателей» стремилась скрыть политический характер своей миссии. Американский посол в Чунцине Гаусс говорил Чан Кай-ши: «Мы не имеем официальных контактов с коммунистами, не проводили с ними консультаций и не в состоянии давать им советы или оказывать на них влияние»¹⁴. В действительности же члены группы, часто встречавшиеся с Мао и другими руководителями КПК, обсуждали с ними и политические вопросы.

Уже первые контакты членов группы с лидерами КПК продемонстрировали горячее желание последних сотрудничать с США. Из бесед с Мао Цзэ-дуном у Сервиса складывалось определенное впечатление о готовности КПК опереться на поддержку США и в послевоенном экономическом развитии Китая, мнение о том, что окружение Мао рассматривает Соединенные Штаты как «значительную силу в послевоенном мире». В докладной записке Сервиса о беседе с Мао Цзэ-дуном 10 октября 1944 г. подчеркивалось: председатель ЦК КПК повторил то, что уже говорил раньше: коммунисты не пойдут на трения с Соединенными Штатами и поэтому будут «идти в ногу» с американской политикой¹⁵. Мао согласился с необходимостью высадки американских войск в Китае и предложил США сотрудничество, благодаря которому коммунистические войска могли оказаться под «союзным командованием, а не под командованием обанкротившегося гоминьдана»¹⁶. В результате контактов с Мао и другими руководителями КПК глава «группы наблюдателей» Баррет представил высшему командованию США доклад о состоянии вооруженных сил КПК, высказавшись за оказание им помощи вооружением, боеприпасами и даже американскими инструкторами.

В сентябре 1944 г. по поручению Рузвельта в Чунцин прибыл глава американского управления по делам военного производства Д. Нельсон, которого сопровождал личный представитель президента генерал П. Хэрли. (Последний имел поручение заняться урегулированием вопросов, связанных со взаимоотношениями между гоминьданом и КПК. 17 ноября 1944 г. он был назначен вместо Гаусса американским послом в Китае.) Члены миссии Нельсона — представители угольных, нефтяных и других монополий США — приступили к переговорам с гоминьдановским правительством и легко добились согласия Чан Кай-ши на оказание Соединенными Штатами технического «содействия Китаю»¹⁷. Однако, когда Нельсон и Хэрли от имени Рузвельта потребовали расширения полномочий американского командования в Китае и назначения Стилуэлла на пост главнокомандующего всеми китайскими вооруженными силами с правом их реорганизации по американскому образцу, они встретили сильнейшее возражение Чан Кай-ши, которого к тому же беспокоила активность американской «группы наблюдателей» в Яньани. Он считал непосредственную связь американцев с Особым районом несовместимой с союзническими отношениями между Китаем и США.

Тем не менее активность «группы наблюдателей» не ослабевала. О прибытии в Чунцин Нельсона и Хэрли руководителям КПК стало известно 16 сентября. Баррет и Сервис в этот день заявили в Яньани, что Нельсон и Хэрли проявляют большой интерес к Особому району, поэтому если бы руководство КПК пригласило их, «то они, возможно, выбрали бы время для посещения Особого района». В ответ на это заявление лидеры КПК через Баррета и Сервиса направили представителям президента США приглашение прибыть в Яньань.

¹⁴ Цит. по: J. Gittings. Op. cit., p. 102.

¹⁵ «Lost Chance in China», p. 284.

¹⁶ B. W. Tushnet. Op. cit., p. 478.

¹⁷ См. Г. В. Астафьев. Американская экспансия в Китае. «Ученые записки» Тихоокеанского института. Т. 3. Китайский сборник. М.-Л. 1949, стр. 52.

Еще 30 августа Чан Кай-ши встретился с американским послом и заявил ему, что США не понимают коммунистической проблемы в Китае и что посол должен разъяснить своему правительству действительное положение вещей. Главным аргументом Чан Кай-ши во время этой беседы было то, что в мировых делах гоминьдановский Китай склонен следовать только за Соединенными Штатами. Поэтому их предположение, что гоминьдановское правительство готово улучшить свои отношения с Советским Союзом, он рассматривает как недружественный акт. Согласиться с требованиями коммунистов, на чем настаивают представители США, — значит безоговорочно капитулировать перед политической группой, которая находится под влиянием СССР¹⁸. В октябре 1944 г. Чан Кай-ши настоял на отзыве из Китая Стилуэлла. Эта акция была рассчитана на то, чтобы успокоить Чан Кай-ши, и рассматривалась американской дипломатией как серьезная уступка ему со стороны США. Командующим американскими войсками в Китае стал генерал А. Вегемейер. В ноябре 1944 г. П. Хэрли был назначен послом США в Чунцине.

Новый американский посол активно включился в переговоры с руководителями КПК, на первых порах проявляя стремление содействовать «разумному соглашению» между гоминьданом и КПК. Американцы опасались, что в случае, если СССР окажет помощь Особому району, это будет означать укрепление советских позиций на севере Китая, в Маньчжурии, а в результате этого и в Китае в целом. В ноябре 1944 г. Хэрли считал, что если переговоры между КПК и Чан Кай-ши «зайдут в тупик, вина за это ляжет на гоминьдановское правительство, а не на коммунистов»¹⁹.

Тогда же посол США отправился в Яньань, захватив с собой проект соглашения между КПК и гоминьданом из пяти пунктов. В их числе было предложение слить вооруженные силы КПК с армией гоминьдана. Взамен этого КПК получила бы лишь одно место в Военном совете, который фактически не имел никакой силы. Мао Цзэ-дун сразу же отверг эти предложения, выдвинув свой проект, который включал требование о создании коалиционного правительства, составленного из представителей нескольких партий, в том числе КПК и гоминьдана. Хэрли, уверенный, что ему удастся договориться с Чан Кай-ши, согласился с проектом Мао Цзэ-дуна, расширив лишь его определение коалиционного правительства. Хэрли добавил также в этот проект ряд положений, которые содержались в американском «Билле о правах» (свобода слова, печати, совести и т. п.). Затем он поставил свою подпись на переработанном проекте рядом с подписью Мао Цзэ-дуна, который принял поправки Хэрли. Когда американский посол возвратился в Чунцин и показал обновленный проект соглашения Чан Кай-ши, тот не только отверг его, но и уговорил Хэрли не настаивать на его поддержке. В конечном итоге Хэрли «полностью усвоил» позицию Чан Кай-ши и стал на переговорах между КПК и гоминьданом поддерживать точку зрения последнего. Чан Кай-ши требовал полного подчинения себе вооруженных сил КПК и возражал против создания коалиционного правительства.

Контакты «группы наблюдателей» с лидерами КПК в Яньани продолжались. В ходе их Мао акцентировал внимание «группы наблюдателей» на том, что Китай рассчитывает лишь на помощь Соединенных Штатов. В интервью Сервиса 23 августа 1944 г. с Мао Цзэ-дуном перед председателем ЦК КПК был поставлен вопрос: почему он подчеркивает значение США в оказании помощи Китаю и «не желает принимать во внимание Россию»? Мао Цзэ-дун ответил: «Советское участие в вой-

¹⁸ «The Amerasia Papers». Vol. I, p. 822.

¹⁹ FRUS, 1944, p. 693.

не на Дальнем Востоке и в послевоенной реконструкции Китая полностью зависит от положения дел в Советском Союзе. Русские очень пострадали в войне, и у них самих будет полно хлопот с восстановлением страны. Мы не ждем помощи от русских»²⁰.

Позиция СССР по вопросу о внутривнутриполитической обстановке в Китае была со всей ясностью изложена 2 декабря 1944 г. в газете «Известия» в статье «Положение в Китае». «Губительная подрывная политика реакционеров и капитулянтов еще не пресечена,— говорилось в ней.— В то же время все громче раздаются голоса китайских патриотов, сторонников демократии, прогрессивных организаций Китая, равно и друзей Китая в демократических зарубежных странах, решительно настаивающих на создании подлинного национального единства, на объединении всех сил и демократизации государства в целях быстрого завершения освободительной войны».

В сложившейся ситуации очень важно было, какую позицию займет руководство КПК, на какие внешнеполитические силы оно будет ориентироваться. 10 декабря 1944 г. П. П. Владимиров записал в своем дневнике: «Приближение конца войны на Западе подгоняет американцев. Они лихорадочно стремятся поставить под свой контроль весь Китай. Хотят быть хозяевами и в Чунцине и в Яньани, а в итоге заблокировать СССР на Дальнем Востоке. И Мао им в этом подыгрывает». 7 февраля 1945 г. П. П. Владимиров изложил в своем дневнике отчет Уайта, который входил в американскую «группу наблюдателей». В отчете речь шла о впечатлениях Уайта от поездки в Яньань. Его корреспонденция была опубликована в журнале «Life» 18 декабря 1944 года. П. П. Владимиров выделил ее как «наиболее впечатляющую». Уайт писал: «В настоящее время основной объект внешней политики КПК — это США. В КПК исходят из того, что Соединенные Штаты — самая мощная держава в бассейне Тихого океана. Именно поэтому КПК во всех своих заявлениях старается внушить три основные идеи: 1. КПК в настоящее время обладает огромной силой в борьбе с Японией. Усилия КПК должны координироваться с усилиями Соединенных Штатов. 2. Партия, армия и вся система власти — демократические институты. 3. КПК готова пойти на все, чтобы завоевать дружбу Соединенных Штатов»²¹.

Мао серьезно изучал возможность использования противоречий между гоминьдановским правительством и США для получения поддержки американцев. Он обращал внимание «группы наблюдателей» на проблемы послевоенной реконструкции Китая, отмечая, что только США будут иметь возможность оказать Китаю существенную поддержку в индустриальном развитии²². По свидетельству Дэвиса, Мао в принципе проявил также готовность убрать из названия своей партии слово «коммунистическая», отметив при этом, что «даже самые консервативные бизнесмены не смогут обнаружить в существующей программе КПК положения, которые отпугивали бы их»²³.

Американская «группа наблюдателей» обратила внимание на интервью Мао с «важным должностным лицом» китайского министерства

²⁰ «Lost Chance in China», p. 306.

²¹ П. П. Владимиров. Указ. соч., стр. 393, 436.

²² J. P. Davies. Op. cit., pp. 320—321. В докладной записке от 28 сентября 1944 г. Сервис подчеркнул, что «вывод, который делают сами коммунистические лидеры во всех своих заявлениях, сводится к тому, что для Китая важнее дружба и поддержка Америки, чем России» («Lost Chance in China», p. 308). В интервью Сервису 13 марта и 1 апреля 1945 г. Мао обстоятельно охарактеризовал политику КПК в отношении США, подчеркнув, что «Америка не только самая подходящая страна, которая может помочь Китаю в экономическом развитии, она также единственная страна, которая может участвовать в этом» (см. «The Chinese Communist Movement», p. 218).

²³ J. P. Davies. Op. cit., p. 321.

информации, имевшее место 18 июля 1944 года. На вопрос, каковы настоящие отношения КПК с Компартией Советского Союза, Мао ответил, что связи были в прошлом, теперь же контактов нет. Были отношения с Коминтерном, но они существовали недолго. Никто в КПК не имеет каких-либо связей с компартиями других стран. Лидер Компартии Японии, находящийся в Яньани, работает в КПК. Он теперь не поддерживает надлежащих связей с Компартией Японии²⁴. Руководители КПК в 1944 г. говорили с «группой наблюдателей» «языком сотрудничества, а не революции». Они «не казались опасными... а наоборот, довольно привлекательными»²⁵. Среди американцев, которые близко соприкасались с лидерами КПК, бытовала точка зрения, что те являются «аграрными реформаторами» (Стилуэлл отзывался о них как о «сельскохозяйственных либералах») ²⁶.

В записке, датированной 7 ноября 1944 г. и озаглавленной «Насколько красными являются китайские коммунисты?», Дэвис дал им следующую характеристику: «1. Они китайцы. Будучи китайцами, они... по характеру склонны к компромиссу... 2. Они реалисты. Они считают, что 90% населения Китая — это крестьянство... и что до тех пор, пока Китай не получит развития, он в течение многих поколений не будет в состоянии перейти к коммунизму... 3. Они националисты. В ходе более чем семилетней войны против чужеземного врага основной эмоциональный и интеллектуальный нажим был перемещен с внутренней социальной революции на национализм. 4. Они начали брать в руки власть». Дэвис обращал внимание Вашингтона на тот факт, что «коммунисты являются наиболее боевой, лучше организованной и наиболее дисциплинированной группировкой в Китае»²⁷, в то время как гоминьдановский режим находится в состоянии разложения.

Как признался Дэвис, он искал пути отвлечения руководства КПК от сотрудничества с СССР в предвидении изменения «баланса сил» в Восточной Азии в случае вступления Советского Союза в войну с Японией. В своих меморандумах госдепартаменту он настойчиво доказывал целесообразность развития отношений с лидерами КПК, считая весьма важной их поддержку американской политики на Дальнем Востоке в послевоенный период. Дэвис при этом учитывал свои личные наблюдения конца 1944 года. Он отмечал уклонение группы Мао в КПК так далеко вправо, что она «смогла бы вернуться на путь революции только в результате давления левых сил как внутри страны, так и извне»²⁸. Дэвис подчеркивал наличие националистических настроений среди китайских коммунистов, необходимость для США учитывать «специфические особенности китайской действительности», а также то обстоятельство, что соперничество между КПК и гоминьданом складывалось явно не в пользу Чан Кай-ши, правительство которого «не могло существовать рядом с современным динамичным народным правительством в Северном Китае»²⁹. Дэвис обращал внимание госдепартамента на желание КПК сотрудничать с США и ее согласие привлечь для после-

²⁴ «The Amerasia Papers». Vol. II, p. 1028.

²⁵ В. W. Tuschman. Op. cit., p. 478. Сервис в своей докладной записке оценивал движение «за исправление стиля» в рядах КПК как направленное против «субъективизма», смысл которого состоит в том, чтобы «вытравить из сознания китайских коммунистов идею (установления) коммунизма в Китае по крайней мере в ближайшем будущем. Примеры высказываний коммунистов на эту тему многочисленны. Возможно, один из самых ярких — доклад «Перестроим нашу учебу», сделанный Мао на совещании руководящих работников в Яньани в мае 1941 г.». («Lost Chance in China», p. 310).

²⁶ В. W. Tuschman. Op. cit., p. 486.

²⁷ Цит. по: С. Павляк. Указ. соч., стр. 131.

²⁸ J. P. Davies. Op. cit., p. 362. Подробнее о позиции маоистской фракции в КПК см. Б. Н. Запегин. К вопросу об основах американо-китайского сближения. «Народы Азии и Африки», 1976, № 4.

²⁹ J. P. Davies. Op. cit., p. 363.

военного развития Китая иностранный капитал³⁰. В силу этого он предлагал пересмотреть политику в отношении Китая, отказаться от односторонней ставки на Чан Кай-ши, все усилия которого были направлены на борьбу с КПК. Он обращал внимание американского правительства и на то, что КПК к 1945 г. располагала стратегически выгодной позицией, «глубоко вклинивающейся в оккупированную японцами зону»³¹, и вследствие этого могла при помощи американцев сыграть немалую роль в завершении войны с Японией на китайском театре военных действий.

Дэвиса, Сервиса и других членов «группы наблюдателей» привлекали прежде всего позиция Мао Цзэ-дуна, его заявления, что КПК не ищет поддержки СССР, что он и все те, кто идет за ним, вовсе не ставят своей целью строительство в Китае социализма. Ставка же Вашингтона на обанкротившийся режим Чан Кай-ши, по мнению ряда американских наблюдателей, могла оказаться беспочвенной. С их точки зрения, Мао и его группа заслуживали большего доверия, чем Чан Кай-ши, у которого не было серьезных шансов продержаться у власти.

Тем временем проходившие в Чунцине переговоры КПК с правительством Чан Кай-ши не дали никаких результатов. 2 декабря 1944 г. Чжоу Эн-лай, возглавлявший делегацию КПК, вернулся из Чунцина в Яньань, а 7 декабря выступил с заявлением, из которого следовало, что гоминьдановское правительство не хочет соглашения с КПК³².

9 января 1945 г. Мао Цзэ-дун и Чжоу Эн-лай заявили Баррету о своей готовности поехать в Вашингтон³³. В сообщении Баррета на этот счет говорится: «Яньаньское правительство хочет послать в Америку неофициальную, повторяю, неофициальную, группу, чтобы она могла истолковать и разъяснить современное положение и проблемы Китая американским гражданам и официальным лицам, которые испытывают к этому интерес. Ниже следует сугубо неофициальное предложение следующего содержания: Мао и Чжоу будут готовы немедленно приехать в Вашингтон с этой целью поодиночке или вместе, если только президент Рузвельт выразит желание встретить их в Белом доме как лидеров ведущей партии Китая»³⁴. Хэрли не дал ходу этому предложению. В сообщении Рузвельту он изобразил это предложение как часть «коммунистического заговора» офицеров зарубежной службы США, которые-де «стремились воздействовать на Соединенные Штаты» в интересах КПК³⁵.

24 января 1945 г. Чжоу Эн-лай вернулся в Чунцин, чтобы начать новый тур переговоров с гоминьданом. Он имел встречи с различными его кругами³⁶. В этих встречах участвовали Хэрли и Ведемейер³⁷. Чжоу Эн-лай натолкнулся на полное несогласие представителей гоминьдана пойти на удовлетворение требований КПК. Предложения руководства КПК об упразднении диктатуры гоминьдана и создании коалиционного правительства, снятии блокады с контролируемых КПК баз и районов и признании правительством Чан Кай-ши освобожденных районов были отвергнуты. Гоминьдановцы настаивали на создании объединенной тройки по руководству армией КПК. В состав тройки предлагалось ввести: американца в качестве командующего и представителей гоминьдана и КПК как его заместителей. В случае принятия этого предложения

³⁰ Ibid., p. 388.

³¹ Ibid.

³² См. I. K. Rosinger. *China's Crisis*. N. Y. 1945, pp. 109—110.

³³ J. Gittings. *Op. cit.*, pp. 107—108.

³⁴ B. Tuchman. *If Mao had come to Washington: an Essay in Alternatives*. «Foreign Affairs», 1970, Vol. 50, № 1, p. 44.

³⁵ J. Gittings. *Op. cit.*, p. 111.

³⁶ «Дагунбао», 13.II.1945.

³⁷ «Синьминьбао», 15.II.1945.

гоминьдан обещал ввести двух представителей КПК в состав исполнительной палаты и одного — в состав Военного Совета. После трехнедельного пребывания в Чунцине Чжоу Эн-лай 18 февраля вернулся в Яньань. Перед отъездом он имел беседу с Чан Кай-ши, на которой присутствовали министр информации Ван Ши-цзэ и Хэрли. В этой беседе Чан Кай-ши высказался против созыва совещания различных партий Китая, назвав его «сборищем по дележу награбленной добычи». Он возражал также против коалиционного правительства, создание которого, по его мнению, означало бы свержение существующего в Китае правительства. Он настаивал на безоговорочном объединении КПК с гоминьданом. 14 февраля Ван Ши-цзэ заявил, что переговоры между гоминьданом и КПК прерваны и соглашение не достигнуто³⁸.

В то время Хэрли уже твердо считал, что ответственность за безрезультатность переговоров с гоминьданом лежит на руководителях КПК. 19 февраля он вылетел в Вашингтон, где встретился с Рузвельтом и изложил ему свою позицию по поводу нецелесообразности возлагать какие-либо надежды на лидеров КПК. Тем не менее 3 марта Рузвельт в беседе с американским журналистом Э. Сноу заявил, что высадка американских войск в Северном Китае состоится и что он не возражает против сотрудничества с коммунистическими партизанами. «Я работал и работаю с двумя правительствами в Китае,— сказал президент.— Я буду продолжать это делать до тех пор, пока они не объединятся»³⁹. Однако в апреле 1945 г. окончательно определилась позиция тех деятелей в Вашингтоне, которые выступали за сотрудничество только с Чан Кай-ши и готовы были поддержать его в гражданской войне в Китае⁴⁰. Американские офицеры зарубежной службы, настаивавшие на оказании КПК как политической, так и военной помощи, были отозваны с китайского театра военных действий⁴¹. Хэрли 30 апреля 1945 г. направил госдепартаменту доклад, в котором было сказано, что он «имел директиву предотвратить развал правительства Чан Кай-ши и наладить взаимоотношения между китайским правительством и американскими военными и гражданскими учреждениями в Китае»⁴². В силу этого, писал Хэрли, он не мог поддержать позицию, занятую такими людьми, как Сервис, который еще 10 октября 1944 г., по словам Хэрли, «пытался добиться падения правительства Чан Кай-ши»⁴³.

Таким образом, к маю 1945 г., ко времени разгрома гитлеровской Германии, в котором решающая роль принадлежала Советским Воору-

³⁸ L. K. Rosinger. *China's Crisis*, p. 111.

³⁹ Именно в это время Рузвельт получил памятную записку, которая была составлена большинством американских офицеров зарубежной службы в Чунцине. В ней настойчиво рекомендовалось оказать «китайским коммунистам как политическую, так и военную помощь». В противном случае они могли обратиться за помощью к Советскому Союзу и «в Китае неизбежно наступил бы хаос» (J. Gittings. *Op. cit.*, p. 111).

⁴⁰ В апреле 1945 г. умер Рузвельт. Новая администрация США знала о позиции руководства КПК. Еще 1 апреля 1945 г. в своем меморандуме о беседах с Мао Сервис сообщил из Яньани мнение Председателя ЦК КПК о дальнейших возможных взаимоотношениях КПК с гоминьдановским правительством. Мао заявил Сервису: «Если Чан останется президентом, он и вооруженные силы должны быть ответственны перед коалиционным правительством, в которое войдут все партии. Компромисс должен предусматривать признание коммунистических армий как части национальной армии, а освобожденных районов — как законных местных органов правления» («Lost Chance in China», p. 383). Против этого решительно возражал Чан Кай-ши, а Хэрли целиком разделял его позицию.

⁴¹ J. Gittings. *Op. cit.*, p. 111. О дальнейшей судьбе ряда американских специалистов по Китаю, выступавших в середине 40-х годов за соглашение с руководством КПК, см. В. Б. Воронцов. Дело «Амерэйша». Политические столкновения в США по проблемам Китая. М. 1974.

⁴² Полный текст доклада Хэрли с приложениями см. FRUS, 1945, Vol. VII, pp. 350—361.

⁴³ Полный текст доклада Сервиса на имя Стилуэлла от 10 октября 1944 г., который послужил основанием для указанного утверждения Хэрли, см. «Lost Chance in China», pp. 161—166.

женным Силам, стало ясно, что попытки маоистов достичь сговора с правящими кругами США не принесли желаемых результатов. Однако в заключительном слове на VII съезде КПК (апрель — июнь 1945 г.) по докладу «О коалиционном правительстве» Мао Цзэ-дун, оставаясь на позициях антисоветизма, подверг критике тех делегатов, которые утверждали, что СССР обязательно выступит против Японии и окажет помощь КПК, поскольку она не располагает необходимыми средствами, чтобы самостоятельно справиться с японскими войсками. Мао же заявил тогда, что следует рассчитывать только на свои собственные силы, так как хотя СССР и должен помочь Китаю, но потери Советского Союза в войне с гитлеровской Германией и международная обстановка не позволят ему сделать это⁴⁴. Данное утверждение было опровергнуто последующим ходом событий. Вступление СССР в войну с японским милитаризмом, его помощь народам, боровшимся с агрессорами, сыграли решающую роль в освобождении Китая от японских оккупантов.

Следовательно, послевоенные события в Азии не оправдали прогнозов относительно перспектив развития Азии, которые были сделаны на заключительном этапе второй мировой войны как в Вашингтоне, так и в Яньани. Решающий вклад СССР в разгром фашистской Германии и милитаристской Японии способствовал небывалому подъему революционного и национально-освободительного движения на этом континенте. Именно здесь было положено начало крушению колониальной системы империализма. Возвращение в Юго-Восточную Азию прежних колониальных держав серьезно затруднило маневрирование Вашингтона в отношениях с местными националистическими силами, в том числе с маоистами. Правящие круги США в этих условиях приступили к перевооружению гоминьдановской армии, которая готовилась нанести решающий удар по революционным силам Китая. Однако Советский Союз и на этот раз выполнил свой интернациональный долг, обеспечив создание важнейших предпосылок для победы китайской революции и образования в 1949 г. Китайской Народной Республики⁴⁵.

Сегодня в США кое-кто снова ставит на «китайскую карту». Недалекие политики за океаном, ослепленные разнузданным антисоветизмом Пекина, явно не замечают при этом того, что для него США лишь временный союзник в борьбе с СССР и другими странами социалистического содружества. «В данный момент пусть Соединенные Штаты защищают нас против влияния советского ревизионизма,— заявил член Политбюро ЦК КПК Гэн Бяо.— Когда мы сочтем, что время наступило, мы скажем дяде Сэму: «Будь добр, упаковывай свои вещички»⁴⁶. Поэтому уместно еще раз напомнить слова Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева: «В последнее время в США предпринимаются, причем на высоком уровне и в довольно циничной форме, попытки разыграть «китайскую карту» против СССР. Близорукая и опасная политика! Как бы ее авторам не пришлось в ней горько раскаяться»⁴⁷.

⁴⁴ Об этом свидетельствует П. П. Владимиров, единственный советский гражданин, присутствовавший на VII съезде КПК (П. П. Владимиров. Указ. соч., стр. 601, 633—634, 636).

⁴⁵ Огромную роль в укреплении Народно-освободительной армии Китая, в повышении ее боеспособности сыграла передача ей Советской Армией после разгрома в 1945 г. японских вооруженных сил в Маньчжурии трофейного оружия. Народные войска Китая получили тысячи орудий и минометов, сотни танков и самолетов, речные военные корабли, большое количество стрелкового оружия, боеприпасов и многочисленные склады другого военного имущества. В исследовании О. Борисова «Советский Союз и маньчжурская революционная база (1945—1949 гг.)» (М. 1977) показана огромная помощь СССР революционным силам Китая, после того как советские войска разгромили Квантунскую армию.

⁴⁶ И. Александров. В милитаристском угаре. «Правда», 5.VIII.1978.

⁴⁷ «Коммунист», 1978, № 10, стр. 52.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

КРЕПОСТНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РОССИИ XVIII ВЕКА

М. Д. Курмачева

Широко известна жизнь и деятельность многих замечательных людей — выходцев из народной среды, внесших большой вклад в развитие русской науки и культуры: М. В. Ломоносов, Т. Г. Шевченко, А. Н. Воронихин, В. А. Тропинин, М. С. Щепкин. Однако наряду с этими выдающимися деятелями XVIII — первой половины XIX в. в то время жили и трудились многие другие представители народных масс, именуемые в литературе крепостной интеллигенцией. Термин «крепостная интеллигенция» не современен явлению, которое он определяет, и не встречается в источниках того времени. Первое упоминание о крепостной интеллигенции можно найти в работе Е. П. Летковой¹. В XVIII в. вообще не было понятия «интеллигенция», оно стало употребляться только с 70-х годов XIX века. Но XVIII столетию известна категория разночинцев, не равнозначная разночинной интеллигенции.

Согласно современным представлениям, сочетанию слов «крепостная интеллигенция» присуще противоречие, поскольку оно сочленяет то, что относится к различным эпохам. Определение «крепостная» указывает на наличие крепостнического строя и сословную неполноправность. Интеллигенция же как общественная прослойка, объединяющая лиц, профессионально занимающихся умственным трудом, оформляется позже, в период становления капиталистического строя. Неоднозначно и толкование этого понятия. Так, В. Р. Лейкина-Свирская отмечает, что слово «интеллигенция» в русском языке имело множество смысловых и оценочных значений, отражающих историческую и социальную обстановку, в которой оно возникло и входило в обиход². Наряду с термином «крепостная интеллигенция» использовались наименования «самородки», «самоучки», «крепостной актер», «крепостной художник» и т. п. Тем не менее обычно исследователи связывают с крепостной интеллигенцией не условное определение отдельных фактов приобщения некоторой части крестьян к культуре и просвещению, а реальное историческое явление.

Формирование интеллигенции — сложный и длительный процесс, обусловленный всем ходом экономического, политического и культурного развития России. Наряду с общими закономерностями пути становления интеллигенции в разных странах имели свои особенности. Российская действительность вызвала к жизни, в частности, крепостную интеллигенцию. Это социальная категория, появление которой связано с периодом разложения феодально-крепостнического строя и зарождения новых, капиталистических отношений. Крепостная интеллигенция занимала в обществе особое место, которое определялось ее бесправием и принадлежностью к неимущим слоям населения. Представители ее были людьми феодально зависимыми, и их талант эксплуатировало власть имущее дворянство. Их судьба как крепостных и лично несвободных людей во многом зависела от воли владельцев. На долю крепостных интел-

¹ Е. Леткова. Крепостная интеллигенция. «Отечественные записки», 1883, № 11, ноябрь. По ее мнению, зарождение крепостной интеллигенции было незначительным общественным явлением, большая роль отводится автором инициативе дворянства, которое желало иметь, в подражание царскому двору, свои театры, собственных архитекторов и художников.

² В. Р. Лейкина-Свирская. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М. 1971, стр. 4.

интеллигентов выпадало особенно много лишений и нужды, что, безусловно, сказывалось на характере и результатах их деятельности, создавая огромные препятствия для творчества.

В состав крепостной интеллигенции входили крестьяне различных категорий (помещичьи, государственные, монастырские, а также дворцовые), овладевшие знаниями и стремившиеся посвятить свою жизнь развитию науки, искусства, техники, — архитекторы, художники, артисты, музыканты, писатели, врачи, техники-изобретатели. Будучи крепостными, они обязаны были нести повинности в пользу владельца или государства. Часть крепостных интеллигентов, преодолевая сложнейшие препятствия на своем пути, вовлекалась в новые занятия на всю жизнь. Некоторым из них удавалось выкупиться и перейти в другое сословие, но это не всегда изменяло характер и направленность их деятельности и связь с той социальной средой, из которой они вышли. Для многих крепостных интеллигентов свободные профессии не были единственным и постоянным родом их деятельности, а сочетались с земледельческим трудом или работой по найму. Было немало и таких, кто оказывался вовлеченным на какой-то срок в занятия, далекие от обычного физического труда, а затем в силу ряда причин (иногда просто по капризу помещика) вынужден был оставить их и вернуться к прежним обязанностям.

Данные о конкретном характере занятий довольно большой группы крепостных интеллигентов отсутствуют. Известно лишь, что они были грамотными, начитанными людьми. При подавляющем большинстве неграмотного крестьянского населения часть его грамотных представителей не могла не выполнять функций, свойственных интеллигентским профессиям (например, обучение детей грамоте). Поэтому ее можно условно включить в состав крепостной интеллигенции. Разумеется, рамки этой социальной группы были очень неустойчивыми и подвижными. Значительная часть представителей крепостной интеллигенции на протяжении всей своей жизни оставалась в крепостной зависимости от помещика или государства, и это сближало ее с крестьянами. Интересы народа были и ее кровными интересами: она сама вышла из недр трудовых масс и на себе испытала всю тяжесть крепостной неволи. Однако по характеру занятий, по образованности крепостная интеллигенция представляла в известной степени самостоятельную социальную группу в сословном строе феодальной России. Факт существования крепостных интеллигентов отражал противоречия феодально-крепостнического строя, становившегося тормозом развития общества, его экономики и культуры. С одной стороны, появление крепостной интеллигенции было неизбежным результатом социально-экономической эволюции, в которую не могли не быть вовлечены трудовые массы крестьянства: она вызвала в них стремление к образованию и знаниям, несмотря на преграды, которые ставило крепостное право. С другой стороны, овладевая «свободными» профессиями, представители крестьянства оставались крепостными. Выполнение культурно-просветительских функций бесправными людьми, находившимися во власти других людей, в самой своей основе содержало глубокое противоречие.

Крепостная интеллигенция была «одним из самых ярких проявлений... противоречий, предвещавших наступление новых форм жизни»; именно это определяло ее положение как социальной категории. Крепостной интеллигент — это почти раб, «крепостная собственность» и в то же время представитель «свободных» профессий — поэт, художник, музыкант и т. д., «вся работа которого никак не укладывалась в рамки крепостного хозяйства»³. Что касается разночинной интеллигенции вообще, то В. И. Ленин рассматривал ее как продукт и составную часть буржуазного общества. Он писал, что разночинная интеллигенция — это образованные представители либеральной и демократической буржуазии, принадлежавшие не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству. Буржуазное общество, сохранив имущественное неравенство и классовый антагонизм, ликвидировало феодальную зависимость. «Среднее сословие» — интеллигенция в период капитализма — представляет собой определенную сословную группу, объединяющую людей умственного тру-

³ К. В. Сивков. Крепостные художники в селе Архангельском (страница из истории крепостной интеллигенции начала XIX в.). «Исторические записки», 1940 № 6, стр. 195.

да⁴. Продажа своей рабочей силы в разных сферах деятельности давала им средства к жизни. Как показал, опираясь на эти выводы, М. М. Штрэнге, как раз из различных, являвшихся неподатной частью населения России, во второй половине XVIII в. формировалась демократическая интеллигенция.

Крепостная же интеллигенция, будучи податной группой общества, не может быть причислена к категории демократической интеллигенции, хотя по принадлежности к несимумным слоям, характеру занятий, содержанию и направленности своего творчества близко примыкает к ней. В основе возникновения крепостной интеллигенции лежат те же закономерности, которые определяли позже формирование демократической интеллигенции. Но длительное существование в России крепостного права помешало тому, чтобы этот процесс стал единым. Так наряду с демократической интеллигенцией во второй половине XVIII в. выросла и крепостная интеллигенция, находившаяся в личной зависимости от помещика и государства. Только после отмены крепостного права этой обособленной группы не стало.

Данные о численности крепостной интеллигенции отсутствуют, так как в статистических материалах того времени она не выделялась из массы крепостного населения. Но отдельные цифры все же дают представление о том, насколько многочисленной была эта категория населения. Так, известно, что в России в конце XVIII в. и до 40-х годов XIX в. действовало примерно 170 крепостных театров, в которых было занято около 2 тыс. актеров и музыкантов. Это может служить основанием для утверждения, что в России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. были тысячи крепостных интеллигентов, занятых в различных областях творческой деятельности и не охваченных официальным учетом⁵. Можно утверждать, что уже в первой половине XVIII в. в России имелись образованные люди крестьянского происхождения. Они выполняли различные функции по управлению имениями, использовались в качестве учителей, воспитателей, актеров. С их именем связано создание ряда архитектурных проектов и сооружений⁶.

Но во второй половине XVIII в., в период начавшегося разложения феодально-крепостнической системы, эволюция крестьянства как класса дала уже не отдельные факты подобной деятельности, а выдвинула значительную группу людей — производителей духовно-культурных ценностей. В то время крестьяне свободных профессий — это заметное явление в культурной жизни России. Многие буржуазные авторы, пытавшиеся связать зарождение крепостной интеллигенции с деятельностью дворянства, которое будто бы намеренно давало образование части своих слуг, и оценивавшие эту социальную категорию как одно из явлений, составлявших специфику помещичьей жизни, одну из причуд «добраго старого времени», не смогли объяснить ее происхождение, социальный облик, оценить ее вклад в русскую культуру. Возникновение крепостной интеллигенции — результат глубинных процессов, которые происходили в народной среде в новый период русской истории. Предпосылки ее появления крылись в расширении потребностей хозяйственной и культурной жизни страны, что содействовало сдвигу и в духовной жизни народа. Менялась экономическая структура деревни, углублялось расслоение крестьянства, сопровождавшееся появлением нового типа торговца и предпринимателя. Выдвигались люди, достигавшие определенного культурного уровня и выступавшие в области культуры, которая до тех пор была монополией дворянства.

Разными путями выходцы из непривилегированных сословий втягивались в экономическую, политическую и культурную жизнь страны⁷. Деятельность крепостной интеллигенции протекала в большей части губерний России. Она трудилась и в столи-

⁴ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 93—94; т. 8, стр. 309; т. 4, стр. 208—209.

⁵ Е. С. Коц. Крепостная интеллигенция. Л. 1926; Т. Дыняник. Крепостной театр. Л. 1933; Е. В. Гаккель. Крепостная интеллигенция в России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Канд. дисс. Л. 1953.

⁶ В. И. Семеновский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. I. СПб. 1881, стр. 140, 219—222; Е. С. Коц. Указ. соч., стр. 27—28.

⁷ М. М. Штрэнге. Демократическая интеллигенция России в XVIII в. М. 1965; С. М. Гроизкий. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М. 1974; М. Д. Рабинович. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны. «Россия в период реформ Петра I». М. 1973.

це и в провинции. Свообразные центры культуры крепостных складывались в XVIII в. в усадьбах крупных землевладельцев, — например, Шереметевых, Воронцовых, Голицыных, Юсуповых, Куракиных и других. Не будет преувеличением сказать, что свои творческие способности русский народ в лице крепостной интеллигенции проявил буквально во всех сферах человеческой деятельности. «Народ, — писал А. М. Горький, — не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры»⁸.

В самых разнообразных областях науки и культуры крепостная интеллигенция оставила плоды своего труда. И в наше время огромное число посетителей привлекают музеи, демонстрирующие творчество народа. Велика заслуга крепостных архитекторов в области провинциального и столичного строительства. Известны имена более 100 крепостных архитекторов⁹. Их трудом созданы замечательные памятники усадебного искусства — Кусково, Останкино, Архангельское, Гузино, Отрада и другие. Много усилий в строительство Кусковского ансамбля вложил крепостной архитектор Ф. Л. Аргунов, прошедший курс обучения в «Канцелярии от строений». Дворец Останкино по праву признается одним из лучших памятников конца XVIII века. В архитектуре здания и в его внутреннем убранстве сказался талант его создателей — людей из народа, проявились их самобытность и большой художественный вкус. Широко известны его создатели крепостные архитекторы П. И. Аргунов, Г. Е. Дикушин, А. Ф. Миронов. Выдающийся архитектор А. Н. Воронихин, до 1785 г. крепостной графа А. С. Строганова, возглавлял строительство Казанского собора, Горного института в Петербурге и других зданий. Большие заслуги принадлежат архитектору из крепостных Н. Б. Юсупова В. Я. Стрижакову, фактически руководившему строительством в Архангельском. Все эти зодчие находились на уровне требований архитектурного искусства своего времени.

Демократическая направленность отчетливо проявилась в творчестве многих крепостных художников. Интерес к личности человека, а не к внешней его красоте, к деталям его одежды и обстановки был характерен для И. П. Аргунова как художника. Это направление в искусстве оказало влияние на последующее развитие русского реалистического портрета. Привлекает внимание колоритный, выразительный «Портрет неизвестной крестьянки в русском костюме» И. П. Аргунова. Его сын П. И. Аргунов запечатлел обаятельный образ П. И. Ковалевой-Жемчуговой. Зачинателем живописного крестьянского бытового жанра был М. Шибанов, крепостной Г. А. Потемкина. Одна из лучших картин Шибанова — «Крестьянский обед». Сыном крепостной являлся известный портретист О. А. Бипренский, получивший вольную в 1788 г.; замечательным скульптором был Ф. И. Шубин, земляк М. В. Ломоносова. Сын крестьянина-помора, он сумел передать в своих работах уважение к человеку, к его индивидуальности и личному достоинству независимо от сословной принадлежности. С подлинным мастерством выполнен Шубиным бюст Ломоносова.

Широкое распространение во второй половине XVIII в. получили крепостные театры. У графа П. Б. Шереметева было три театра — один в Москве, два — в подмосковных имениях Кусково и Останкино. В дни представлений, по четвергам и воскресеньям, «вся Москва» съезжалась в Кусковский театр. Крепостных актеров этого театра обучали И. А. Дмитриевский, Я. Е. Шушерин, С. Н. Сандунов, танцмейстер Д. И. Соломони и другие. Певчими одно время руководил известный композитор и капельмейстер Дж. Сартти. Замечательную актрису этого театра Парашу Ковалеву-Жемчугову обучали лучшие русские и иностранные учителя, ее современницей в сценическом искусстве была крепостная актриса Т. В. Шлыкова. В 1789 г. в штате шереметевского театра насчитывалось около 170 человек. Талантливым режиссером в нем был В. Г. Вороблевский, получивший известность и как переводчик. Пьесы в его переводе ставились не только на сценах крепостных театров, но и в московском театре Медокса.

Собственные театры имели М. П. Волконский, С. М. Каменский, Н. Г. Шаховской, Г. И. Бибииков, П. В. Есинов и многие другие дворяне. Крепостные театры отнюдь не

⁸ М. Горький. Собрание сочинений. Т. 24. М. 1953, стр. 26.

⁹ С. В. Безсонов. Крепостные архитекторы. М. 1938, стр. 45—90.

были «усадебным искусством». В основном они создавались в городах, а не в дворянских усадьбах¹⁰. Несмотря на то, что в крепостном театре было много жестокого, уродливого, его роль в развитии русского театра довольно велика. Известны случаи, когда инициатива организации театров исходила от крестьян. В 1794 г. ими был организован театр в имении А. Б. Куракина (Саратовская губ.)¹¹.

До наших дней дошли имена нескольких композиторов — выходцев из крепостных. Оратория «Минин и Пожарский, или Освобождение Москвы» была написана С. А. Дегтяревым. Он является автором 60 концертов. Из ряда русских инструменталистов выделяется скрипач И. Е. Хандошкин. Из крепостных вышел известный композитор Д. Н. Кашин. Современники называли его «соловьем русской песни». Кашину принадлежат многие фортепьянные вариации на русские народные песни. На склоне лет он издал плод своих многолетних трудов — трехтомник «Русские народные песни». Лучшие традиции русской народной песенности были восприняты позднее А. Л. Гурилевым, сыном крепостного музыканта Л. С. Гурилева¹² — создателя многочисленных фортепьянных и хоровых сочинений. В 70-е годы XVIII в. зарождается русская комическая опера. Первая из них («Анюта», 1772 г., имя композитора неизвестно, текст М. В. Попова) была посвящена крестьянской теме. К опере «Милена» (по произведению М. М. Хераскова) музыка была написана крепостным П. М. Волконского неким Ф. Г., так и оставшимся неизвестным. Крепостной графа С. П. Ягужинского ученый-математик и драматург М. А. Матинский, автор текста, а возможно, и части музыки комической оперы «Как проживешь, так и прослывешь, или Санкт-Петербургский гостинный двор» (1778 г.), показал красочность и поэтичность народного свадебного обряда.

Некоторые выходцы из крестьян проявили себя как писатели. Е. И. Костров¹³ получил известность как поэт и переводчик. Происходил он из крестьян с. Синегорье Вятской губернии. Литературную известность Костров приобрел не только одами и стихами, но также переводами произведений мировой литературы, которые высоко ценили современники. Ему принадлежит первый поэтический перевод «Илиады» Гомера. Костров прожил трудную жизнь. Как и Ломоносов, он скрыл свое происхождение, ибо иначе не рассчитывал поступить в Вятскую духовную семинарию. Затем Костров учился в Славяно-греко-латинской академии. В 1779 г. одним из лучших студентов он окончил Московский университет. Всю жизнь Костров прожил в нужде, а в последние годы, видимо, не имел даже своего угла и обитал попеременно то в университете, то у разных покровителей. «Учить поэзии с кафедры», передавать юношам свои знания было его заветной мечтой. Но занять университетскую кафедру он не мог. Неудачи, неустroенность, бедность тяжело отразились на его состоянии. Он умер в 1796 г., когда ему было немногим более 40 лет. Почти через 20 лет после его смерти, в 1814 г., молодой А. С. Пушкин в своем первом напечатанном стихотворении «К другу стихотворцу» добрым словом вспомнил поэта и переводчика:

Поэтов — хвалят все, питают — лишь журналы;
Катится мимо их Фортуны колесо;
Родился наг и наг ступает в гроб Руссо;
Камоэнс с нищими постелю разделяет;
Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он:
Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон¹⁴.

Современником Кострова был М. Комаров, крепостной Щербачевых¹⁵. Он писал для широкого круга читателей, для «средней и низкой степени людей». Наибольшую

¹⁰ Н. А. Елизарова. Театры Щереметевых. М. 1944, стр. 258; Т. Дынник. Указ. соч., стр. 35; Н. Н. Евреинов. Крепостные актеры. Л. 1925, стр. 9—12.

¹¹ Е. В. Гаккель. Указ. соч., стр. 90.

¹² Т. Ливанова и др. История русской музыки. Т. I. М.-Л. 1940.

¹³ П. О. Морозов. Ермил Иванович Костров. «Русская поэзия. Собрание произведений русских поэтов». Т. I, №№ 1—6. СПб. 1897; В. Злобин. Е. И. Костров (к 150-летию со дня смерти). «Кировская новь». Кн. 2. Киров. 1947.

¹⁴ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. I. М. 1949, стр. 83.

¹⁵ В. Шкловский. Матвей Комаров — житель города Москвы. Л. 1929.

известность приобрели два его произведения — «Обстоятельное и верное описание жизни славного мошейника и вора Ваньки-Каина и французского мошейника Картуша» и «Повесть о приключениях английского милорда Георга и о Бранденбургской маркграфине Фредерике Луизе». В первом произведении он рассуждает о крепостном угнетении и связывает с ним историю Ваньки Каина, который стремился к свободе, зная, что «вольность всего на свете лучше». В живом и занимательном рассказе о похождениях Каина автор привлекает внимание читателя к фактам, которые заслуживают осуждения, например, к взяточничеству. Данное произведение носит обличительный характер. Огромный успех имела «Повесть о приключениях английского милорда Георга...»¹⁶. Она много раз переиздавалась, и это дало основание В. Г. Белинскому, рецензировавшему девятое издание, писать о бессмертии «Георга». Комаров известен также публикациями исторических документов («Описание 13 старинных свадеб», «Старинные письма китайского императора»). Ему же принадлежит книга для народа — «Разные письменные материалы, собранные для удовольствия любопытных читателей».

И. И. Варакин писал, что жизнь провел «при делах многоразличных, — доставлял большие соляные караваны по рекам Каме и Волге к запасным магазинам в город Нижний», занимался «письмоводством, юриспруденцией», управлял вотчинами и заводами. Он был сыном управляющего имением Голицыных в Пермской губернии. Одновременно со службой крепостной Варакин «по природной склонности занимал себя историею и сочинениями, кои с дозволения цензуры напечатаны». Он сотрудничал в журнале И. А. Крылова «Зритель», позже — в журнале В. Г. Анастасевича «Улей». Варакин известен как автор поэтических произведений, книги «Пустынная лира забвенного друга природы». Наиболее ярким стихотворением, принадлежавшим перу этого поэта-крепостного, был «Глас истины к гордецам»¹⁷, которое полно непримиримой ненависти к носителям крепостной власти — помещикам. Выражая вековую мечту крестьянства, он рисовал в своих произведениях картины будущего их освобождения. Как и многие представители класса, из которого он вышел, Варакин ожидал освобождения от царя, хотя и предупреждал помещиков о возможном мщении со стороны крестьян. В течение всей жизни Варакин хлопотал о своем освобождении или выкупе, но добиться этого не смог. «Гордый и несговорчивый князек уехал в Москву полакомиться, не сделав о моей участи никакой решимости»¹⁸, — писал он.

Публиковать свои труды удавалось лишь немногим выходцам из крестьян. Произведения крепостных по большей части так и остались ненапечатанными, многие из них утеряны. Однако поиски исследователей в ряде случаев позволяют все же выявить рукописные материалы, принадлежавшие крепостным крестьянам. В материалах следственного дела найдены рукописи И. И. Тревогина, писателя из народа. История его жизни во многом характерна для представителя интеллигенции, вышедшего из непривилегированных сословий. Нужда, трудности, неосуществленные замыслы, преследования, ранняя смерть — вот его судьба. Опасаясь ареста за неуплату долга, накопившегося в связи с изданием в Петербурге журнала «Парнаасские ведомости», Тревогин в 1782 г. покинул город, а затем и вообще пределы России, в «которой столько раз был во всем несчастен, ... не думая найти более в ней счастья, поехал искать оного в других землях...». Побывав в Амстердаме, Париже, он убедился в том, что здесь его ждут еще большие невзгоды. И тогда он решил принять имя «иноземного принца» (голландского короля). Это вскоре открылось, и его передали начальнику Тайной экспедиции Сената С. И. Шенковскому, а затем сослали в Сибирь. В своих рукописях Тревогин изложил довольно четкую утопическую систему государственного устройства, обнаружив характерные для мыслителей XVIII в. черты. В то же время в его сочинениях чувствуется влияние социально-утопических легенд, бытовавших среди народных масс. Вслед за просветителями Тревогин предъявлял высокие требования к личности монарха, на деятельность которого возлагал большие надежды. По его мнению, государство должен возглавлять мудрый и просвещенный правитель —

¹⁶ И. Ф. Мартынов. К вопросу о русском книжном репертуаре второй половины XVIII в. «Рукописная и печатная книга». М. 1975, стр. 195.

¹⁷ И. Замков. Иван Иванович Варакин, поэт-крепостной конца XVIII и начала XIX века. «Русский библиофил». Т. VI. Пгд. 1915.

¹⁸ Там же, стр. 60—61.

«друг народа». Мечтая о «благополучии» трудовых масс, он отдавал должное необходимости их просвещения, твердо уверовав в силу труда и просвещения¹⁹.

Крепостные выступали и в таком своеобразном литературном жанре, как написание автобиографий. Известны автобиографии ряда выходцев из народа — Н. Смирнова, И. И. Тревогина, А. Чемеровцева. Позже среди мемуаристов встречались крепостные художники, музыканты, учителя, актеры и др. В их число входили и рядовые служащие и известные представители науки и культуры. В центре этих произведений, не всегда совершенных в литературном отношении, находился человек во всех его проявлениях. Некоторые авторы пытались разобраться в смысле жизни, раскрывая процесс становления личности. Самый факт обращения к подобному жанру свидетельствует о серьезном переломе в духовном развитии крестьянства.

Значительная часть крепостной интеллигенции занималась педагогической деятельностью. Многих крепостных обучали те же крепостные. Такой состав учителей характерен прежде всего для школ, организованных в помещичьих имениях. Архитектор А. Ф. Миронов, крепостной Шереметевых, преподавал математику в кусковской школе. В Смольном институте обучал математике М. А. Матинский. И. П. Аргунов и другие в художественных мастерских передавали свои знания молодым живописцам²⁰. Уровень образования некоторой части педагогов крепостного происхождения, прошедших на правах вольнослушателей курс Московского университета, был достаточно высоким.

Среди крепостных было немало людей, получивших медицинское образование. Большая группа медиков была сосредоточена в Москве, в Странноприимном доме Шереметевых. Здесь работали и обучались крепостные лекари, лекарские помощники и ученики. В 1815 г. был разрешен прием на государственную службу врачей из податных сословий²¹.

Деятельность крепостной интеллигенции развернулась также в области науки и техники. Архивные источники позволили выявить большой материал, свидетельствующий о развитии народной технической и изобретательской мысли. Сохранившиеся документы рассказывают о широкой деятельности выходцев из народа в пользу экономического прогресса. Немалые научные заслуги принадлежат М. А. Матинскому, автору ценных для своего времени научных трудов («Описание различных мер и весов», «Начальные основы геометрии», «Сокращение всеобщей географии»). Талантливым химиком и физиком был крепостной помещицы Скульской С. П. Власов. Родился он в 1789 г. в имении, расположенном в Любимском уезде Ярославской губернии. Мальчиком пас помещичий скот. Позже, добившись разрешения уйти на заработки, поступил на фабрику Грейсона. Работа в аптеке и на фабрике помогла ему приобрести некоторые познания в химии. В прошении царю он просил принять его в число воспитанников Петербургской медико-хирургической академии, представив при этом модель гидростатической машины, облегчавшей труд при поливке полей. Власова экзаменировали в канцелярии академии. К удивлению присутствующих, он обнаружил серьезные познания в области химии и физики. Однако крепостному человеку путь в академию был закрыт. Подобные ситуации в те времена были довольно частым явлением и во многих случаях решались не в пользу крепостных. Правда, история с Власовым закончилась благополучно: генерал-губернатор, информированный об его успехах, обратился к помещице Скульской с запросом. Она потребовала за освобождение Власова от крепостной зависимости 5 тыс. руб., указывая, что эту сумму он может заплатить сам. После долгих перипетий договоренность со Скульской была достигнута, и правительство выдало ей зачетную рекрутскую квитанцию с предоставлением права продать ее. Власов обнаружил в академии такие способности к изучению

¹⁹ А. Старцев. Иван Тревогин — издатель «Парнасских ведомостей». «Новый мир», 1958, № 9; Л. Б. Светлов. Неизвестный литератор XVIII в. Иван Тревогин и его утопические проекты «Известия» АН СССР. Отделение литературы и языка, 1961, т. XX, вып. 4; М. Д. Курмачева. Проекты государственного устройства Ивана Тревогина. «Общество и государство феодальной России». М. 1975.

²⁰ С. В. Безсонов. Указ. соч., стр. 45—90; Е. С. Коц. Указ. соч., стр. 112; Е. В. Гаккель. Указ. соч., стр. 71—72.

²¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXIII. СПб. 1830, № 25864, стр. 178.

химии, что был определен лаборантом к профессору химии, оставаясь в то же время студентом. Он сделал открытия, наиболее важными из которых был способ получения серной кислоты. Ему же принадлежит предложение заменить паровые машины сложного устройства более простыми. Власов разработал средство, усиливающее действие электрической машины на большие расстояния, состав для снятия лака со старых картин, способ изготовления доброкачественных и дешевых чернил²².

Из крепостных крестьян (заводчиков Демидовых) вышли известные изобретатели паровых машин, строители первой русской и одной из первых в мире железных дорог Е. А. и М. Е. Черепановы. Крепостной мастеровой из Нижнего Тагила Е. М. Артамонов построил велосипед. Плотинный мастер Е. Плохов сконструировал машину для полировки снарядов и картечи. Новые конструкции машин предложили К. В. Соболев, Л. Л. Шамшуренков. Уже в начале XIX в. С. И. Бадаев создал новый способ производства стали. Крестьянин Н. Мошкин из Суздальского уезда, по собственному признанию, с «самых же еще молодых лет имел склонность к изобретению машин». Он предложил «полезную для раскопки железа машину», а в 1779 г. представил в Вольное экономическое общество рисунки и чертежи молотильной машины, в Академию художеств — модель для поднимания воды на мельницу²³. Крестьян привлекали и общегосударственные проблемы. Так, В. В. Попугаев, Ф. Маковкин размышляли над вопросами развития торговли и промышленности в России.

Крепостная интеллигенция жила и творила в гуще народа, и это отражалось на ее деятельности. Крепостные архитекторы вводили в архитектуру мотивы, близкие народному зодчеству. Художники чаще всего писали реалистические полотна. Актеры создавали образы простых людей. Мотивы народной песни широко использовались композиторами из крепостных. Переводчики и писатели несли в литературу социальные идеалы и воззрения народа, передавали простонародную речь. Творчество многих представителей крепостной интеллигенции пронизывали светское содержание, приверженность гуманистическим идеалам, что отвечало потребностям буржуазной эволюции России.

Но добиться знаний и мастерства было нелегко. Множество препятствий встречали на своем пути выходцы из крепостного крестьянства, пытавшиеся вырваться из оков невежества и неграмотности. Учебные заведения, основанные на сословном принципе, были для них закрыты. Сельских школ до начала XIX в. в России не существовало. Только по уставу 1804 г. учреждаются приходские школы, но их развитие шло медленно. По-разному реагировал господствующий класс на стремление выходцев из крепостного крестьянства к знаниям. С одной стороны, большинство дворянства выступало сторонниками строгого ограничения доступа крепостных к профессиям, не связанным с крестьянским трудом; с другой — оно же использовало подвластных им людей на разных поприщах. При крепостном праве цели, нормы и средства образования крестьянства ставились в зависимость от условий и нужд крепостного хозяйства. В то же время на политику дворянства не могли не влиять новые тенденции, связанные с развитием буржуазных отношений. Самый факт эксплуатации дворянством не только физических сил, но и умственных способностей крестьян весьма показателен. В рамках и в интересах вотчинного хозяйства они создавали своеобразную «систему просвещения» крепостных. Помещики в таких случаях отказывались от использования труда крепостного на время обучения последнего (обычно в течение пяти лет) и даже выплачивали определенные суммы на его содержание. Разумеется, они делали это в расчете на то, что расходы впоследствии окупятся высококвалифицированным трудом обученных крепостных²⁴. Кроме того, такой крепостной дорожке ценился и, отнюдь не на оброк, давал большой доход владельцу.

Некоторую часть своих крепостных обучали прежде всего крупные представители дворянства — Шереметевы, Голицыны, Юсуповы, Орловы, Румянцевы, Муравьевы. В пермских вотчинах Голицыных «служительские мальчишки» с 7—8-летнего возраста

²² Н. Платонова. Крестьяне-самоучки. «Архив истории труда в России». Кн. 2. Пггр. 1921, стр. 138—139; А. Прямоков. Крепостной ученый Семен Власов. «Ярославский альманах» Ярославль. 1948.

²³ ЦГАДА, Госархив, разряд VII, л. 2546, лл. 5—7 об.; В. В. Данилевский. Русская техника. Л. 1948, стр. 188, 175, 194, 159.

²⁴ С. В. Безсонов. Указ. соч., стр. 24.

обучались «словесной грамоте». Программа, по-видимому, была несложной — в пределах элементарного знания грамоты, письма и счета. «Поступили ко мне для обучения псалтырей и арифметики», — писал в 1791 г. о своих учениках крепостной учитель Я. Рябов. О том же свидетельствует список книг, купленных на Макарьевской ярмарке по заказу вотчинного правления «для обучения служительских детей»: 5 букварей, 2 учебника по арифметике, для упражнения в чтении псалтырь, часослов, краткий катехизис, краткая священная история, а всего 34 экземпляра. Учителями были служители старшего поколения. Назначали на эту должность, как видно, не по склонности к педагогическому труду, а за непригодностью к другим занятиям. Так, обучал служительских детей некто З. Павлов, «руками и ногами увечный», М. Нижегородов, уволенный от службы «за старостью лет», А. Красильников, «отставленный за старостью лет от прочих работ». Видимо, недостатком учителей объясняется такой редкий случай, когда на учительскую должность была назначена крепостная женщина — «Неустроева-жена». Жалованья ей было положено 15 руб. в год (учитель пения крепостной Макаров получал в то время 20 руб. в год). Всего в заводских и промысловых школах Голицыных обучалось 176 мальчиков.

Наиболее способные ученики вотчинных школ впоследствии были отданы в Пермское народное училище. Поступавшие в училище имели уже некоторую подготовку, и это учитывалось при определении в классы. Из 20 учеников 12 были приняты в первый класс, 8 — сразу во второй. Ученики Пермского училища получали жалованье от 10 до 18 руб. в год. В счет этого жалованья осуществлялось снабжение учеников, но оно было крайне нерегулярным и скудным. В 1791 г. учитель П. С. Понов писал главному управителю К. Ф. Кашкарову, что школьники часто пропускают занятия, «отговариваясь какими-либо недостатками или жалобами на неимение платья и обуви»²⁵. Поступив в Пермское народное училище, «служительские мальчики» Голицыных не сливались с общей массой школьников. Они находились на «свокоштном» содержании и оставались, таким образом, в полной материальной зависимости от помещика. Учащиеся из крепостных были поселены в отдельном флигеле, и за ними был установлен надзор.

Обучение крепостных музыке, танцам, пению производилось дворянством либо домашними средствами, либо с помощью специально приглашенных учителей (русских и иностранных). Когда Шереметевы развернули широкое строительство в своих усадьбах, они собрали большую группу крепостных мастеров, многие из которых учились у видных архитекторов того времени — С. И. Чевакинского, В. Ф. Бренна, Дж. Кваренги, М. Ф. Казакова и других. Некоторых крепостных Шереметевы посылали для получения образования в частные пансионы. Например, В. Г. Воробьевский учился в пансионе швейцарца Вириди²⁶.

В деятельности дворянства по подготовке специалистов для своих нужд было много жестокого и уродливого. Вот один из примеров. Актрис театра Н. Г. Шаховского (Нижний Новгород) учили только читать и до замужества не обучали письму якобы в интересах нравственности, чтобы они не могли переписываться с молодыми людьми²⁷. К тому же все, что предпринимало дворянство для обучения крепостных, было ничтожно мало, если учитывать огромное число зависимых от них крестьян. При ограниченности учебных заведений, в которых могли учиться дети крестьян, гораздо большее значение имело воспитание в семье. Навыки чтения и письма, как и трудовой опыт, передавали детям грамотные родители. В таких семьях нередко элементы грамотности переходили из поколения в поколение. Историк и этнограф Ф. А. Болегов вспоминал, что его неграмотный отец всеми силами старался приобщить детей к знаниям и достиг этого. Из восьми сыновей только один не учился читать и писать. Болегов учился у своего брата Александра, затем у «карагайского пищика» О. А. Черепанова в дер. Старый Посад, два года посещал приходскую школу с. Ильинского, а в дальнейшем занимался самообразованием.

Для значительной части крепостных окончанием двухклассной приходской школы

²⁵ Н. М. Узнова. Из истории формирования крепостной интеллигенции (по материалам вотчинного архива Голицыных). «Ежегодник Государственного исторического музея. 1958 г.», М. 1960, стр. 108—109, 113.

²⁶ «Отголоски XVIII в.». Вып. XI. М. 1905, стр. 270.

²⁷ Е. С. Коз. Указ. соч., стр. 137.

завершалось всякое образование. Наиболее любознательные не оставляли чтения и после окончания школы. Именно оно и становилось для них средством пополнения знаний. Таким образом, окончание школы для некоторой части крепостных было только началом длительного курса самообразования, чему, конечно, отнюдь не способствовало их зависимое положение. Сведения о том, как получали образование крепостные, может дать, например, биография известного актера М. С. Щепкина. Родился он в 1788 г. в с. Красном Курской губернии. Отец его был крепостным гр. Волькенштейна и вскоре после рождения сына приобрел должность управляющего. Чтению Щепкин учился у дьячков. Дальнейшее образование получил в Суджанском уездном, а затем в курском 4-классном училище. В гимназию ему как крепостному доступ был закрыт, поэтому курское училище стало для него последним учебным заведением. В дальнейшем Щепкин пополнял свое образование усиленным чтением.

В учебные заведения высшего разряда крестьян не брали. Широко известен факт приема Ломоносова в закрытое учебное заведение — Славяно-греко-латинскую академию. Но, чтобы поступить в нее, Ломоносову пришлось скрыть свое крестьянское происхождение. Крепостные посещали университеты, как правило, на правах вольнослушателей. Архитектор А. Ф. Миронов прошел курс Московского университета. Маркшейдерский ученик Екатеринбургских заводов Н. Я. Волегов получил образование в Казанском университете. По уставу Хирургической академии (1809 г.) лицам податных сословий разрешалось поступать в число ее студентов, но по окончании академии крепостные обязывались в течение шести лет работать у своих помещиков и лишь по истечении этого срока становились свободными. Прием крепостных в Академию художеств был запрещен. Только с разрешения помещика крепостные могли посещать Академию художеств, да и то в любой момент он мог отозвать своего крепостного. Окончание академии не освобождало от крепостной зависимости²⁸.

Образованность, начитанность и наличие особой профессии не давали крестьянам почти никаких сословных преимуществ. А экономическое положение представителей крепостной интеллигенции мало отличалось от положения крепостного крестьянства. Новые занятия приносили им лишь небольшие и нерегулярные заработки. Не легче было положение той категории крепостной интеллигенции, которая жила в качестве дворовых в помещичьих домах под надзором хозяев или их приближенных. В то же время, подготавливая (в силу различных побуждений) собственных актеров, художников, певцов и пр., помещики должны были создавать для них прежде всего иные внешние условия существования, отличные от тех, в которых находилась остальная дворня: им отводилось особое помещение для жилья. Кроме продуктов и предметов туалета, они обычно получали жалованье (натуральное и денежное), то есть становились в этом отношении в положение наемных работников. По данным В. И. Семевского, дворовые гр. П. А. Румянцева-Задунайского в с. Чеберчино Алатырского уезда получали от 50 коп. до 6 руб. в год. Им выдавались также съестные припасы — 3 четверти ржаной муки, 1,5 четверика круп, 12 фунтов соли в год. Некоторые получали одежду (шубу и кафтан на 2—3 года)²⁹. В доме А. М. Голицына лекарский ученик С. Тимофеев зарабатывал жалованья 7 руб., «харчевых на месяц» по 80 коп., всего 16 руб. 60 коп. в год. Певчий Т. Лучанский получал жалованье 7 руб. в год, «харчевых» — 18 руб., то есть всего 25 руб. Выше оплачивался труд вотчинной администрации. Писарский ученик Г. Бочков имел 7 руб. жалованья, 18 руб. «харчевых», на платье — 5 руб., а всего 30 руб. в год. Приказчику А. Беяеву платили в год жалованья 60 руб., кроме того, выдавали 14 четвертей ржи, 14 четвертей овса³⁰. Кн. Г. А. Потемкин музыкантам (27 человек) «большого рогового оркестра» жаловал от 8 до 12 руб. в месяц, «малой роговой музыки» (20 человек) — по 5 руб. «порционных денег». Однако жалованье выплачивалось нерегулярно. Так, 10 марта 1789 г. певчие Потемкина жаловались, что уже год не получают денег, отчего находятся в бедственном положении³¹.

Оставшимся не у дел крепостным интеллигентам иногда удавалось получить раз-

²⁸ Н. Молева. Э. Белютин. Русская художественная школа первой половины XIX в. М. 1963, стр. 20—21, 171.

²⁹ В. И. Семевский. Указ. соч., стр. 141—142.

³⁰ ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, ч. 4, 1780 г., д. 6370, лл. 1—4.

³¹ Там же, ф. 17, д. 285, л. 190.

решение искать на стороне применение своим знаниям. Отпуск на оброк хотя бы незначительно, но ослаблял зависимость. В этом случае крепостной пользовался некоторой свободой и в личной жизни. Поэтому его не останавливало требование со стороны помещика больших денежных платежей. Увеличение оброка практиковалось во многих вотчинах, и этим не пренебрегали даже такие крупные помещики, как Шереметевы, Голицыны, отпускавшие на заработки своих образованных крепостных. Дворовые люди князей Голицыных почти все платили по 3 руб. с семьи в год. Более распространен был оброк в размере 2 рублей. Но с дворового человека-живописца кн. Д. М. Голицын получал 5 руб. в год. Разорившийся кн. Одоевский жил за счет своего оркестра: его крепостные музыканты, зарабатывая выступлениями в разных местах, содержали своего хозяина ³².

Юридически на крепостных интеллигентов распространялись все законы, касавшиеся зависимого населения. Будучи крепостными, они не были защищены от произвола помещика, который распоряжался талантами своих крепостных. Крепостным интеллигентам приходилось постоянно ощущать свое зависимое положение. Знавший «грамоту и нисьмо» крепостной В. Г. Орлова А. Яковлев служил дворником ³³. Даже выдающихся представителей крепостной интеллигенции отвлекали хозяйственными поручениями: П. И. Аргунов вынужден был наблюдать за уборкой комнат господского дома. Переводчик и режиссер В. Г. Вороблевский был дворецким и экономом. Граф И. И. Морков заставлял В. А. Тропинина красить у себя в деревне колодцы, стены и каретные колеса, прислуживать в качестве лакея за обеденным столом.

Зависимость от помещика вызывала нравственные страдания и отрицательно сказывалась на жизни и творчестве образованных крепостных. Малейшее проявление непослушания с их стороны влекло за собой суровые наказания. П. И. Аргунов подвергся «немилости» господина за «потворство мастеровым». Этот талантливый архитектор умер в возрасте 38 лет. Архитектор А. Ф. Миронов, уже больной, начав терять зрение, не раз обращался к Н. П. Шереметеву с просьбой о «вольности». В ответ граф приказал «вразумить его, что таким наглым и безумным способом от господина просить ничего не дозволено» ³⁴. Декоратор Г. С. Мухин был наказан на конюшне «за неявку в дом с просроченным паспортом, за неплатеж оброка». Граф Шереметев с негодованием ответил на просьбу В. Г. Вороблевского об увеличении оклада.

Типична судьба театральной труппы Шереметевых. В 1797 г. Н. П. Шереметев становится обер-гофмаршалом и переезжает в Петербург. Вместе с ним последовала лишь небольшая часть его актеров и музыкантов, которые давали представления в концертном зале дома Шереметевых на Фонтанке. Артисты, оставшиеся в усадьбе, выступали на сцене лишь тогда, когда Шереметев наезжал в Останкино. В 1800 г. труппа была распущена. Актеры, которые оказались ненужными Шереметеву, назначались в лакеи, швейцары, конторщики. Девушек-актрис выдавали замуж или отправляли к родителям. Никому из актеров не удалось получить волю и поступить на профессиональную сцену ³⁵. После ликвидации «живописного заведения» в Архангельском некоторых его учеников отпустили на оброк в Петербург, других «исключили в крестьянство», «определили в хлебопашество». Из 32 крепостных художников Юсупова только один был освобожден от крепостной зависимости ³⁶.

Наряду с жестокой и грубой эксплуатацией дарований крепостных интеллигентов порою случалось, что из уважения к таланту или под давлением общественного мнения помещик отпускал на волю своего крепостного, нередко получив многотысячный выкуп, собранный по общественной подписке. Тот факт, что просвещенная часть русского общества не оставалась равнодушной к положению крепостной интеллигенции, играл здесь решающую роль. Крепостные интеллигенты ценились на крепостническом

³² В. И. Семевский. Указ. соч., стр. 144—145; Е. Леткова. Указ. соч., стр. 163—164.

³³ ЦГАДА, Госархив, разряд VII, д. 2416, лл. 3 об. — 7.

³⁴ С. В. Безсонов. Указ. соч., стр. 47, 71—72; Н. А. Елизарова. Указ. соч., стр. 198; Е. В. Гаккель. Указ. соч., стр. 126; Е. Леткова. Указ. соч., стр. 177—180.

³⁵ Н. А. Елизарова. Указ. соч., стр. 328—329, 198; В. В. Познанский. Таланты в неволе М. 1962, стр. 70—72.

³⁶ К. В. Сивков. О судьбе крепостных художников села Архангельского. «Исторические записки», Т. 38, 1951, стр. 271.

рынке неизмеримо дороже рядовых крестьян. Так, крепостных продавали в XVIII в. от 10 до 80 руб. за человека. В то же время известен случай покупки крепостной актрисы за 5 тыс. рублей. За одного крепостного скрипача предлагали владельцу 20 тыс. руб.; за актеров мужа и жену с 6-летней дочерью граф Каменский уступил Уфросимову деревню в 250 душ³⁷.

Со временем нарастало противоречие в политике крепостников. С одной стороны, увеличивались потребности в грамотных специалистах, с другой — опасаясь приобщения крепостных к культуре, усиливавшего исконную тягу народа к знаниям и просвещению и сопровождавшегося преубуждением и развитием их сознания, господствующий класс постоянно следил за тем, чтобы приток крепостных в среду людей «свободных» профессий не выходил за определенные рамки. Привлечение крепостных к интеллектуальному труду одновременно сопровождалось ограничением доступа их к образованию и приема на государственную службу. Такая политика характерна, как показал М. М. Штрэнге, и в отношении разночинной интеллигенции, которую в последней четверти XVIII в. начали вытеснять из многих учебных заведений. По указу от 14 июля 1798 г. запрещалось принимать в «статскую службу» лиц податного состояния.

Большая часть крепостных интеллигентов на протяжении всей жизни оставалась в личной зависимости, испытывая на себе всю тяжесть подобного положения. Это содействовало росту активности интеллигенции в антикрепостнической борьбе. Образованный крестьянин все чаще становился наиболее деятельным участником народных движений. Примером тому является восстание крестьян сел Введенского и Козмодемьянского (Воронежская губ.), принадлежавших Ново-Спасскому монастырю. Первая вспышка восстания относится к 1744 г., когда крестьяне поднялись против монастырских властей. В 1753 г. волнения крестьян возобновились и продолжались до 1757 года. Участники восстания проявили исключительное упорство и стойкость. Их руководителем был крестьянин М. Мирзин, умный и образованный человек. Он «своелично» писал обстоятельные челобитные («грамоты»), инструктировал «мирских челобитчиков», отправившихся в обе столицы, переписывался с ними, подбадривал их, давал советы, информировал о ходе восстания, учил ориентироваться в любой обстановке, быть твердыми и непреклонными. Мирзин писал челобитчикам, находившимся в Петербурге, чтобы они не «мирволили» и подавали жалобы самой императрице. В письме грамотному крестьянину П. Бутицыну он обращался с призывом, чтобы они не забывали о своей почетной миссии посланцев народа; что от их деятельности зависят «радость или скорбь народа»³⁸.

В Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева приняла участие и крепостная интеллигенция. При штабе Пугачева и у предводителей, возглавлявших борьбу в отдельных повстанческих районах, были образованные люди. Среди лиц, способных в письменной форме выразить цели начавшейся борьбы, имелось немало людей, близких по своему происхождению к крепостному крестьянству. Это прежде всего один из предводителей восстания, И. Н. Белобородов, из приписных крестьян с. Медяны Кунгурского уезда. Имеются сведения о беглом солдате И. Мамаеве, писаре и секретаре, который исправлял и редактировал сочиненные другими «увещательные письма, делая свои вставки»³⁹. Заводской крестьянин Г. Степанов, повытчик, был назначен Пугачевым в помощь секретарю И. Я. Почиталину. К созданию повстанческих манифестов был причастен крестьянин И. Петров. Грамотный крестьянин И. Иванов (Родионов), иконописец по профессии, возглавлял повстанческое движение в Пензенском крае. Благодаря наличию образованных людей общение между восставшими

³⁷ В. И. Семевский. Указ. соч., стр. 156; А. Романович-Славатинский. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев. 1912; С. П. Мельгунов. Дворянин и раб на рубеже XIX в. «Великая реформа». Т. I. М. 1911, стр. 249; Е. Леткова. Указ. соч., стр. 182.

³⁸ «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева». Т. I. Л. 1961, стр. 405; В. И. Недосекин. Классовая борьба в Воронежской губернии в середине XVIII века «Известия» Воронежского пединститута, 1958. т. XXVI; А. М. Борисов. Волнения крестьян Ново-Спасского монастыря в 1749—1757 годах. «Ученые записки» Великолукского пединститута, 1958. т. III.

³⁹ ЦГАДА, Госархиз, разряд VI, д. 460, л. 10.

в письменной форме имело значительное место в ходе этой Крестьянской войны, содействуя объединению повстанческих сил.

Привлекает внимание крепостной Н. П. Шереметева В. Никитенко из слободы Алексеевки Слободско-Украинской губернии. Еще мальчиком Василий, имевший хороший голос, был взят в певческую капеллу графа. Находясь на службе, он, кроме музыки, как и остальные крепостные певцы, обучался грамоте. В 17 лет из-за потери голоса его отправили на родину старшим писарем вотчинного правления. Обстановка, в которой предстояло жить и трудиться Никитенко, была тяжелой. Вся власть в слободе сосредоточивалась в руках богатой верхушки крестьянской общины. Прибывшего в слободу писаря местные богатеи пытались сделать послушным исполнителем своей воли. Иначе понимал свое назначение Никитенко. Он оказался непокорным и уже с первых дней пребывания в слободе попытался бороться со злом, отстаивая интересы бедняков. Вскоре Никитенко был отстранен от должности и взят под надзор властей. Это не испугало его, и в 1798 г. он возглавил крестьянское восстание в слободе Алексеевке. Шереметев называл Никитенко «главным и первым зачинщиком в возмущении крестьян». В 1805 г. на вольнодумно настроенного крепостного был сделан донос, в котором тот обвинялся в том, что «не токмо власти противится, но пренебрегает божеские и государственные узаконения». Взгляды Никитенко развивались под влиянием французских просветителей, прежде всего антикрепостнических и антицерковных идей Вольтера, произведения которого он читал и высоко ценил⁴⁰. Веря в естественное равенство людей, Никитенко пытался доказать Шереметеву бесчеловечность издевательств над крепостными, указывая на необходимость разума и добродетели. «Вспомни,— обращался он к графу,— что ты и я человек... На то ли размножила человеческий род натура, дабы один другого поражать, терзать и рвать... по подобию зверей свирепых и алчных»⁴¹. Впрочем, давление господствующей идеологии не оставалось без последствий, и некоторые представители крепостной интеллигенции приспособлялись, верно служа дворянству и призывая крестьян к терпению и смирению. Таким был, например, И. А. Якубовский, крепостной П. А. Зубова⁴².

Обобщение дошедших до нас материалов, на основании которых возможно обрисовать образы отдельных крепостных интеллигентов и в целом облик этой категории людей, приводит к выводу, что труд основной части крепостной интеллигенции, с какой бы областью науки и культуры он ни оказался связан, был пронизан определенным идейным содержанием. Несмотря на попытки дворян направить ее деятельность на службу своим классовым интересам, последняя оказалась на деле шире и самостоятельнее. Не случайно крепостная интеллигенция оставила заметный след в истории России. Она часто служила передовым идеям, а ее тесная связь с народом способствовала развитию демократических тенденций в обществе.

⁴⁰ Впоследствии Никитенко добывал средства на жизнь уроками и случайными заработками.

⁴¹ Л. А. Коган. Крепостные вольнодумцы (XIX век). М. 1964, стр. 55—56.

⁴² «История жизни Ивана Андреевича Якубовского, карлика светл. князя Платона Зубова». Мюнхен. 1968.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

«НЕДЕЛЯ БАРРИКАД» В г. АЛЖИРЕ

П. П. Черкасов

«Неделя баррикад» — под таким названием вошли в историю Франции события, происходившие с 24 января по 1 февраля 1960 г. в столице Алжира, находившегося в то время еще под французской юрисдикцией. Это было второе (после путча 13 мая 1958 г.) вооруженное выступление ультраколониалистских кругов с целью захвата власти и предотвращения выпадения Алжира из сферы французского колониального господства.

Мятеж 1960 г. создал кризисную ситуацию во Франции, поставив под вопрос существование режима V республики, утвердившегося после 13 мая 1958 года. Тот факт, что в подготовке и осуществлении мятежа приняли участие некоторые из организаторов предыдущего путча, а с действиями мятежников солидаризировался ряд видных активистов голлистского движения, свидетельствовал о расколе в правящем лагере на две враждебные фракции — сторонников и противников политики де Голля. Этот раскол отражал более глубокое размежевание, происшедшее внутри французской монополистической буржуазии. Наличие непримиримых противоречий, обострившихся в связи с алжирской политикой де Голля, ориентированной на признание за коренным населением Алжира права на самоопределение, проявилось уже хотя бы в том, что борьба по этому вопросу затянулась на три года и неоднократно принимала открыто вооруженный или подпольно-подрывной характер. «Неделя баррикад» и явилась первым актом этой затянувшейся политической драмы.

Инцидент с Массю

12 января 1960 г. капитан Отешо, ответственный за связь с прессой в штабе командира армейского корпуса и суперифекта г. Алжира генерала Ж. Массю, доложил ему о настойчивых просьбах западногерманского журналиста У. Кемпского организовать его встречу с Массю. Шеф репортерской службы мюнхенской газеты «Süddeutsche Zeitung» интересовался мнением генерала о перспективах решения алжирской проблемы¹.

Встреча состоялась 15 января. Вначале беседа касалась второй мировой войны, затем разговор перешел на алжирские проблемы. Массю неожиданно резко высказался по поводу политики де Голля, заявив, что армия «не понимает более его политики» и что «генерал де Голль стал левым»². Массю с горечью констатировал: «Армия совершила ошибку», сделав 13 мая 1958 г. ставку на де Голля. Оправданием ее служило лишь одно: «Он был единственным человеком в нашем распоряжении». На вопрос Кемпского, способна ли армия навязать правительству свои концепции, Массю ответил: «У армии есть сила. Она не проявляла ее до сих пор, но в определенных обстоятельствах армия установила бы свою власть»³. В заключение беседы генерал сказал журналисту: «Теперь вы знаете, что я думаю. Единственно, о чем я вас прошу, так это не писать, будто я фашист»⁴.

¹ C. Paillat. Dossier secret de l'Algérie. 13 Mai 1958/28 Avril 1961. P. 1962, p. 339.

² «Süddeutsche Zeitung», 18.I.1960.

³ Ibid.

⁴ «Le Figaro», 22.I.1960; M. et S. Bromberger, G. Elgey, J.-F. Chauvel. Barricades et colonels. 24 Janvier 1960. P. 1960, p. 35.

Спустя 48 часов после этой встречи в кабинете Массю раздался телефонный звонок главнокомандующего французскими войсками в Алжире генерала М. Шалля, который предостерегал: «Невероятная шумиха. Кемпский только что послал сообщение о вашей встрече. Нужно, чтобы вы его немедленно опровергли»⁵. Поздним вечером 18 января премьер-министр М. Дебре получил текст интервью и, не решаясь потревожить президента, сам связался по телефону с генеральным делегатом правительства в Алжире П. Делуврие, потребовав от него выяснения всех деталей и немедленного опровержения. Связавшись затем с Шаллем, Дебре задал ему вопрос: «Верите ли вы, что Массю мог сказать все это?» Шалль счел необходимым отметить, что основные положения текста, возможно, соответствуют действительности, так как позиция Массю в отношении алжирской политики де Голля достаточно широко известна. «Массю должен завтра прибыть в Париж, — сказал в заключение Дебре. — Я вам pošлю формальный приказ рано утром»⁶.

В ночь на 19 января работники Генерального штаба усердно трудились над составлением текста коммюнике, дезавуирующего интервью Массю. В коммюнике министерства вооруженных сил, распространенном на следующий день «по просьбе» Массю, опровергалась значительная часть его высказываний. «Говоря о недуге армии, — подчеркивалось в документе, — он (генерал Массю. — П. Ч.) не претендовал на то, чтобы быть ее рупором»⁷. Утром 20 января в Париж были вызваны все высшие должностные лица французской гражданской и военной администрации в Алжире — Делуврие, Шалль, командиры армейских корпусов, дислоцированных в Оране и Константине, генералы Ф. Гамбьез и Олье. Де Голль назначил на 22 января совещание по алжирской проблеме, на котором должны были быть подведены итоги борьбы с Фронтом национального освобождения Алжира (ФНО) в 1959 г. и обсуждено положение в этой стране. Накануне стало известно, что Массю не получил приглашения участвовать в совещании. «Это означало, — сказал он, — что я уже был устранен из Алжира»⁸.

На совещание в Елисейский дворец прибыли Дебре, министр иностранных дел М. Кув де Мюрвиль, Делуврие, начальник штаба ВВС генерал Э. Жуо, генералы Шалль, Гамбьез, Олье и другие. Открывая совещание, де Голль в решительных выражениях подтвердил свое намерение следовать «политике 16 сентября»⁹. Жуо открыто заявил, что такая политика противоречит интересам Франции¹⁰. Карьера начальника штаба ВВС была предрешена: вскоре он будет отправлен на пенсию. Де Голль сообщил о своем решении отозвать генерала Массю из Алжира и поставил вопрос о его дальнейшей судьбе. Шалль, ссылаясь на рост беспорядков, которые могут возникнуть в г. Алжире в связи с отъездом Массю, пытался добиться у де Голля «прощения» генерала. «Я только что подал рапорт об отставке генералу Эли, — сказал главком. — Без Массю я не имею более средств обеспечить порядок в Алжире». «В чем дело? — прогремел голос де Голля. — У вас есть армия, полиция. Вы имеете мою поддержку... Я даю вам генерала Крепэна. Он заменит Массю. Его назначение уже подписано. Это человек, на которого можно положиться. Авторитет государства не позволяет допустить возвращение Массю в Алжир»¹¹. Все же Шаллю удалось добиться для Массю назначения на новый пост в метрополии, а также убедить де Голля дать ему аудиенцию.

23 января Массю был принят де Голлем. Мнения сторон резко разошлись. В заключение 20-минутной аудиенции президент сказал: «Мой бедный Массю, вы безнадежны»¹². По возвращении из Елисейского дворца Массю позвонил в г. Алжир начальнику своего штаба полковнику А. Аргу и сказал ему: «Де Голль ничего не

⁵ C. Paillat. Op. cit., p. 341.

⁶ J.-A. Faucher. Les barricades d'Alger. Janvier 1960. P. 1960, p. 64.

⁷ «Le Figaro», 21.I.1960.

⁸ Цит. по: A. de Sérigny. Un procès. Interrogatoires, dépositions, réquisitoires, plaidoiries extraits de la sténographie et pièces authentiques du procès «des Barricades». P. 1961, p. 108.

⁹ 16 сентября 1959 г. де Голль впервые заявил о признании за коренным населением Алжира права на самоопределение.

¹⁰ J.-A. Faucher. Op. cit., p. 91.

¹¹ M. et S. Bromberger, G. Elgey, J.-F. Chauvel. Op. cit., p. 153.

¹² Ibid., p. 175.

понял»¹³. Эти слова молниеносно распространились в кругах алжирских ультра, послужив им в какой-то мере сигналом к действию. Правобуржуазная «Le Figaro», отмечая крайне снисходительное отношение властей к «делу Массю», писала в те дни: «Правительство хочет свести инцидент к минимуму»¹⁴. В действительности же публичная реакция правительства ни в коей мере не соответствовала его подлинному отношению к инциденту с Массю. Об этом говорит хотя бы такой пример: когда на совещании 36 префектов, состоявшемся 21 января у министра внутренних дел П. Шатенэ, один из них спросил у министра, что он думает о создавшемся положении дел, тот ответил: «Мы находимся в ситуации 12 мая (1958 г.—П. Ч.). Мы вновь переживаем ночь с 12 на 13 мая»¹⁵.

Для более полного представления о значении инцидента с Массю необходимо учитывать то огромное влияние, которым он пользовался в европейских кругах Алжира¹⁶, а также тот факт, что Массю выражал отнюдь не только свою точку зрения относительно алжирской политики главы государства. «Заявления генерала Массю,— отмечала «Le Figaro»,— соответствуют направлению мыслей армии в Алжире, руководители которой чувствуют теперь, как никогда, что они обмануты Шарлем де Голлем после того, как одержали победу над IV республикой»¹⁷. Кемпский, выступая в те дни по лондонскому телевидению, высказал мнение, что Массю хотел «дать предупреждение де Голлю»¹⁸. Каковы бы ни были истинные мотивы Массю, его действия послужили сигналом для развязывания в г. Алжире давно зревшего мятежа, подготовленного ультраколониалистскими кругами.

Анатомия заговора

«Наш заговор является открытым»¹⁹,— демонстративно заявляли лидеры алжирских ультра. К этому можно добавить, что заговор был перманентным с 1956 г., когда началась подготовка свержения IV республики, завершившаяся установлением во Франции V республики²⁰. «Рожденная военно-фашистским путчем, Пятая республика,— отмечает Ю. И. Рубинский,— оказалась еще более благоприятной питательной почвой для все новых и новых заговоров, чем разлагавшаяся Четвертая республика в последние годы своего существования»²¹. Питательной средой для подобных заговоров долгие годы являлась война французского империализма в Алжире. Эта война, которую Франция вела с 1954 г. ради сохранения Алжира под своей властью, требовала колоссальных усилий и крайнего напряжения всех людских и материальных ресурсов. Численность французских вооруженных сил в Алжире на заключительном этапе войны составляла около 800 тыс. человек²² (с согласия руководства блока НАТО из Западной Европы в Алжир были, например, переброшены четыре французские дивизии)²³. В Алжире было занято 60% всей французской авиации и 90% воен-

¹³ С. P a i l l a t. Op. cit., p. 347.

¹⁴ «Le Figaro», 21.I.1960.

¹⁵ J.-A. F a u c h e r. Op. cit., p. 83.

¹⁶ Выпускник Сен-Сира и лейтенант колониальной пехоты в Чаде, майор Массю присоединился в 1940 г. к движению Свободная Франция, поддержав де Голля; в 1944 г.—подполковник 2-й бронетанковой дивизии, впоследствии перешел в парашютно-десантные войска в Северной Африке, участвовал в Суэцкой операции, штурмовал Порт-Саид, затем в г. Алжире стал одним из главных действующих лиц заговора 13 мая, затем был избран ультра на должность председателя алжирского «Комитета общественного спасения». Будучи сторонником де Голля, без колебаний подчинился его приказу и покинул эту должность. Массю—единственный из генералов 13 мая, кого де Голль оставил в Алжире и даже повысил в звании и должности. Массю пользовался абсолютным доверием и поддержкой алжирских французов.

¹⁷ «Le Figaro», 22.I.1960.

¹⁸ «Le Monde», 30.I.1960.

¹⁹ Цит. по: J.-A. F a u c h e r. L'An I du système gaulliste. P. 1960, p. 99.

²⁰ Н. И. М о л ч а н о в. Четвертая республика. М. 1963.

²¹ Ю. И. Р у б и н с к и й. Пятая республика (Политическая борьба во Франции в 1958—1963 годах). М. 1964, стр. 205.

²² M. E g r é t a u d. Réalité de la nation algérienne. P. 1961, p. 227; «La Nouvelle critique», Janvier 1961, № 122.

²³ «Проблемы экономики и политики Франции после второй мировой войны». М. 1962, стр. 404.

но-морских сил. Бюджетные ассигнования на войну составили к моменту ее окончания примерно 50 млрд. франков²⁴. Будучи не в состоянии самостоятельно оплачивать расходы на ведение войны, правительство настойчиво просило помощи у Вашингтона. Правящие круги США, не одобряя велух алжирскую войну, тем не менее предоставляли просимую помощь в сумме 3,5 млрд. долларов²⁵.

Алжирская война стоила французскому народу значительных человеческих жертв. Общее число потерь, включая раненых и пропавших без вести, составило 100 тыс. человек, в том числе убитых — 36 895 человек²⁶. После возвращения де Голля к власти летом 1958 г. алжирская проблема заняла центральное место среди многочисленных забот главы правительства V республики. Трезвый анализ положения — осознание невозможности военной победы в Алжире, непосильное бремя расходов на войну, растущая морально-политическая изоляция Франции на международной арене, враждебность широкой общественности продолжению войны, а также стремление ликвидировать очаг постоянной смуты в Алжире, представлявшей серьезную угрозу режиму, — все это привело де Голля к выводу о необходимости поисков мирного решения затянувшегося конфликта. К этому его подталкивали и интересы крупного французского капитала, переходившего с устаревших, колониалистских на новые, неоколониалистские методы эксплуатации бывших колоний, а также взявшего курс на развитие западноевропейской экономической интеграции.

26 августа 1959 г. де Голль на заседании совета министров впервые открыто поставил вопрос о праве алжирцев на самоопределение²⁷. 16 сентября того же года он по радио и телевидению заявил о решении предоставить населению Алжира право самостоятельно выбрать свою судьбу. «На основании учета всех данных — алжирских, национальных и международных, — сказал президент, — я считаю необходимым провозгласить с сегодняшнего дня курс на самоопределение»²⁸. Впервые за 130 лет французского господства в Алжире глава государства высказывал подобные мысли. Прогрессивные силы положительно оценили сдвиг в алжирской политике правительства. Генеральный секретарь Французской коммунистической партии (ФКП) М. Торез писал по этому поводу: «В политике наших властей произошло, во всяком случае на словах, важное изменение. Констатируя в целом провал умиротворения, генерал де Голль признал право алжирского народа на самоопределение... Главное заключается в его согласии с тем, что Алжир — это не Франция, поскольку алжирский народ может и должен сам определить собственное будущее»²⁹.

В лагере реакции заявление де Голля вызвало бурю негодования. Вице-председатель Национального собрания Франции, один из лидеров ультра, Ш. Баулем, демонстративно сорвал с себя орден командора Почетного легиона и бросил его на стол председателя Национального собрания Ж. Шабан-Дельмаса, одного из ближайших соратников де Голля. 50 крайне правых депутатов покинули зал заседаний с криками: «Измена!» В Париже и г. Алжире состоялись манифестации, организованные националистическими организациями³⁰. Теперь можно совершенно определенно сказать, что именно 16 сентября коалиция, совершившая 13 мая 1958 г. переворот (алжирские ультра, реакционный генералитет, голлисты), дала глубокую трещину, предрешившую вскоре ее раскол. Резкие разногласия вспыхнули и в самой голлистской партии «Союз в защиту новой республики» (ЮНР), внутри которой против курса де Голля в алжирском вопросе выступила фракция, возглавленная Ж. Сустелем, тогдашним министром-делегатом при премьер-министре Дебре.

Вскоре после 16 сентября начальник Генерального штаба вооруженных сил Франции генерал П. Эли направил президенту секретный доклад, в котором говорилось о враждебном отношении армии к его алжирской политике³¹. Все свидетельствовало

²⁴ «L'Humanité», 6.VIII.1959; «Le Monde», 20.III.1962.

²⁵ «Проблемы экономики и политики Франции после второй мировой войны», стр. 404.

²⁶ Там же, стр. 405; «Europe — France Outremer», Juin 1962, № 388, p. 2.

²⁷ И. Н. Молчанов. Генерал де Голль. М. 1972, стр. 378—379.

²⁸ Ch. de Gaulle. Discours et messages. T. III: Avec le Renouveau. Mai 1958—Juillet 1962. P. 1970, p. 117.

²⁹ «L'Humanité», 27.X.1959.

³⁰ M. et S. Bromberger, G. Elgey, J.-F. Chauvel. Op. cit., p. 37.

³¹ Ibid., p. 58.

о том, что страна находится накануне политического кризиса. Крайне правая оппозиция в парламенте и армии начала активную подготовку свержения правительства Дебре и устранения де Голля с поста главы государства. Операцию по «законному», парламентскому захвату власти (названную «Вероника» по имени французской тактической ракеты, испытываемой в то время в Сахаре) возглавили лидеры шовинистических групп и организаций депутаты Ж. Бидо, Ж.-Б. Биаджи, Р. Дюше, П. Арриги, А. де Сериньи, А. де Лакост-Лареймонди, Ф. Валантэн и др. Оппозиция выдвинула и своего кандидата на пост президента. Им должен был стать начальник штаба сухопутных вооруженных сил армейский генерал А. Зеллер, поддерживавший тесные отношения с военным губернатором Парижа генералом Р. Саланом и Жуо. После 16 сентября триумвират генералов принял решение об устранении де Голля и установил контакт с правой парламентской оппозицией, а также с алжирскими ультра.

Операция назначалась на 15 октября 1959 г., когда в Национальном собрании должны были открыться дебаты по алжирскому вопросу. Заговорщики даже распределили министерские портфели. Пост премьера предназначался старому политикану Бидо; во главе министерств должны были стать А. Морис, Дюше, Арриги, де Лакост-Лареймонди, Г. Рибо и другие реакционеры. Но внезапно генерал Зеллер, готовившийся занять Елисейский дворец, узнал, что 1 октября 1959 г. он должен уйти в отставку: службе безопасности стали известны бонапартистские планы начальника штаба сухопутных сил. Заговорщики в смятении. Они в спешке завершали подготовку операции, общий план которой заключался в следующем: 15 октября Национальное собрание должно отклонить политику самоопределения Алжира и вынудить правительство Дебре подать в отставку; де Голль будет обвинен в нарушении конституции, в той ее части, где говорится о территориальной целостности государства, армия же выдвинет Зеллера в качестве нового главы государства.

Накануне, 15 октября, девять депутатов ЮНР объявили о своем выходе из партии. Однако с самого начала заговорщики терпят неудачу: примеру девяти никто не последовал. Армия соблюдает дисциплину и не поддерживает оппозиционеров. «Генерал Зеллер, выбитый из седла своей отставкой, отказался перейти Рубикон, так как он не являлся более представителем законности»³². 15 октября 1959 г. Национальное собрание 441 голосом против 23 приняло резолюцию, одобрявшую политику главы государства³³. Таким образом, заговор реакции в Париже потерпел неудачу. После октября центром деятельности антидеголлевского подполья вновь становится г. Алжир. «Через три месяца здесь кое-что произойдет», — заявил лидер Французского национального фронта (ФНФ) Ж. Ортиз тому же Кемпскому, снова посетившему Алжир осенью 1959 года. Ортиз выразил надежду, что «при определенных обстоятельствах он мог бы получить помощь людьми и оружием из некоторых европейских стран». Ортиз уточнил, что под «определенными обстоятельствами» он подразумевал «отделение (Алжира. — П. Ч.) или гражданскую войну»³⁴.

Лагерь крайне правой реакции во Франции конца 50-х годов наряду с «законными» партиями и группировками, такими, как «Независимые и крестьяне», «Единство республики» и т. д., включал в себя большое число полузаконных, а часто и подпольных националистических и террористических организаций, объединявших правозэкстремистские круги в метрополии и Алжире. Например, «Движение молодая нация», основанное в 1949 г. братьями Сидо, сыновьями видного вишиста, казненного патриотами движения Сопротивления. Эта организация строила свою деятельность на антипарламентаризме, ксенофобии и антисемитизме. В феврале 1959 г. по инициативе Ф. Сидо и Ф. Ферро была создана «Националистическая партия», запрещенная правительством на шестой день ее существования. Подвизались и такие организации, как «Народное движение 13 мая» («МП—13») во главе с Р. Мартелем, «Всеобщая ассоциация студентов Алжира» и другие. Все существовавшие в тот период в Алжире шовинистические организации были объединены в «Комитет согласия национальных движений»³⁵. После провала операции «Вероника» алжирские ультра активизировали

³² Ibid., pp. 63, 67.

³³ Ibid., p. 64.

³⁴ «Le Monde», 30.1.1960.

³⁵ «Le Monde», 6.11.1960.

подготовку собственного выступления, которое первоначально намечалось на апрель 1960 года³⁶. Однако инцидент с Массю сдвинул все карты и побудил их выступить ранее намеченного срока. Впоследствии организаторы «недели баррикад» отрицали тот факт, что в январе 1960 г. имел место заговор. Ответственность за происшедшие события они перекладывали на правительство. «Заговор подготовлен секретными службами»³⁷, — заявляли П. Пужад и его сторонники.

Решив объявить курс на самоопределение Алжира, де Голль ясно представлял себе последствия этого шага. Зная о настроениях алжирских французов, а также определенных армейских кругов, президент не мог не предположить возможность открытого вооруженного выступления с целью воспрепятствовать проведению политики самоопределения. Позже он вспоминал: «В начале 1960 г. на алжирском горизонте появляются тучи, предвещающие грозу»³⁸. В этих условиях нужно было если не предотвратить вспышку, то хотя бы ослабить ее, побудив заговорщиков выступить прежде, чем они соберут достаточно сил. Есть все основания считать, что специальные службы располагали сведениями о готовившемся заговоре. Делуэри трижды предлагал де Голлю арестовать Ортиза и Мартеля, но президент отказывался. «Мой дорогой! — отвечал де Голль, —...арестом вы можете лишь придать этим людям значение и создать им публичность»³⁹. О подготовке выступления свидетельствовали и действия Ортиза. Как стало известно после январского мятежа, он закупил в Бельгии в конце 1959 г. 2500 пистолетов⁴⁰. Цель организаторов мятежа состояла в том, чтобы добиться ухода де Голля с поста главы государства и падения Дебре с последующим формированием правительства из сторонников «французского Алжира». Часть руководителей ультра (Лефевр и др.) стремилась к замене режима V республики режимом салазаровского типа; другие думали даже об отделении Алжира от Франции и о создании там самостоятельного государства по образцу ЮАР⁴¹.

Отзыв Массю в Париж предоставил Ортизу и его сторонникам возможность начать планируемую акцию. Выступление было намечено на те дни, когда все политическое и военное руководство было вызвано из Алжира на совещание в Париж. Но из-за ряда технических трудностей, а также возникших разногласий среди лидеров ультра выступление было отсрочено⁴². Главная роль в мятеже отводилась «отрядам территориальной обороны» — военизированным подразделениям милицейского типа, созданным в конце 1955 г. для борьбы с «террором ФНО». Они подчинялись штабу армейского корпуса в г. Алжире. Незадолго до январских событий де Голль потребовал разоружить моторизованные части территориальных войск, однако его приказ не был выполнен, а вся документация на личный состав этих частей и их вооружение тайно исчезла. Командующим «отрядами территориальной обороны» в январе 1960 г. был майор запаса кадровый разведчик В. Сапэн-Линьер, бывший резидент французской контрразведки на Ближнем Востоке⁴³.

После инцидента с Массю ситуация в г. Алжире начала резко обостряться. 18 января мэры 1-го и 4-го округов Лоффредо и Плейбер заявили, что они выходят из голлистской партии «в знак несогласия с нынешней политикой партии в отношении Алжира»⁴⁴.

21 января алжирские ультра связались с маршалом Жюэном, генералами Зеллером, Саланом и Жуо на предмет выяснения их намерений относительно планируемого мятежа в Алжире. Жюэн ответил, что он «готов вмешаться в случае катастрофы». Зеллер и Салан после провала плана «Вероника» заняли выжидательную позицию. Жуо был настроен более воинственно, но его активность лимитировалась тем, что он, как и Салан, находился под пристальным наблюдением службы безопасности. В тот

³⁶ По другим сведениям, в апреле должно было состояться выступление офицеров-националистов (J.-A. Faucher. *Les barricades d'Alger*, p. 110).

³⁷ M. et S. Bromberger, G. Elgey, J.-F. Chauvel. *Op. cit.*, p. 84.

³⁸ Ch. de Gaulle. *Mémoires d'Espoir. Le Renouveau. 1958—1962*. P. 1970, p. 83.

³⁹ Цит. по: M. et S. Bromberger, G. Elgey, J.-F. Chauvel. *Op. cit.*, p. 84.

⁴⁰ *Ibid.*, pp. 18, 112.

⁴¹ «L'Express», 28.I.1960, № 450, p. 13.

⁴² *Ibid.*, p. 11.

⁴³ «Le Monde», 31.I.—1.II.1960; J.-A. Faucher. *Les barricades d'Alger*, p. 128.

⁴⁴ «Le Monde», 20.I.1960.

же день Тиксье-Виньянкур, бывший защитник Истэна, «адвокат всех вчерашних и завтрашних активистов», заявил в кулуарах Дворца правосудия, что еще до конца недели де Голль покинет Елисейский дворец. Одновременно пронесся слух, что при новом правительстве Тиксье-Виньянкур получит пост генерального прокурора. Адвокат ультра не опровергал этот слух и многозначительно молчал⁴⁵. Военное министерство в Париже отдало приказ о приведении в состояние повышенной боеготовности танковых частей в Рамбуйе, Сен-Жермен ан Ле, а также танковых дивизий, дислоцированных в ФРГ⁴⁶. Бидо было вручено правительственное постановление, запрещающее ему въезд в Алжир впредь до особого разрешения.

Вечером 23 января в г. Алжире начались студенческие демонстрации под антидеголлевскими лозунгами. В 21 час Генеральная делегация сообщила о встрече Делуврие с представителями алжирских «активистов» и достигнутой договоренности способствовать порядку. Одновременно стала известна инструкция Шалля войскам о поддержании порядка⁴⁷. Вместе с тем в одном из баров вечером того же дня произошла встреча двух соперничавших между собой вожakov алжирских ультра — Ортиза и П. Лагайярда. Они договорились, что будут действовать параллельно: Лагайярд строит баррикады вокруг университета, а Ортиз занимает здание «Кредитного общества» и близлежащее пространство, где он также возводит кольцевые баррикады. Свидетели позднее будут утверждать, что в ночь на 23 января на крышу здания, где Ортиз разместил свой штаб, были подняты два ручных пулемета⁴⁸. Лидеры ультра приняли решение продолжать забастовку, которую по их приказу в тот же день объявили владельцы магазинов и предприятий г. Алжира.

24 января

На рассвете 24 января ректор Алжирского университета сообщил по телефону Делуврие, что вооруженные молодые люди, окружив здание, не позволили ему войти в университет. Генеральный делегат тотчас отдал приказ мобильной жандармерии, отрядам республиканской безопасности, парашютистам Иностранного легиона и морской пехоте занять все стратегические пункты г. Алжира⁴⁹. Рано утром по городу распространялись листовки: «Французы Алжира! Генерал Массю, последний человек 13 мая, последний гарант французского Алжира и интеграции, осмеян и устранен. Де Голль хочет иметь свободные руки для того, чтобы продать Алжир, как он продал Черную Африку... Настал час подняться на борьбу и положить конец предательству. Собирайтесь в 11 часов на плато Глиер, где вы покажете вашу решимость!»⁵⁰. Листовки были подписаны «Комитетом согласия ветеранов войны», «Федерацией территориальных подразделений» и «Комитетом согласия национальных движений». В густонаселенном европейском квартале Баб-эль-Уэд территориальные ополченцы с утра призывали население направиться в центр города. По громкоговорителю раздавались призывы не поддаваться на увещевания официальной пропаганды и двигаться к центральной площади столицы Форуму. В 11 час. 30 мин. у здания университета собралась многочисленная толпа. В окружении вооруженных телохранителей появился Лагайярд в форме лейтенанта-парашютиста. Толпа скандировала: «Де Голля на виселицу! Да здравствует Массю!» В отдельных местах демонстранты прорвали кордоны полиции⁵¹.

К полудню демонстрантов насчитывалось до 9—10 тысяч. Они пробили второе кольцо полицейских кордонов. В полдень штаб мятежников сообщил, что Шалль пригласил на переговоры лидера ФПФ Ортиза. Официальные власти опровергли это сообщение. Впоследствии, на судебном процессе, факт встречи и ее содержание стали известны благодаря показаниям капитана Филиппи из штаба армейского корпуса

⁴⁵ M. et S. Bromberger, G. Elgey, J.-F. Chauvel. Op. cit., pp. 139, 115.

⁴⁶ Ibid., pp. 147—148.

⁴⁷ «Le Monde», 26.I.1960.

⁴⁸ J.-A. Faucher. Les barricades d'Alger, p. 120.

⁴⁹ P. Viansson-Ponté. Histoire de la République Caillienne. T. 1: La fin d'une époque. P. 1970, p. 255.

⁵⁰ «Le Figaro», 18.II.1960.

⁵¹ «Le Monde», 26.I.1960; J.-A. Faucher. Les barricades d'Alger, p. 131.

г. Алжира. Филиппи подтвердил, что в 11 час. 45 мин. 24 января он был вызван к полковнику Аргу, который передал ему приказ Шалля направиться в расположение штаба Ортиза, на бульвар Лаферьер, разыскать лидера ФНФ и убедить его прибыть к главнокомандующему. Некоторое время спустя Ортиз был в штабе Шалля. Они прошли в кабинет⁵². Детали беседы остались неизвестными. Однако есть основания полагать, что между Шаллем и Ортизом было заключено соглашение: главнокомандующий своей пассивной политикой в отношении мятежников фактически поощрял их на дальнейшие действия. Может быть, он старался заручиться поддержкой главаря мятежников, если их акция примет достаточно широкие масштабы. Обращает на себя внимание та настойчивость, с которой Ортиз стремился увеличить число демонстрантов до 100 тыс., повторяя, как заклинание, одну и ту же фразу: «Когда нас будет 100 тыс., армия встанет на нашу сторону». Впоследствии на вопрос о его беседе с Шаллем Ортиз ответил: «Я позавтракал с генералом Шаллем, и он дал мне зеленый свет»⁵³.

Затем мятежники создали во главе с Ортизом «руководящий комитет демонстрации». После оформления органа мятежников один из лидеров комитета, Ж.-К. Перре, отдал приказ членам ФНФ «заставить все население выйти на улицы». К 15 час. 30 мин. силами безопасности удалось сломить сопротивление демонстрантов, рвавшихся к зданию радио и телевидения. Через час число мятежников достигло примерно 20 тыс. человек, и только тогда штаб армейского корпуса распространил заявление, гласившее, что армия не поддерживает демонстрантов. Руководители мятежников обратились к населению с призывом начать всеобщую городскую забастовку. Ортиз предпринял усилия для овладения Форумом, где находится монумент навшим, имеющий символическое значение. Ведь именно взятие Форума 13 мая 1958 г. предreshило судьбу IV республики.

В то самое время, когда Ортиз направлял колонны демонстрантов на Форум, начальника мобильной жандармерии г. Алжира полковника Дебресса срочно вызвал к телефону комендант северной зоны столицы генерал Кост и сообщил, что необходимо остановить мятежников, ибо «демонстрация слишком затянулась и пора ее прекратить. Вас поддержат два полка парашютистов». В 17 час. 54 мин. Дебресс начал операцию. На плато Гинер в это время находилось уже около 6 тыс. человек. В момент, когда подразделение мобильной жандармерии вошло в соприкосновение с передними шеренгами демонстрантов, достигшими монумента навшим, раздались выстрелы из пистолетов и автоматные очереди, застрочил ручной пулемет. Перестрелка велась в течение 40 минут. С той и другой стороны слышались крики и стоны раненых. Позднее возникнет дискуссия относительно того, кто сделал первый выстрел. Мятежники по понятным причинам полностью отрицали свой приоритет. Свидетели рассказывали, что стрельбу начала небольшая группа провокаторов. Жандармы утверждали, что им стреляли в спину⁵⁴.

Пытаясь отбросить мятежников, мобильные жандармы понесли значительные потери. Обещанная помощь со стороны 1-го парашютно-десантного полка появилась лишь после того, как перестрелка стала затихать. «Вам потребовалось 45 минут, чтобы преодолеть 400 метров»⁵⁵, — заявил в ярости Дебресс командиру парашютистов полковнику Дюфуру. На судебном процессе выяснилось, что в течение всей перестрелки парашютисты полка, скомплектованного главным образом из жителей г. Алжира, находились в 500 м от поля боя и не думали вмешиваться. Пара́ (так во Франции называют парашютно-десантные войска) не скрывали своего недовольства возложенной на них функцией и не имели намерения стрелять в мятежников, штурмуя баррикады, за которыми почти каждый солдат мог встретить своего отца или брата. Кроме того, необходимо учитывать степень «понимания» и симпатий в отношении мятежников, существовавшую у командного состава французской армии в Алжире. Примечательно, что после перестрелки Шалль снял Коста с занимаемой должности за то, что тот

⁵² A. de Sérigny. Op. cit., pp. 249—250.

⁵³ «L'Express», 28.I.1960, № 450, p. 11; M. et S. Bromberger, G. Elgey, J.-F. Chauvel. Op. cit., p. 211.

⁵⁴ J.-A. Faucher Les barricades d'Alger, pp. 149—150.

⁵⁵ A. de Sérigny. Op. cit., p. 212.

послал Дебресса на Форум. Командиру полка «малиновых беретов» полковнику Бруаза, прибывшему к Шаллю с протестом в связи с перестрелкой, главнокомандующий ответил: «Не говорите мне об этом. Я думаю так же и даже хуже, чем вы». А на судебном процессе над организаторами «недели баррикад» Шалль вообще отказался признать их вину. «Я не думаю, — заявил он, — чтобы эти люди были мятежниками»⁵⁶. Приходится ли после этого удивляться, что Ортиз, Лагайярд и их сообщники в течение семи дней могли практически безнаказанно действовать?

По официальным данным, в результате вооруженного столкновения сил безопасности с мятежниками 20 человек были убиты и 143 ранены. Потери мятежников составили соответственно 6 и 20, жандармерии — 14 и 123⁵⁷. Итогом столкновения явилось резкое обострение обстановки. В городе было объявлено осадное положение. В 20 час. по радио выступил Шалль: «Мятеж против французской армии не будет иметь успеха. Порядок будет восстановлен». Ультра по-своему отреагировали на действия властей. «Мы хотим создания правительства национального спасения, — требовал Ортиз, — и не желаем больше разговаривать с Генеральной делегацией»⁵⁸. В тот же вечер мятежники разоружили на ул. Исли 30 жандармов. Руководство ФНО отдало распоряжение своим сторонникам не вмешиваться в конфликт между французскими властями и ультра⁵⁹.

Известия о делах в Алжире застали президента в его загородной резиденции, откуда он срочно возвратился в Париж. Премьер-министр прервал поездку по Бретани и в ночь на 25 января прибыл в Елисейский дворец, где де Голль передал ему текст своего обращения к нации⁶⁰. Выступление ультра вызвало немедленную реакцию во Франции. Подавляющее большинство ее общественного мнения решительно осудило очередную вылазку крайне правой реакции. «Эти события, — писал член Политбюро ФКП В. Роше, — вновь показывают, что алжирская война стала главным источником, питающим фашизм. Настало время покончить с этой несправедливой войной... Настало время покончить со снисходительностью властей в отношении фашистских заговорщиков»⁶¹. В поддержку политики самоопределения Алжира высказалось руководство Французской социалистической партии (СФИО), голлистской партии ЮНР и клерикального Народно-республиканского движения (МРН). С мятежниками солидаризовалась лишь незначительная кучка крайне правых. Их настроения отчетливо были выражены в телеграмме, направленной де Голлю депутатом Национального собрания П. Баттести: «Мы с теми, кто на баррикадах».

Время — против мятежников

25 января положение в г. Алжире было таким: мятежники действовали в основном двумя группами: Лагайярд забаррикадировался в университете; Ортиз обосновался в помещении «Кредитного общества». Вокруг этих зданий стали возводиться кольцевые баррикады, за которыми находились примерно 5 тыс. человек, в том числе 1200 вооруженных⁶². Мятежникам противостояли подразделения мобильной жандармерии и страды республиканской безопасности. Регулярные части, хотя и находились на стороне властей, избегали столкновений с мятежниками. Одни из французских историков писал в связи с этим: «Создалось своеобразное равновесие, когда армия ничего не предпринимает, а инсургенты не делают ничего лишнего. Именно это равновесие создало в метрополии впечатление, будто власть в г. Алжире беспомощна и может быть поколеблена, как 13 мая». При всей спорности данной оценки, в первую очередь в отношении мятежников, особое удивление вызывало поведение армии. Хотя ее командование на словах и выступило с осуждением акции Ортиза — Лагайярда, оно ничего не предпринимало для ее пресечения. Во время тайного визита в Алжир премьера Дебре в ночь на 26 января полковник Бруаза заявил ему: «Неужели

⁵⁶ Ibid., pp. 244—245, 296.

⁵⁷ «Le Monde», 2.II.1960.

⁵⁸ «Le Figaro», 26.I.1960; «Le Monde», 26.I.1960.

⁵⁹ «L'Humanité», 1.II.1960.

⁶⁰ «Le Monde», 26.I.1960.

⁶¹ «L'Humanité», 25.I.1960.

⁶² «Le Figaro», 26.I.1960; «Le Monde», 26.I.1960.

призвание президента республики состоит в том, чтобы заставить французов стрелять друг в друга? Лично я никогда не выполню приказа взять штурмом баррикады»⁶³. Резюмируя создавшуюся ситуацию, парижская газета «Les Echos» 26 января 1960 г. отмечала: «Армия превратилась в первую и самую мощную партию во Франции».

Имеются основания полагать, что, если бы мятеж принял более широкие масштабы, армия в Алжире применила бы к нему. Однако число мятежников и демонстрантов так и не превысило 20—25 тыс. человек, что и побудило реакционный генералитет на этот раз воздержаться от выступления, отсрочив его до более удобного момента. 25 января правительство приняло первые меры по борьбе с мятежом. Ранним утром по радио было зачитано послание президента с призывом к мятежникам «вернуться к национальному порядку». «Мятеж, только что развязанный в Алжире, — внушал де Голль, — наносит тяжелый удар по Франции... В том, что касается меня лично, я выполню мой долг»⁶⁴. Днем в Елисейском дворце было созвано экстренное заседание совета министров. В правительстве не наблюдалось единства относительно возможного выхода из создавшегося конфликта. Часть министров (Сустель, Корню-Жантий и др.) решительно высказалась против применения силы в отношении мятежников и даже поставила вопрос об отказе от политики самоопределения, провозглашенной президентом. Особенно яростно выступал бывший генерал-губернатор Алжира Сустель. Страсти накалились настолько, что во время заседания президент отдал приказ службе безопасности арестовать Сустеля по выходе из дворца, но затем отменил его. Подводя итог дискуссии, де Голль заявил: «Итак, военные — против политики генерала де Голля. Военные власти города Алжира проявляют себя очень слабо или не проявляют совсем. Моя политика не изменится. Восстание должно быть подавлено. Безнаказанности не должно быть места. Если Шалль не решится действовать, его нужно будет заменить»⁶⁵.

А в алжирской столице тем временем кипели страсти. «Мы сложим оружие только в том случае, — заявил Ортиз, — если генерал де Голль откажется от политики самоопределения»⁶⁶. Поздно вечером 25 января на помощь правительственным войскам прибыли 14-й и 9-й полки 25-й парашютно-десантной дивизии, дислоцированной в г. Константине. Мятежники, со своей стороны, принимали меры по укреплению дисциплины в своих рядах. Лагайярд объявил по радио, что вводит в своем лагере смертную казнь и тюремное заключение для предателей и нарушителей дисциплины⁶⁷.

Политическая жизнь в Париже 26 января характеризовалась лихорадочностью и ожиданием больших событий. Ходили слухи об отставке семи министров. Дебре предлагал де Голлю отказаться от курса на самоопределение для того, чтобы удержать армию от выступления на стороне мятежников. Президент ответил: «Я сказал — самоопределение, и я не отступлю... Вы будете рассуждать позже. А сейчас выполняйте то, что я приказал. Настал час, когда нужно бороться». И Дебре под диктовку де Голля стал писать новый текст своего заявления по радио, которое он должен был сделать в 14 часов⁶⁸. В тот же день между де Голлем и его старым другом Жюэном произошло резкое объяснение. Маршал настаивал на пересмотре алжирской политики и требовал от президента уступить мятежникам. Тот ответил отказом. Некоторые члены правительства считали, что в создавшейся ситуации де Голлю лучше уйти в отставку⁶⁹. Панические настроения охватили даже ближайшее окружение президента. В парламенте активизировались крайне правые.

Однако в метрополии действия реакции не были поддержаны ни большинством политических партий, ни тем более массами трудящихся. Политбюро ФКП в заявлении от 26 января подчеркивало, что «единственно возможной позицией в отношении ультра было бы поставить их вне закона раз и навсегда... а также разоружить и распустить

⁶³ C. P a i l l a t. Op. cit., pp. 350, 353.

⁶⁴ «Le Monde», 26.I.1960.

⁶⁵ C. P a i l l a t. Op. cit., pp. 351—352.

⁶⁶ «Le Figaro», 27.I.1960.

⁶⁷ A. de S é r i g n y. Op. cit., p. 274.

⁶⁸ J.-A. F a u c h e r. Les barricades d'Alger, p. 207.

⁶⁹ Ibid.

их организации как в Алжире, так и во Франции. Интересы Франции и ее народа требуют незамедлительно покончить с войной, длящейся уже пять лет и принесшей стране столько несчастий»⁷⁰. Свое осуждение мятежников выразили руководство СФИО, МРП, Бюро Французской конфедерации христианских трудящихся (ФКХТ). В обращении Национального бюро МРП содержалось «согласие с политикой, определенной генералом де Голлем 16 сентября и одобренной парламентом, политикой, которая отзвучает воле подавляющего большинства страны»⁷¹.

Ночь на 27 января прошла в г. Алжире без инцидентов. В лагере мятежников царили порядок и дисциплина; в рядах правительственных войск наблюдалась некоторая расслабленность. Солдаты позволяли населению почти беспрепятственно общаться с мятежниками. В городе три дня не делали уборку, и он был завален мусором. Магазины были закрыты, но рынки торговали. Днем Лагайярд и Ортиз прибыли в штаб армейского корпуса, где вели переговоры о возможности «примирения» и прекращения борьбы на почетных для мятежников условиях. Однако непомерные требования Лагайярда и Ортиза сделали невозможным достижение согласия⁷². Делуврие продолжал призывать по радио прекратить мятеж и «избежать раскола между г. Алжиром и метрополией»⁷³.

В это время в Париже было созвано экстренное заседание совета министров для принятия чрезвычайных мер в отношении мятежников. Разногласия в правительстве по-прежнему носили острый характер. Ряд министров снова высказался против применения силы, другие настаивали на решительных мерах для «поддержания авторитета государства»⁷⁴. Лишь на пятый день мятежа правительство под давлением демократических сил начало полицейско-судебные акции против правых ультра в метрополии. На основании ст. 87 Уголовного кодекса, под которую подпадают действия, имеющие целью «ликвидировать или свергнуть правительство вооруженным путем», судебные органы выдали 80 ордеров на арест крайне правых активистов. Служба безопасности провела серию обысков в Париже, на квартирах функционеров правоэкстремистских организаций. Соответствующие полицейские акции были предприняты также в Бордо, Лионе, Тулузе, Марселе, Лилле, Монпелье, Руане, Ренне, Реймсе, Анжере. При этом в ряде случаев были обнаружены партии оружия, заготовленного правыми экстремистами.

В авангарде демократических сил, требовавших покончить с мятежом алжирских ультра, шла компартия. 28 января Политбюро ФКП опубликовало «призыв к единству французского народа против алжирских мятежников, за проведение в жизнь самоопределения». «Перед реальностью угрозы, в которую фашизм вовлекает Францию,— говорилось в призыве,— Политбюро Французской коммунистической партии считает необходимым сделать все возможное для объединения всех республиканских сил страны»⁷⁵. ФКП предложила всем демократическим партиям и организациям немедленно объединиться для отпора алжирским мятежникам и их сторонникам в метрополии. Одновременно Генеральный секретарь ФКП М. Торез обратился с письмом к СФИО, Автономной социалистической партии, Союзу социалистических левых сил, партии радикалов и радикал-социалистов, профсоюзным объединениям — Всеобщей конфедерации труда, ФКХТ, Форс увриер, Федерации национального образования, Национальному профсоюзу учителей, Лиге по правам человека — о проведении совместных действий против фашистской угрозы⁷⁶.

Руководство СФИО заняло непоследовательную позицию, оно даже не ответило на письмо Тореза. Осуждая действия мятежников, лидеры социалистической партии предпочитали единству действий демократических партий одностороннее сотрудничество с правительством. Лишь перед лицом всенародной поддержки призыва ФКП об организации всеобщей забастовки СФИО и ее профсоюзный центр Форс увриер

⁷⁰ «L'Humanité», 27.I.1960.

⁷¹ «Le Monde», 27.I.1960.

⁷² M. et S. Bromberger, G. Elgey, J.-F. Chauvel. Op. cit., p. 334.

⁷³ J.-A. Faucher. Les barricades d'Alger, pp. 245--246.

⁷⁴ «Le Monde», 28.I.1960.

⁷⁵ La résolution du B. P. du PCF du 28 Janvier 1960. «Cahiers du communisme». 1960, № 2.

⁷⁶ «L'Humanité», 28.I.1960.

призвали своих членов участвовать в предложенной коммунистами забастовке протеста⁷⁷. «Дорога к миру (в Алжире. — П. Ч.), — отмечала в те дни демократическая газета «La Libération», — пролегает через полный и окончательный разгром постоянно тлеющего заговора». Остроту возникшей угрозы признавали даже правобуржуазные партии и их органы печати. «Теперь, — писала «Le Figaro» 29 января 1960 г., — речь уже идет не о защите французского Алжира, а о попытке реванша со стороны определенных политических элементов, обманутых, по их мнению, 13 мая, когда они должны были прийти к власти. Для них французский Алжир — всего лишь ширма, за которой они стремятся добиться не только падения де Голля, но и всего режима, который все же еще сохраняет у нас демократию». Наряду с объединением демократических сил происходило сплочение и буржуазных партий, заявивших о своей лояльности правительству, — ЮНР, МРН, партии радикалов и др. Был создан комитет в поддержку генерала де Голля, объединивший представителей властей на местах и часть общественности.

Тем временем мятежники прилагали усилия для укрепления своих позиций и призывали жителей г. Алжира продолжать «неограниченную забастовку». Муниципальный совет города объявил сбор пожертвований в помощь «национальному движению». За одни сутки было собрано 20 млн. франков⁷⁸. 28 января, в 19 час., как и во все предыдущие дни, толпа алжирских французов собралась перед зданием «Кредитного общества», чтобы получить от Ортиза очередную дозу пропагандистской зарядки. Как обычно, парá и полиция ничего не предприняли, чтобы помешать этим ежевечерним сходкам. На баррикадах можно было видеть транспаранты с лозунгом «Да здравствует Массю!», явно адресованные армии. Власти по-прежнему ограничивались призывами прекратить забастовку и разобрать баррикады, но эти призывы оставались без последствий.

29 января характеризовалось усилением нерешительности гражданской и военной администрации г. Алжира. Дело дошло до того, что генеральный делегат и главнокомандующий войсками покинули город и обосновались на базе ВВС в Регайе, в 25 км от столицы. Мятежники, захватившие городскую гостиницу, создали из муниципальных советников дополнительный «руководящий комитет» в поддержку мятежа. Днем генеральный директор алжирской службы безопасности полковник И. Годар начал переговоры с Лагайярдом, который вновь стал диктовать ему условия как равная сторона. Соглашение не было достигнуто⁷⁹. Из Парижа в Регайю прибыл начальник Генерального штаба Эли, чтобы добиться от армии более определенной позиции в отношении мятежников. Командиры армейских корпусов Константины и Орана генералы Олье и Гамбьез заверили Эли в верности присяге и правительству. Командование алжирского армейского корпуса по-прежнему было пассивно и уклонилось от прямого ответа на вопрос, могут ли баррикады быть взяты штурмом. Лишь офицеры ВВС высказались за ликвидацию баррикад, обещая осуществить ее за несколько часов. Однако Шалль решительно возразил против применения силы⁸⁰.

В 20 час. по французскому радио и телевидению выступил де Голль, подтвердивший намерение неуклонно проводить политику самоопределения и призвавший алжирских французов «вернуться к порядку». «Я обращаюсь к армии, — продолжал президент, — замечательные усилия которой обеспечивают нам путь к победе в Алжире, но некоторые элементы которой пытаются думать, что эта война — их война, а не война Франции и что они имеют право пытаться проводить политику, которая не была бы политикой Франции. Я говорю всем нашим солдатам: ваша миссия не допускает каких-либо экивоков и интерпретаций. Ни один солдат не должен даже пассивно присоединяться к путчу. Общественный порядок должен быть восстановлен. Да здравствует республика! Да здравствует Франция!»⁸¹.

На мятежных баррикадах выступление президента республики было встречено криками: «Де Голля на виселицу!» Однако время работало против мятежников. На-

⁷⁷ «Le Monde», 30.I.1960.

⁷⁸ «Le Monde», 29.I.1960.

⁷⁹ A. de Sérigny. Op. cit., p. 276; J.-A. Fauchier. Les barricades d'Alger, p. 302.

⁸⁰ J.-A. Fauchier. Les barricades d'Alger, p. 281.

⁸¹ «Citations du président de Gaulle». Choies et présentées par J. Lacouture P. 1968, pp. 95—96.

дежды на поддержку в метрополии бесследно испарились. Армия в Алжире так и не присоединилась к мятежу, хотя и не проявляла должной твердости. А малочисленность мятежников не позволяла им перейти в наступление. В конечном счете кольцевые баррикады, призванные стать опорными пунктами наступательного движения, превратились в гетто для Ортиза — Лагайярда и их сообщников. В полдень 30 января, осознав безнадежность своего предприятия, Ортиз объявил, что 1 февраля забастовка должна прекратиться. «Мы приняли это решение, — заявил представитель Ортиза адвокат Ж. Менэнго, — исходя из интересов населения, а также по экономическим соображениям. Но я вас призываю приходить к нам (на баррикады. — Н. Ч.) столь часто, как вы это сможете». Таким образом, мятежники решили продолжать отсиживаться за баррикадами.

В 14 час. парашютисты 25-й дивизии плотным кольцом окружили укрепленный лагерь Лагайярда, а спустя 15 мин. командир 10-й парашютно-десантной дивизии генерал Грасье издал приказ о мобилизации военного персонала территориальных войск г. Алжира. Все военнообязанные должны были явиться к 16 час. в расположение штабов своих батальонов. Военные коменданты зон получили категорический приказ взять под прямое командование территориальные подразделения⁸². Итак, мятежники лишались мощной опоры и важнейшего союзника, и теперь их баррикады оставались без достаточного прикрытия. В 16 час. командир алжирского армейского корпуса Крепэн призвал по радио население «немедленно возобновить работу». Ортиз лихорадочно зывал к французам — жителям г. Алжира поддержать мятежников в надежде, что армия не станет стрелять. В ответ на ультиматум военного командования, переданный Лагайярду в 14 час., этот депутат-ультра отверг его, о чем было объявлено по радио. Среди мятежников еще более усилилось напряжение: в лагере Лагайярда была зарегистрирована попытка самоубийства. В городе ввели комендантский час.

Утро 31 января началось с распространения подстрекательских листовок. На ул. Исли вспыхнула перестрелка, в результате которой четыре человека были тяжело ранены. В 11 час. 05 мин. от взрыва мощной мины, подложенной в расположение правительственных войск, погибли три парашютиста и сам террорист, 20 человек получили ранения. В полдень представитель Ортиза опроверг слухи о готовящейся капитуляции мятежников. Полковник Годар получил приказ прекратить всякие переговоры и контакты с мятежниками. На помощь силам порядка прибыла моторизованная колонна 13-й полубригады Иностранного легиона, занявшая подступы к центру города. С 18 час. наблюдались случаи ухода территориальных ополченцев с баррикад. 31 января лагерь мятежников покинули 177 солдат территориальных подразделений. Военное командование распространило приказ, гласящий, что 1 февраля территориальные ополченцы должны приступить к исполнению своих обязанностей. Одновременно Крепэн распорядился отключить электричество в лагере мятежников. «Эта ночь будет решающей»⁸³, — сказал Лагайярд. К полуночи мятежники были окончательно изолированы в кольцевых баррикадах. Они, как и правительство, с тревогой ожидали наступления утра 1 февраля, когда во Франции должна была начаться всеобщая забастовка протеста против мятежа, идея которой была выдвинута ФКП и одобрена всеми демократическими партиями и профсоюзами. Под давлением масс правительство приняло также ряд мер по изоляции сообщников мятежников в метрополии.

К о н е ц м я т е ж а

На рассвете 1 февраля из дома № 5 по ул. Шарля Пегги осторожно вышел человек. Не привлекая к себе внимания, он затерялся в узких улочках алжирской столицы. Через 10 мин. в этот дом прибыл отряд парашютистов, чтобы арестовать Ортиза — главное действующее лицо мятежа. Однако было поздно. Ортиз исчез, объявившись в скором времени в Мадриде. После бегства вожака мятежники, занимавшие здание «Кредитного общества», без единого выстрела сдались правительственным войскам.

Лагайярд повел себя иначе. С вечера 31 января он начал переговоры на команд-

⁸² «Le Monde», 31.1.1960.

⁸³ «Le Monde», 2.11.1960; J.-A. Fauchet. Les barricades d'Alger, p. 327.

ном пункте полковника Дюфура. Переговоры продолжались всю ночь и первую половину дня 1 февраля. Со стороны властей они велись на весьма высоком уровне — генералы Крепэн, Грасье, Афруйу, полковник Мейер и др. Лагайярд выдвинул настоятельные требования: амнистия мятежникам, предоставление им права покинуть баррикады с оружием в руках, организация с участием Делуврие и представителей мятежников церемонии возложения венков в память жертв перестрелки 24 января, использование отрядов Лагайярда в боевых действиях против Армии национального освобождения Алжира⁸⁴. Власти сочли возможным согласиться на ряд требований. Перед тем как подписать условия канитуляции, Лагайярд уничтожил имевшуюся у него документацию, и прежде всего фамилии, телефоны и адреса офицеров французской армии, с которыми он имел связь. В полдень он во главе колонны из 650 мятежников сдался властям. Из доставленных в Зеральду мятежников лишь около 100 человек изъявили желание участвовать в боевых действиях, остальные были распущены по домам⁸⁵. В течение второй половины дня обстановка в городе полностью нормализовалась.

В то время как власти еще вели переговоры с Лагайярдом, во Франции прошла мощная одночасовая забастовка, в которой приняло участие более 10 млн. человек. Французы сказали свое решительное «нет» планам заговорщиков и потребовали от правительства принятия радикальных мер по пресечению их преступной деятельности. Совет министров, собравшийся в 15 час., постановил созвать чрезвычайную сессию Национального собрания и сената. Правительство запросило у парламента дополнительных полномочий сроком на один год для «восстановления порядка и законности» согласно ст. 38 конституции⁸⁶. 2 февраля 1960 г. Национальное собрание 441 голосом «за» при 75 «против» и 16 воздержавшихся одобрило предоставление правительству дополнительных полномочий⁸⁷. На следующий день сенат 225 голосами против 49 также одобрил законопроект⁸⁸. Коммунисты — депутаты и сенаторы — голосовали против, считая, что последний противоречит подлинной демократии и служит лишь еще большему усилению режима личной власти.

Получив от парламента запрошенные полномочия, де Голль осуществил 5 февраля реорганизацию правительства, из которого были устранены скомпрометированные в ходе «недели баррикад» министры. Был переведен в метрополию ряд офицеров, проявивших в ходе событий нелояльность в отношении правительства. 4 февраля делегат Делуврие подписал постановление о роспуске шести шовинистско-экстремистских организаций — ФНФ, «Студенческое националистическое движение», «Присутствие и защита», «МП—13», «Движение за установление корпоративного порядка» и «Комитет согласия национальных движений». Одновременно были выданы ордера на арест руководителей этих организаций и лиц, активно действовавших в ходе мятежа. Были приняты меры по перестройке деятельности гражданской и военной администрации. Из Алжира был устранен полковник Годар⁸⁹.

К суду военного трибунала по делу о мятеже были привлечены 15 человек⁹⁰; четыре человека, которым удалось скрыться, подверглись суду заочно (Ортиз, Мартель, Менэнго, еще один из лидеров ультра, Ж. Лакьер). Во время подготовки процесса трем обвиняемым (Лагайярду, Ронда и Сюзини) удалось, не без ведома полиции, бежать в Испанию. Уже поэтому судебный процесс над организаторами «недели баррикад», открывшийся 3 ноября 1960 г., не мог считаться серьезным. Власти явно стремились свести к минимуму морально-политические издержки, понесенные режимом в ходе мятежа. К тому же крайне правая оппозиция служила козырной картой правящих кругов в их игре против демократических сил. Сохранение ее было, до оп-

⁸⁴ C. P a i l l a t. Op. cit., pp. 357—358; «Le Monde», 2.II.1960.

⁸⁵ J.-A. F a u c h e r. Les barricades d'Alger, p. 338; «Le Monde», 4, 7, 8.II.1960.

⁸⁶ «Constitution et ordonnances portant lois organiques relatives à la Communauté». P. 1959, p. 14.

⁸⁷ «Journal officiel de la République Française. Débats parlementaires. Assemblée Nationale. Séance du 2 Février». 6 Février 1960, pp. 147—148.

⁸⁸ «Journal officiel de la République Française. Débats parlementaires. Sénat. Séance du 3 Février». 4 Février 1960, pp. 43—44.

⁸⁹ «Le Monde», 6—8.II.1960.

⁹⁰ О. Арнуль, Ж.-М. Демаркс, Ф. Фераль, Ж. Гард, С. Журде, П. Лагайярд, Б. Лефевр, П. Мишо, Ж.-К. Пере, М. Рамбер, М. Ронда, Ж.-М. Сани, В. Сапэн-Линьер, Ж.-Ж. Сюзини, А. де Сериньи.

ределенного момента, выгодно как оправдание для все более широкого усиления полномочий исполнительной власти. Лишь в одном случае (по поводу Ортиза) суд удовлетворил требование обвинения (смертная казнь), которое не могло быть осуществлено из-за отсутствия подсудимого. Всем остальным участникам мятежа были вынесены мягкие приговоры ⁹¹.

Спустив на тормозах дело о «неделе баррикад», правительство надеялось на какое-то примирение с ультра. Однако те и не помышляли ни о каком компромиссе. На пятый день после поражения на стенах г. Алжира появились подстрекательские листовки, утверждавшие, что борьба не окончена. А спустя 14 месяцев после «недели баррикад» Алжир стал очагом нового путча, подготовленного и развязанного реакционной восницей и поддержанного французскими ультра ⁹².

⁹¹ Лагайярд — 10 лет заключения (заочно), Менэнго — 7 (заочно), Мартель — 5 (заочно), Ронда — 3, Сюзини — 2 (условно). Остальные были оправданы (A. de Séigny. *Op. cit.*, p. 442).

⁹² См. П. П. Черкасов. Провал генеральского путча в Алжире. «Вопросы истории», 1977, № 9.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР

50-ЛЕТИЕ В. Л. ЯНИНА

6 февраля 1979 г. исполняется 50 лет видному советскому историку и археологу, крупному специалисту в области истории и археологии древней Руси, нумизматики и сфрагистики, члену-корреспонденту АН СССР, лауреату Государственной премии СССР, заведующему кафедрой археологии Исторического факультета Московского университета, профессору Валентину Лаврентьевичу Янину.

По окончании Исторического факультета МГУ в 1951 г. В. Л. Янин был принят в аспирантуру по кафедре археологии, где под руководством А. В. Арциховского им была написана и в 1954 г. защищена кандидатская диссертация о денежно-весовых системах русского средневековья (опубликована в виде монографии в 1956 г.). В этой работе дана картина развития денежно-весовых систем древней Руси, установлено тождество между терминологией древнерусского денежного обращения и конкретными нумизматическими фактами. Для этой и последующих работ В. Л. Янина по нумизматике характерны использование новейших методов исследования нумизматического материала с привлечением сведений из других видов источников и постановка новых вопросов для данной научной дисциплины.

Значительные научные достижения В. Л. Янина связаны с изучением древнего Новгорода. Интерес к новгородским древностям возник у него еще тогда, когда он, будучи студентом, включился в работу одной из крупнейших археологических экспедиций, основанной А. В. Арциховским. Постепенно именно новгородская тематика привлекала все большее внимание В. Л. Янина, и он переходит к изучению политической истории Новгорода.

Возможности сфрагистического материала во взаимосвязи с другими видами источников продемонстрированы в его капитальной монографии «Новгородские посадники» (1962 г.), защищенной им в 1963 г. в качестве докторской диссертации. В. Л. Янин доказал, что институт посадничества формировался на основе равного боярского представительства от городских концов. В книге выяснена динамика развития политического строя Новгородской республики и установлены даты важнейших государственных реформ, не отраженных в традиционных источниках.

В результате скрупулезного исследования отдельных фактов истории печатей или их групп с применением комплекса методов сфрагистического анализа В. Л. Яниным был создан фундаментальный труд «Актовые печати древней Руси» (тт. 1—2. М. 1970), где дан систематизированный свод всех известных древнерусских вислых печатей и обосновано их значение как источника, что позволило установить, в частности, этапы развития новгородской государственности.

Трудно переоценить вклад, внесенный В. Л. Яниным в изучение берестяных грамот. Цикл его работ о берестяных грамотах обобщен в очередном томе «Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.)», подготовленном совместно с А. В. Арциховским, а также в выдержавшей два издания (1965 и 1975 гг.) книге «Я послал тебе бересту...», которая написана в оригинальном новаторском ключе, как популярная, доступная широкому кругу читателей. Вместе с тем это исследование, в котором автор ставит и решает ряд узловых проблем политической, экономической и культурной истории средневекового Новгорода, рассказывает о частной жизни нов-

городцев — от посадников до рядовых горожан. Наконец, это репортаж о работе археолога, путях научного поиска и методике исследования археологических и письменных источников. В 1978 г. вышла в свет книга В. Л. Янина «Берестяная почта столетий». В ней излагается современный взгляд на историю Новгорода. Изучая берестяные грамоты и археологическую топографию, В. Л. Янин смог вскрыть социальную структуру Новгорода, доведя свое построение до социальной ячейки этого средневекового города как городская боярская усадьба. Изучая на основе сведений берестяных грамот, летописей, актов, писцовых книг, литературных памятников генеалогию новгородского боярства, он приходит к широким выводам по истории землевладения, социально-экономического и политического развития Новгородского государства.

В работе над берестяными грамотами отчетливо проявились значение комплексного использования разных видов исторических источников и новаторство В. Л. Янина в методике их исследования. Сами эти грамоты рассматриваются им как своеобразный источник, сочетающий в себе свойства археологического и письменного памятника, требующего палеографического, текстологического и сравнительно-исторического анализа. Всю научную деятельность В. Л. Янина пронизывает комплексный подход к исследованию различных исторических источников, а разработка методов комплексного источниковедения, интеграции в изучении источников стала одним из важнейших направлений его творчества. В результате В. Л. Янину удалось существенно расширить и углубить наши представления по истории возникновения Новгорода, по истории новгородского землевладения, ремесла, застройки и планировки этого древнего русского города, состава и структуры его населения, зарождения и становления новгородского республиканского строя, по истории искусства и культуры этой части Руси. Здесь еще раз проявился тот факт, что В. Л. Янин является крупным знатоком вспомогательных исторических дисциплин, материалы которых он использует. Его перу принадлежат специальные труды по нумизматике, сфрагистике, археологии, берестологии, комплексному источниковедению.

Список печатных трудов В. Л. Янина уже насчитывает около 300 названий и отображает его неутомимую деятельность ученого, талантливого пропагандиста и умелого популяризатора достижений исторической науки, одного из ее организаторов. Неотъемлемая часть его деятельности — преподавательская работа на Историческом факультете МГУ. Его лекции лишены внешних эффектов; это доверительный разговор с аудиторией, когда лектор делится своими обширными знаниями, наблюдениями, размышлениями, поисками. Слушателей захватывает глубина содержания, аргументированность наблюдений и выводов, умение доходчиво и просто говорить о сложнейших вопросах. Неизменным успехом пользуются специальные курсы В. Л. Янина по истории и источниковедению Новгорода, нумизматике, сфрагистике, комплексному источниковедению. Из его спецсеминара вышли многие из тех, кто уже в течение ряда лет работает бок о бок с ним и на кафедре археологии МГУ и в Новгородской археологической экспедиции.

Постоянная готовность В. Л. Янина поделиться своими знаниями проявляется и вне стен университета. Это и «пятницы» (отчеты о ходе раскопок за неделю), проводимые им для участников археологической экспедиции в Новгороде, и лекции для новгородцев об истории их города и археологических раскопках, и выступления по линии Всесоюзного общества «Знание» и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, и доклады на различных конференциях, симпозиумах и совещаниях, и многочисленные интервью по вопросам развития советской исторической науки, археологических исследований, охраны памятников истории и культуры в СССР, и выступления по радио и телевидению.

В течение многих лет В. Л. Янин является одним из руководителей самой крупной в стране археологической экспедиции — Новгородской. Значительные усилия прилагает он к созданию новой системы планирования археологических работ, ставя на первое место задачу сохранения археологических памятников для науки. Он был одним из главных инициаторов постановления Новгородского горисполкома (1967 г.) «Об охране культурного слоя». Оно в своей археологической части послужило затем основой постановления Госстроя РСФСР и Коллегии Министерства культуры РСФСР от 31 июля 1970 г. об особой охране памятников прошлого в 115 городах СССР.

В дальнейшем понятие «культурный слой древних городов» было введено в номенклатуру археологических памятников в «Законо об охране и использовании памятников истории и культуры» (1976 г.). Выполнение Новгородской экспедицией охранной задачи создало возможность широкого маневра в полевых работах, постановки и решения на разнообразном материале серьезных научных задач.

В. Л. Янин — член Президиума Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Он возглавляет лабораторию по истории городов при Историческом факультете МГУ, в течение долгого времени являлся председателем Оргкомитета Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории.

Заслуги В. Л. Янина в развитии советской исторической науки и культуры получили достойное общественное признание. В 1966 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР и в том же году удостоен Ломоносовской премии 1-й степени Московского университета, а в 1970 г. — Государственной премии СССР за итоги работы Новгородской археологической экспедиции. В 1975 г. В. Л. Янин награжден орденом Дружбы народов.

Свое 50-летие Валентин Лаврентьевич встречает в расцвете творческих сил, трудясь над новыми исследованиями по истории нашей Родины. Одно из них — монография по истории новгородского феодального землевладения.

*Академик Б. А. Рыбаков,
А. Д. Горский, Б. А. Колчин*

Рецензии

«Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР». М. Изд-во «Наука». 1976. 487 стр. Тираж 9000.

Цена 2 руб. 50 коп.

Среди трудов советских обществоведов, освещающих проблемы современного социалистического общества в СССР, выделяется книга, созданная коллективом историков и экономистов¹. В ней рассматриваются такие проблемы, как сущность развитого социалистического общества и система его отношений, исторический смысл социализма и характер его основных целей, управление социальными процессами, деятельность масс и развитие личности, образ жизни, перерастание социализма в коммунизм, показывается возникновение принципиально нового коммунистического типа общественного прогресса. Теоретически осмысливая реальную

социалистическую действительность, авторы не затушевывают сложности и трудности, которые приходится преодолевать советскому народу.

В широком плане в книге ставятся проблемы истории социально-экономического развития СССР на этапе зрелого социализма, анализируются в единстве все стороны общественной жизни, и в определении критериев авторы исходят не из отдельных показателей сдвигов в той или иной сфере, а из учета всех основных факторов, которые в совокупности определяют степень зрелости социализма как общественной системы, как фазы коммунистической формации. Социализм представлен в книге в широком историческом и социально-экономическом аспекте. На конкретных фактах авторы убедительно показывают, что социализм — это начало подлинной истории человечества, приходящей на смену его «предыстории», общество, открывшее коммунистическую эру общественного развития; подчеркивают, что под руководством Коммунистической пар-

¹ Авторы: Е. Э. Бейлина, В. П. Данилов, П. А. Игнатовский, С. М. Иовчук, В. И. Касьяненко, Э. В. Клопов, В. С. Лельчук, Л. Н. Лисицына, П. С. Мстиславский, Л. И. Муравьева, В. Е. Полетаев, С. Л. Сенявский, Т. А. Сивохина, А. П. Тюрина, Г. А. Шистер. Редакционная коллегия: чл.-корр. АН СССР М. П. Ким (отв. редактор), И. Е. Ворожейкин, В. П. Дмитренко, В. С. Лельчук.

тии советским народом достигнуто всемирно-историческое завоевание: впервые в истории построено развитое социалистическое общество. Опираясь на уже достигнутое в разработке проблем развитого социализма в СССР, в частности социально-экономических, авторы обстоятельно анализируют укрепление экономических отношений города и деревни, реализацию экономической реформы и ее последствий, совершенствование аппарата управления, развитие важнейших отраслей промышленности и сельского хозяйства, осуществление программы повышения благосостояния трудящихся, укрепление экономических связей со странами социалистического содружества.

Глубоко раскрыты в книге социальные изменения внутри классов — рабочего класса, колхозного крестьянства — и в социальных группах, в составе городского и сельского населения; определяются основные направления эволюции классов и социальных групп в процессе разворачивающейся научно-технической революции, роста производительных сил. Авторы акцентируют внимание на изучении социализма в единстве его развития, на проблемах оптимизации функционирования его как системы. Такой подход позволил осветить ряд недостаточно разработанных социально-экономических проблем истории развитого социализма. Во всяком случае, надежды авторов на то, что высказанные ими мысли станут предметом дальнейшего обсуждения, имеют достаточное основание.

Характеризуя комплексный, соразмерный и фронтальный характер развития советского общества в условиях зрелого социализма, отмечая его как особенность современного состояния социалистического строительства в СССР, авторы подчеркивают, что на первых его этапах КПСС и Советское государство вынуждены были сосредоточиваться на самом первоочередном — развитии тяжелой промышленности. Теперь положение становится иным. Начало функционирования в СССР развитого социализма, пишут авторы, сопровождалось устранением имевшихся в прошлом несоответствий между отдельными сферами общественной жизни, диспропорций в народнохозяйственном развитии — разрыва в темпах, масштабах и уровнях роста на отдельных участках социалистического строительства (стр. 7). Но, говоря об устранении диспропорций в развитии народного хозяйства в условиях развитого социализма, авторы упускают при этом из

виду то обстоятельство, что практически определенное несоответствие в развитии отраслей народного хозяйства имеет место и на современном этапе. В условиях зрелого социалистического общества, заключают авторы, открывается более широкий простор для действия закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства (стр.7).

Подробно рассматриваются в книге вопросы создания материально-технической базы, совершенствования экономических отношений между городом и деревней, новые принципы хозяйствования и их осуществление в промышленности, совершенствование аппарата управления промышленностью, формирование промышленных комплексов в 60-х — 70-х годах. «Укрепление экономических отношений между городом и деревней,—пишут авторы,—объективный исторический процесс развития социалистического общества, обусловленный глубоким переплетением интересов рабочего класса и крестьянства, производственных связей сельского хозяйства и всего материального производства» (стр.16). Указывая, что условием успешного развития сельского хозяйства становится все более широкое использование общего экономического потенциала страны, авторы подчеркивают, что в рамках развитого социализма КПСС уделяет большое внимание преодолению отставания сельского хозяйства от промышленности, ибо подъем сельского хозяйства — это не локальное явление, имеющее значение только для деревни. Оно имеет огромное значение для всей социалистической экономики, для советского общества в целом, для дальнейшего сближения города и деревни по условиям труда, быта, культурной жизни.

Анализируя опыт размещения производительных сил СССР, авторы приходят к выводу, что главной формой организации промышленного производства и размещения производительных сил в условиях развитого социализма стали территориально-производственные комплексы. При этом с наибольшим экономическим эффектом решается задача приближения промышленности к источникам сырья, ускоряется научно-технический прогресс, активизируются местная хозяйственная инициатива и трудовой подъем народных масс. Однако, указывая, что территориально-производственные комплексы основываются на сочетании отраслевой специализации с комплексным развитием хозяйства в целом, авторы неправомерно при-

числяют к территориально-производственным комплексам и промышленные узлы (стр. 147). Не раскрывается в книге и значение региональных комплексов в решении политических, социальных и демографических задач. В целом же авторы делают правильный вывод, что формирующиеся промышленные комплексы выступают как специфическая форма дальнейшего укрепления братского содружества всех народов СССР, их нерасторжимо экономического и политического единства (стр. 161).

В книге отмечается, что процесс формирования народнохозяйственного аграрно-промышленного комплекса усиливается на путях межотраслевой кооперации, дальнейшего обобществления труда и концентрации производства. Такова важнейшая особенность развития экономических отношений города и деревни в современных условиях, когда главной задачей является перенесение упора в экономике на интенсивные методы ведения хозяйства, на повышение эффективности общественного труда. На это особо обратил внимание XXV съезд КПСС.

Большое внимание уделено в книге проблемам совершенствования управления промышленностью. Авторы приводят важные данные, раскрывающие положительные стороны осуществленной в 60-х годах экономической реформы, обстоятельно рассматривают методы хозяйствования, дают им характеристику и оценку, освещают практику экономического стимулирования, совершенствования методов планирования; показывают процесс совершенствования аппарата управления, обобщают опыт перехода к двух-трехзвенной системе управления в ряде отраслей хозяйства, создания производственных объединений. Обстоятельно освещены особенности современного этапа повышения благосостояния и культуры советских людей. Авторы отмечают, что закономерными особенностями этого процесса на современном этапе являются ускоренный рост реальных доходов населения; опережающие темпы роста общественных фондов потребления; все большее обеспечение народа материальными благами в соответствии с научными требованиями; коренное улучшение качества и ассортимента потребительских товаров; высокие темпы развития и качественное улучшение всех видов общественного обслуживания населения; реконструкция быта на базе новейшей техники; обеспечение всеобщего среднего об-

разования; все более органическое соединение в производстве физического и умственного труда; постепенное сближение уровня жизни различных групп населения (стр. 53).

Общая постановка и плодотворная разработка в книге вопросов совершенствования производственных отношений развитого социализма подтверждают, что проблемы становления и развития народнохозяйственного комплекса развитого социализма заслуживают гораздо большего внимания, чем до сих пор им уделялось историками и экономистами. Процесс социалистического обобществления производства и труда является для авторов исходным при рассмотрении различных сторон развивающейся системы социализма. Этот подход выгодно отличает книгу от предыдущих исследований. Он позволил более четко определить коренные черты, этапы развития и критерии зрелого социализма, гносеологические и классовые корни ревизионистской вульгаризации научного коммунизма в духе «рыночного социализма» и т. д.

Значительное место в книге занимают вопросы социально-политической структуры социалистического общества. Авторы делят процесс изменения социальной структуры советского общества на два периода: переходный от капитализма к социализму (1917—1937 гг.) и период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму (с 1937 г.). Для каждого из них характерен особый тип трансформации социального состава. В книге освещается развитие производительных сил, совершенствование производственных отношений и их влияние на социальную структуру города, приводятся интересные данные о социальном составе городского населения, о численности рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства, даются сводные сведения о наличии рабочих и служащих в народном хозяйстве, раскрывается рост индустриального ядра рабочего класса СССР, изменения в источниках его пополнения, в составе и структуре, изменения в численности и составе городских слоев интеллигенции и служащих; рассматривается процесс стирания существенных различий между работниками умственного и физического труда и др.

Характеризуя историографию проблемы создания материально-технической базы коммунизма, авторы анализируют обширный круг исторической и экономической литературы. При этом они делают вывод, что мно-

гие существующие характеристики материально-технической базы коммунизма не могут быть ни отвергнуты, ни безоговорочно приняты за истину, и признают отставание исторических и других общественных наук в исследовании широкого круга вопросов данной проблемы. Вызывает, однако, сожаление, что по отдельным спорным суждениям авторы избегают высказывать свое мнение.

Богатый и разнообразный материал, служащий фактической основой коллективного труда, делает книгу убедительной и интересной. Многие факты впервые вводятся в научный оборот. В то же время в некоторых случаях ощущается беглость изложения проблем, недостаточная опора на анализ конкретной практики социалистического общества. Изобилие цифровых данных усложняет восприятие многих интересных обобщений. Порой по одному и тому же вопросу в разных местах книги приводятся разноречивые данные. Так, на стр. 265 говорится, что в 1970 г. в среднем на один сов-

хоз приходилось 123 трактора, а на стр. 173 — что в настоящее время (то есть в 1975 г.) в среднем на совхоз приходится 54 трактора и др.

В дальнейшем желательна с участием историков, экономистов и философов широкая комплексная разработка проблем периодизации истории социалистического общества, количественных и качественных изменений рабочего класса в период социалистического и коммунистического строительства: места и роли рабочего класса в социальной структуре советского общества, ведущей роли рабочего класса в создании материально-технической базы коммунизма и др.

Рецензируемая книга — серьезное историко-экономическое исследование проблем развитого социализма. В ней дан аргументированный отпор ревизионистским нападениям на это великое завоевание советского народа.

Н. И. Горлач, И. Ф. Грива,
А. Е. Кучер, И. М. Цемкалов

С. А. ФЕДЮКИН. *Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу*. М. Изд-во «Наука». 1977. 352 стр. Тираж 3100. Цена 1 руб. 80 коп.

С переходом политической власти в нашей стране в руки рабочего класса государственной идеологией, определяющей духовную жизнь советского общества, стал марксизм-ленинизм. Однако наличие враждебных пролетариату социальных сил (остатки буржуазии, кулачество, буржуазная интеллигенция) делало неизбежным сохранение в течение определенного времени традиций и морали старого эксплуататорского общества, его идеологии. Вместе с активизацией частнокапиталистических элементов в первые годы нэпа оживилась и буржуазная идеология. Тема борьбы с нею в условиях перехода к нэпу давно привлекает исследователей. Значительное внимание этой проблеме уделено в трудах по философии, литературоведению и искусствоведению, меньшее — по экономике и истории.

В книге старшего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР доктора исторических наук С. А. Федюкина дается широкое комплексное освещение деятельности Коммунистической партии и Со-

ветского государства по преодолению буржуазной идеологии в начальный период нэпа. Эта деятельность рассматривается в различных сферах культурной жизни.

Нередко, изучая борьбу с тем или иным противником, исследователи не дают его характеристики. Иначе делает С. А. Федюкин. Он показывает основные черты и направления буржуазной идеологии после перехода к нэпу, средства ее распространения. Отмечая, что питательной средой для ее активизации явилась нэпманская буржуазия, он правильно подчеркивает, что это было оживление старой, а не появление новой идеологии (стр. 24).

Главное внимание в книге уделено раскрытию форм и методов пропаганды марксистско-ленинской идеологии среди различных слоев населения, а также деятельности партийных и советских органов по сведению до минимума возможности использования буржуазными идеологами средств массового воздействия. Значительный интерес представляет характеристика борьбы против

проявлений буржуазной идеологии в области общественных наук. Разоблачая воинствующий философский идеализм, реакционные концепции в исторической и экономической науках, прикрывавшие лозунгами «беспартийности» и «объективности» нападки на методологические основы марксистского учения, автор выявляет антисоциалистическую сущность этих теорий. «Буржуазные идеи в области общественных наук,— подчеркивает он,— были важной составной частью общего фронта идеологической борьбы буржуазии против диктатуры пролетариата» (стр. 54).

Рассматривая сменевеховство, С. А. Федюкин раскрывает его идейно-политическое содержание и значение в идеологической борьбе, дает детальный анализ этого сложного, противоречивого и неоднородного явления общественно-политической жизни. Он справедливо указывает на двойственную природу сменевеховства, в котором наряду с реакционной реставраторской идеологией наличествовала объективно прогрессивная тенденция к поддержке Советской власти. В книге прослеживается деятельность партии по использованию положительных сторон сменевеховства для укрепления позиций Советской власти среди интеллигенции. С. А. Федюкин пишет, что в своей политике партия опиралась на ленинские идеи об использовании в интересах пролетариата колебаний мелкобуржуазных демократов «между буржуазией и пролетариатом, между буржуазной демократией и советским строем»¹.

Формы и методы борьбы Коммунистической партии с буржуазной идеологией определялись общественно-политической обстановкой того периода. Организовав идеологическое наступление на буржуазию, партия разоблачала несостоятельность ее идейно-теоретических позиций и одновременно с этим укрепляла свой теоретический фронт, создавая социалистическую культуру, перевоспитывая буржуазную интеллигенцию. В то же время Советское государство применяло административные меры оградительного и репрессивного порядка, целью которых было свести к минимуму вред, причиняемый буржуазной идеологией делу коммунистического воспитания трудящихся (стр. 161).

В книге подробно анализируется роль партийно-советской печати в борьбе с буржуазной идеологией и в то же время отмечается, что печать, так же как и литерату-

ра и искусство, стала ареной острой идеологической борьбы, испытала на себе атаки нэповской стихии. С. А. Федюкин освещает деятельность партии по укреплению органов партийно-советской печати, дальнейшему развитию издательского дела, увеличению выпуска марксистской литературы, повышению идейно-эстетического уровня литературы и искусства, преодолению буржуазной идеологии в высшей и общеобразовательной школе. Специальное место отведено в книге мероприятиям партии «по перевоспитанию интеллигенции в духе марксизма, внесению в ее массы идеалов и принципов социалистического миропонимания» (стр. 310).

С. А. Федюкин не преуменьшает трудностей и сложностей борьбы с буржуазной идеологией. Он вступает в полемику с теми исследователями, которые порой упрощенно и облегченно трактовали некоторые явления этой борьбы (см. стр. 12—14 и др.). При этом он исходит из того, что в идеологической борьбе противоборствующие силы не всегда сталкиваются открыто и явно, что эта борьба носит глубинный характер, ее результаты — успехи и неудачи, завоевания и потери — зачастую не сказываются немедленно и наглядно, а проявляются с течением времени в самых различных опосредованиях.

Рецензируемая монография — широкое комплексное исследование, охватывающее различные сферы идеологической борьбы: политику, науку, литературу, искусство, высшую и общеобразовательную школу, печать. Однако осветить с равной полнотой все аспекты проблемы, включающей практически все стороны общественной жизни, в одной работе вряд ли возможно. Поэтому автор во введении предупреждает, что он оставляет за рамками книги такие вопросы, как борьба с буржуазным национализмом, религией, преодоление буржуазных норм и традиций в области морали, права. Хотя исследователь вправе ограничивать, сужать круг рассматриваемых проблем, все же было бы целесообразным (исходя именно из многопланового характера работы), пусть в общих чертах, показать всю сумму вопросов, входящих в понятие «идеологическая борьба». Это позволило бы точнее передать масштабность и сложность исследуемой проблемы.

Упрекая иных авторов в односторонности, С. А. Федюкин порой тоже грешит ею. Так, он справедливо критикует некоторых лите-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 59.

ратуроведов за одностороннюю оценку творчества А. А. Ахматовой. Опираясь на ее строки: «Все расхищено, предано, продано, черной смерти мелькало крыло, все голодной тоскою изглодано», — они писали о неприятии Ахматовой социалистической революции. С. А. Федюкин обращает внимание на последующие строки стихотворения: «Отчего же нам стало светло?.. И так близко подходит чудесное к развалившимся грязным домам... Никому, никому не известное, но от века желанное нам», — и на основании этих строк делает вывод, что поэтесса воспела революцию (стр. 15). Думается, что С. А. Федюкин в данном случае впадает в другую крайность и, по существу, повторяет ошибку критикуемых им авторов. Дело в том, что данное стихотворение отразило сложность, неоднозначность восприятия Ах-

матовой революционной бури, пронесшейся над страной: разочарованность, подавленность сочетались с надеждами на возрождение, на приход неизвестного, но чудесного и желанного.

Имеются в работе и отдельные неточности фактического порядка. Недостаточно четко обрисована деятельность Всероссийского комитета помощи голодающим (стр. 83—86). На стр. 329 автор, перечисляя «крупных представителей университетской науки», называет среди них людей (например, А. И. Молока), лишь начинавших тогда свою научно-педагогическую деятельность.

Интересная книга С. А. Федюкина займет достойное место среди работ, обобщающих опыт идеологической борьбы КПСС.

А. Я. Полякова

Y. AMBARTSUMOV. *How Socialism Began. Russia Under Lenin's Leadership 1917—1923*. Moscow. Progress Publishers. 1977, 354 p.

Е. АМБАРЦУМОВ. *Как начинался социализм. Россия при Ленине в 1917—1923 гг.* М. Изд-во «Прогресс». 1977. 354 стр. Тираж 13 290. Цена 1 руб. 71 коп.

Прошло уже более 60 лет с победы Великой Октябрьской социалистической революции, и чем заметнее меняется мир, тем яснее становится непредвзятым наблюдателям непреходящее значение нашего революционного опыта. Мир не стал бы тем, что он есть сегодня, не будь Октября, который можно рассматривать как комплекс проверенных практикой революционных идей, превратившихся в материальную силу. Между тем именно сейчас, как известно, в буржуазном мире развивается кампания, ставящая своей целью отмежеваться от этого опыта, перечеркнуть его международное значение. Ее инициаторы извращают историческую действительность, изображают Октябрь как воплощение насилия и гражданской войны, как диктаторские методы и политическую монополию одной партии; специфические особенности нашей революции, вызванные конкретно-историческими условиями, выдают за всю совокупность российского революционного опыта.

В связи с этим необходимо аргументированно опровергать клевету и дилетантские

упражнения людей, не давших себе труда внимательно изучить В. И. Ленина; показывать участникам современного революционного движения, что их практика при всей ее новизне идет в русле опыта Октября, изучая который они могут найти решение задач, стоящих перед ними сегодня. Ни одно государство в мире, кроме предреволюционной России, не имело столь многоукладной экономики, столь многочисленного скопления в пределах одного территориального массива различных наций, народностей и этнографических групп, столь тесного переплетения классовых, социальных и национальных противоречий. Поэтому широкий историко-социологический анализ Октябрьской революции дает то ретроспективное видение, которое имеет немалое практическое значение для революционеров в других странах, в том числе и тех, которые не ориентируются непосредственно на социалистический путь развития.

Такой анализ содержит книга заведующего сектором Института экономики мировой социалистической системы АН СССР канди-

дата исторических наук Е. А. Амбарцумова, адресованная зарубежному читателю. Автор, хорошо знающий современный Запад, учел, чем интересен сегодня для этого читателя опыт Октября. Выделив три крупных стратегических этапа — Октябрь, «военный коммунизм» и нэп, — Е. А. Амбарцумов осветил основные события первых лет Советской власти. И именно здесь любой вдумчивый читатель найдет созвучие с тем или иным аспектом современной революционной истории своей страны. Вместе с тем прослеженная в книге взаимосвязь трех стратегических этапов убедительно отражает целостность многообразного мирового революционного процесса, внутреннюю логику всемирно-исторического развития. Как пишет автор, его книга — «это скорее социологический очерк советского пути к социализму на фоне истории первых пяти лет нашей революции, концентрирующий внимание на тех ее чертах, которые, как представляется, имеют особенно существенное значение для понимания сегодняшнего развития мира» (стр. 20).

Историко-социологическая тональность работы позволила показать динамику психологии революционных масс, естественность и непреодолимость Октябрьской революции. Документы, упоминаемые или цитируемые в книге, могут способствовать формированию у читателей системы моральных и политических ценностей, образующих основу революционного мировоззрения.

Предмет авторского анализа — «динамика ленинской мысли и действия» (стр. 20). Иначе говоря, Е. А. Амбарцумова интересуют как ленинская теория революции, план и практика социалистических преобразований в нашей стране в законченном виде, так и самый процесс формирования этой теории, этого плана. Такой подход позволяет убедительно разоблачать фальсификаторские попытки одностороннего преподнесения ленинизма и советского опыта. Ленинизм, подчеркивает автор, — «это не набор догм, а живая, постоянно развивающаяся, «открытая» теория, иначе говоря, доступная для актуализации и нуждающаяся в ней» (стр. 13). Е. А. Амбарцумов разоблачает искусственность и нарочитость распространяемых сейчас на Западе утверждений об «устарелости» ленинизма.

В книге освещается многогранная деятельность Ленина, который, будучи великим революционером-практиком, вместе с тем всегда оставался ученым, теоретиком, мы-

лителем. И Е. А. Амбарцумов прослеживает развитие ленинской теории, ее постоянное самообновление, объясняющееся ее теснейшей связью с практикой.

Очень актуальна, например, для современных зарубежных стран и особенно сложна проблема путей революционной перестройки производственных отношений и оптимального развития экономики. Дооктябрьская экономическая программа ленинской партии предусматривала, как известно, введение рабочего контроля как подготовительной стадии к национализации банков, транспорта и крупнейших предприятий. Однако в условиях саботажа предпринимателей «рабочие коллективы сплошь и рядом осуществляли фактическую экспроприацию многих предприятий и требовали от центральной власти соответствующего юридического оформления. Такой скачок не был предусмотрен. Ведь прошли считанные дни после взятия власти, а приходилось, не освоив контроля, идти на национализацию» (стр. 88). Поразительна гибкость Ленина в этих условиях. В своей работе «Очередные задачи Советской власти» он призывал «приостановить» наступление на капитал, чтобы освоить экспроприированные предприятия, но «поскольку настроение широких рабочих кругов, ярко выражавшееся повсюду на местах, стояло за национализацию, постольку Владимир Ильич считал невозможным задерживать ее темп» (по воспоминаниям Г. Ломова, стр. 88—89). Противоречие? Да, но диалектическое, противоречие самой жизни. И автор резюмирует: «Проводя курс на широкую национализацию, Ленин требовал превратить ее в реальное обобществление, предполагающее овладение экспропрированными средствами производства, включение их в единую экономическую систему, налаживание их эффективного использования, рациональное управление ими, словом, обеспечение необходимого соответствия новой общественной формы производства и ее материально-технического наполнения» (стр. 89).

Показ диалектичности ленинского подхода к реорганизации и развитию экономики позволяет Е. А. Амбарцумову подтвердить естественность и закономерность каждого стратегического этапа. Так, в главе «Нэп: отступление или путь к социализму?» автор уже заголовком подводит читателя к мысли, что словом «отступление» не может быть исчерпана характеристика нэпа. Он напоминает о другой, более поздней постановке во-

проса Лениным: «Как... *подойти* к социализму? — Не иначе, как через *нэп*»¹ (стр. 264). Вот почему закономерным представляется вывод автора: «Очевидно, нэп в той или иной форме не может не оказаться приемлемым для всякой страны, совершившей социалистическую революцию, как целый исторический этап послереволюционного развития» (стр. 278).

Исключительный интерес представляет при этом демократический характер институциональных форм социалистических преобразований. Из книги видно, как революционное творчество масс рождало не предусмотренные никакими программами социально-политические институты, а мудрость Ленина, большевистской партии заключалась в доверии к этому творчеству, в способности теоретически осмыслить его, вычленив и придать всеобщий характер наиболее приемлемым и наиболее популярным институтам. Именно так революционная власть в России обрела форму Советов. Именно поэтому Ленин считал необходимым познакомить общероссийскую аудиторию с книгой А. И. Тодорского «Год — с винтовкой и плугом»², где был изложен, казалось

бы, незначительный с точки зрения огромной страны опыт преобразований в маленьком городке Весьегонске. Современные передовые политические силы за рубежом также распространяют с микроуровня на макроуровень формы демократического творчества масс — будь то занятие предприятий в ходе стачечной борьбы на Западе, практически подводящее к их национализации, или сельские общины на Востоке, которые в ряде стран Азии и Африки оказываются основой для социалистически ориентированной кооперации крестьянства.

В книге рассмотрены в развитии ленинская концепция революционной власти, соотношение мирного и немирного пути революции, отношение к интеллигенции и ее роль в социалистическом строительстве и многие другие актуальные для зарубежного читателя стороны советского опыта.

Работа основана на широком использовании исследований советских ученых. В популярной форме она сообщает зарубежному читателю проверенные научные данные о первых шагах социалистического строительства в нашей стране.

Член-корреспондент АН СССР
А. Г. Милейковский

В. З. ГАФУРОВ, З. З. МИФТАХОВ. *Развитие полиграфии и печати Татарии*. Казань. Изд-во Казанского университета. 1977. 268 стр. Тираж 2300. Цена 1 руб. 80 коп.

Росту межнациональных связей и сотрудничества народов нашей Родины наряду с другими факторами способствует и развитие советской печати. За последние годы достигнуты серьезные успехи в изучении истории советской полиграфии. Развитие печатного дела привлекает все большее внимание и ученых Татарии¹. В монографии работников полиграфического комбината имени Камиля Якуба Управления по делам издательств, типографии и книжной торговли Совета Министров Татарской

АССР В. З. Гафурова и З. З. Мифтахова впервые раскрыт процесс развития полиграфической базы книгоиздательского дела и печати республики с Октября до наших дней. Авторы рассматривают книжное дело как явление культуры, синтезирующее в себе материальную и духовную стороны, выявляют роль печати в жизни общества в условиях социализма.

Монография написана на основе многочисленных архивных и опубликованных источников, партийных документов, относящихся к истории печати. Большинство фактов, приводимых в ней, впервые вводится в научный оборот.

В книге показана повседневная работа Коммунистической партии и Советского

¹ Т. М. Насыров. Октябрь и печать Татарии. Казань. 1975; А. Г. Каримуллин. Татарская книга начала XX века. Казань. 1973; Т. С. Курбангалеева. Книгоиздательское дело в Татарии. 1917—1927 гг. Казань. 1977 и др.

правительства о развитии печатного дела — одного из важных участков идеологического фронта. Становление полиграфии и печати Татарии рассматривается по отдельным периодам, соответствующим этапам развития нашей страны.

Дореволюционная Казань имела довольно много типографий, квалифицированные кадры полиграфистов. Авторы показали, какой материальной базой обладала каждая типография Казанской губернии. После Октябрьской социалистической революции типографское дело надо было направить по новому руслу. Вместо прежде отдельно существовавших предприятий возникла национализированная полиграфическая промышленность, работающая на плановых началах. В первые же месяцы Советской власти стала выходить печатная продукция на русском, татарском, чувашском, удмуртском, марийском и других языках. Казань обеспечивала народы Поволжья, Приуралья, население Средней Азии, Казахстана, Кавказа, Сибири и других районов страны необходимой литературой на их родном языке. Было налажено распространение книжной продукции также в красноармейских частях (стр. 51—52). В те тяжелые годы Казань была единственным центром шрифтолитейного дела на основе арабской графики. Она снабжала этим шрифтом Среднюю Азию, Казахстан, Урал, Поволжье, Приуралье и другие районы страны.

В годы гражданской войны полиграфисты Казани оказывали большую помощь Красной Армии, снабжая ее полиграфическими машинами, шрифтом и т. п. Казанские большевики принимали активное участие в создании передвижных фронтовых типографий, обеспечивали их специалистами-печатниками. Эту славную традицию казанские печатники продолжили в годы Великой Отечественной войны. Они сумели быстро перестроить свою работу на выполнение задач военного времени. В Казани было организовано печатание военной, военно-патриотической литературы, комплектовались военные типографии для фронтов. Кроме непосредственной помощи фронту, партийные, советские органы Татарии, коллективы типографии Казани многое сделали для налаживания работы центральных издательств, редакций газет и журналов, эвакуированных в столицу Татарии (стр. 154). Большую помощь местные полиграфисты оказали в восстановлении разрушенных типографий в освобожденных районах Украины, Белоруссии и Латвии.

Сложный путь организации советского книгоиздательского дела и распространения печати нашел в монографии яркое отражение. Авторы на конкретных фактах показывают современную мощь полиграфических предприятий республики (стр. 252). Наглядно раскрыто в книге, как печать Татарии способствовала марксистско-ленинскому воспитанию трудящихся, проведению культурной революции в крае, мобилизовывала массы на осуществление задач, поставленных партией на различных этапах строительства социализма. Книжная продукция республики по своему содержанию и тематике очень разнообразна. Здесь и издаваемые массовыми тиражами учебники и учебные пособия для татарских школ, и произведения татарской литературы, и переводы произведений русских и советских, а также зарубежных писателей, и практические пособия для трудящихся села, и научная и научно-популярная литература по многим отраслям знаний.

Особое внимание в монографии уделено Лениниане, созданной издателями и полиграфистами Татарии, в которой центральное место занимают переводы произведений В. И. Ленина на татарский язык, воспоминания, новые научные труды о его жизни и деятельности и художественная литература о нем.

Круг вопросов, поднятых в монографии, охватывает многие стороны печати как сложного явления. Авторы в комплексе рассматривают издательскую деятельность, полиграфическое производство и книжную торговлю. Много внимания уделено ими развитию национальной культуры, литературы, вопросам реализации печатной продукции в республике. В книге содержится материал о самоотверженных тружениках печати, организаторах книгоиздательского дела, чьим трудом достигнуты существенные успехи в развитии печати республики. Монография, являясь историей полиграфических предприятий, в известной мере выполняет завет А. М. Горького о создании истории заводов и фабрик, истории рабочего класса.

Книга выпущена в прекрасном полиграфическом исполнении, в ней много иллюстраций. Она читается легко, написана хорошим языком. В ней приведена хроника основных событий истории издательского дела, полиграфии и книжной торговли в Татарии за 1917—1975 годы.

В то же время количественная характеристика книжной продукции по названиям,

тиражу, листажу и содержанию, к сожалению, дана авторами не за каждый год. Конечно, за 1917—1920 гг. такие показатели вряд ли можно установить. Однако за все последующие годы эти данные есть. Кроме того, приводимые сведения о книжной продукции (а частично и периодической печати) не везде даны в сравнимых показателях. Последние две главы (1946—1965, 1966—1975 гг.) в основном посвящены деятельности Татарского книжного издательства. Вне поля зрения авторов остались издательство Казанского университета, полиграфические предприятия научно-исследовательских институтов и другие. В монографии говорится о той помощи, которую

полиграфия Татарии оказала республикам Средней Азии и Казахстана, но, что конкретно сделано в этой области (сколько и каких книг издано для них), четко не показано. Читателю не ясно, входят ли в объем продукции печати Татарии заказы других республик и центральных издательств. Хотелось бы также, чтобы были освещены вопросы полиграфического и художественного оформления книг. Для исследователей было бы ценно, если бы монография была снабжена библиографией использованных источников и литературы.

А. Г. Каримуллин.
М. А. Мулюков

П. А. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ. *Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.* М. Изд-во «Мысль». 1978. 288 стр. Тираж 19 000.
Цена 1 руб. 10 коп.

Новая монография профессора МГУ доктора исторических наук П. А. Зайончковского, как и ряд его предыдущих работ¹, посвящена проблемам внутренней политики России в прошлом столетии. Хронологические рамки книги очень широки: самые ранние авторские изыскания касаются 1796 г., самые поздние—1903-го. Такой диапазон в специальных исследовательских трудах по новому и новейшему времени встречается крайне редко; следует оценить смелость авторского решения—посвятить свой труд русскому правительственному аппарату XIX столетия в целом.

К сожалению, объем работы и состояние источников не позволили П. А. Зайончковскому равномерно охватить весь изучаемый период: систематических данных о службе, происхождении, собственности, образовании чиновников за 1800—1840-е годы пока не обнаружено, и будущим исследователям придется изыскивать методы статистического изучения государственного аппарата первой половины XIX столетия. Зато с кануна Крымской войны и почти до первой русской революции П. А. Зайончков-

ским произведено многообразное изучение российского чиновничества.

В течение ряда десятилетий в трудах советских историков преобладали (что вполне естественно) сюжеты социально-экономические и историко-революционные, которые недооценивались, искажались или замалчивались до Октября. Однако известная недооценка проблем, касающихся господствующих слоев, внутренней политики самодержавия, со временем привела к своеобразному «перекоосу» в нашей историографии, который за последние годы успешно преодолевается. Наряду с трудами П. А. Зайончковского о государстве, армии, внутренней политике России в XIX в. вышли работы других исследователей². Более ранний период истории самодержавного государственного аппарата представлен в книге С. М. Троицкого³.

«Изучение состояния правительственного аппарата,—справедливо замечает П. А. Зайончковский,—подразделяется на два вопроса. Первый—система государственных учреждений и ее характеристика,

¹ См. П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М. 1964; его же. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М. 1970; его же. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. 1881—1903. М. 1973.

² И. В. Оржеховский. Из истории внутренней политики самодержавия в 60—70 гг. XIX века. Горький. 1975; «Проблемы отечественной истории». Ч. I. М.-Л. 1974; ч. II. 1976 (см. статьи Б. Б. Дубенцова).

³ С. М. Троицкий. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М. 1974.

второй — личный состав государственного аппарата, чиновничество. Первый вопрос достаточно изучен как в дореволюционной историографии (А. Д. Градовским, Н. М. Коркуновым), так и советскими историками (в частности Н. П. Ерощкиным). Второй вопрос не стал еще предметом специального научного рассмотрения» (стр. 3).

Автор смог решить эту труднейшую задачу прежде всего в результате привлечения широкого круга источников. Помимо обширного мемуарного комплекса, им по-новому изучен ряд давно известных документов. Так сказать, «по ходу дела» обоснованы важные источниковедческие наблюдения над таким известным изданием, как «Адрес-календарь» Российской империи: при сопоставлении с другими сводами «Роспись всех чиновных особ» оказалась неполной, содержащей сведения лишь немногим более чем об $\frac{1}{3}$ чиновников (стр. 15—16). Однако главным «резервуаром» новых, очень важных и интересных данных явились сотни формулярных (послужных) списков, сосредоточенных (для гражданских чинов) в Центральном государственном историческом архиве СССР (фонды Государственной канцелярии, Сената, министерств внутренних дел и юстиции, коллекция формулярных списков). В результате получены данные, которые, надо думать, скоро займут прочное место в общих курсах, учебных пособиях, научно-популярных трудах о России прошлого века.

По подсчетам П. А. Зайончковского, в 1796 г. российские чиновники составляли 15—16 тыс. человек (то есть один чиновник на 2250 жителей); в 1851 г. — 74 330 (один на 929 жителей), а в 1903 г. — 385 тыс. (один на 335 жителей). «Таким образом, число чиновников на протяжении XIX в. с учетом роста населения увеличилось почти в 7 раз» (стр. 221). Значительный интерес представляет анализ состава Государственного совета, Комитета министров, Сената, а также различных категорий губернской администрации (возраст, сословная принадлежность, имущественное положение, образовательный уровень). При сравнении чиновников одних и тех же ведомств за 1853 и 1903 гг. обнаруживается известный рост образованности, значительное уменьшение принадлежавшей чиновникам недвижимости и для высших чинов (особенно губернаторов) — строгая, не изменившаяся за полвека дворянская сословность.

Между прочим, сочетание в государственном аппарате регулярно-бюрократического и сословного начал, вероятно, объясняет некоторые отмеченные автором несообразности и странности. Так, П. А. Зайончковский называет «непонятным» причудливый разноречивый при назначении окладов членам государственного совета и отмечает, что вообще довольно трудно установить какую-либо закономерность в окладах высшей бюрократии. Между тем здесь явно налично пережитки старинного нерегламентированного феодального пожалования. «Феодально-вотчинный» взгляд на государственный аппарат объясняет и такие анекдотические факты (приводимые в монографии), как обеспечение в начале XX в. пожарных команд Петербурга сеном и овсом из имений министра внутренних дел и столичного градоначальника.

Многообразно разработанная научно-статистическая сторона сочетается в книге с живым «личностным» подходом к истории. Чрезвычайно интересны сведения о бюджетах чиновников, о земельных владениях главных «столпов» империи, разнообразны типические эпизоды, характеризующие российскую бюрократию. Внимание автора к конкретным лицам иногда, правда, приводит к субъективным оценкам. Так, при всей умеренности, а порой и реакционности взглядов М. П. Погодина его вряд ли можно назвать «трубадуром Николая I» (стр. 179), а при характеристике А. М. Горчакова его 26-летнее пребывание во главе министерства иностранных дел не разделено на разные этапы (стр. 191). Трудно согласиться также с утверждением П. А. Зайончковского, что «после М. М. Сперанского Канкрин был первым по уму государственным деятелем» (стр. 116). Вряд ли ему уступали, например, Д. В. Дашков, Л. А. Перовский или П. Д. Киселев. О последнем автор, кстати, пишет, что он «резко выделялся из среды николаевских деятелей» (стр. 126); но это определение тоже заслуживает уточнения: в николаевском правительстве министры «подавительные», откровенно реакционные, невежественные (А. И. Чернышев, А. Х. Бенкендорф, П. А. Клейнмихель и др.) десятилетиями соседствовали с более умеренными, культурными, гибкими; разумеется, реакционные тенденции и ретроградные министры явно брали верх, но это сочетание позволяло Николаю I до поры до времени маневрировать в своей внешней и внутренней политике.

Широко представленный в работе разбор различных «высоких карьер» позволяет затронуть вопрос о прочности, «надежности» самодержавного аппарата с точки зрения тех задач, которые перед ним ставились. Автор, впрочем, несколько преуменьшает относительную жизнеспособность феодальной государственной машины: несмотря на все несомненные и выявленные им элементы отсталости и разложения, она ведь очень долго и успешно осуществляла подавление большинства в интересах дворянско-помещичьего меньшинства. В этой связи любопытные наблюдения сделал в начале 1830-х годов современник нескольких царствований сенатор А. Н. Вельяминов-Зернов: «Переменить царствующую особу (в XVIII столетии.— Н. Э.) было так же легко, как переменить министра, но переменить министра было тогда труднее, чем теперь»⁴. Он также справедливо заметил, что перемены в российском правлении XVIII в. были серией разнообразных дворцовых переворотов: несколько главных заговоров, менявших царствующих особ, перемежались рядом «малых переворотов» — свержением министра или фаворита (А. Д. Меншикова, А. П. Волынского, И.-Г. Лестока, А. П. Бестужева-Рюмина и др.). Перемена «сильного человека» редко являлась обычной отставкой и часто — опалой, арестом, ссылкой. В XIX в. ситуация явно меняется: при Николае I отставки А. А. Аракчеева, А. А. Закревского, К. А. Ливена и др. не сопровождались репрессиями, шельмованием. Вообще с 1801 г. по 1917 г. российская самодержавная машина обновлялась более «мягко», менее взрывчато, чем прежде. Дворцовых заговоров больше не было, ни один министр (за исключением М. М. Сперанского в 1812 г.) не был отставлен репрессивно, путем «малого переворота».

Явление это имеет определенную причину: в страхе перед народным и революционным движением дворянство и бюрократия избегают «переворотства», опасаясь ослабить трон и государственный аппарат. Указанные обстоятельства, несомненно, отражались на формировании бюрократии, и вопрос о количестве и форме отставок, опал крупных правительственных лиц заслуживает специального внимания. Затронув эту проблему, мы вправе отметить, что

рецензируемая книга обладает еще одним свойством добротного исследования — «здоровой незавершенностью». «Автор отдает себе отчет в том, — говорится во введении, — что рассмотрение этих вопросов не исчерпывает изучения проблемы в целом, а лишь намечает основные вехи для углубленного исследования проблемы» (стр. 4).

Одной из таких «вех», только слегка намечаемых в книге, явится, вероятно, проблема участия чиновников в общественно-политической и культурной жизни страны. Как известно, многие русские общественные деятели, начиная с первого революционера А. Н. Радищева, побывали в чиновниках. Активная служба в Московском наместничестве И. И. Пущина справедливо рассматривается как декабристский акт, особенно знаменательный на фоне отмеченного П. А. Зайончковским пренебрежения родовитых дворян к гражданской службе.

Довольно сложным является и вопрос о политических взглядах, общественной позиции чиновничества. Как известно, в 1850-х — 1860-х годах немалое число чиновников поставляло в «Колокол» ценные разоблачительные материалы «из наших судебных пещер, из тайных обществ, называющихся министерствами, главными управлениями и пр.»⁵. Разумеется, большая часть служащих самодержавного аппарата способствовала его укреплению и разделяла правительственный образ мыслей, однако идейное размежевание внутри бюрократических сил несомненно. Поэтому вопрос о социальном, культурном, общественно-политическом лице чиновничества остается полем изысканий для будущих исследователей.

В книге имеется богатый вспомогательный аппарат. Особо выделяются важные извлечения из «Свода законов», касающиеся гражданской службы и эффективно сконцентрированные на 34 страницах, завершающих монографию.

По новизне и значению проблемы, количеству нового материала, качеству его теоретического осмысления и обработки, наконец, по перспективности намеченного исследовательского пути книга П. А. Зайончковского — заметное явление в изучении русского XIX столетия.

Н. Я. Эйдельман

⁴ «Исторический сборник Вольной русской типографии». Кн. II. Лондон. 1861, ст. 27.

⁵ А. И. Герцен. Собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. XIII. М. 1958, стр. 48.

О. С. СОРОКО-ЦЮПА. *Рабочее движение в Канаде (1929—1939)*. М. Изд-во Московского университета. 1977. 268 стр. Тираж 1010. Цена 3 руб. 30 коп.

Изучением различных аспектов рабочего движения занимаются ныне многие исследователи английской и французской Канады. Необходимость разработки марксистско-ленинской концепции истории рабочего движения Канады становится особенно актуальной. Важное место в решении этой задачи, в научной полемике с неолиберальными и социал-реформистскими теориями займет работа профессора МГУ, доктора исторических наук О. С. Сороко-Цюпы, предпринявшего многоплановое исследование проблем «великой депрессии». Содержание и характер рабочего движения раскрываются в его монографии в органической связи с национальными и международными условиями, в которых происходило развитие этой страны в период окончательного перехода канадского капитализма к концу 1920-х годов в империалистическую стадию и роста в 1930-е годы государственно-монополистических тенденций.

В книге убедительно аргументируется положение о том, что в Канаде к тому времени сложилась зрелая социальная структура общества монополистического капитализма. Критическое осмысление официальной статистики, публикаций министерства труда, парламентских материалов позволило автору предпринять квалифицированный разбор состава и структуры рабочего класса, динамики занятости и безработицы, движения заработной платы на протяжении всего довоенного десятилетия. В монографии представлена впечатляющая картина классовых выступлений трудящихся в кризисные годы, раскрыты особенности экономической борьбы рабочего класса (стачки, движение безработных, борьба за социальное и трудовое законодательство), формы и сложные зигзаги антивоенно-антифашистского движения. Наряду с протоколами съездов профсоюзных центров и крупнейших профсоюзов и с другими традиционными источниками по истории рабочего класса автором использованы неопубликованные документы из архивов Канады. Роль Канады как «связующего звена» между США и Великобританией, ее неравноправное положение по отношению к этим государствам наложили глубокий отпечаток на процесс формирования канадского рабочего класса. Эта особенность принимается автором в расчет при анализе классов-

вой борьбы (едва ли правилен, впрочем, употребляемый в книге термин «зона англо-американского рабочего движения», — стр. 69). Большой интерес представляют выводы, к которым приходит О. С. Сороко-Цюпа в итоге исследования влияния на канадский рабочий класс иммиграции и культурно-идеологических традиций США, Великобритании и ряда стран континентальной Европы. Идеология и практика тред-юнионизма, гомперсизма и лейборизма, как это наглядно подтверждает материал книги, отрицательно сказывались на развитии классовой борьбы в Канаде, содействуя организационному и политическому разобщению профсоюзов. Особенно детально рассматривается автором негативное воздействие профсоюзных организаций США, прежде всего Американской федерации труда (АФТ), на процесс консолидации и развития рабочего движения в Канаде. Вместе с тем он четко проводит мысль, что позитивный профсоюзный опыт, нашедший отражение, например, в создании Конгресса производственных профсоюзов (КПП), имел для канадского рабочего движения благоприятные последствия.

Первостепенную роль при выявлении характера этого движения, социально-политических и психологических черт отдельных отрядов пролетариата О. С. Сороко-Цюпа отводит все же не внешним, а внутренним факторам. Речь идет об общих закономерностях развития капитализма, обусловивших слабость канадского рабочего движения, его раскол и господство в нем оппортунизма. В книге показана и специфика движения, которая во многом определяется экономико-географическими и религиозными различиями. Существенное влияние на рабочее движение страны, как с полным основанием утверждает автор, оказывали национальные проблемы, особенно исторически сложившийся антагонизм между англоканадцами и франкоканадцами.

В книге предлагаются продуманные характеристики главных реформистских течений в профсоюзном движении Канады: межнационального юнионизма, национального юнионизма и католического синдикализма. Наиболее удачен анализ межнационального юнионизма, этой типично североамериканской разновидности профсоюзного движения, и его организационных форм

(профсоюзы с комбинированным канадо-американским членством, вхождение Профессионального рабочего конгресса Канады — ПРКК — в АФТ). Автор отмечает, что даже в случаях поворота вправо ПРКК отнюдь не превращался в простое орудие АФТ (стр. 79). Эта мысль должна получить развитие в будущих исследованиях, поскольку межнациональный юнионизм и сейчас сохраняет доминирующие позиции в канадском профсоюзном движении, и важно ясно видеть многообразные его оттенки. Что касается католического синдикализма, то он характеризуется в монографии как «крайне правый фланг рабочего движения» Квебека и всей Канады (стр. 93). Эта оценка принципиально верна, но не показывает роли католических профсоюзов как оплота против более широкого вмешательства реакционной профбюрократии АФТ в дела франкоканадского рабочего движения.

В работе подробно говорится о роли низов и левых сил в канадском рабочем движении, прослеживаются позиции, которые отстаивали низовые организации каждого из трех профцентров (ПРКК, Всеканадского конгресса труда и Конфедерации католических рабочих Канады) страны в важнейших вопросах внутренней и внешней политики.

Одна из ведущих тем книги — становление Компартии Канады, борьба коммунистов в защиту интересов трудящихся, против угрозы войны и фашизма. Используя ряд не известных ранее материалов, в том числе из архива Онтарио, изучив протоколы съездов и пленумов компартии, автор смог во многом по-новому и более глубоко раскрыть ее программные установки и различные стороны практической деятельности. Выдвинутые компартией идеи народного и демократического фронта, как это следует из анализа источников, предполагали возможность сближения компартии с левым крылом партии социального кредита, частью рабочих-католиков Квебека и с другими течениями социального протеста.

Именно левые силы во главе с компартией подготовили предпосылки для развития во второй половине 1930-х годов широкого движения за производственные профсоюзы. Объективную основу для принципиально новых явлений в рабочем движении, нашедших свое выражение в индустриальном юнионизме, автор справедливо видит в изменениях технико-экономической базы ка-

надского капитализма и структуры пролетариата. В книге рассматриваются как общие социально-экономические сдвиги, так и переход новых отрядов рабочих в отраслях массового производства на позиции активной классовой борьбы. Исследуются автором и некоторые другие причины подъема индустриального юнионизма в Канаде, в частности связанные с деятельностью КПП. Прослеживая борьбу двух противоположных тенденций в североамериканском рабочем движении и раскрывая вклад канадских коммунистов в организацию производственных профсоюзов, автор обосновывает тезис о качественном сдвиге в профсоюзном движении Канады. Убедителен поэтому и главный вывод книги, что во второй половине 30-х годов тенденция к внутренней консолидации рабочего класса начинает серьезно противостоять реформизму.

Достоинством монографии является четкая постановка проблемы независимого политического действия рабочего класса. В числе причин отсутствия у него массовой политической партии автором правомерно названы относительная «молодость» канадского капитализма, внутренняя разнородность и недостаточная идеологическая зрелость пролетариата. По этим и иным причинам отход масс от двухпартийной системы, вызванный углублением социальных и классовых противоречий, и в 30-е годы не сопровождался созданием массовой партии рабочего класса. В Канаде на волне широкого антимонополистического движения возникло специфическое объединение рабочих, фермерских организаций и части городских средних слоев — Федерация кооперативного содружества (ФКС). Раздел, в котором критическому разбору подвергаются программные документы и идейные течения ФКС (господствующим в ней был мелкобуржуазный социализм), — один из наиболее интересных в книге. О. С. Сороко-Цюпа вносит много нового в изучение политических аспектов рабочего движения, равно как и воздействия массовых движений социального протеста на политическую структуру канадского общества.

Более сложной представляется проблема влияния классовой борьбы на поведение правящих кругов страны. Одна из трудностей исследования в данном случае состоит в том, что это влияние проявляется зачастую не только в прямой, но и в опосредованной форме. Хотя эта тема и не являлась в монографии центральной и затрагивалась

в ранее опубликованных автором работах¹, он последовательно освещает правительственный курс в области социального и трудового законодательства. В федеральных органах власти преобладали сторонники линии принуждения в отношениях с рабочим классом. Метод насилия в политике олицетворял глава консерваторов, только в преддверии парламентских выборов 1935 г. он объявил программу реформ («новый курс» Р. Б. Беннета). Пришедшие тогда к власти либералы и их лидер М. Кинг в главных вопросах (борьба с безработицей, социальное законодательство) придерживались в основном умеренно-ортодоксальных взглядов. В целом, по мнению автора, правящие круги Канады до второй мировой войны еще не перешли на путь буржуазных реформ и активного социального маневрирования. Этот вывод не вызывает возражений, так же как и те дифференцированные оценки, которые даны в книге идейно-политическим течениям и группировкам буржуазного и мелкобуржуазного реформизма — партии реконструкции Г. Стивенса, движению за «новую демократию», национал-реформистам в Квебеке.

В рамках рецензируемой монографии, которая посвящена истории рабочего движения, тема буржуазного реформизма и неолиберализма получила достаточно пол-

ное отражение. Для дальнейшего изучения этой самостоятельной темы потребуется провести специальное исследование процесса концентрации производства и капитала в предвоенный период, чтобы выявить место и объем развития государственно-монополистических тенденций. Вопросы «индустриальной истории» этого периода слабо разработаны в канадской историографии и только сейчас начинают интересовать отдельных авторов. Рассмотрены, например, тесные связи бизнеса с государством, установившиеся к началу 40-х годов в Онтарио².

Определение уровня развития империализма, характера отношений между монополиями и государством в Канаде, очевидно, даст возможность объяснить, почему крупная буржуазия «не хотела допустить даже частичного проведения реформ» (стр. 162). Здесь же, возможно, следует искать причины того явления, что основная часть либералов и консерваторов отрицательно реагировала на «новый курс» Ф. Д. Рузвельта и американский опыт «лечения» капитализма. Заслуживает дополнительного внимания и вопрос о восприятии теми или иными группами канадского правящего класса кейнсианских теорий регулирования социально-экономических процессов.

Л. В. Поздеева

¹ О. С. Сороко-Цюпа. Забастовочная борьба в Канаде в 1929—1935 гг. «Американский ежегодник. 1976». М. 1976; «Канада 1918—1945. Исторический очерк». М. 1976, стр. 71—72, 248—255.

² H. V. Nellis. The Politics of Development: Forests, Mines and Hydro-Electric Power in Ontario. 1849—1941. Toronto. 1974.

«США: государство и экономика (механизм государственно-монополистического регулирования экономики)». М. Изд-во «Наука». 1976. 592 стр. Тираж 6850. Цена 2 руб. 20 коп.

Рецензируемая коллективная монография¹ представляет собой глубокое и всестороннее исследование функционирования механизма государственно-монополистического регулирования экономики США. Она содержит значительный элемент комплекс-

ности анализа и вносит существенный вклад в научную трактовку этой важной темы.

Рассматривая общие теоретические проблемы государственно-монополистического капитализма (ГМК), авторы показывают, что производственно-экономическое огосударствление реализуется в процессе органически переплетенной деятельности монополий и государства. В книге подчеркнуто, что на становление и развитие государственно-монополистического регулирования

¹ Ответственные редакторы Ю. И. Бобраков, В. А. Федорович. Авторский коллектив: Ю. И. Бобраков (руководитель), К. С. Батыгин, Е. Н. Васильева, А. И. Дейкин, Е. Ф. Жуков, Ю. Г. Кондратьев, Ю. И. Ригин, В. А. Федорович.

экономики влияют такие фундаментальные факторы, как неуклонное укрепление позиций мировой социалистической системы и развитие научно-технической революции. В работе удачно решен вопрос об особенностях ГМК в США. Несмотря на отсутствие национализации, «этой стране присущ особенно высокий уровень монополизации производства; именно здесь, на этой базе сращивание монополий и буржуазного государства достигло наивысших форм в сравнении с любой другой страной капиталистического мира, причем масштабы использования государства в интересах крупного капитала в США особенно велики». Авторы обоснованно заключают, что «США ныне — страна наиболее развитого государственно-монополистического капитализма, обладающего разносторонним и гибким арсеналом средств государственно-го воздействия на экономику, который со времени второй мировой войны значительно расширился» (стр. 11). То, что американская буржуазия еще не прибегала к национализации (как это было в Европе), говорит об относительно большей прочности частнособственнических устоев в США. Важно также, что известными аналогами национализации являются огромный государственный бюджет и федеральная контрактная система, подвергнутые в монографии всестороннему анализу.

Авторам удалось увидеть главное в государственно-монополистической структуре американского капитализма, а именно гигантский механизм государственного регулирования экономики, нацеленный на достижение максимально выгодных монополиям условий воспроизводства. Они затрагивают и историю становления институтов государственно-монополистического регулирования, выявляя статистические тенденции конца XIX — начала XX в., а также прослеживая последующие этапы этого сложного процесса. В книге вполне обоснованно современные государственно-монополистические структуры выводятся из экономического кризиса 1929—1933 гг. и последовавших за ним реформ «нового курса».

История регулирования экономики США подразделяется авторами на три этапа. Первый. 30-е — 50-е годы, характеризуется акцентом на антициклические меры. В качестве второго периода выделяются 60-е годы, когда на передний план выходят меры по стимулированию экономического роста. «Новая экономика», — указывается в книге, — явилась последним сло-

вом кейнсианских теорий экономической роли буржуазного государства, в ней с наибольшей силой был сформулирован тезис о необходимости активного вмешательства государства в экономику, о широком использовании правительственных регулирующих рычагов в целях обеспечения долгосрочной стабильности экономического роста» (стр. 550). Наконец, на рубеже 60-х — 70-х годов в США открывается новая страница в экономической деятельности государства, связанная с углублением общего кризиса капитализма, когда особое значение отводится долгосрочному прогнозированию и программированию.

Анализируя анатомию и конкретное функционирование механизма государственно-монополистического регулирования экономики, авторы органически увязывают историю и современность, отдавая приоритет экономическому аспекту. Для историков это, собственно говоря, и должно представлять наибольшую ценность. Сначала авторы выявляют главные институты экономического регулирования, в том числе органы, которые находятся в составе Исполнительного управления при президенте (Экономический совет при президенте, Административно-бюджетное управление и др.). Эти органы играют ведущую роль в формировании и осуществлении экономической политики ГМК. Их деятельность проанализирована в книге как в плане единства их функций, так и с учетом институциональной специфики каждого из них. Институциональный анализ разворачивается в книге в тесной связи с системным подходом к проблемам государственного экономического регулирования, когда за основу берется то или иное предметно-функциональное направление экономической политики и показывается участие в нем всей разветвленной системы государственно-монополистического механизма.

В работе выделено пять системных блоков экономических проблем — бюджет и налоги, федеральная контрактная система, региональное и инфраструктурное регулирование, сельское хозяйство, а также государственное программирование экономики. Авторы убедительно выявляют классово-монополистический характер всех этих направлений экономической политики, а также милитаризм как одну из самых существенных ее черт. Это, в частности, хорошо показано на примере бюджетного финансирования научных исследований и опытно-конструкторских разработок. Что

касается взимания налогов, то приводятся такие выразительные цифры: по официальным данным, объем налогообложения прибылей корпораций вырос в 1940—1970 гг. в 30 раз, а федеральный подоходный налог с населения, то есть с трудящихся прежде всего, — в 90 раз (стр. 168). При анализе амортизационно-налоговых льгот подчеркивается, что они являются не только средством стимулирования экономического роста, но и новой, своеобразной формой государственного субсидирования монополий.

Последовательно проводя линию на интегральный анализ деятельности государства и монополий как органически переплетенных субъектов буржуазного этатизма, лежащего в основе ГМК, авторы раскрыли важную роль федеральной контрактной системы в этом процессе. Федеральная контрактная система квалифицируется как решающий инструмент «экономико-хозяйственной интеграции буржуазного государства с частным капиталом» (стр. 280). Заслуживает внимания и исследование инфраструктурного регулирования. В работе подчеркнуто, что «всеми выгодами, связанными с функционированием развитой инфраструктуры, пользуется главным образом частный капитал. Буржуазное государство, принимая на себя риск и бремя больших расходов по строительству инфраструктуры, тем самым предоставляет монополиям возможность помещать свои капиталы преимущественно в надежные и высокоприбыльные отрасли хозяйства» (стр. 396).

В США быстрыми темпами развивается экономическое прогнозирование. Этим занимаются преимущественно многочисленные частные консультативные фирмы. Но и в этом бизнесе сложилась государственно-монополистическая структура: частные организации опираются на государственную статистическую службу, и их деятельность во многом зависит от функционирования долгосрочных государственных программ развития экономики. Авторы выявляют принципиальную ограниченность возможностей государственно-монополистического прогнозирования и программирования, которые приходят в противоречие с интересами монополистов. Это особенно сказывается при попытках долгосрочного прогнозирования, «так как при удлинении периода прогнозирования резко снижается роль экстраполяции, т. е. переноса статистических закономерностей прошлого на будущее» (стр. 501).

Специальный раздел посвящен кризису государственно-монополистических структур и принципов регулирования экономики. Накопившиеся за послевоенные десятилетия противоречия современного капитализма не поддаются сложившемуся инструментарию регулирования. Более того, как указывают авторы, сама система государственно-монополистического регулирования усугубила эти проблемы и противоречия, внося новые диспропорции в экономику. Это нагляднее всего проявилось во взаимодействии цикла и инфляции. Кейнсианские методы дефицитного бюджетирования, составными частями которого являются приоритет гонки вооружений и усиление мощи монополий-конгломератов, привели к деформации цикла, когда падение производства и рост цен идут в ногу.

«Большой цикл» экспериментов, начатый в 30-е годы, указывается в книге, как бы замкнулся: государственно-монополистическое регулирование было призвано исправить недостатки «свободной рыночной экономики», но кризис 1973—1975 гг., самый разрушительный после 1929—1933 гг., был вызван во многом уже нагромождением антагонизмов, развившихся на государственно-монополистической основе. Разрекламированная в 60-е годы «кейнсианская революция» потерпела, как и предсказывали марксисты, крах. Кейнсианство находится сейчас в США под огнем критики со стороны более правых политэкономических школ — неоклассической и монетарной. Авторы справедливо заключают, что современный кризис государственно-монополистической теории и практики — это феномен более глубокий, чем только демонстрация пороков кейнсианской рецептуры. В книге подчеркивается, что оракулы из правого лагеря с их притчами о «свободном предпринимательстве» еще слабее вооружены для излечения недугов, поразивших государственно-монополистическую структуру экономики США. Можно целиком согласиться с выводами авторов о том, что «объективные закономерности современного капитализма неизбежно подталкивают его к дальнейшему усилению вмешательства государства в экономику, а не к возврату на путь «свободной конкуренции», о котором мечтают иные буржуазные экономисты и социологи» (стр. 565).

В связи с этим становится ясной некоторая неточность формулировки о «дальнейшем перерастании капитализма монополистического в государственно-монополистиче-

ский» (стр. 426). Процесс такого перерастания, отмеченный В. И. Лениным еще в годы первой мировой войны, завершился в США в 1929–1945 годах. Поэтому более адекватным определением продолжающихся и ныне процессов огосударствления в буржуазном обществе является не «перерастание», а повышение степени этатизации современного ГМК.

Как уже отмечалось, авторы рассматривают ГМК прежде всего как проблему экономической, включая в свое исследование значительные элементы государственного и отчасти историзма. Однако социальный аспект анализируемой объективной реальности остался в тени, хотя он самым тесным образом связан с экономическим регулированием, являясь неразрывной частью всеобъемлющего процесса огосударствления. Между тем советское правоведение уже давно выделяет социальную деятельность современного буржуазного государства в качестве его особой самостоятельной функции². Воздействие ее на экономику США велико и заслуживает значительного внимания. Кстати, нельзя согласиться с переводом названия министерства, являющегося главным институциональным выразителем функции социаль-

ной деятельности государства, как «министерство здравоохранения, образования и социального страхования»³. Дело в том, что социальное страхование, будучи основной частью структуры социальной политики, осуществляемой этим министерством, не исчерпывает понятия «welfare» (благополучие)⁴.

Монография еще раз показывает важность и плодотворность широкого использования специалистами достижений смежных наук. К сожалению, авторы недостаточно опираются на результаты исследований юристов, еще слабее выражено их отношение к трудам социологов и философов, историки же ими и вовсе не привлечены. В рамках каждой общественной науки американисты, в общем, хорошо знают свои сильные и слабые стороны и стремятся в процессе творческих дискуссий поднять эффективность своих исследований. Очень важно, чтобы это вошло в повседневную практику и на междисциплинарном уровне. Только так можно сформулировать принципы комплексного исследования, в чем, как свидетельствует и рассматриваемая монография, уже есть и определенные позитивные сдвиги.

Н. В. Сивачев

² М. В. Баглай. О функции социальной деятельности империалистического государства. «Советское государство и право», 1966, № 6.

³ The Department of Health, Education and Welfare.

⁴ Более правильное название авторы употребляют на стр. 512.

Н. Р. ГУСЕВА. *Индуизм. История формирования. Культовая практика*. М. Изд-во «Наука». 1977. 326 стр. Тираж 10 000. Цена 1 руб. 23 коп.

В последнее время заметно усиление внимания к проблемам социальной психологии. В этом плане особый интерес представляют такие идеологические явления, как религиозные системы, их роль и в наши дни, а тем более в древности и средние века. В цикл исследований по этой тематике входит и книга старшего научного сотрудника Института этнографии АН СССР кандидата исторических наук Н. Р. Гусевой, рассматривающая индуизм — «сложную и разветвленную систему, включающую философские учения, этические нормы и религиозно-культовые представления, складывающиеся у народов

Индии на протяжении длительного периода их исторического развития» (стр. 280).

В книге синтезирован значительный фактический материал, использованы первоисточники, обширная литература, учтены собственные наблюдения автора. Изложение ведется в предметно-тематическом плане. Автор исследует объекты почитания, религиозную и культовую символику, жречество как хранителя религиозных и культовых традиций и повседневную культовую и обрядовую практику. Одновременно ставятся и решаются вопросы генетического характера и историко-культурных связей, поскольку индуизм рассматривает-

ся как сложное по составу явление, прошедшее путь синкретизма и сложных модификаций (стр. 59 и др.).

Определяя свое отношение к понятию «индуизма», Н. Р. Гусева выступает против распространенной точки зрения о том, что начало индуизма следует относить к III—IV вв. н. э., а более ранние религиозные системы именовать ведизмом и брахманизмом. Автор считает, что все это этапы развития одного и того же явления, которое в целом и следует именовать индуизмом (стр. 14). Н. Р. Гусева прослеживает корни индуизма в двух культурно-исторических областях — местной этнической среде доарийской Индии и среде, сложившейся на прародине ариев, в южнорусских степях и лесостепях (стр. 287). Последовательный разбор этого сложного состава индуизма — одна из заслуг автора.

Думается, что формулировку о двухкомпонентности можно рассматривать лишь как самую предварительную, за которой должно последовать выявление ряда пластов религиозных и идеологических представлений, в конечной мере ассимилированных индуизмом, имеющим ряд территориальных и иных вариантов (например, преимущественное распространение вишнуизма на севере и культа Шивы и сопутствующих ему проявлений — на юге — стр. 24). О религиозных взглядах племен и народов доарийского Индостана едва ли можно говорить как о едином целом. Так, идеология носителей хараппской цивилизации и в какой-то мере ее непосредственного высоко развитого окружения, безусловно, отличалась от культово-религиозной практики охотников и скотоводов более южных областей субконтинента, образовавших по меньшей мере еще одну историко-культурную область.

Автор исходит из почти не вызывающего в настоящее время сомнений положения о постепенном расселении индоязычных племен из степей Восточной Европы, приводит ряд археологических характеристик соответствующих комплексов восточноевропейских скотоводов эпохи палеометалла и некоторые данные по археологии Средней Азии, уделяя особое внимание вопросам культовой практики и религиозных представлений. При справедливости этого решения, взятого в общей форме, конкретный анализ такого сложного источника, как памятники материальной культуры, дело весьма сложное. Особое значение имеет культ коня, широко распространенный у

скотоводов Восточной Европы и нашедший отражение в ведийском обряде ашва-медха, сведения о котором, правда, перенесены Н. Р. Гусевой в другую главу (стр. 152 и сл., см. также о связи обрядов сооружения алтарей с культом коня, стр. 196). Автор кратко характеризует местные культово-религиозные представления доарийского Индостана, указывая на следы тотемизма, поклонение женским божествам, различным ипостасям богини-матери и на возможное наличие элементов йоги (стр. 54—59).

Переходя к вопросу об объектах религиозного почитания (стр. 61—123), Н. Р. Гусева последовательно рассматривает мужские и женские божества, легендарных мудрецов — риши, упоминает о культе священных животных, о почитании рек и поклонении камням. Показательно, что древние ведийские божества, хотя и получили в ходе кодификации религиозных представлений в более позднее время определенные функции, значительно менее популярны в индуизме, чем божества, генетически связанные с местной, неарийской средой, такие, как Шива, Кришна и Шакти. Уже к середине I тыс. до н. э. сложился своего рода синкретический пантеон, объединивший арийские и местные божества (стр. 68). Древние местные корни культа Шивы подтверждаются наличием изображения на хараппских печатях, напоминающего более поздние статуарные воплощения Шивы, и рядом других данных (стр. 94—95). В индуистском пантеоне Шива первоначально был ассоциирован с ведийским Рудрой, но довольно быстро полностью поглотил это древнее божество. Столь же древнего местного происхождения и супруга Шивы — богиня Девы, или Шакти, имевшая множество воплощений, но генетически, видимо, восходящая к образу супруги бога плодородия. Вероятно, в исходном пласте это была божественная пара, столь характерная для большинства раннеземледельческих обществ Древнего Востока с сопровождающими их аграрными культами, нередко приобретающими оргастический и эротический характер. Явно местного происхождения и древнетамильский бог охотников Муруган, или Сканда (стр. 101).

Вызывает некоторое сожаление излишняя краткость характеристики культа священных животных (стр. 63—64), хотя именно здесь весьма много материала для выявления многокомпонентного генезиса

индуизма. В первую очередь это касается образа быка, культ которого, видимо, восходит к тотемистическим представлениям, и, судя по изображениям на печатях, играл огромную роль уже в хараппской цивилизации, а затем слился с культом быка индо-иранских племен, оставившим столь яркое отражение в материалах Авесты.

В книге рассмотрены вопросы о человеческих жертвоприношениях, о жертвоприношениях животных, о священном напитке — *соме* (авестийской *хаоме*) и его заместителях, а также о гимнах и песнопениях. Интересна связь жертвоприношения коня с ритуально-политическими атрибутами царской власти (стр. 153) — поздний отголосок ритуального обособления знати, включавшей в свой состав конных воинов. Вызывает сомнение отождествление всех случаев трупосожжения с жертвоприношением. В основе это, конечно, особая форма погребального ритуала. Но в целом детальный анализ изменения отношения к жертвоприношениям, именуемых автором «кровавыми» (стр. 150), заслуживает внимания и ярко отражает внутреннюю эволюцию индуизма, постепенную трансформацию обычаев и обрядов.

Работа содержит обширный фактический материал о жрецах, храмах и изображениях богов (стр. 176—276), охватывающий все периоды развития индуизма — от ведической эпохи до наших дней. Хотя уже в весьма раннюю эпоху выделяется каста жрецов-брахманов, в целом для индуизма характерно отсутствие церковной организации с единым руководством и разработанной системой иерархии. Тем не менее жречество и по сей день играет огромную роль в жизни индийского общества, выступая не только как отправитель культовых церемоний, но и как духовный наставник и руководитель. Интересно наличие в тамильском жречестве двух слоев, которые Н. Р. Гусева, как нам кажется, не вполне удачно называет этническими. Это, с одной стороны, потомки или лица, считающие себя потомками североиндийских брахманов, и, с другой — служители, сохранившие в своей практике древние шиваистские традиции с обильными мясными трапезами и употреблением алкогольных напитков (стр. 183). Ведические тексты позволяют говорить для раннего периода о наличии лишь таких культовых сооружений, как жертвенные площадки и алтари. Н. Р. Гусева отмечает, что индуистские храмовые комплексы появляются в основном в феодальную эпоху

(стр. 203). Правда, для древней эпохи монументальная архитектура культового характера представлена буддийскими памятниками.

Довольно сложным является вопрос о наличии статуарных изображений божества уже в ведийский период. Автор мобилизует все возможные аргументы в пользу существования таких скульптур (стр. 206—212), но они, как нам кажется, еще не решают этот вопрос окончательно. Позднее, с начала нашей эры, уже вырабатываются строгие иконографические каноны, которые затем практически мало изменяются. В заключение Н. Р. Гусева убедительно раскрывает значение индуизма в жизни индусов вплоть до настоящего времени (стр. 227—285). Эта религия и поныне во многом определяет стереотип поведения самых широких масс населения и используется как мощное средство идеологического воздействия в социально-политической борьбе.

Перед нами труд, продвигающий изучение истории народов Индостана в такой сложной и ответственной сфере, как идеология и социальная психология. Собранный автором огромный фактический материал, его систематизация и оценка в основных своих положениях не вызывают особых возражений, хотя в ряде случаев формулировки могли быть менее категоричными и прямолинейными. В первую очередь это касается проблемы индийско-славянских параллелизмов, сформулированной во введении как «гипотеза о близости древнеарийских и древнеславянских мифологических представлений» (стр. 25) и раскрываемой в последующих главах в сопоставлении как образов божеств, так и обрядово-ритуальной практики (сопоставление Варуны с Перуном — стр. 72, Индры с Индриком — стр. 80—81, Дакши с Дажьбогом — стр. 83 и многое другое). Хотя во введении говорится о попытке проследить «корни» некоторых сходных представлений (стр. 26), практически такой стадийно-типологический анализ осуществляется далеко не всегда. В основном речь должна идти о каких-то общих истоках, восходящих по меньшей мере к эпохе индо-иранского языкового единства. В этом отношении необходимой промежуточной стадией сопоставлений является определение исходного индо-иранского мифологического пласта на базе анализа как индийской мифологической традиции, так и данных Авесты. Весьма перспективной представляется и разработка периодизации индуизма, к которой автор практиче-

ски неоднократно обращается на протяжении своего исследования, например, говоря о наступлении нового этапа с середины I тыс. до н. э. (стр. 15), когда, в частности, складывается синкретичный пантеон (стр. 68, 224). Если ведический период соответствует финальным этапам первобытного строя и формированию классового общества, то этот второй период рисует нам религиозные представления эпохи рабовладельческой формации с характерной для времени ее расцвета тенденцией к созда-

нию централизованных государств, что находило прямое отражение и в идеологии. Следующий большой период развития индуизма связан уже с эпохой феодализма. Выявление специфических черт индуизма на протяжении этих периодов — весьма интересная и перспективная задача дальнейших изысканий по индуизму, фундаментальная сводка данных о котором предложена в ценном исследовании Н. Р. Гусевой.

В. М. Массон

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Азизбекова П. А. *26 бакинских комиссаров*. Баку. «Гянджлик». 1978. 144 стр. 3000 экз. 35 коп.

Азизбекова П. А., Казиев М. А. *Степан Шаумян*. Биографический очерк. Баку, Азернешр. 1978. 141 стр. с илл. 5000 экз. 55 коп.

Бардадым В. *Этюды о прошлом и настоящем Краснодара*. Краснодар. Книжное изд-во. 1978. 127 стр. с илл. 10 000 экз. 45 коп.

Барсегян Х. А. *История распространения марксизма-ленинизма в Армении. 1880—1907 гг.* Кн. I. Ереван. «Айастан». 1978. 319 стр. 3000 экз. 2 руб. 80 коп.

Билим Н. А. *Сто дорог на Восток*. Из истории переселения трудящихся на Дальний Восток. Хабаровск. Книжное изд-во. 1978. 128 стр. с илл. 3000 экз. 15 коп.

Борис Александрович Рыбаков. Библиография составлена Р. И. Горячевой, И. М. Зарецкой, Г. Т. Серовой. Изд. 2-е, доп. М. «Наука». 1978. 94 стр. (Материалы к библиографии ученых СССР. Серия истории. Вып. 12). 1000 экз. 35 коп.

В боевых рядах ленинской партии. Челябинская областная организация КПСС в цифрах. 1917—1977. Сост. З. В. Шестакова. Челябинск. Южно-Уральское книжное изд-во. 1978. 239 стр. 5000 экз. 45 коп.

В труде и боях закаленный. Страницы истории Мурманской областной организации ВЛКСМ. Сост. Н. А. Бакшевников. Мурманск. Книжное изд-во. 1978. 175 стр. с илл. 5000 экз. 35 коп.

Варшавчик М. А., Спирин Л. М. *О научных основах изучения истории КПСС*. Введение в историко-партийную науку. М. Политиздат. 1978. 191 стр. 24 000 экз. 80 коп.

Великий Октябрь. История, историография, источниковедение. Сборник статей. М. «Наука». 1978. 311 стр. 5750 экз. 1 руб. 60 коп.

Виноградов В. И. *Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии*. М. «Мысль». 1978. 295 стр. 16 000 экз. 2 руб. 30 коп.

Военные контрразведчики. Особым отделам ВЧК — КГБ 60 лет. Сост. Ю. В. Селиванов. М. Восниздат. 1978. 422 стр. с илл. 65 000 экз. 95 коп.

Вопросы методологии и истории исторической науки. Вып. 2. М. Изд-во Московского ун-та. 1978. 207 стр. 2000 экз. 2 руб. 60 коп.

Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII — начале XIX в. Сборник. Томск. Изд-во Томского ун-та. 1978. 144 стр. 1000 экз. 1 руб. 10 коп.

Галиев В. З. *Ссылные революционеры в Казахстане*. Вторая половина XIX в. Алма-Ата. «Казахстан». 1978. 140 стр. 7800 экз. 25 коп.

Гушин Н. Я., Журов Ю. В., Боженко Л. И. *Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма. 1917—1937 гг.* Новосибирск. «Наука», Сибирское отд-ние. 1978. 430 стр. 1850 экз. 3 руб. 20 коп.

XV съезд КПСС о возрастании руководящей роли партии в коммунистическом строительстве. Сборник. М. Изд-во Московского ун-та. 1978. 208 стр. 12 460 экз. 65 коп.

XIX съезд Коммунистической партии Узбекистана. 3—5 февраля 1976 г. Стенографический отчет. Ташкент. «Узбекистан». 1978. 424 стр. 10 000 экз. 95 коп.

Демченко А. А., Н. Г. Чернышевский. Научная биография Ч. И. Саратов. Изд-во Саратовского ун-та. 1978. 333 стр. с илл. 5000 экз. 2 руб. 50 коп.

Документы и материалы по истории Краснодарской организации ВЛКСМ. 1918—1976 гг. Сост. А. Г. Бояджи и др. Краснодар. Книжное изд-во. 1978. 255 стр. (Серия «Пятнадцать легендарных переключек»). 5000 экз. 70 коп.

Дорогой Ленина, дорогой Октября.

Страницы жизни комсомолии Челябинской области. Ред.-сост. В. П. Мордовских. Челябинск. Южно-Уральское книжное изд-во. 1978. 269 стр. с илл. (Серия «Так закаляется сталь»). 10 000 экз. 65 коп.

Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Коллективная монография. Ташкент. «Фан». 1978. 327 стр. 1000 экз. 3 руб. 70 коп.

Дякин В. С. *Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг.* Л. «Наука», Ленинградское отд-ние. 1978. 246 стр. 5000 экз. 1 руб. 80 коп.

Жиганов М. Ф. *Посланцы В. И. Ленина в Мордовии. 1917—1919 гг.* Изд. 2-е, доп. и перераб. Саранск. Мордовское книжное изд-во. 1978. 335 стр. 3000 экз. 1 руб.

История Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Украины. Изд. 3-е, доп. Киев. «Молодь». 1978. 774 стр. с илл. 10 000 экз. 1 руб. 50 коп.

История социалистической экономики СССР. В 7-ми т. Т. 5. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны. 1938—1945 гг. М. «Наука». 1978. 565 стр. 37 000 экз. 3 руб. 20 коп.

Источниковедение истории советского общества. Вып. 3. М. «Наука». 1978. 312 стр. 1700 экз. 2 руб. 70 коп.

Казakov К. П. *Артиллерийский гром.* Воспоминания. М. «Молодая гвардия». 1978. 239 стр. с илл. 65 000 экз. 80 коп.— О Великой Отечественной войне.

Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск. Ставропольское книжное изд-во, Карачаево-Черкесское отд-ние. 1978. 335 стр. с илл. 5000 экз. 2 руб.

Карев Г. А. *Одесса — город-герой.* М. Воениздат. 1978. 176 стр. с илл. (Серия «Города-герои»). 50 000 экз. 65 коп.

Клепиков С. А. *Филигрani на бумаге русского производства XVIII — начала XX века.* М. «Наука». 1978. 239 стр. с илл. 4250 экз. 2 руб. 80 коп.

Клибанов А. И. *Народная социальная утопия в России. XIX век.* М. «Наука». 1978. 342 стр. 3150 экз. 3 руб. 60 коп.

Клименко В. А. *Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917—1920 гг.* М. «Наука». 1978. 191 стр. с илл. (Серия «Страницы истории нашей Родины»). 61 000 экз. 75 коп.

Комсомол Прикамья в документах. Сборник. Сост. Т. А. Круглова и др. Пермь. Книжное изд-во. 1978. 269 стр. с илл. (Серия «Лет легендарных переключки»). 5000 экз. 75 коп.

Копанский Я. М. *Общество бессарабцев в СССР и союзы бессарабских эмигрантов. 1924—1940.* Кишинев. «Штиинца». 1978. 195 стр. 1465 экз. 1 руб. 70 коп.

Мавродин В. *Основание Петербурга.* Л. Лениздат. 1978. 232 стр. с илл. 25 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Маттизен Э. *По пути Октября. 60 лет Эстляндской Трудовой Коммуны.* Таллин. «Ээсти раамат». 1978. 64 стр. с илл. 1500 экз. 60 коп.

Микульский К. И. *Социально-экономическая политика в социалистическом об-*

ществе. М. «Мысль». 1978. 279 стр. 10 000 экз. 1 руб. 30 коп.

Мишкевич Г. *Гордость партии.* Очерк об И. В. Бабушкине. Киев. Политиздат Украины. 1978. 207 стр. (Серия «Борцы за великое дело»). 28 000 экз. 40 коп.

Навеки вместе. К 150-летию вхождения Восточной Армении в состав России. Ереван. «Айастан». 1978. 363 стр. 10 000 экз. 2 руб. 10 коп.

Павлов Г. Р. *Друзья мои — однопольчане.* Очерки, воспоминания о крылатых богатырях Родины. Ростов н/Д. Книжное изд-во. 1978. 159 стр. с илл. 30 000 экз. 45 коп.

Памятники истории и культуры Сибири. Сборник статей. Новосибирск. «Наука», Сибирское отд-ние. 1978. 184 стр. 4750 экз. 1 руб. 20 коп.

Принадлежу комсомолу. 1918—1978. Ред.-сост. Г. И. Шапиро. Ставрополь. Книжное изд-во. 1978. 268 стр. с илл. (Серия «Песни отцов допоем»). 7000 экз. 1 руб. 20 коп.— Сборник о мужестве и героизме молодежи Ставрополья.

Революционное движение в Вильнюсском крае. 1920—1940. Документы и материалы. Сост. В. Канцянвичюс и др. Вильнюс. «Минтис». 1978. 447 стр. с илл. 3000 экз. 1 руб. 30 коп.

Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875—1878. Сборник. М. «Наука». 1978. 455 стр. с илл. 2000 экз. 4 руб. 40 коп.

Саянов Т. Ш. *Ленинский комсомол Башкирии.* Исторический очерк. Изд. 2-е, испр. и доп. Уфа. Башкирское книжное изд-во. 1978. 279 стр. 5000 экз. 55 коп.

Сердце пламенное, комсомольское. Очерки, воспоминания, статьи, документы. Сост. Ф. Н. Боронин, К. В. Урмин. Горький. Волго-Вятское книжное изд-во. 1978. 272 стр. с илл. 10 000 экз. 85 коп.— Сборник о ветеранах комсомола, нижегородцах-горьковчанах.

Славный путь Ленинского комсомола. История ВЛКСМ. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. «Молодая гвардия». 1978. 590 стр. с илл. 100 000 экз. 2 руб. 80 коп.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Т. 3. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа—28 сентября 1944 г.) Сборник документов. М. Политиздат. 1978. 294 стр. с илл. 50 000 экз. 65 коп.

Страницы истории комсомола Карелии. Документы и материалы. Сост. П. М. Кузьмина, Н. К. Тинькова. Петрозаводск. «Карелия». 1978. 375 стр. с илл. (Серия «Лет легендарных переключки»). 5000 экз. 80 коп.

Терехов Ф. П. *Демократия развитого социализма.* Киев. «Вища школа». 1978. 167 стр. 2000 экз. 1 руб. 30 коп.

Тидо Г. *Аграрная политика большевиков в Эстонии. 1905—1920 гг.* Таллин. «Ээсти раамат». 1978. 159 стр. 1000 экз. 60 коп.

Троицкий Н. А. *Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная по-*

литика царизма. 1866—1882 гг. М. «Мысль». 1978. 335 стр. 75 000 экз. 80 коп.

Фролов М. И. *Артиллеристы в боях за город Ленина. 1941—1944.* Исторический очерк. Л. Лениздат. 1978. 272 стр. 25 000 экз. 60 коп.

Хохлов А. *Юность мужает в борьбе.* Из истории Ярославской организации ВЛКСМ. Изд. 2-е, перераб. и доп. Ярославль. Верхне-Волжское книжное изд-во. 1978. 303 стр. 10 000 экз. 65 коп.

Штыхов Г. В. *Города Полоцкой земли. IX—XIII вв.* Минск. «Наука и техника». 1978. 159 стр. с илл. 4800 экз. 1 руб. 40 коп.

Юность Татарстана. Очерки истории комсомола Татарии. Сост. А. М. Залялов, Ф. С. Хабибуллина. Казань. Таткнигоиздат. 1978. 463 стр. с илл. 8500 экз. 95 коп.

Янкова З. А. *Советская женщина.* Социальный портрет. М. Политиздат. 1978. 159 стр. 100 000 экз. 30 коп.

Всеобщая история

Арсеньев Э. А. *Франция: проблемы и политика.* Очерки о социально-политической жизни. М. Политиздат. 1978. 270 стр. 50 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Жигалов И. И. *Современная история Великобритании. 1945—1975.* М. «Высшая школа». 1978. 191 стр. (Библиотека историка). 30 000 экз. 40 коп.— Учебное пособие.

Международный ежегодник. Политика и экономика. Вып. 1978. М. Политиздат. 1978. 303 стр. 100 000 экз. 90 коп.

Статистический ежегодник стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. 1978. 479 стр. 17 000 экз. 2 руб. 10 коп.

Степанова Е. А. *Карл Маркс.* Краткий биографический очерк. М. Политиздат. 1978. 295 стр. с илл. 100 000 экз. 55 коп.

Тишков В. А. *Освободительные движения в колониальной Канаде.* М. «Наука». 1978. 384 стр. с илл. 1600 экз. 2 руб. 40 коп.

Ходорковский Л. Д. *Католицизм и рабочий класс Германии. 1871—1933.* М. «Наука». 1978. 334 стр. 1300 экз. 2 руб. 10 коп.

Книги, переведенные с иностранных языков

Ал-Джабарты. *Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий.* Т. 2. Египет в канун экспедиции Бонапарта. 1776—1798. Пер. с араб. и предисловие Х. И. Кильберга. М. «Наука». 1978. 496 стр. (Памятники литературы народов Востока. Переводы. Т. 4.). 5000 экз. 4 руб. 10 коп.

Джексон Д. *Революционные тенденции в мировой политике и борьба черных американцев.* Пер. с англ. М. «Прогресс». 1978. 191 стр. 6000 экз. 65 коп.

Мор Т. *Утопия.* Пер. с латин. Комментарии Ю. М. Каган и И. Н. Осинковского. Вступительная статья И. Н. Осинковского. М. «Наука». 1978. 415 стр. (Серия «Предшественники научного социализма»). 50 000 экз. 1 руб. 20 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

«Советские архивы» № 5, 1978. А. Г. Митюков. 60 лет архивного дела в Украинской ССР; В. В. Лашкевич. Развитие архивного дела в Белорусской ССР; Б. Р. Рамазанова. Осуществление ленинских принципов организации архивной службы в Казахстане; В. В. Косарев. Научно-практическая конференция партийных архивов; М. Т. Лихачев, З. В. Бондаренко, А. Н. Зайцев. Предварительные итоги применения ЕГСД и перспективы развития системы; Т. В. Батаева. Издание документов местных партийных организаций о рабочем классе в годы борьбы за установление Советской власти; Л. С. Беляева. Развитие методики подготовки документальных изданий; Геронический труд во имя победы (Публикацию подготовили С. Р. Левина, Н. И. Левченко); В. К. Криворученко. Документы ВЛКСМ — «живые свидетели» его истории; Л. Н. Барабанникова. Документы о революционной деятельности социал-демократов сибиряков в Петербурге (1898—1900 гг.); Е. Н. Пикифоров. Газеты первых лет Октября как

источник для изучения истории ленинского плана монументальной пропаганды; В. А. Поцелуев. Из истории создания Государственного герба Советского Союза; И. Ф. Ковалев. Малоизвестные документы о Л. Н. Толстом; А. А. Петухов. Беседы с тульскими рабочими.

«Украинский исторический журнал» № 9, 1978. Под победоносным ленинским знаменем; Э. Т. Соломко, В. П. Шкварец. Воплощение ленинских идей народовластия в новой Советской Конституции; Н. М. Хоменко, В. П. Шевчук. Повышение роли общественных организаций трудящихся в условиях развитого социализма; Ю. Г. Осадчий. Усиление влияния большевиков в профсоюзах Украины (1918 г.); В. А. Смолый. Укрепление торгово-экономических связей Правобережной Украины с Россией во второй половине XVIII ст.; В. И. Голуб. Интернационалистские принципы внешней политики Народной Республики Болгарии; А. В. Петров. Развитие научно-технического сотрудничества НРБ и ПНР (1966—1975 гг.); В. А. Сидоренко. Ору-

жие местного производства на Украине эпохи освободительной войны; А. П. Григоренко. Из опыта шефства рабочего класса УССР над селом в 1971—1975 гг.; В. К. Пастухов. Участие Советской Армии в восстановлении сельского хозяйства Украины в годы четвертой пятилетки; А. А. Пучко. Из истории подготовки инженерно-технических кадров на Украине в первое десятилетие Советской власти; Г. К. Кожолянюк. Антифеодалная борьба крестьянства Северной Буковины в конце XVIII — начале XIX ст.; Большевицское подполье на Украине в 1918 году (Продолжение. Подготовили Р. Я. Пирог, Ю. В. Шилловцев); **В. Е. Нижник, Г. Е. Ясев.** За-

писная книжка комиссара (воспоминания); Г. В. Бухало. Историки ПНР о совместной борьбе украинских и польских трудящихся против угнетателей в 1648—1654 гг.

«Украинский исторический журнал» № 10, 1978. О подготовке к празднованию 325-летия воссоединения Украины с Россией; В. С. Плохий. Комсомол — верный помощник Коммунистической партии; П. П. Панченко. Ленинская стратегия и тактика аграрной политики партии в условиях развитого социализма; Н. А. Снитчук. Конституция СССР о месте комсомола в советской политической системе; С. З. Заремба. Воссоединение Украины с Россией в освещении украинских летописцев второй половины XVII—первой половины XVIII в.; Ё. П. Ковальский. Формы и методы работы Киевского музея В. И. Ленина по коммунистическому воспитанию молодежи; Я. Хаджийев. Из опыта деятельности партийных организаций Туркменистана по интернациональному воспитанию студенчества; Г. П. Жихарев. Деятельность партийных организаций по политическому воспитанию рабочей молодежи Донбасса (1928—1932 гг.); А. А. Климов. Участие комсомола Донбасса в социалистическом соревновании (1938—июнь 1941 гг.); В. С. Рыбалко. Участие комсомола Украины в восстановлении промышленности и транспорта в 1921—1925 гг.; Н. М. Шумейко, В. Е. Штерн. Трудовые связи ВЛКСМ и Союза свободной немецкой молодежи (1966—1971 гг.); В. В. Бухонский. Воспитание воинов на героических традициях Ленинского комсомола во время форсирования Днепра и освобождения Киева; А. Т. Шур. Борьба комсомольцев и молодежи Подолья против фашистских захватчиков (1941—1942 гг.); Ю. А. Барштейн. Памятные и юбилейные медали в честь Ленинского комсомола; Н. М. Лемещук. Роль народных университетов пропаганды памятников истории и культуры в коммунистическом воспитании молодежи; Большевицское подполье на Украине в 1918 году (Продолжение. Подготовили Р. Я. Пирог, Ю. В. Шилловцев).

«Советская археология» № 4, 1978. С. В. Смирнов. Значение левальдуазской техники в древнекаменном веке; Ю. А. Савватеев, Э. И. Девятова, А. А. Лийва. Опыт датировки наскальных изображений Белого моря; Г. Ф. Коробкова. Древ-

нейшие жертвенные орудия и их производительность (в свете экспериментально-трапезологического изучения); Е. Н. Черных. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР; В. С. Ольховский. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным; Ю. А. Краснов. Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы); О. В. Обельченко. Мечи и кинжалы из курганов Согда; С. М. Новак-овская. К вопросу о поздних рельефах в резьбе Дмитровского собора во Владимире; к 70-летию академика А. П. Окладникова; Ф. М. Заверняев. Антропоморфная скульптура Хотылевской верхнепалеолитической стоянки; Г. В. Григорьева, А. К. Филиппов. Пенская позднелеполитическая стоянка (Курская область); О. Лоллкова. Неолитическое поселение Песседжик-депе в Южном Туркменистане; Э. А. Новгородова. Древнейшие изображения колесниц в горах Монголии; Ю. С. Бадалянц. Родосские амфорные клейма (раскопки 1970—1974 гг.); Б. Ф. Железчиков, В. А. Кригер. Катакомбные захоронения Уральской области; Р. Б. Исмаилов. Кинжалы позднесавроматского времени из Башкирии; А. К. Джафаров. Многослойная Тагларская мустьерская стоянка в Азербайджане; Ю. Б. Сериков. О находках произведений искусства на стоянке Юрьино IV (Зауралье); А. Л. Никитин. Стоянка Плещеево I; С. И. Татаринцев. Древний медный рудник «Выскровский» в Донецкой области; В. А. Иванов, А. Х. Пшеничнюк. Городище финальной бронзы на р. Миасс; К. И. Корепанов. Фигурка медведя с Верхне-Утчанского городища; К. И. Красильников. Раннепеченежское погребение в с. Горшковке.

«Советская этнография» № 5, 1978. Б. Х. Бгажников. Коммуникативное поведение и культура (К определению предмета этнографии общения); Н. М. Герасимова. Формулы русской волшебной сказки (К проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры); М. Г. Котовская. Возникновение групп смешанного происхождения на северо-востоке Бразилии (XVI—XVIII вв.); Н. А. Долинова, О. Исмаилов, Г. Л. Хитъ. Дерматоглифика некоторых групп населения Индии; С. А. Вурм. Современные тенденции развития социолингвистической ситуации в Папуа Новой Гвинее; Д. Д. Тумаркин. Материалы первой русской кругосветной экспедиции как источник по истории и этнографии Гаванских островов; Л. П. Потанов. Исторические связи алтае-саянских народов с якутами (По этнографическим материалам); М. Г. Рабинович. Русская городская семья в начале XVIII в. (По переписной книге Устюжны Железнопольской 1713 г.); З. С. Гудченко. Некоторые особенности архитектуры местечек Украины (конец XVIII—начало XX в.); Е. В. Арофкин. Фольклор как источник изучения материальной культуры (Ткань «ки-

тайка» в поэтическом творчестве украинского народа); Т. К. Ходжайов, Х. Халилов. Новые материалы к палеоантропологии древней Бактрии; А. Н. Мещеряков. Эволюция синтоистского пантеона и социальная история Японии VI—VIII вв.; С. А. Симакин. Анимистические верования чингов; Г. П. Снесарев. Загадка Даку-Юнуса (История одного поиска).

«Известия Академии наук Азербайджанской ССР. История, философия, право № 2, 1978. Б. С. Гурбанов, Т. К. Мусаева. Всенародное социалистическое соревнование трудящихся Азербайджана в юбилейном году; П. А. Азизбекова. Бакинская коммуна — славная эпопея революционного героизма; И. В. Алибеков. Некоторые сведения о концессионной промышленной политике Турции во второй половине XIX века; Т. Т. Мустафаев. К вопросу об усилении русской ориентации в Азербайджане (20-е — начало 30-х годов XVIII века); С. М. Онуллахи. «Афзалат-Таварих» как источник по истории Азербайджана; Д. А. Ахундов. Храмы Ирана в эпоху первых Ахеменидов (их реставрация и реконструкция); Ф. В. Гадиров. О поселении античного периода, выявленном в Кабалинском магаде; Ф. Л. Османов, Ф. А. Ибрагимов. Металлические браслеты античной эпохи из раскопок сел. Нюди; А. И. Абдуллаев. Мужская одежда азербайджанцев; Ф. Г. Кочарли, Н. Г. Чернышевский и азербайджанская культура; Г. Б. Гусейнов. Роль исламского духовенства в идеологии современного Ирана.

«Известия Академии наук Белорусской ССР. Серия общественных наук № 5, 1978. В. Н. Белоголовка. Союз ССР и олицетворение правового и фактического равенства наций и народностей; Ф. И. Кулешов. Гений народа — гордость человечества (К 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого); М. Ф. Спиридонов. Пропагандист дружбы народов (К 100-летию со дня рождения академика В. И. Пичеты); З. Ю. Копысский, М. Ф. Спиридонов. В. И. Пичета о феодальном обществе в Белоруссии XV—XVI вв.; В. И. Кузьменков. Печать Белоруссии в укреплении культурного сотрудничества народов СССР (1971—1975 гг.); Г. А. Петровская. Социальный протест в белорусских рекрутских и солдатских песнях; Н. И. Бураковская. Крестьянские ремесла в период разложения феодализма и начала развития капитализма; Памятник эпохи Реформации и Возрождения (Публикация подготовлена С. А. Подокшиным и А. Я. Цукерманом).

«Историко-филологический журнал» Академии наук Армянской ССР № 3 (82), 1978. М. Г. Нерсисян. Новый этап в истории армянского народа; З. Т. Григорян. Значение присоединения Восточной Армении к России для национального существования и консолидации армянского народа; Н. А. Тавакалян. Переселение армян из Персии и Турции в Закавказье после присоединения Восточной Армении к России; В. С. Еркянян. Присоединение Восточной Армении к России и развитие армянской

культуры; Х. А. Аветисян. Развитие городов на нынешней территории Советской Армении в 1828—1914 гг.; К. М. Оганесян. Участие армянского народа в русско-иранской войне 1826—1828 гг.; С. Б. Агабабян. Динамика армянских откликов русской литературы; С. Н. Саринян. Туманян и вопрос русской ориентации армянского народа; В. А. Хачатурян. Из истории армяно-русских политических связей; А. С. Газиян. Отголоски русско-иранских войн в армянском народном творчестве; Г. А. Аветисян. Всемирно известный ученый (К 70-летию со дня рождения В. А. Амбарцумяна); К. А. Паханянц. Великий русский революционер-демократ (К 160-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского); К. Н. Ломунов. Великий поборник мира (К 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого); Г. Б. Гарибджанян. Степан Шаумян — руководитель Бакинской коммуны (К 100-летию со дня рождения); М. В. Арзуманян. О некоторых нововывявленных статьях С. Г. Шаумяна; Эд. М. Джрбашян. Армянская литературная критика в начале XX века (Основные течения); Дж. С. Фаньян. А. С. Пушкин и А. М. Худобашев; Н. Н. Розов. О русско-армянских книжных связях древнейшего периода; Х. А. Мушегян. Клады восточных монет и основные направления экономических связей Армении в VIII—X веках; Новые документы о Георгиевском договоре 1783 г. (Публикация В. М. Мартиросяна); Страница из истории армяно-русских отношений второй половины XVIII века (Новые документы об Иосифе Эмине (Публикация Ж. А. Анианяна); Сказание о девице Тарон в арабском источнике XII века (Публикация А. Н. Тер-Гевондяна).

«Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС». Институт истории СССР Академии наук СССР. Вып. 2 Дооктябрьский период. 1978. Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто,

В. Д. Назаров. Основные проблемы изучения истории СССР периода феодализма; А. М. Анфимов, А. М. Соловьева. Изучение социально-экономической истории пореформенной России; В. И. Бовыкин, М. С. Волин, Ю. И. Кирьянов, В. Я. Лаверычев, И. М. Пушкарева, С. В. Тютюкин. Изучение проблем истории России периода империализма; Л. Г. Бескровный, В. А. Емец, Л. А. Никифоров, В. Т. Пашуто, А. М. Станиславская, А. Л. Хорошкевич. Международные отношения России (X — начало XX в.); М. Г. Вандалковская, Б. С. Итенберг, О. В. Орлик, Е. Л. Рудницкая. Историография русского революционного движения XIX в., А. А. Зимин, А. И. Клибанов, Я. Н. Шапов, Г. И. Щетинина. Русская культура и общественная мысль в советской историографии; Ю. В. Андрушайтите, Н. Е. Бекмаханова, В. Я. Гросул, Д. Исмаил-Заде, Ш. Ф. Мухамедьяров, А. В. Никонов, А. П. Новосельцев, Э. Э. Яан-

в ярк. Основные проблемы историографии народов СССР (дооктябрьский период); В. И. Буганов. Развитие источниковедения отечественной истории дооктябрьского периода; И. Д. Ковальченко, А. К. Соколов. Итоги и перспективы применения математико-статистических методов и ЭВМ в исследованиях по отечественной истории

«Преподавание истории в школе» № 6, 1978. М. И. Хлусов. Послевоенное восстановление тяжелой промышленности СССР; А. С. Сенявский. Ведущая роль рабочего класса в развитом социалистическом обществе.

«Вестник» Московского университета № 5, 1978. Серия VIII. История. Ю. А. Львин. Кампания солидарности трудящихся СССР с национально-революционной войной испанского народа (1936—1939 гг.); М. Е. Найденов. Социально-классовые сдвиги в советском обществе конца 20-х — первой половины 30-х годов в литературе этих лет; Б. И. Ноткин. Ведущая роль рабочего класса в советском обществе и англо-американская буржуазная историография; А. С. Маныкин. Республиканская партия США в поисках альтернативы «новому курсу»; Т. Б. Соловьева. О взаимоотношениях царской власти и патриаршества по земельному и финансовому вопросам во второй половине XVII в. в России; А. Д. Горский, О. М. Рапов. Академик Борис Александрович Рыбаков — профессор Московского университета (К 70-летию со дня рождения); Л. И. Уткина. В. И. Пичета в Московском университете (К столетию со дня рождения).

«Историографический сборник». Межвузовский научный сборник. Саратовский университет. Вып. 4 (7), 1978. А. М. Чинчиков. Освещение в литературе нового этапа развития сельского хозяйства; Н. Б. Фи-

липпова. К вопросу об изучении отряда сельских рабочих в советской исторической литературе; В. А. Динес. Участие комсомола в борьбе Коммунистической партии с троцкистами в период партдискуссии 1923—1924 гг. (Историографический обзор); Е. Г. Корнилов. Проблемы истории земства в советской исторической литературе; Н. В. Минаева. Вопросы государственности и развития русской общественно-политической мысли начала XIX в. в оценке дореволюционной, зарубежной и советской историографии; Л. А. Дербов. Об исторических взглядах Я. П. Козельского; А. С. Майорова. Труды В. Ф. Ржиги по истории русской публицистики XVI века; В. Р. Лейкина-Свирская. Зарубежная историография о дореволюционной интеллигенции России; В. М. Новиков. Отношение П. Л. Лаврова к религии в освещении современной буржуазной англо-американской историографии; Н. Г. Подаляк. Некоторые вопросы социально-экономического развития ганзейского города Росток в немецкой историографии второй половины XIX—XX вв. и опубликованных источниках; К 75-летию профессора М. С. Персова.

«Известия» Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки № 2, 1978. А. П. Пронштейн. Материалы о народах Северного Кавказа XVI—XVIII веков в советских архивах; В. Г. Гаджиев. Архив Кизлярского коменданта; В. П. Кохановский. Н. Г. Чернышевский об историзме как принципе познания (К 150-летию со дня рождения); Т. А. Марченко, В. П. Яковлев. Л. Н. Толстой и теория непротivления злу насилем (К 150-летию со дня рождения); Р. Г. Этенко. О роли мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков в активизации политического бандитизма на Дону и Кубано-Черноморье в 1920—1922 годах.

Хроникальные заметки

◆ 100-летию со дня рождения одного из видных деятелей Коммунистической партии и руководителей революционного движения в Закавказье С. Г. Шаумяна была посвящена объединенная научная сессия, организованная институтами истории партии при Центральном Комитете Компартий Азербайджана, Армении и Грузии. Она состоялась 9 октября 1978 г. в Баку. Открыл сессию секретарь ЦК КП Азербайджана К. М. Багиров. С докладами выступили: «Партийная и государственная деятельность С. Г. Шаумяна в 1917—1918 годах» — директор Института истории партии при ЦК КП Азербайджана Д. П. Гулиев; «Идейно-теоретическое наследие С. Г. Шаумяна» — директор Института истории партии при ЦК КП Армении Г. Р. Симонян; «С. Г. Шаумян и большевистские организации Грузии» — заместитель директора Института истории

партии при ЦК КП Грузии В. Н. Мерквиладзе. Воспоминаниями о встречах с С. Г. Шаумяном и его соратниками по Бакинской коммуне поделились М. М. Дадашев, Н. А. Абрамова, С. Б. Годжаев и др.

◆ Этой же дате была посвящена научная сессия, организованная Институтом истории партии при ЦК КП Армении и Ленинканским горкомом партии. Она состоялась в Ленинкане в сентябре 1978 года. Вступительным словом открыл сессию первый секретарь горкома партии Р. А. Арзуманян. Заместитель директора института Л. А. Абрамян выступил с докладом «С. Шаумян — выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства». Доклад акад. АН АрмССР Ц. П. Агаяна был посвящен теме «С. Шаумян — поборник дружбы народов».

◆ В связи со 100-летием со дня рождения эстонского революционера и передового деятеля искусства Э. Сырмуса в Таллине 22 сентября 1978 г. состоялась научная конференция, организованная Институтом истории партии при ЦК КП Эстонии. Конференцию открыл директор института А. К. Панксеев. Вступительную речь произнес секретарь ЦК КП Эстонии В. В. Вяляс. Были заслушаны доклады: «Эдуард Сырмус — основатель боевых традиций в искусстве» — Х. А. Кырвитс; «Эдуард Сырмус как революционер» — А. Б. Либман; «Эдуард Сырмус и революционное рабочее движение в Германии» — В. Каппенбергер (ГДР). С воспоминаниями выступили ветераны партии и революционного движения А. Ваарман и Л. Кальман.

◆ 150-летию вхождения Восточной Армении в состав России была посвящена научная сессия Института древних рукописей (Матенадарана) имени М. Маштоца при Совете Министров АрмССР. Она состоялась в Ереване в сентябре 1978 года. С докладами выступили: директор Матенадарана акад. АН АрмССР Л. С. Хачикян — «Древняя Москва и армяне»; В. Григорян — «Политическое положение Восточной Армении и новый подъем освободительного движения в последние десятилетия XVIII века»; О. Еганян — «Матенадаран накануне освобождения Восточной Армении»; Ю. Варданян — «Новооткрытый труд Геворка Хубова как первоисточник по истории армяно-русских отношений». Ш. Назарян рассказала о первых литературных произведениях XVIII в., отражающих дружественные отношения армян и русских. А. Папазян коснулся вопроса о положении народных масс в Восточной Армении в последние десятилетия иранского владычества. К. Марджанян, Р. Титанян, А. Матевосян, Э. Корхмазян, Н. Тагмизян посвятили свои доклады анализу письменных источников Матенадарана, которые проливают новый свет на историю армяно-русских культурных связей.

◆ В Грозном в сентябре 1978 г. прошла научная конференция по историографии проблем истории народов Дона и Северного Кавказа, организованная Научным советом «История исторической науки» Отделения истории АН СССР, Северо-Кавказским научным центром высшей школы и Чечено-Ингушским университетом. Открыл конференцию ректор университета М. П. Павлов. Вступительное слово произнес первый секретарь Чечено-Ингушского обкома партии А. В. Власов. С докладами выступили: акад. А. Л. Нарочницкий — «Основные проблемы и задачи обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней»; Р. М. Магомедов (Махачкала) — «Методологические вопросы вхождения народов Северо-Восточного Кавказа в состав России»; В. Б. Виноградов (Грозный) — «Современная историография актуальных проблем археологии Северного Кавказа»; В. П. Крикунов (Грозный) —

«Некоторые проблемы методологии изучения региональной истории»; Л. А. Этенко (Ростов-на-Дону) — «Проблемы отечественной истории в «Известиях Северо-Кавказского научного центра высшей школы». На конференции работали пять секций. Проблемы методологии и общие вопросы истории и исторической науки обсуждались в первой секции. Вторая была посвящена вопросам древней и средневековой истории. В третьей обсуждались проблемы вхождения народов Северного Кавказа в состав России, развития капитализма, революционно-освободительного движения в историографическом освещении. Вопросы истории Великого Октября и гражданской войны рассматривались в четвертой секции, а в пятой — сюжеты, связанные с периодами построения социализма, борьбы за его полную и окончательную победу, развитого социализма.

◆ Научная конференция «Великий Октябрь и его воздействие на развитие революционного движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (проблемы историографии)» проходила 15—17 ноября 1978 г. в Львове. Ее проводили Научный совет «История исторической науки» Отделения истории АН СССР, Украинская зональная секция этого совета, институты истории и общественных наук АН УССР и Львовский университет имени Ив. Франко. Конференцию открыл вступительным словом директор Института истории АН УССР Ю. Ю. Кондурфор. На пленарном заседании были прочитаны доклады: секретарь Львовского обкома КП Украины Д. А. Яремчук — «Великая Октябрьская социалистическая революция — коренной поворот в исторических судьбах народов мира»; А. Я. Манусевич — «Советская историография 70-х годов о всемирно-историческом значении Великого Октября и движения пролетарской солидарности в годы революционного подъема»; чл.-корр. АН УССР И. Н. Мельникова — «Состояние и перспективы исследования в Украинской ССР проблем истории европейских социалистических стран»; Ю. М. Гамрецкий (Киев) — «Великий Октябрь на Украине в советской историографии (изучение проблемы за последнее десятилетие)»; Е. И. Спивак — «Великий Октябрь и его воздействие на развитие революционного движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (о некоторых тенденциях и проблемах развития современной историографии европейских социалистических стран)»; А. В. Санцевич (Киев) — «Участие Украинской ССР в связях Советского Союза с социалистическими странами Европы (историография проблемы)»; С. А. Макаручук (Львов) — «Польская историография о национально-освободительном движении на западноукраинских землях под влиянием Великого Октября». Далее работали три секции: «Проблемы историографии солидарности пролетариата стран Центральной и Юго-Восточной Европы с трудящимися России в период Октябрьской революции и гражданской войны»; «Проблемы историографии революционного движения в Центральной и Юго-Восточной

Европе в начальный период общего кризиса капитализма»; «Проблемы историографии антифашистской борьбы, народно-демократических революций и социалистических преобразований в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». На заключительном пленарном заседании были заслушаны выступления И. В. Созина о работе журнала «Вопросы истории» и В. П. Чорния (Львов) — о межведомственном сборнике «Проблемы славяноведения». Заключительное слово произнес директор Института общественных наук АН УССР В. П. Чугаев.

◆ Государственный литературный музей и Музей А. И. Герцена организовали 25 октября 1978 г. научное заседание, посвященное 150-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского. С докладом «Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен в эпоху реформы 1861 года» выступил Е. Г. Плимак.

◆ Секция «Генезис и развитие феодализма» Научного совета по комплексной проблеме «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой» Отделения истории АН СССР, Институт всеобщей истории АН СССР и кафедра истории средних веков Московского университета провели 1 ноября 1978 г. в Москве очередные «Чтения памяти академика Е. А. Косминского». Вступительным словом открыла заседание чл.-корр. АН СССР З. В. Удальцова. Были заслушаны доклады: А. Д. Люблинская (Ленинград) — «Социальная мобильность и социальная психология крестьянства (Франция XIV—XVII вв.)»; Л. М. Брагина — «Традиции гражданского гуманизма в Италии во второй половине XV в.»; И. Н. Осинский — «Гуманистическая программа реформы и борьба гуманистов против схоластики в Европе начала XVI в.»; Б. Л. Фонкич — «Московский автограф Виссариона Никейского»; В. А. Дунаевский, Г. С. Кучеренко — «Новые материалы об английских социалистах-утопистах из архива Е. А. Косминского».

◆ В связи с 600-летием Мамаева побоища на заседании сектора истории СССР периода феодализма Института истории СССР АН СССР 14 ноября 1978 г. был заслушан доклад А. Л. Хорошкевич — «Международное значение Куликовской битвы».

◆ 31 октября 1978 г. там же был заслушан доклад В. Ф. Иванова «Письменные источники по истории Якутии XVII века».

◆ 22 ноября 1978 г. в Институте всеобщей истории АН СССР состоялось заседание, посвященное памяти известного советского историка Б. Ф. Поршнева. Тема заседания — «Б. Ф. Поршнев как историк Франции». С сообщениями о месте Б. Ф. Поршнева в советской исторической науке, его трудах по истории Франции и о некоторых актуальных проблемах французской истории нового времени выступили А. В. Адо, Б. Г. Вебер, А. В. Гордон, Г. С. Кучеренко. Историографические аспекты выступлений будут отражены в очередном томе «Французского ежегодника».

◆ В «Избранные произведения» (в

2-х тт. Т. I: 1902—1914. Изд. 2-е, доп. М. Политиздат. 1978) включены статьи, речи, доклады, письма С. Г. Шаумяна, раскрывающие его революционную, пропагандистскую и публицистическую деятельность. В них отражена обстановка, в которой большевики вели борьбу против царизма, врагов ленинской партии и рабочего класса, за победу и укрепление Советской власти в Закавказье.

◆ В том же издательстве вышла монография А. Б. Резникова «Стратегия и тактика Коммунистического Интернационала по национально-колониальному вопросу. Проблемы теории и истории» (М. 1978). Автор воссоздает панораму деятельности Коминтерна на Востоке. В книге раскрывается роль рекомендаций Коминтерна для формирования правильного политического курса компартий этого региона и опровергаются измышления антикоммунистов.

◆ Б. Жилин в работе «Научно-техническая революция: реальность и идеологические мифы капитализма» (Киев. Издательство политической литературы Украины. 1978) анализирует теории буржуазных идеологов по проблемам научно-технической революции, уделяя особое внимание развенчанию антимарксистских концепций направленности социального прогресса и социально-политических последствий научно-технической революции.

◆ Р. Г. Абдулатипов, Т. Ю. Бурмистрова — авторы книги «Конституция СССР и национальные отношения на современном этапе» (М. «Мысль». 1978). В ней характеризуется развитие сотрудничества социалистических наций и народностей Советского Союза, раскрывается значение новой Конституции СССР для обеспечения ленинского курса национальной политики КПСС, анализируются главные направления партийно-государственного руководства развитием национальных отношений в условиях зрелого социализма, критикуются буржуазные фальсификации по этим вопросам.

◆ В издательстве «Мысль» вышла книга В. Г. Лебедева «Материально-техническая база коммунизма: социально-экономическая модель» (М. 1978). Автор пытается дать теоретическое определение материально-технической базы коммунизма как научной категории, установить ее основные синтезированные качественные характеристики.

◆ То же издательство выпустило книгу Н. А. Лидлейна «Буржуазные теории экономического развития (Критический анализ)» (М. 1978), в которой очерчены буржуазные концепции исторического пути развивающихся стран: показаны теоретические истоки этих концепций, их методология, идейные установки и эволюция вплоть до настоящего времени.

◆ В сборнике статей «Исследования социологических проблем развивающихся стран (теория социальной структуры)» (М. «Наука». 1978) рассматриваются проблемы современного развития освободившихся стран: особенности эволюции социальной структуры и идеологическая борьба. Ряд статей касается методологических вопросов изучения развивающихся стран.

◆ Книга П. Артемьева «Проблемы развивающихся стран и маоистская дипломатия в ООН» (М. «Наука». 1978) раскрывает антисоветский характер выступлений китайских делегатов в ООН, разоблачает претензии Пекина на роль выразителя интересов народов стран Азии, Африки и Латинской Америки, показывает, что антисоциалистическая великодержавная политика маоистского руководства идет вразрез с нуждами и потребностями развивающихся стран.

◆ В монографии Л. И. Глухарева «Западноевропейская интеграция и международные монополии» (М. «Международные отношения». 1978) рассматривается процесс западноевропейской экономической интеграции в 1970-е годы: становление международных монополий нового типа, их роль в капиталистической интеграции, современные формы экономических отношений между ними, национальными государствами и «Общим рынком». Автор раскрывает две интеграционные тенденции: европейскую (континентальную) и атлантическую (межконтинентальную), носителем которых являются межнациональные монополии с различным по происхождению основным капиталом.

◆ «За военную разрядку в Центральной Европе» — так называется работа В. Басманова, вышедшая в издательстве «Международные отношения» (М. 1978). В ней характеризуется главное направление европейской политики стран социалистического содружества — превращение Европы в континент прочного мира и сотрудничества, прослеживаются этапы борьбы за достижение этой цели, освещается ход переговоров в Вене о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

◆ Г. Г. Ефименко, В. М. Красников, А. Н. Новоминский в книге «Высшая школа Украинской ССР (Успехи, проблемы развития)» (Киев. «Вища школа». 1978) говорят о достижениях вузов Украины, их опыте работы, деятельности вузовских подразделений, путях повышения качества подготовки специалистов, развития научных исследований и ускорения внедрения их результатов в практику.

◆ Полководческой деятельности командующего Восточным фронтом, а затем главнокомандующего Вооруженными Силами РСФСР И. И. Вацетиса посвящен сборник «Главкомандующий всеми Вооруженными Силами республики И. И. Вацетис» (Рига. «Зинатне». 1978). Он включает, в частности, приказы, директивы и другие документы, касающиеся организации борьбы против белогвардейцев и иностранной интервенции в годы гражданской войны. Документы охватывают время с июля 1918 по июль 1919 года.

◆ В урочище Скелька, близ Александровки, Херсонской обл., отряд Института археологии АН УССР обнаружил античную цитадель с двумя оборонительными валами и крепостной стеной. Найдены железная мотыга, каменные зернотерки, керамические пряслица, грузила, бронзовые крючки, в зерновых ямах сохранились обожженные зерна ржи и виноградные косточки, на ам-

форах — следы виннокаменной кислоты. Уникальная находка — письмо на свищовой пластине. Найдены также бронзовые монеты и серебряный динарий императора Траяна.

◆ В Тацинском районе, Ростовской обл., на р. Быстрой, отрядом Азово-Донецкой археологической экспедиции исследован ряд курганов с захоронениями первых веков нашей эры. Среди находок — предметы быта, украшения, оружие, ритуальные предметы. В одном из курганов находился бронзовый италийский ковш с изображением человеческого лица. Обнаружены гончарная посуда, железные меч, копья, стрелы, удила, кинжалы, топор и мотыга. В одной из женских могил лежало золотое кольцо с подвесками в виде грифонов. Их фигурки выполнены в скифском «зверином» стиле и украшены цветными вставками из зеленых камней. Там же обнаружены золотые подвески, кольца, бляшки, бронзовые фибулы, ожерелья из разноцветных стеклянных бус, египетские амулеты, бусы из янтаря, агата и халцедона, гончарные сосуды.

◆ В приднепровском с. Межириче, близ Канева, при раскопках первобытного жилища из костей мамонта выявлен изготовленный из рога северного оленя жезл вождя древних охотников эпохи неолита. Конструкция жилища отличается впервые встречающимися элементами, а датировка жезла позволила установить возраст всего памятника — около 12 тыс. лет.

◆ Петрозаводские археологи в районе Шелтозера обнаружили стоянки с могильниками эпохи мезолита. Среди вещей — топоры из камня, стамески, скребки, шлифовальные плиты и другие орудия труда.

◆ Нижнеамурский отряд Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного научного центра АН СССР провел раскопки курганного могильника XI в. на р. Анюе. Найдена могила воина, в которой оказались остатки пояса, украшенного серебряными бляшками, меч в ножнах, наконечники стрел и впервые на Дальнем Востоке — остатки седла с железными оковками, лукой и полком. Там же лежали подпружные и уздечные пряжки, железные и бронзовые бляшки, стремяна и удила.

◆ Очередная экспедиция в Архангельскую область, организованная Институтом русской литературы (Пушкинским домом) АН СССР и Отделом редких книг Ленинградского университета, собрала образцы средневекового книжного искусства, включая рукописную книгу в кожаном переплете с металлической застежкой первой половины XVIII в. из с. Пучуга. Одна ее треть — это азбуковник с текстами о людях, зверях, птицах и временах года. К нему приложены «Повесть о Тимофее Владимирском», «Сказание о запустении Вавилонского царства и шапке Мономаховой», «Летопись о построении града Суздаля». В другом рукописном сборнике (XIX в.) из с. Борок впервые в рукописном наследии Севера обнаружены «Повесть о Трое» и «Повесть про топопа Терентия».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

60-ЛЕТИЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПОЛЬСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В ноябре 1978 г. польский народ отмечал 60-ю годовщину восстановления государственной независимости Польши. В телеграмме, направленной по этому случаю Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым Первому секретарю ЦК ПОРП Э. Гереку и Председателю Государственного совета Польской Народной Республики Г. Яблоньскому, говорилось: «Это знаменательное событие неразрывно связано с победой Великой Октябрьской социалистической революции. Декрет, подписанный В. И. Лениным, открыл путь для воссоздания самостоятельной польской государственности. В межвоенный период антинародная, противоречащая национальным интересам политика польской буржуазии привела страну к катастрофе. Новая эра в ее многовековой истории была открыта в результате освобождения Польши от фашистских захватчиков Советской Армией и сражавшимся с ней плечом к плечу Войском Польским. На польской земле родилось государство рабочих и крестьян, подлинно свободное и независимое...»¹.

В ознаменование 60-летия возрождения Польши 8 ноября 1978 г. в Варшаве открылась юбилейная научная сессия Польской АН на тему «Независимость, ее значение для развития польского общества». В ней участвовали секретарь ЦК ПОРП А. Верблян, заведующие отделами ЦК ПОРП: науки и просвещения — Я. Мацишевский, идейно-воспитательной работы — Е. Мушиньский, видные польские историки, представляющие все научные центры страны, а также ученые ГДР, СССР и Чехословакии.

Сессию открыл президент ПАН В. Новацкий. Мы собрались сегодня, сказал он, в связи с 60-й годовщиной возрождения, после более чем векового периода пора-

божения независимого Польского государства. Это было знаменательное событие в истории польского народа. Возрождение государства было результатом не затихавшей ни на миг национально-освободительной борьбы польского народа, доказательством неиссякаемости его жизненных сил, стремления к социальному прогрессу. Самоотверженные усилия народа принесли успех, так как возникла благоприятная внешнеполитическая обстановка: крушение монархий, разделивших Польшу. Решающую роль сыграла при этом Великая Октябрьская социалистическая революция, которая открыла новую эпоху в истории человечества. В годы второй мировой войны в Польше сформировалась и победила новая политическая линия — на развитие страны по пути социалистических преобразований; в ходе их полностью проявились созидательные силы польского народа.

Доклад «Утрата государственности и пути ее восстановления» сделал С. Кеневич. Причины возрождения независимости Польского государства в 1918 г. старая историография видела как во внешних, так и во внутренних условиях того времени. Внешние причины сводятся к международной обстановке, которая была в конце первой мировой войны исключительно благоприятной для польского народа (конфликт между державами, разделившими Польшу, Великая Октябрьская социалистическая революция, победа Антанты в войне). Не отрицая значения международного фактора, докладчик сосредоточил внимание на путях, которыми польское общество пыталось идти к независимости. К их числу он отнес: соглашение с одной из держав, разделивших Польшу, о хотя бы частичном восстановлении ею Польши; дипломатия и воздействие на правительства и общественное мнение Западной Европы, чтобы они пришли на помощь Польше; легальная оппо-

¹ «Правда», 7.XI.1978.

зияция, сводившаяся к защите прав поляков, особенно на парламентских форумах; создание за границей польских вооруженных частей, которые возвратились бы в страну с оружием в руках; вооруженные восстания как классическая форма борьбы за независимость между 1794 и 1863 гг.; социальная революция, тесно переплетенная с национально-освободительным движением; традиции борьбы «За нашу и вашу свободу», воплощенные в связях польских патриотов с революционерами других стран, и прежде всего России; так называемый органический труд, включающий все формы неполитической активности, особенно внедрение национального самосознания в массы.

Выбор того или иного пути был обусловлен классовыми интересами различных социальных групп и зависел от меняющейся политической ситуации. По мнению С. Кеневича, каждый из названных путей в какой-то мере содействовал возрождению Польши в 1918 году. Об этом свидетельствуют такие, например, факты, как существование польских административных кадров в автономной Галиции, великопольские и силезские восстания, участие многих поляков в Октябрьской революции. Независимая Польша, продолжал докладчик, возрождалась 60 лет тому назад в атмосфере острой политической борьбы, поскольку каждый лагерь — от консервативного до революционного — представлял себе государство иначе и выступал за свои пути достижения независимости. Польское буржуазное государство, которое образовалось в результате войн, договоров и компромиссов, полностью не удовлетворило никого, а многих разочаровало, хотя его появление и дало определенные шансы тем полякам, которые оказались в его границах.

Доклад «Возрождение государства — проблема границ» представил Т. Ендрушак. Напомнив о том, как представляли себе территориальные рамки будущего Польского государства отдельные политические группировки, он подчеркнул, что в 1917—1918 гг., несмотря на то, что идея независимости Польши приобретала на международной арене все более широкую поддержку, вопрос о ее границах оставался открытым. В самых общих чертах формулировал эту проблему и первое, сформированное в Люблине в ночь с 6 на 7 ноября 1918 г. правительство И. Дашиньского. В изданной им прокламации говорилось о том, что Польское государство должно охватывать

все земли, обитаемые польским народом, и иметь собственное морское побережье.

Восстановление государства происходило в условиях большого патриотического подъема и обострения классовой борьбы на польских землях. Однако если становление органов его центральной власти шло относительно быстро (в феврале 1919 г. уже начал свою работу избранный в результате парламентских выборов сейм), то складывание его территории было трудным и длительным процессом. Установленные в результате его границы не отвечали политическим, стратегическим и экономическим интересам польского народа. Главной проблемой межвоенной Польши было наличие в ней многочисленных национальных меньшинств (главным образом украинцев и белорусов). Несмотря на это, возрождение собственного государства стало поворотным моментом в новейшей истории польского народа. В докладе содержался краткий обзор тех территориальных проблем, которые восстановленной Польше пришлось решать в первые годы своего существования.

Споры о политическом и национальном облике восстановленного государства, происходившие в 1918—1939 гг., охарактеризовал в своем докладе Р. Вапиньский. Если говорить об идейно-политических течениях, то в этих спорах принимали участие революционное, реформистское, буржуазно-демократическое, либерально-буржуазное, буржуазно-националистическое и консервативно-помещичье (охранительное) течения. Подавляющее большинство польских политических партий либо полностью одобрило господствующий социально-экономический строй, либо высказывалось лишь за его постепенную эволюцию. Мнения этих партий в области национальной политики могут быть сведены к трем основным точкам зрения.

Первая, защищаемая националистическим течением, сводилась к концепции «присоединения» и мысли о том, что единственным хозяином государства должен быть лишь польский народ. Исходя из этого оно требовало ограничения политических прав национальных меньшинств. Другая точка зрения исходила из принципа совместной жизни различных народов в рамках республики. Демократическое течение, которое развивало эти идеи, высказывалось за введение в восточных воеводствах Польши территориально-национальной автономии. Оно наряду с коммунистами наиболее последовательно преодолевало националистические

представления о Польском государстве. Сторонники третьей точки зрения представляли тенденцию, которую обычно определяют как государственный, или консервативный национализм. Последний шел вразрез с развивавшимися в восточных районах страны национально-освободительными устремлениями. Наибольшей поддержкой эта концепция пользовалась в консервативно-помещичьих кругах. В целом это охранительное течение полностью выявило свой облик после государственного переворота 1926 года. Особое место в спорах о том, какой должна быть Польша, занимало революционное течение, представляемое прежде всего коммунистами. Для них главным вопросом был не национальный, а социальный. Они считали, что к устранению всяких форм угнетения, в том числе и национального, и ликвидации источника национальных конфликтов приведет взятие власти трудящимися.

Затем на сессии выступили иностранные гости. Главный редактор журнала «Вопросы истории», чл.-корр. АН СССР В. Г. Трухановский передал участникам сессии поздравления от Президиума АН СССР. Восстановление независимости Польши, сказал он, — это крупнейшее событие в жизни польского народа. История России и Польши сложилась таким образом, что Великая Октябрьская социалистическая революция и возрождение польской государственности оказались тесно связанными между собой. Победа революции в России открыла эпоху великих исторических перемен. Свержение царизма и появление первого в мире государства рабочих и крестьян дали мощный толчок мировому революционному процессу. Рухнули Германская и Австро-Венгерская империи. Этот революционный процесс дал польскому народу возможность реализовать свое право на независимость, за которую он вел столь долгую и нелегкую борьбу.

Хорошо известно, продолжал оратор, что уже в прошлом веке на знаменах польских национально-освободительных восстаний пламенел девиз «За нашу и вашу свободу». История освободительной борьбы польского народа является историей сотрудничества демократов и революционеров двух наших стран. Более трети века назад волею трудящихся была создана социалистическая Польша. Братские интернационалистские связи между советским и польским народами получили широкое развитие во всех областях. Советские люди искренне

радуются успехам народной Польши. Стремительны темпы развития ее экономики, культуры и науки. Вместе с Советским Союзом и другими социалистическими странами она ведет активную борьбу за избавление человечества от угрозы новой мировой войны, строит здание международной безопасности и сотрудничества. В заключение В. Г. Трухановский пожелал польским историкам успехов в изучении новейшей истории их страны.

От ученых ГДР участников сессии приветствовал вице-президент ее АН Г. Шель, а от ученых Чехословакии — В. Пеша.

В прениях по докладам выступили М. Дроздовский, Г. Зелиньский, Г. Батовский, Р. Бендер, Г. Лябуда, М. Згурьяк. Ими была, в частности, рассмотрена роль вмешательства государства в экономику, которое в известной мере содействовало развитию промышленности Польши, показано значение, какое для возрождения государственности имело вовлечение в этот процесс самых широких масс населения.

Итоги пленарного заседания подвел секретарь ПАН Я. Качмарек. Утрата на полтора века независимости, сказал он, не лишила поляков стремления к созданию собственного государства и способности осуществить эту цель. Доклады и выступления в прениях, отметил оратор, отличались высоким научным уровнем и объективностью. Это радует тем более, что речь идет о новейшей истории польского народа, участниками которой, более или менее активными, являлись многие из тех, кто выступал сегодня на сессии. Она стала свидетельством прогресса в области методологии истории, а также доказательством существенных успехов польской историографии в изучении важного периода в истории Польши. Доклады и дискуссия по ним будут стимулом для дальнейших исследований в этой области. Сравнение нынешней Польши с межвоенной является доказательством того, что польский народ умеет делать выводы из уроков истории, а польские историки умеют анализировать новейшую историю своей страны как процесс и общественной эволюции, и социальной революции. Глубокая суть, подчеркнул оратор, заключена в том, что опыт минувшего 60-летия органически связан с новой эрой в истории человечества. Это — убедительное свидетельство того, что дальнейшее развитие Польши будет проис-

ходить во все более тесной связи с историей социализма.

Работа сессии продолжалась в трех проблемных секциях. В секции истории культуры Я. Жарновский охарактеризовал роль культуры в освободительных устремлениях польского народа. А. Клоковская представила доклад на тему о формах и роли массовой культуры в независимой Польше, а В. Карвацкий посвятил свое выступление тематике национального и социального освобождения в народном творчестве. В секции социально-экономической истории Ф. Рышка сделал доклад «Общество — нация — государство XIX—XX вв.». Ю. Хлебовчик рассмотрел национальный и социальный вопрос в Центральной Европе после первой мировой войны, а Я. Моленда охарактеризовал влияние процесса складывания современной нации на ее борьбу за независимость. В секции политической истории были заслушаны выступления А. Айненкеля о плебисцитах в Польше и Европе после первой мировой войны, П. Лоссовского об отношениях Польши с соседями в 1918—1939—1978 гг. и М. Войцеховского «Свободный город Гданьск и Польша».

9 ноября продолжалась работа проблемных секций. В секции истории культуры были прочитаны доклады: Б. Ячевского «Функция науки в возрожденном государстве в 1918—1978 гг.», Б. Суходольского «Картина жизни гражданина в свободной Польше» и С. Треугутта «Международная позиция польской литературы». В секции социально-экономической истории доклады сделали: М. Дроздовский — «Экономические аспекты укрепления независимости», Я. Шимандерский — «Структура руководящего слоя межвоенной Польской республики», Я. Борковский — «Крестьяне перед лицом собственного государства». В секции политической истории Л. Тшецяковский представил доклад «Польская эмиграция в стремлении к независимости», а темой выступления А. Чубиньского было «Рабочее движение в борьбе за национальное и социальное освобождение».

На заключительном пленарном заседании с докладом «Восстановление независимости в перспективе 60-летия» выступил Я. Мацишевский. В судьбах межвоенной Польши, сказал он, решающую роль сыграло то, что часть польского общества, особенно имущие классы, считала, будто восстановленное государство является про-

должением существовавшей до разделов шляхетской Речи Посполитой. Из опыта истории делались часто превратные и в результате вредные для польского народа выводы. За это ему пришлось заплатить трагическую цену в 1939—1945 годах. Несмотря на уроки истории, после 1918 г. была предпринята попытка осуществления концепции многонациональной Польши, втянутой в территориальные споры почти со всеми соседями, направившей свои главные политические усилия, а в 1919—1920 гг. также и военные, на Восток и неверно оценившей проблему западных и северных земель. Концепции польских имущих классов подрывали фундамент, на котором была основана независимость Польши: революционный ленинский принцип самоопределения наций.

Затем докладчик остановился на том, как в межвоенные годы решалась проблема ликвидации исторической отсталости Польши. Не отрицая предпринимавшихся тогда усилий, необходимо, сказал он, признать, что в то время не удалось решить ни одной из основных проблем социально-экономического развития страны. Нерешенной осталась социальная проблема: уровень жизни, состояние здоровья и условия труда рабочих и крестьянских масс не улучшились. Безработица являлась кошмаром городов, она имела место и в деревне; слишком медленным был темп индустриализации. Но в то же время в общий баланс новейшей истории Польши период 1918—1939 гг. внес и свой ценный вклад. Упрочилось национальное единство поляков. Существование собственного государства способствовало значительному росту общественного и классового сознания народных масс. Возникла возможность более полного развития национальной культуры и просвещения, хотя их доступность для широких масс и оставалась ограниченной. Независимое государство обучило и подготовило определенное число высококвалифицированных кадров. Начались процессы, представлявшие собой отправной пункт будущего экономического развития: попытки индустриализации страны, развития ее морского хозяйства, создания собственного научно-технического потенциала.

Высказанное ППР, а затем ПОРП убеждение в необходимости выбора нового пути созидания, укрепления и развития польской государственности, следования иной политической концепции легло в основу возрожденной после второй мировой войны

народной Польши, которая стала новым качественным этапом национальной истории. Она сформировалась как этнически однородное государство, которое вернулось на старые польские земли; как государство, внешнеполитические союзы которого стали наряду с собственным потенциалом надежной гарантией безопасности и нерушимости его границ.

В прениях приняли участие Г. Лябуда и С. Урбаньчик. Выступивший затем чл.-корр. АН СССР Ц. А. Степанян сказал, что восстановление в 1918 г. независимости Польши и ее социалистическое развитие после второй мировой войны являются ярким примером горжества ленинской национальной политики. Оценивая социальные процессы XX в., историки всегда будут подчеркивать определяющую роль трех крупнейших событий. Главное из них — первая в истории человечества победоносная социалистическая революция, в корне изменившая ход мирового развития. В победу Великого Октября внесли свой вклад представители многих народов, в том числе и польского. Без победы Октября не была бы достигнута и независимость Польши. Второе крупное событие XX в. — разгром фашизма во второй мировой войне при решающем участии советского народа. Большую роль в борьбе с фашизмом сыграли, как известно, и польские патриоты. Без этого не могло быть и речи о расцвете польской социалистической государственности. Третье крупнейшее событие нашего века — возникновение мировой системы социализма. Неуклонное укрепление сотрудничества братских стран социализма

играет огромную роль в развитии Польши и других социалистических стран.

Итоги работы отдельных секций представили их председатели — Г. Лябуда, Ю. Халасиньский и Ю. Кеневич. Они подчеркнули плодотворность дискуссии и необходимость продолжения исследований по истории возрождения Польши. В ходе работы секции истории культуры была, с одной стороны, показана непрерывность развития польской культуры как в межвоенное 20-летие и в годы гитлеровской оккупации, так и в народной Польше, а с другой — отмечены значительные достижения культуры и науки за 60-летний период. В секции социально-экономической истории было, в частности, констатировано, что неоспоримый вклад в восстановление польской государственности и ее упрочение внесли крестьяне, которые мечтали о Польше, но не о помещичьей, а о народной. В секции политической истории была затронута роль проведенных после первой мировой войны плебисцитов в территориальном размежевании Европы и в том числе в формировании границ Польши. Была показана также происшедшая в течение 60 лет независимости эволюция в отношениях Польши с соседями.

Закрывая сессию, секретарь Отделения общественных наук ПАН В. Маркевич отметил, что в докладах и прениях, в которых приняли участие около 50 ученых, нашли отражение исторические достижения польского народа за 60 лет после восстановления независимости. Материалы сессии будут опубликованы.

И. В. Созин

VIII КОНФЕРЕНЦИЯ СОВЕТСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ИСТОРИКОВ

6—8 июня 1978 г. в Москве состоялась VIII конференция советских и французских историков*. Она была организована Национальным комитетом историков Советского Союза и Национальным комитетом историков Франции при участии Ин-

ститута всеобщей истории АН СССР. В конференции участвовали ученые из Москвы, Ленинграда, Еревана, Тбилиси, Казани, Одессы и делегация французских историков в составе: председатель Национального комитета историков Франции М. Девез (Реймс), А. Собуль (Париж), Э. Леви (Страсбург), Л. Тренар (Лилль), М. Балар (Реймс), П. Барраль (Нанси) и Ж. Вэнстайн (Париж).

Открывая конференцию, заместитель академика-секретаря Отделения истории АН

* I конференция имела место в Париже в 1958 г., II — в Москве в 1961 г., III — в Париже в 1966 г., IV — в Ереване в 1969 г., V — в Париже и Тулузе в 1971 г., VI — в Москве в 1973 г., VII — в Париже и Дижоне в 1976 году.

СССР чл.-корр. АН СССР С. Л. Тихвинский проанализировал развитие сотрудничества между советскими и французскими историками за 20 лет, прошедшие с первой встречи. Присутствовавшие почтили память А. З. Манфреда — видного советского ученого, который был душой всех предыдущих конференций. От французских коллег соответным словом выступил А. Собуль, который выразил удовлетворение совместной работой и надежду, что работа конференции окажется успешной.

В первый день конференции обсуждалась тема «Экономические и культурные связи Востока и Запада на Черном море в эпоху античности и средних веков (до XVI в.)». Чл.-корр. АН СССР З. В. Удальцова посвятила свой доклад типологической специфике византийской культуры, проанализировав ее особенности: слияние западных и восточных элементов культуры, сохранение в значительных масштабах традиций античности, господство «государственных доктрин», культ империи и императора, централизация и унификация культуры под воздействием концепций константинопольской аристократии.

Э. Леви выступил с докладом «Скифский мираж». Он остановился на «скифском парадоксе», который, по его мнению, заключается в том, что для греков благодаря существованию греческих колоний в Причерноморье и торговым связям скифы представляли «известный народ», а вследствие удаленности многих скифских владений — «народ, отчасти воображаемый». Поэтому в самых ранних греческих источниках можно выявить в изображении скифов два направления: реалистическое и идеализирующее, и только в «классическую эпоху» тенденция идеализации скифов уступает место точным знаниям.

Е. С. Голубцова доложила о «Роли системы полис — хора в истории Причерноморья», изучение которой имеет важное значение для понимания закономерностей развития античного мира. Эпиграфический материал той эпохи позволяет уточнить термин «хора» и свидетельствует, что понятие «хора города» было значительно уже, чем понятие «сельская территория города». В припонтийских странах возникновение этой системы тесно связано с греческой колонизацией. И. Т. Кругликова коснулась темы «Археологические раскопки на территории античных государств Северного Причерноморья», выявив на материале археологических находок основные этапы развития связей греческих государств Северного Причерноморья со Средиземноморьем, а также особенности этих связей для разных районов.

М. Балар в докладе «Генуэзцы на Черном море в XIII—XIV вв.» отметил, что Черное море с 1260 г. стало перекрестком международной торговли, хотя монгольское нашествие изменило ее направление. Укрепилась экономическая и политическая роль Кафы (Феодосии), чему способствовала отдача византийским императором Михаилом VIII Палеологом Черного моря генуэзцам. Ж. Вэнстайн выступил с докладом «Порты в Крыму в начале оттоманского владычества (конец XV — начало XVI в.)». Он указал, что архивы Стамбула содержат важный материал для изучения крымской торговли. Исключительно ценными являются фискальные записи 1486 и 1490 гг. и документы султанского дивана. Русские источники гласят о довольно тесных связях Москвы с Кафой, где для царя, знати и церкви покупались дорогие ткани, пряности и другие товары. Турецкие источники косвенно подтверждают большой размах торговли с русскими в начале XVI века.

Сообщение М. М. Кобылиной «Импорт греческого искусства в Северное Причерноморье в IV—I вв. до н. э.» было посвящено памятникам искусства греческого происхождения, найденным в Северном Причерноморье. С. А. Беляев остановился на проблеме «Международные связи раннесредневекового Херсонеса», доказывая, что этот город сыграл заметную роль в истории средневековой Руси. Касаясь более ранней эпохи, он высказал мнение, что потрясения, охватившие варварский мир в конце III — начале IV в., не причинили особого вреда Херсонесу, что подтверждается раскопками последних лет. Ю. Г. Виноградов остановился на новых эпиграфических материалах Юга СССР, особенно на частном письме на свинцовой пластинке конца VI в. до н. э., написанном неким Ахиллодором и обнаруженном в 1970 г. на о-ве Березань.

А. П. Новосельцев в выступлении «К вопросу об этническом составе населения Крыма в IX—XV вв.» отметил, что еще с античных времен население полуострова отличалось этнической пестротой. Наряду с автохтонами там появились греки. Довольно древним был ираноязычный массив скифов, затем сарматов. В период древ-

негерманского переселения тут появились готы. Процесс расселения славян в Крыму приходится на IX—XI вв., но еще в V—VIII вв. сюда могли попадать отдельные их группы.

Второй день конференции был посвящен 200-летию со дня смерти Ф.-М. Вольтера и Ж.-Ж. Руссо. В докладе Л. Тренара «Влияние Вольтера на развитие экономических и социальных идей XVIII в.» нашли отражение вопросы, связанные с выработкой представлений об экономической, демографической и социальной среде, причем указывалось, что труды Вольтера способствовали появлению научного интереса к материальным условиям жизни людей.

А. Д. Люблинская (Ленинград) рассмотрела тему «Вольтер и история в «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера», подробно остановившись на полемической статье Вольтера «История», написанной в 1756 году. Рассуждая о достоверности и недостоверности историй, автор доказывал, что достоверность основана лишь на математической доказуемости, в истории же таковой нет, и потому остается лишь высокая степень вероятности. Таким образом, для Вольтера, как полагает А. Д. Люблинская, история обладала лишь большей или меньшей степенью вероятности. П. Р. Заборов (Ленинград) в докладе «Из истории русского вольтерьянства» проследил упоминания о Вольтере в российской художественной литературе XVIII — начала XIX в., когда имя Вольтера стало синонимом великого человека и высшего авторитета. Позднее его образ приобрел черты чрезвычайно противоречивой личности. И. И. Сиволан показала, что А. Н. Радищев хорошо знал многие произведения Вольтера, часто к ним обращался и сочувственно отзывался об общественно-политической деятельности их автора. Примерами из творчества Вольтера и Радищева И. И. Сиволан выявила также коренное различие в оценке ими восстаний народных масс.

Л. Л. Альбина (Ленинград) охарактеризовала Вольтера как читателя исторической литературы. Его пометки позволяют судить о его интересах и методике подготовки к написанию исторических трудов, свидетельствуют о его строгих требованиях к работе историка. Т. П. Воронова (Ленинград) остановилась на ходе подготовки Государственной публичной библиотекой имени М. Е. Салтыкова-Щедрина издания маргиналий Вольтера, чему предшествовала

длительная работа, начавшаяся еще в 1930-е годы. Публикация охватит весь корпус пометок Вольтера на полях читанных им книг. К печати подготовлены уже четыре тома.

В. М. Далин в докладе «Руссо в оценке Бабефа» показал, что Г. Бабеф знал произведения Руссо еще до 1789 г., неоднократно цитировал «Речь о неравенстве», внимательно читал «Общественный договор» и обратил внимание на те места этого сочинения, которые привлекли позднее внимание К. Маркса. Самым важным у Руссо для Бабефа в политическом отношении были народный суверенитет и недоверие к представительным формам. Однако Бабеф не только восхищался Руссо, но и критиковал его, в частности его отношение к религии и некоторые тезисы «Эмиля» и «Общественного договора». Г. С. Кучеренко коснулся влияния Руссо на С. Марешаля, активного участника Французской буржуазной революции конца XVIII века.

А. Собоуль выступил с докладом «Восприятие руссоизма в эпоху Великой Французской революции (по народным альманахам)», охарактеризовав аудиторию Руссо. По мнению докладчика, требования парижских санкюлотов несут на себе отпечаток руссоизма. Он проследил также картину развития альманахов и превращения их из развлекательного чтения в орудие народного просвещения и политической пропаганды.

Акад. АН Армянской ССР А. Р. Иоанисян (Ереван) в докладе «Доктрина Руссо и радикальный эгалитаризм в эпоху Великой Французской буржуазной революции» проанализировал указанное течение, опиравшееся на идеи Руссо. Его представители пришли к выводам, которых сам Руссо не делал, но которые объективно вытекали из его учения и отражали чаяния городской и сельской бедноты. Докладчик считает, что, хотя Руссо не стоял у истоков социализма, косвенно его идеи оказали влияние на становление французского утопического социализма. В. С. Алексеев-Попов (Одесса) выступил с сообщением «Руссо и борьба направлений в Просвещении», осветив два вида эгалитаризма: дистрибутивный и социально-критический. Он считает, что критический эгалитаризм Руссо интегрировал интересы третьего сословия.

М. Н. Соколова проследила связь концепций Ренессанса с теориями французского утопического социализма, в частности

осветила вопрос об отражении «Утопии» Т. Мора во французской общественной мысли.

Третий день коллоквиума был посвящен теме «Сельская община в России и аграрная Франция XIX—XX вв.». С докладом «Взаимоотношения классов во французском сельскохозяйственном синдикализме (1880—1950 гг.)» выступил П. Барраль. Он говорил об антагонизме двух больших течений в сельскохозяйственном синдикализме, одно из которых утверждало некое единство сельского мира перед лицом города как «общего врага», а другое противопоставляло интересы тружеников деревни капиталистическому городу и призывало к классовой борьбе крестьян в союзе с рабочим движением.

А. М. Анфимов и П. Н. Зырянов доложили о «Крестьянской общине в пореформенной России (1861—1914 гг.)» и охарактеризовали интенсивную перестройку внутриобщинных отношений в пореформенный период, что было связано с ростом товарно-денежных отношений и расслоением деревни. В. А. Александров, говоря о «Типологии сельской общины в позднефеодальной России (XVII—начало XIX вв.)», касался особенностей сельских общин в разных районах страны (Урал, Сибирь, северорусские и южнорусские области) в связи с развитием различных форм феодальной зависимости крестьянства и неодинаковыми условиями освоения земель и хозяйственной деятельности на них. Ю. Г. Трунский (Казань) рассмотрел характерные черты эволюции французской деревни XIX—XX вв., скачкообразность этого развития, пережившего три этапа подъема: в начале XX в., в годы частичной стабилизации капитализма, после второй мировой войны. Он остановился на аграрных кризисах, росте арендных отношений и земельной ренты, формах использования наемного труда, интенсивности проникнове-

ния монополий в сельскохозяйственное производство Франции.

М. Девез выступил с докладом «Государственные леса и частные собственники леса (1870—1970 гг.)».

Л. В. Данилова («Русская сельская община в освещении новейшей историографии»), анализируя литературу об общине от раннего средневековья до реформы 1861 г., резюмировала, что столь длительному сохранению общины в России способствовали, в частности, особенности ее развития в средние века: всестороннее подчинение общины «черносошным людям» великокняжеской власти, распространение долевого землевладения, значительный удельный вес больших семей и патронимических объединений в сельском обществе.

Закрывая работу конференции, заместитель председателя Национального комитета историков Советского Союза А. О. Чубарьян подчеркнул, что регулярные встречи советских и французских историков имеют прочную традицию. Нынешняя встреча знаменательна тем, что были затронуты, помимо рассматривавшихся ранее тем по новой и новейшей истории, также проблемы античности, археологии, византиноведения. Их обсуждение интересно и продуктивно для специалистов. Это свидетельствует о расширяющихся возможностях таких встреч и их научной результативности.

В ответном слове М. Девез отметил, что встреча была чрезвычайно полезной, а программа работы заседаний — насыщенной и разнообразной. Она дала возможность французским историкам еще раз убедиться, сколь глубоко и всесторонне изучаются соответствующие темы в СССР, причем не только в Москве, но и в других городах. «Наши надежды полностью оправдались, и мы с готовностью подтверждаем наше желание встретиться в девятый раз вновь, уже во Франции», — сказал французский ученый.

А. С. Намазова

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры

ИСТОРИЯ ПРОФСОЮЗОВ В ТРУДАХ ФРАНЦУЗСКИХ ИСТОРИКОВ И СОЦИОЛОГОВ

Подъем рабочего движения во Франции после второй мировой войны привлек внимание французских историков и социологов к вопросам профсоюзного движения. Эти проблемы начинают занимать свое место в общих трудах по истории послевоенной Франции¹, написанных буржуазными авторами. Им уделяют значительное внимание буржуазные социологи². Увеличилось количество специальных исследований по истории профсоюзного движения. Появились труды ученых-марксистов на эту тему.

Одной из марксистских работ является книга Ж. Брюа и М. Пиоло «Очерки истории ВКТ»³. В популярной форме она освещает боевой путь Всеобщей конфедерации труда, причем значительная часть текста отведена послевоенному периоду. На основании многочисленных документов авторы раскрывают роль ВКТ в борьбе за социально-экономические требования трудящихся, демократию и мир. Вопросы профсоюзного движения после войны затронуты также в работах историков-марксистов П. Делона и Ж. К. Пулена о христианском синдикализме⁴. Достижением марксистской историографии была вышедшая под редакцией Ж. Жаке с предисловием Б. Фрашона коллективная работа по истории железнодорожников⁵, в которой широко использованы архивные материалы и профсоюзные документы.

В конце 60-х годов публикуются труды видных деятелей ВКТ Б. Фрашона и А. Кразюки⁶. Двухтомник Б. Фрашона «В ногу с жизнью» — это летопись истории ВКТ за 1944—1967 гг., насыщенной событиями, имевшими важнейшее значение для профсоюзного движения во Франции. Книга не только освещает роль ВКТ в движении Сопротивления, в борьбе за восстановление экономики и демократию после войны, за единство профсоюзного движения, но и содержит аргументированную критику различных буржуазных и реформистских теорий по вопросам профсоюзного движения. Эта черта характерна и для работы А. Кразюки «Профсоюзы и классовая борьба».

В труде генерального секретаря ВКТ Ж. Сеги в популярной форме анализируются майско-июньские события 1968 года. Автор подробно рассматривает социально-экономические причины политического кризиса 1968 г., показывает роль рабочего класса и ВКТ в этих событиях, освещает взаимоотношения ВКТ с другими профцентрами, со студенчеством. Разоблачая реформизм, Ж. Сеги вместе с тем вскрывает не-

¹ J. Fauvet. La IV-e République. P. 1959; C. Chapsal. La France depuis 1945. Tt. I—III. P. 1962; G. Elgey. La République d'illusions 1945—1951 ou la vie secrète de la IV République. P. 1965; P. Durand. Vingt ans. Chronique 1945—1965. P. 1965.

² F. Goguel. Le régime politique français. P. 1955; S. Mallet. La nouvelle classe ouvrière. P. 1963; F. Goguel et A. Grosser. La politique en France. P. 1970.

³ J. Bruhat, M. Piolot. Esquisse d'une histoire de la CGT (1895—1965). P. 1966. Первое издание вышло в 1958 году. Русский перевод: Ж. Брюа, М. Пиоло. Очерки истории Всеобщей конфедерации труда. М. 1959.

⁴ P. Delon. Le syndicalisme chrétien en France. P. 1961; J.-C. Poulain. L'Eglise et la classe ouvrière. P. 1961.

⁵ «Les cheminots dans l'histoire sociale de la France». P. 1967.

⁶ B. Frachon. Au rythme des jours. Rétrospective de vingt années de luttes de la CGT (textes choisis). Tt. I—II. P. 1967—1968; H. Krasucki. Syndicats et lutte de classes. P. 1969.

состоятельность левацких воззрений, их вред для рабочего и профсоюзного движения. «В наши дни, — пишет он, — гошизм становится идеологической подпоркой для наихудших антирабочих и антидемократических акций»⁷. Автор в заключение подчеркивает, что «эта страница истории французского рабочего движения написана не несколькими людьми, занимающими высокие профсоюзные посты, а десятками тысяч активистов, поддержанных миллионами трудящихся»⁸.

Большинство работ по истории профсоюзного движения Франции, вышедших в 50—60-х годах, принадлежит перу буржуазных и реформистских авторов. Наиболее значительны по объему книги Доллеана и Деова, Ж.-Д. Рейно, Ж. Адама, Ж. Лефрана⁹, но в них дано искаженное или одностороннее освещение проблем профсоюзного движения. Это типично также для работ профсоюзных деятелей, придерживающихся реформистских взглядов, — таких, как П. Ле Брен, или стоящих на левацких позициях, как А. Баржоне, Ж. Брон, А. Горц и А. Турэн¹⁰.

В трактовке деятельности профсоюзов после второй мировой войны в буржуазной историографии можно выделить два основных направления. Одно можно охарактеризовать как реакционное. Представители его не скрывают своего враждебного отношения к ФКП и ВКТ, искажают историю профсоюзного движения. К их числу относятся Ж. Адам, А. Бокель, П. де Калан, Ж. Лефран, Ж.-Д. Рейно. К другому направлению принадлежат работы таких авторов, как Э. Доллеан, А. Лезир-Огрель, Л. Прюньо, К. Шамбелан. Они могут быть охарактеризованы как объективистские. В них нет открытых антикоммунистических выпадов. Хотя их авторы и пытаются нарисовать более или менее объективную картину развития профсоюзного движения, по ряду вопросов многие из них занимают неверные позиции, порой смыкаясь в своих оценках с представителями реакционного направления.

Важное место в работах о профсоюзном движении занимает проблема роли профсоюзов в общественной жизни Франции. Представители реакционного направления утверждают, что после войны эта роль и влияние профсоюзов якобы уменьшаются. Авторы, принадлежащие к этому направлению, замалчивают большой вклад профсоюзов в возрождение экономики или ограничиваются, подобно Шапсалю, ироническими замечаниями относительно «стахановского движения» во Франции¹¹. В подтверждение падения роли профсоюзов ими обычно приводятся данные о сокращении численности профсоюзов после 1947 года. Подлинные причины этого явления при этом замалчиваются. Так, Ж. Лефран утверждает, что роль профсоюзов постепенно уменьшалась в связи с процессом депролетаризации. «Гипотеза о бесконечном разрастании пролетариата физического труда, — пишет он, — не подтвердилась. С разрастанием новых средних классов, психология которых отличается от психологии рабочих физического труда, профсоюзные конфедерации потеряли часть своей притягательной силы для категорий, которые они увлекали за собой еще 30 лет тому назад»¹².

Лефран искусственно ограничивает рамки рабочего класса и пытается представить дело таким образом, будто профсоюзы отражают в основном интересы неквалифицированных рабочих. В действительности же современный рабочий класс включает кроме них квалифицированных и высококвалифицированных рабочих, техников, рядовых инженеров и научно-технических работников. Удельный вес рабочего класса в общей массе лиц наемного труда в 50—60-е годы продолжал во Франции ра-

⁷ G. Ségu y. Le mai de la CGT. P. 1972, p. 185.

⁸ Ibid., p. 203.

⁹ E. Dolléans et G. Dehove. Histoire du travail en France. Tt. I—II. P. 1953—1955; J.-D. Reynaud. Les syndicats en France. P. 1964; G. Adam. La CFTC 1940—1958. Histoire politique et idéologique. P. 1964; G. Lefranc. Le syndicalisme en France. P. 1966; e jusd. Le mouvement syndical (De la Libération aux événement de mai — juin 1958). P. 1969.

¹⁰ P. Le Brun. Questions actuelles du syndicalisme. P. 1965; A. Barjonet. La CGT. Histoire, structure, doctrine. P. 1968; J. Bron. Histoire du mouvement ouvrier français. Tt. I—III. P. 1964—1973; A. Touraine. Le mouvement de mai ou le communisme utopique. P. 1968; e jusd. La société post-industrielle. P. 1969; A. Gorz. Reforme et révolution. P. 1969.

¹¹ C. Chap sal. Op. cit. T. II, p. 568.

¹² G. Lefranc. Le syndicalisme en France, pp. 132—133.

сти: в 1950 г. он составлял 67%, а в 1969 г. — 79%¹³. Вопреки утверждениям Лефрана, возрастает участие в профсоюзах инженерно-технических работников. Входящий в ВКТ Всеобщий союз инженеров, кадров и техников (ЮЖИКТ) насчитывал в 1968 г. 100 тыс., а к 1974 г. — 230 тыс. членов¹⁴. Лефран уверяет, что падение влияния профсоюзов вызвано также возрастанием социальных функций государства. В настоящее время профсоюзы, по его мнению, поражены рутинной, косностью и наилучшим выходом для них является огосударствление. Весьма близок к этой точке зрения Бокель, пишущий об участии профсоюзов в социальной и экономической деятельности государства¹⁵. Отталкиваясь от факта вхождения после войны представителей профсоюзов в такие органы, как Экономический совет, Высшая комиссия по коллективным договорам и другие, Бокель приходит к выводу, что профсоюзы перестают противостоять государству и все в большей степени начинают сливаться с ним. Л. Риу, выступавший в качестве постоянного обозревателя по профсоюзным проблемам в буржуазной прессе, также утверждает, что роль профсоюзов уменьшается и у них нет будущего¹⁶. После событий 1968 г. Лефран вынужден был пересмотреть свою точку зрения. В его работе, вышедшей в 1969 г., уже признается усиление роли профсоюзов. То же пришлось сделать Л. Риу¹⁷.

В нападках на профсоюзы и особенно на ВКТ, в отрицании их роли в общественной жизни с представителями реакционного направления смыкаются гошисты. Бывший секретарь ВКТ и руководитель центра экономических исследований А. Баржоне, вышедший из конфедерации после всеобщей забастовки 1968 г., рисует историю ВКТ как процесс бюрократизации и отрыва ее от масс. Он утверждает, что профсоюзы утратили свое бывшее значение. Это будто бы показали события 1968 г., когда ВКТ, по его словам, была дезориентирована своими лидерами Б. Фрашоном, Ж. Сеги, Л. Море и отказалась поддержать выступления студенчества. Вообще в ходе майско-июньских событий, как уверяет Баржоне, проявился крайний консерватизм ВКТ¹⁸. Эту точку зрения разделяют Бошар и Брюзек. По их мнению, профсоюзы игнорировали восстание студенчества и выступили лишь тогда, когда невозможно было оставаться в стороне. А. Турэн, в свою очередь, пишет, что роль профсоюзов падает, так как в современном обществе в центре борьбы находится якобы уже конфликт не между профсоюзами и капиталистами, а между технократами и управляемыми¹⁹.

Представители объективистского направления считают, что с изменением структуры наемной армии труда, особенно в связи с развертыванием научно-технической революции, необходима реорганизация профсоюзов. Последняя мыслится ими на реформистской основе. Характерно, что в работах Долеана, Шамбелана и других предпочтение отдается таким организациям, как Французская конфедерация христианских трудящихся (ФКХТ) и «Форс увриер», явно преуменьшается роль ВКТ. Бывший секретарь ВКТ П. Ле Брен утверждает, что профсоюзное движение должно отказаться от старых догм и представлений²⁰, под которыми он подразумевает принципы классовой борьбы и пролетарского интернационализма, сочетания экономической и политической деятельности профсоюзов. О необходимости реорганизации профсоюзов пишет и левый социалист С. Малле. Нападая на «догматизм» ФКП и ВКТ, он пытается доказать, что научно-техническая революция порождает «новый рабочий класс», обладающий высокой культурой и не являющийся революционным в классическом смысле, то есть не стремящийся к захвату политической власти любой ценой и вы-

¹³ «Рабочий класс — ведущая сила мирового революционного процесса». М. 1973, стр. 58.

¹⁴ М. В. Каргалова. Франция: профсоюзы и научно-техническая революция. М. 1975, стр. 97—98.

¹⁵ A. Bockel. La participation des syndicats ouvriers aux fonctions économiques et sociales de l'Etat. P. 1965.

¹⁶ L. Rioux. Ou va le syndicalisme? P. 1960, p. 23.

¹⁷ L. Rioux. Clefs pour le syndicalisme. P. 1972.

¹⁸ A. Barjonet. Op. cit., pp. 151—152.

¹⁹ Ph. Bauchard, M. Bruzek. Le syndicalisme à l'épreuve. P. 1968, pp. 73—74; A. Touraine. La société post-industrielle, p. 101. Подробнее критика взглядов Турэна дана в книге «Трудовая Франция против власти монополий». М. 1973.

²⁰ P. Le Brun. Op. cit., p. 95.

ступающий против разрушения существующего аппарата производства. Взгляды «нового рабочего класса» отражают якобы новые профсоюзы, например, инженерно-технических работников химического производства, нефтяников, металлистов, независимо от того, принадлежат ли они к ВКТ, «Форс увриер» или Французской демократической конфедерации труда (ФДКТ), образовавшейся в 1964 г. на базе левого большинства христианских синдикатов. По мнению Малле, «новый рабочий класс» и его профсоюзы усматривают свою задачу в приобретении определенного экономического влияния и мирном изменении общественных отношений²¹.

Таким образом, и реакционные и объективистские авторы исходят в данном случае из теории депролетаризации, в основе которой лежит реакционная идея отрицания роли рабочего класса как главной революционной силы нашей эпохи.

Известное уменьшение численности французских профсоюзов после 1947 г. действительно имело место. Однако оно было вызвано не уменьшением их роли, а политикой правящих кругов, раскольнической деятельностью реформистских профлидеров. Кроме того, в 60-е годы процесс сокращения рядов профсоюзов приостановился и сменился хотя и медленным, но все же ростом их численности. Это ясно видно прежде всего на примере ВКТ. Если в 1959 г. она объединяла 1,6 млн., то в 1969 г. уже 2,3 млн. трудящихся. Только после всеобщей забастовки 1968 г. в ряды конфедерации влились 400 тыс. новых членов. История профсоюзного движения и особенно ВКТ после войны показывает возрастающую роль профсоюзов в борьбе за социально-экономические права трудящихся, за демократию и мир. Участие после войны представителей профсоюзов в различных органах вроде Экономического совета, административных советов предприятий, Высшей комиссии по коллективным договорам свидетельствует не о слиянии профсоюзов с государством, а о невозможности решить те или иные вопросы социально-экономического развития Франции без профсоюзов. Их роль и влияние были наглядно продемонстрированы во время событий 1968 года. Вопреки утверждениям гошистов профсоюзы, в первую очередь ВКТ, а не студенческие организации, были главной силой, заставившей монополию пойти на серьезные уступки, в том числе на принятие в декабре 1968 г. закона о правах профсоюзов на предприятиях.

Не выдерживает критики и теория реорганизации профсоюзов, проповедуемая Ле Бреном и Малле. Если и происходит в последние годы перестройка профсоюзов, то она заключается не в отказе от принципов классовой борьбы, а в принятии их рядом профсоюзов, в прошлом стоявших на реформистских позициях. Об этом говорят эволюция христианских синдикатов, усиление прогрессивного направления в профсоюзах, примыкающих к «Форс увриер», и автономных. В целом сдвиг влево в профсоюзном движении капиталистических стран, отмеченный XXV съездом КПСС²², происходит и во Франции.

В свое время М. Торез писал о том, что «рабочий класс намерен отметить и разоблачать все теории, цель которых помешать развертыванию его сил»²³. Помня об этом, ВКТ решительно выступает против принижения и отрицания роли профсоюзов. В периодических изданиях ВКТ, в многочисленных брошюрах разъясняется роль профсоюзов и необходимость вступления в них трудящихся. Большое внимание уделяется разоблачению мелкобуржуазных концепций гошистов. Отвечая критикам типа Баржоне, секретарь ВКТ А. Кразюки писал: «Быть революционером это не значит произносить пламенные речи, это значит действовать вместе с массами и впереди масс трудящихся в борьбе против капиталистической эксплуатации, против капитализма, за изменение общественного строя»²⁴.

Актуальной является проблема отношений между профсоюзами и партиями, участия профсоюзов в политической борьбе. Представители реакционного направления считают, что профсоюзное движение теряет свою истинную сущность, если попадает под влияние той или иной политической партии и участвует в политической борьбе.

²¹ S. Mallet. *Op. cit.*; более подробно см.: Б. А. Ситников. Леворадикальные представления о классовой борьбе и профдвижении. «Рабочий класс и современный мир», 1975, № 3.

²² «Материалы XXV съезда КПСС». М. 1976, стр. 29.

²³ М. Торез. Новые данные об обнищании трудящихся Франции. М. 1966, стр. 67.

²⁴ H. Krasucki. *Op. cit.*, p. 95.

Этим объясняются их яростные нападки на ВКТ. Победу прогрессивного курса в профсоюзах после войны они рассматривают как результат некоего коммунистического заговора. Лефран утверждает, что коммунисты воспользовались отсутствием в стране до мая 1945 г. Л. Жуо, находившегося в гитлеровском концлагере, переходом в парламент с руководящих должностей в ВКТ социалистов Газье, Лакоста, Пино, колебаниями Л. Сайяна, чтобы захватить руководство конфедерацией. Лефран критикует ВКТ за то, что она активно борется за демократию, мир, за дружбу с советским народом, клеветнически обвиняя ее в том, что она действует по директивам Москвы. Эти вымыслы повторяет П. де Калан²⁵. Тесные связи ВКТ с ФКП вызывают резкие нападки и со стороны Л. Риу. Ссылаясь на совмещение отдельными лицами руководящих профсоюзных и партийных постов, он приходит к выводу, что в этих условиях нельзя помешать тому, чтобы линия ФКП проводилась внутри профсоюзных организаций. ВКТ автор определяет как форму партийного синдикализма²⁶.

Ж.-Д. Рейно повторяет Лефрана, когда пишет, что победа прогрессивного курса в ВКТ была случайной. Вместе с тем он упрекает ВКТ за то, что после ухода сторонников Жуо она становится все более политической, вмешивается в международные дела, то есть, по мнению этого автора, отходит от специфически профсоюзных проблем. Перечисляя «грехи» ВКТ, Рейно указывает, что в конце 1947 г. она требовала формирования правительства демократического единства, в 1948 г. оказывала сопротивление «маршаллизации» Франции, в 1949 г. боролась против присоединения ее к НАТО, в 1951 г. — против плана Шумана. Между тем то, что руководство «Форс увриер» выступало в поддержку планов Маршалла и Шумана, за участие Франции в Североатлантическом блоке, то есть занималось проблемами, по терминологии Рейно, далекими от специфически профсоюзных, не вызывает ни у него, ни у Лефрана никаких возражений. Более того, эти действия лидеров «Форс увриер» изображаются как действия в защиту европейского мира²⁷.

Влияние, которым пользуется в ВКТ коммунистическая партия, вызывает крайнее недовольство не только у реакционных, но и у левацких авторов. Они именуют его не иначе, как коммунистическим засильем. Так, А. Баржоне подвергает нападкам деятельность Фрагона, Мове и других видных руководителей ВКТ — коммунистов, утверждая, что ФКП навязывает профсоюзам свою позицию²⁸.

В работах, принадлежащих к объективистскому направлению, нет столь откровенных антикоммунистических выпадов и отрицания необходимости участия профсоюзов в политической борьбе. Но Доллеан и Деов склонны считать победу прогрессивного курса в ВКТ случайностью. Они обходят молчанием ее деятельность в защиту демократии и мира. Это характерно и для К. Шамбелан, которая отдает явное предпочтение реформистским центрам²⁹. П. Де Брен, признавая необходимость борьбы профсоюзов за демократию и мир, считает, однако, что ВКТ слишком много внимания уделяет политическим проблемам в ущерб социально-экономическим, которые должны быть в центре ее деятельности. Тем самым он, по существу, отрицает важность сочетания экономической и политической борьбы в деятельности профсоюзов. Обвиняя ВКТ в том, что она одобрила помощь, оказанную Советским Союзом в 1956 г. венгерским трудящимся в подавлении контрреволюционного мятежа, он фактически смыкается с теми, кто распространяет антикоммунистические и антисоветские измышления³⁰.

История ВКТ после войны свидетельствует о том, что победа в ней прогрессивного курса была следствием не коммунистического заговора и не случайностью, а результатом сдвигов в рабочем движении, происшедших под влиянием борьбы с фашизмом, победы Советского Союза в войне, роста авторитета ФКП, ослабления ре-

²⁵ G. Lefranc. *La crise du syndicalisme ouvrier en France*. P. 1953, p. 20; P. de Calan. *Les professions. Solution a la crise du syndicalisme*. P. 1965, p. 85.

²⁶ L. Rioux. *Clefs pour le syndicalisme*, pp. 153, 155.

²⁷ J.-D. Reynaud. *Op. cit.*, p. 92; C. Vidalenc. *Aspects du mouvement syndical français*. Bruxelles. 1953, p. 72.

²⁸ A. Barjonet. *Op. cit.*, p. 87.

²⁹ См. Ed. Dolléans et G. Dehove. *Op. cit.* T. II, p. 149; C. Chambelland. *Le syndicalisme ouvrier français*. P. 1956.

³⁰ P. Le Brun. *Op. cit.*, p. 95.

формизма. В годы войны левые деятели профсоюзного движения и в первую очередь коммунисты — такие, как Б. Фрашон, А. Толле и другие, сыграли видную роль в организации движения Сопротивления, создании нелегальных профсоюзов, в восстановлении единой ВКТ. В то же время правые профсоюзные лидеры типа Белена открыто предали интересы рабочего класса, пошли на сотрудничество с оккупантами и режимом Виши. После войны ВКТ в своем уставе подтвердила принцип независимости профсоюзов от политических партий³¹ и строго соблюдает его. Но в то же время она провозгласила принцип сочетания экономической и политической борьбы и отвергла теорию нейтральности профсоюзов, неоднократно заявляя о готовности сотрудничать с левыми партиями и организациями в борьбе за интересы трудящихся.

То, что буржуазные и реформистские авторы называют недостатком ВКТ — ее активное участие в политической борьбе, — является достоинством конфедерации. Ее история показывает, что это не только не мешало, а, напротив, содействовало борьбе за социально-экономические требования трудящихся. Борьба ВКТ за мир, против колониальных войн, за разрядку международной напряженности всегда тесно увязывалась с борьбой за увеличение заработной платы, улучшение условий труда, совершенствование системы социального обеспечения. Борьба за демократию всегда включала требования расширения прав профсоюзов, комитетов предприятий. Ф. Гогель отмечает, что профсоюзы после войны оказывали давление на членов Национального собрания, добиваясь принятия решений в пользу трудящихся, активно участвовали в парламентских выборах³². Именно сочетание экономической и политической борьбы превратило ВКТ после войны в силу, с которой должны серьезно считаться правящие круги Франции.

Значительное внимание привлекает проблема единства профсоюзного движения. Представители реакционного направления отвергают возможность такого единства и пытаются доказать, что «плюрализм» — естественное состояние профсоюзов. Такова точка зрения Ж. Адама, который утверждает, что отсутствие единства — это показатель подлинной свободы и профсоюзной демократии, а попытки объединения, предпринимавшиеся ВКТ, носят якобы тоталитарный и гегемонистский характер. Искажая историю ее борьбы за единство, он изображает дело таким образом, что, пока ВКТ недостаточно окрепла, она не ставила вопроса об организационном объединении с ФКХТ. Но в середине сентября 1944 г. новое руководство ВКТ якобы предъявило ФКХТ ультиматум, намереваясь поглотить последнюю, а после раскола 1947 г. ВКТ, будучи ослабленной и вынужденной больше считаться с другими профцентрами, вернулась к тактике единства действий³³. Лефран, отрицая возможность единства профсоюзов, считает, что профсоюзное движение перестает быть явлением чисто пролетарским. В него втягиваются служащие, крестьяне, мелкие предприниматели, инженерно-технические работники. Помимо того, причину раскола он видит в различной внешнеполитической ориентации профцентров, утверждая, что «французское профдвижение разрывается между теми, кто смотрит на Москву, Рим, Лондон или Вашингтон»³⁴.

В расколе ВКТ, осуществленном в 1947 г. реформистской группой Жуо, Лефран винит коммунистов. При этом он замалчивает ту роль, которую сыграли в организации раскола реакционные лидеры американских профсоюзов. Повторяя измышления Лефрана о том, что виновниками раскола ВКТ были коммунисты, Ж. Эльже вопреки фактам пытается снять ответственность за раскол с Жуо и его сторонников. «Леон Жуо, — пишет она, — не был сторонником раскола ВКТ. Он считал, что эта операция лишит профсоюзы эффективности»³⁵. В работах Доллеана и Шамбелан возможность единства профсоюзов не отвергается, но ответственность за его отсутствие также возлагается на ФКП и ВКТ. Эту точку зрения разделяет и социалист А. Капоччи, который объявляет главным препятствием для достижения профсоюзного единства позицию ФКП, «твердо придерживающейся положения о приводном ремне»³⁶.

³¹ См. «Status votes par le Congrès d'unité de 1936 modifiés par les XXVI-e et XXX Congrès nationaux». P. 1955, p. 1.

³² F. Goguel. Op. cit., p. 101.

³³ G. Adam. Op. cit., pp. 97, 109.

³⁴ G. Lefranc. La crise du syndicalisme ouvrier en France, pp. 6—7, 20.

³⁵ G. Elgey. Op. cit., p. 375.

³⁶ A. Capocchi. L'avenir du syndicalisme. P. 1969, p. 255.

Высокая степень единства, достигнутая французскими профсоюзами после войны,— свидетельство того, что единство профсоюзного движения достижимо и раздробленность вовсе не является естественным и обязательным его состоянием. Основой преодоления раскола в профсоюзах служит общность классовых интересов трудящихся в их борьбе против монополий. Конечно, развитие профсоюзного движения среди тех социальных слоев, которые раньше в нем не были представлены или участвовали недостаточно, объясняет появление после войны таких организаций, как Всеобщая конфедерация кадров или Федерация работников просвещения. Однако то, что ВКТ после войны объединяла большое число служащих, инженерно-технических работников, труженников сельского хозяйства, показывает несостоятельность доводов Лефрана. Нельзя согласиться и с тем, что в основе раскола лежит различная внешне-политическая ориентация профобъединений, хотя она и поддерживала состояние раскола. Очевидно, причины его следует искать в объективных условиях развития профсоюзного движения после войны, а также в действиях тех сил, которые заинтересованы в ослаблении позиций рабочего класса.

Нельзя забывать, что экономическое и политическое развитие Франции после войны содержало в себе не только факторы, способствующие объединению рабочего класса, но и порождало одновременно тенденцию к расколу его рядов. Быстрое пополнение профсоюзов в первые послевоенные годы за счет неорганизованных трудящихся, не имевших опыта классовой борьбы, создавало почву для сохранения и усиления анархо-синдикалистского течения в профсоюзном движении. Ведущая после войны буржуазная католическая партия МРП активно влияла на христианские профсоюзы, всячески мешая их объединению с ВКТ. Раскол ВКТ в 1947 г. стал возможен потому, что реформистские настроения среди части трудящихся не были тогда преодолены. В дальнейшем, в обстановке экономического подъема 50-х годов, эти настроения даже усилились. Вместе с тем нельзя не учитывать заинтересованность монополистических кругов Франции и США в расколе профсоюзного движения, активные раскольнические действия правого крыла руководства социалистической партии и реакционных лидеров Американской федерации труда.

Не выдерживают критики и попытки буржуазных и реформистских авторов исказить или умалить значение борьбы ВКТ за единство. Вся деятельность ВКТ говорит о том, что она всегда выступала поборницей единства действий, на основе которых стремилась к организационному единству профсоюзов. Выдвинутое ею осенью 1944 г. предложение об объединении с ФКХТ имело в виду коренные интересы трудящихся, а вовсе не поглощение последней. После освобождения Франции условия для такого объединения были благоприятными. В связи с тем, что это предложение было отвергнуто руководством ФКХТ, ВКТ тогда же, а не после раскола 1947 г., как уверяет Адам, предложила христианским профсоюзам единство действий в защиту основных требований трудящихся. После образования «Форс увриер» ВКТ неоднократно призвала этот профцентр к совместным действиям в борьбе за социально-экономические цели, демократию и мир. Опыт единых действий профсоюзов в годы IV Республики и особенно таких действий на современном этапе показывает, что последовательная борьба ВКТ за единство приносит положительные результаты. Об этом говорят соглашения, заключенные между ВКТ и ФДКТ, совместные выступления ВКТ, ФДКТ и «Форс увриер» во время майско-июньской всеобщей забастовки 1968 г., единые действия профсоюзов различных направлений в классовых битвах последнего времени. «Борьба за единство проходит красной нитью через всю историю ВКТ»,— говорил на 32-м съезде конфедерации ее генеральный секретарь Ж. Сеги³⁷.

История профсоюзного движения во Франции после второй мировой войны подтверждает выводы французских историков-марксистов о возрастании роли профсоюзов в общественной жизни, необходимости их участия в политической борьбе и значении профсоюзного единства.

Р. Л. Сабсович

³⁷ «L'Humanité», 18.XI.1969.

Рецензии

«Kraje socjalistyczne po drugiej wojnie światowej 1944—1974. (Problemy rozwoju politycznego, społecznego i gospodarczego)». Państwowe Wydawnictwo Ekonomiczne. Warszawa, 1977. 546 str.

Социалистические страны после второй мировой войны 1944—1974. (Проблемы политического, социального и хозяйственного развития).

Рецензируемый труд подготовлен в рамках исследований, проведенных Институтом рабочего движения Высшей школы общественных наук при ЦК ПОРП. Авторский коллектив под руководством Е. Цепелевского (Я. Голембёвский, Е. Томашевский, Т. Кноте, С. Койло, И. Кулешинская, А. Косеский, А. Калимарский, Х. Огник, В. Гуральский) предпринял попытку широкого обобщающего исследования путей социалистического развития, пройденных странами мировой социалистической системы.

Книга состоит из двух разделов: первый посвящен послевоенной истории стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи, второй — истории других социалистических стран. В изложении преобладает историко-экономический аспект. История отдельных стран доводится фактически почти до 1977 года. При этом на основе партийных и государственных документов этих стран в книге обрисованы и перспективы их развития.

Исследование базируется на обширном источниковедческом материале и специальной литературе, отражает значительные достижения исторической и других общественных наук в области изучения проблем становления и последующего хозяйственно-политического развития стран социализма.

История СССР рассматривается авторами с момента Великой Октябрьской социалистической революции. Убедительно подчеркивается в книге эпохальное значение Великого Октября, всемирно-историческая роль опыта КПСС и советского народа в социалистическом и коммунистическом строительстве. Через всю работу красной нитью проходит мысль о том, что образование мировой системы социализма явилось следствием тех грандиозных изменений в мире, начало которым было положено социалистической революцией в России. Советский Союз показан как авангард мирового революционного процесса, решающая

сила и оплот социалистического содружества.

Каждая социалистическая страна рассматривается в книге отдельно, но не изолированно, а как неразрывная составная часть всемирной истории, в тесной связи с общим ходом процесса общественного развития. Авторами всесторонне освещены характер народно-демократических революций, коренные изменения в мире, происшедшие на завершающем этапе второй мировой войны, кардинальный поворот в соотношении классовых сил на международной арене. Народно-демократические революции показаны не только с точки зрения внутренних, локальных причин и предпосылок, но и как проявление и следствие глубокого кризиса империализма. Из книги следует, что народно-демократические революции произошли в самых слабых звеньях мировой капиталистической системы.

Относительно революции в Польше авторы разделяют наиболее распространенную сейчас в польской литературе и, пожалуй, самую аргументированную точку зрения о ее социалистическом характере с самого начала, о двух ее этапах — общедемократическом и непосредственно социалистическом. Польское народно-демократическое государство рассматривается как социалистическое с 1944 г., с момента своего возникновения осуществляющее функции пролетарской диктатуры (стр. 113). Решительная и последовательная помощь Советского Союза народно-демократическим странам оградила их от интервенции и империалистического вмешательства в других формах, не допустив сюда экспорта контрреволюции. Эта помощь способствовала усилению социалистической ориентации в системе общедемократических преобразований, то есть выступала в качестве фактора, стимулировавшего углубление революционных процессов. Связь с СССР играла все возрастающую роль на последующих этапах развития стран мировой социалистической системы. Так, в книге подчер-

живается, что сближение с СССР, особенно предоставленный в 1964 г. Болгарии Советским Союзом крупный кредит, позволили ей резко увеличить производство продукции на экспорт, создав практически неограниченные возможности роста перспективных отраслей промышленности (стр. 162).

Значительное место в работе отводится влиянию обострившейся в конце 40-х — начале 50-х годов то вине империалистических стран международной обстановки на внутреннюю жизнь стран социалистического лагеря. В центре внимания авторов находится проблема экономического и хозяйственно-политического сотрудничества стран — членов СЭВ, социалистической экономической интеграции, обеспечивающей реализацию наиболее существенных преимуществ социализма как мировой хозяйственной и политической системы. Авторский коллектив стремился, и не безуспешно, учесть всю совокупность факторов, оказывавших воздействие на глубину, темпы и характер преобразований в странах социализма.

Большое внимание в книге уделено вопросам установления и упрочения диктатуры пролетариата, преодоления многоукладности народного хозяйства, обобществления промышленности, проведения аграрных реформ и перевода сельского хозяйства на социалистические рельсы и т. д. Четко прослеживаются авторами основные этапы развития стран социализма: осуществление глубоких экономических и социально-политических преобразований, подготовивших необходимые условия для перехода народно-демократических государств к развернутому строительству социализма, построение его экономических и политических основ, а затем развитого социалистического общества. В книге ярко показаны успехи братских народов в развитии экономики, науки, техники, повышении материального благосостояния населения. Наряду с этим авторами предприняты попытки теоретического осмысления и раскрытия объективных и субъективных трудностей, недостатков, увлечений, ошибок, имевших место при решении отдельных хозяйственно-политических задач (стр. 183 и др.). Авторский коллектив в целом правильно подошел к вопросу о причинах хозяйственных диспропорций, возникших в социалистических странах в начале 50-х годов, делая упор на обострение международной обстановки, вынуждавшей в совокупности с другими обстоятельствами к планированию напряженных и по

отдельным позициям даже завышенных темпов индустриализации, форсированию социалистических преобразований, для полной реализации которых отсутствовали необходимые предпосылки и условия (стр. 276). К сожалению, весь комплекс причин, обусловивших хозяйственные трудности начала 50-х годов, в книге остался нераскрытым.

Практика социалистического строительства в целой группе государств Европы, Азии и Америки выявила, с одной стороны, единство задач эпохи социализма, а с другой — многообразие форм утверждения и функционирования политической системы пролетарской диктатуры и методов решения тех или иных общественно-экономических проблем. В книге прослеживаются основные тенденции и особенности проявления законов социализма в каждой отдельной стране мировой социалистической системы. Авторам удалось дать целостное представление о специфическом, конкретно-историческом выражении общих закономерностей эпохи социализма. Рассматривая вопросы строительства развитого социализма в странах — членах СЭВ, авторы подчеркивают всеобщность проблем перехода от экстенсивного к интенсивному развитию народного хозяйства, формы и методы решения которых не являются абсолютно одинаковыми, а разрабатываются с учетом как общих задач, так и национальной специфики, условий и возможностей каждой страны (стр. 124 и др.). В этом — одно из проявлений отмеченной XXV съездом КПСС закономерности процесса постепенного сближения стран социализма, находящихся на разных уровнях развития¹.

Подчеркивая всеобщий, универсальный характер основных закономерностей социалистического строительства, авторы показывают чрезвычайную вредность абсолютизации национальных особенностей, неизбежно ведущей ее приверженцев к скатыванию на позиции национализма. Из главы, посвященной Китайской Народной Республике, видно, сколь пагубным для этой страны стало отступление ее лидеров от марксистско-ленинских принципов внутренней и внешней политики. Самозащита от стран социалистического содружества — основная причина хозяйственного упадка, острых диспропорций в экономике Китая, особенно заметных в бурное время научно-технической революции, когда процесс социали-

¹ «Материалы XXV съезда КПСС». М. 1976, стр. 6.

стической интеграции стал неотъемлемым, жизненно необходимым условием и потребностью успешного развития экономики всех социалистических стран (стр. 341 и др.).

Классовая структура китайского общества, преобладание в Компартии Китая представителей мелкобуржуазных слоев, главным образом крестьян, с самого начала революции вели к усилению настроений мелкобуржуазной революционности, при которых националистические убеждения приобретали первостепенную важность (стр. 345). Именно как проявление мелкобуржуазной революционности рассматривается в книге концепция «великого скачка», заведшая Китай в тупик (стр. 370). Авторы приходят к выводу, что политика маоистского руководства противоречит коренным интересам самого китайского народа. В борьбе против Советского Союза и стран социалистического содружества пекинские лидеры по ряду мировых проблем смыкаются с самыми реакционными силами империализма. Этот тезис подтверждается и нынешней политикой китайского руководства.

В книге отражена последовательная борьба коммунистических и рабочих партий стран социалистического содружества со всякого рода правооппортунистическими и сектантскими извращениями, за идейную чистоту марксистско-ленинского учения, его творческое применение в практике социалистического строительства. Авторами подвергнута, в частности, аргументированной

критике идея «национальных моделей социализма», на все лады расхваливаемая в западной буржуазно-реформистской литературе. Книга содержит всесторонний анализ причин временного оживления ревизионизма и обострения борьбы с ним в социалистических странах, например, венгерских событий 1956 г., чехословацких событий 1968—1969 гг., носивших ярко выраженный контрреволюционный характер.

Удачна в целом композиция материала, четки и доходчивы авторские суждения, изложение во всех без исключения главах лаконично, несмотря на то, что авторам при недостаточной изученности многих проблем послевоенной истории социалистических стран пришлось иметь дело и с дискуссионными вопросами.

Значительно обогатили бы книгу историографические обзоры и в особенности концентрированная критика буржуазной и реформистской литературы по основным проблемам социалистического строительства и взаимоотношений в социалистическом мире, привлечение историографического материала по ходу изложения ряда конкретных вопросов истории социалистических стран.

В целом же рассматриваемая работа, отличающаяся высоким идейно-теоретическим содержанием, является достижением польской исторической науки в области изучения мирового опыта социалистического строительства.

В. Д. Мозеров

Henry Steele COMMAGER. *The Empire of Reason. How Europe Imagined and America Realised the Enlightenment*. Anchor Press — Doubleday. New York. 1977. 342 p.

Г. С. КОММАДЖЕР. *Империя разума. Как Европа представляла себе Просвещение, а Америка воплотила его принципы на практике*.

Г. С. Коммаджер, один из старейшин американской буржуазной историографии, написал около 20 монографий и большое количество статей по самым различным аспектам, проблемам и периодам истории США, методологическим вопросам, историографии, а также политической философии. По своему влиянию на развитие буржуазной исторической науки в США он стоит в одном ряду с такими ее представителями,

как Р. Б. Моррис, А. Шлезингер-младший, Р. Хофстедтер. Коммаджер всегда тяготел к обобщающим темам. В этом смысле не представляет исключения и рассматриваемая здесь работа, посвященная сравнительному анализу судеб Просвещения в Новом и Старом Свете.

Автор воздерживается от полемики с историками, не разделяющими его позиций, и даже не упоминает их имен. Но уже в

самом названии книги заключен вызов тем представителям «неоконсервативной» школы (Д. Бурстин, Л. Харц и др.), которые отрицают влияние западноевропейского Просвещения на ход исторического развития Северной Америки в целом и на Американскую революцию XVIII в. в особенности, обосновывая уникальность опыта США, которые-де в силу своего изначального демократизма, отсутствия сословных различий, феодальных институтов и пережитков оказались невосприимчивыми к антифеодальным идеям Вольтера и Монтескье. Руссо и Мабли¹. Отвергая эту концепцию, Коммаджер, казалось бы, встает на путь преодоления самой живучей в буржуазной историографии США теории «исключительности» американского опыта. Однако данное впечатление, как обнаруживается после ознакомления с работой, обманчиво. В действительности автор создает собственный вариант той же теории, как бы перелицовывая ее устаревшие одежды. Лейтмотив книги прост: Новый Свет, а точнее, «его англо-американская часть», оказался единственным районом мира, где стало возможным превратить Просвещение в кредо нации и в полном объеме воплотить в жизнь его идеалы.

Первая часть работы посвящена сравнительному рассмотрению зарождения и распространения идей Просвещения в Старом и Новом Свете. Следует признать, что Коммаджер, искусно владеющий пером, создал живые, запоминающиеся портреты многих европейских и американских просветителей. Но с научной точки зрения эта часть работы все же компилятивна; автору не удалось добавить ничего нового к тому, что было написано представителями «интеллектуальной» школы, прежде всего Б. Бейлиным и Г. Вудом². Между тем возможности сравнительного изучения идеологии Просвещения в Европе и Северной Америке далеко не исчерпаны. В частности, если в

американской историографии весьма полно освещена проблема освоения идей европейских просветителей в США, то вопрос об их эволюции в Новом Свете под воздействием специфических социально-экономических условий исследован в гораздо меньшей степени. В отличие от европейского Просвещения, многие выразители которого искали компромисса со «старым порядком», Просвещение в США развивалось на чисто буржуазной основе, что и отразилось на развитии его доктрин в Новом Свете. Коммаджер этого вопроса не касается.

Во второй части книги рассматривается тема воплощения идей Просвещения в американской политической практике под воздействием революции XVIII века. Коммаджер вновь противопоставляет себя «неоконсервативной» школе, доказывающей, что революция не могла осуществить каких-либо социально-политических преобразований в североамериканском обществе, поскольку оно-де с момента возникновения являло собой образец демократии. Положение Коммаджера о том, что Американская революция осуществлялась под знаменами Просвещения, буржуазной идеологии XVIII в. и реализовала ряд его принципов, не вызывает сомнения³ (упорно отстаивая его, автор ломится в открытую дверь). Вместе с тем самые серьезные возражения вызывают его выводы об исторической значимости преобразований революции, о полноте и глубине реализации принципов буржуазного Просвещения в США, а также тезис, что эти принципы могли быть реализованы только в Северной Америке.

Буржуазным просветителям XVIII в., как известно, было свойственно отождествлять конструируемую ими модель общественного устройства с «царством разума» и вечной справедливости. Практика буржуазных революций XVIII в., как американской, так и французской, воспринявших идеалы Просвещения, обнаружила, однако, всю иллюзорность этих представлений. Провозглашенное просветителями «царство разума» в действительности «было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии»⁴. Впрочем, их теории были

¹ См., например, D. Boorstin. *The Genius of American Politics*. Boston. 1953. pp. 77—79. Показателен в этом смысле доклад Г. Мэя «Просветительство в Америке» на первом коллоквиуме историков СССР и США в 1972 году. Умаление Мэем влияния Просвещения на Американскую революцию критиковалось рядом советских историков (см. «Новая и новейшая история», 1973, № 2, стр. 219).

² B. Bailyn. *The Ideological Origins of the American Revolution*. Cambridge (Mass.). 1967; G. S. Wood. *The Creation of the American Republic. 1776—1787*. Chapel Hill. 1969.

³ В ходе Американской революции, писал К. Маркс, «возникла впервые... идея единой великой демократической республики... была провозглашена первая декларация прав человека и был дан первый толчок европейской революции XVIII века» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 16, стр. 17).

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 17.

созданы задолго до первых буржуазных революций, и просветители, которые, по словам В. И. Ленина, «совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его»⁵, могли только гадать о результатах и последствиях практического воплощения своих идей. Коммаджер же может судить о результатах и последствиях Американской революции, опираясь на двухвековую ретроспективу, поэтому откровенная идеализация им ее итогов, равнозначных в его схеме утверждению некоей «империи разума», должна быть отнесена исключительно на счет классовой и национальной ограниченности этого буржуазного историка.

Не выдерживает критики и попытка Коммаджера изобразить итоги революции как триумф Просвещения, исчерпывающее воплощение его принципов. При обосновании этой идеи он не гнушается искажениями исторических фактов. Так, пытаясь доказать, что Американская революция с исключительной полнотой реализовала принцип «общественного договора» как основы образования государственной власти, Коммаджер утверждает, что конституции штатов лишали права избирать и быть избранными на государственные должности только небелых американцев (стр. 125). В действительности в этом праве было отказано также женщинам и неимущим, а в ряде штатов — и малоимущим белым мужчинам. Вызывает недоумение и попытка автора представить в качестве образцового «общественного договора» федеральную конституцию 1787 года. Филадельфийский конституционный конвент 1787 г., поступавший, по Коммаджеру, в соответствии с волей народа (стр. 154), на деле узурпировал право выработки высшего закона нации, ибо легислатуры штатов уполномочили его только внести поправки в «Статьи конфедерации» 1781 года⁶. Число подобных натяжек в изображении итогов Американской революции, встречающихся в книге, можно продолжить.

По принципу контраста характеризует автор судьбы Просвещения в Старом и Новом Свете. Необычайно драматично изо-

бражая дьявольскую игру с Просвещением, затеянную европейскими монархами Екатериной II, Густавом III, Людовиком XVI и другими, Коммаджер создает внешне весьма впечатляющую версию о том, как оно было изгнано из Старого Света и нашло себе прибежище в Северной Америке. В качестве подпорок этой версии как раз и используется излюбленная идея буржуазной историографии США об избранности американской нации, которой-де от рождения самой судьбой предопределено осваивать и распространять по всему миру принципы прогресса и демократии. Коммаджер проводит идею американской «исключительности» необычайно напористо, словно пытаясь выиграть негласное соревнование с ее выразителями всех времен от А. де Токвиля до Л. Харца и Р. Е. Брауна. При этом он перестает замечать, что в книге чем дальше, тем больше обедняется история европейских стран, а США приписываются такие заслуги, о которых было бы странно услышать даже из уст студентов колледжа. Без тени смущения раздает он, например, титулы Солонов и Ликургов по меньшей мере дюжине американских «отцов-основателей», объявляет всех их философами-просветителями, блестяще исполнявшими роль политических деятелей. В сравнении с ними блекнут даже образы Вольтера и Монтескье (в действительности история отвела место в ряду героев Просвещения только трем американцам — Франклину, Пейну и Джефферсону).

Коммаджер, претендующий на оригинальную позицию в освещении сложных процессов и явлений XVIII в., находится в действительности в плену расхожих буржуазных историографических схем. Концепция «исключительности» американского опыта — только одна среди них. Очень ярко проявляется в книге и приверженность автора другой апологетической концепции — «бесконфликтности» американской истории (консенсуса). Сквозь призму этой концепции рассмотрены как история социально-политических отношений революционной эпохи, так и развитие общественной мысли в США. В свое время американские историки-прогрессисты (Д. А. Смит и особенно В. Л. Паррингтон), трактуя идеологию революционного лагеря периода войны за независимость и образования США, приходили к выводу о наличии в ней двух классово-разнородных течений, представленных одно Джефферсоном, Франклином, Пейном, а другое — Гамильтоном,

⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 520.

⁶ Много лет назад Коммаджер оценивал конвент 1787 г. иначе. В 1940-е годы в его совместной работе с С. Морисоном действия конвента приравнивались к термидору (S. E. Morison and H. S. Commager. *The Growth of the American Republic*. Vol. I. N. Y. 1942, p. 277).

Мэдисоном, Дж. Адамсом. Такая трактовка была глубоко ошибочной, в действительности названные идеологи выражали две различные тенденции буржуазного Просвещения — умеренную и радикальную. Коммаджер впадает в крайность другого рода: он рассматривает воззрения революционного лагеря в рамках некоего «единого потока», в котором исчезли различия между Дж. Адамсом и Джефферсоном, Дж. Дикинсоном и Франклином, между умеренными и демократами.

Концептуальная основа работы несостоятельна с научной точки зрения. Вместе с тем у непосвященного читателя она может вызвать иллюзию правдоподобности. Этому способствует манера подачи материала Коммаджером, эмоциональность повествования, яркий язык. На книге лежит печать опыта и мастерства маститого историка. Тем более острой критики заслуживают ее спекулятивные и апологетические черты.

В. В. Согрин

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Acta Historica». Budapest. 1977, № 3—4.

Неопубликованное письмо К. Маркса в венскую городскую библиотеку. К предисловию «Немецкой идеологии» (Б. Лендье). В честь 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. — А. П. Окладников. Октябрь, революция, интернационализм; Ж.-П. Пах. Вопрос патриотизма и интернационализма в венгерской исторической науке; Ф. Мучи. Роль возвратившихся на родину из России военнопленных в подготовке буржуазно-демократической революции, совершившейся в октябре 1918 г.; Э. Липтаи. Использование революционного опыта России возвратившимися на родину венгерскими интернационалистами в борьбе за создание Венгерской Советской Республики и при отстаивании ее завоеваний; Участие венгерских интернационалистов в борьбе за установление и укрепление Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке 1917—1922 гг. (Д. Милей, Ф. Мучи); Г. Вашш. Исследование истории рабочего движения в Венгрии; Д. Ранки. Экономика и история — альтернативы экономической истории; Т. Чато. Развитие внутренней торговли в Средней, Восточной и Юго-Восточной Европе (некоторые основные черты капиталистической эпохи с середины XIX в. до середины XX в.).

«Századok». Budapest. 1978, № 2.

Ф. Глац. Место Шандора Домановски в венгерской исторической науке; П. Герич. Шандор Домановски — инициатор исследования хроник эпохи династии Арпада; Сообщения. — Ч. Чаподи. Наследие историков в рукописном отделе библиотеки Венгерской Академии наук; В. П. Шимон. Венгерские сюжеты и Песня о Нибелунгах;

О. Паулиньи. Списки добычи благородных металлов в горном районе Кёрмёцбани; Обзор. — П. Ханак. — Профессиональная критика и система ценностей в исторической науке.

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1978, № 9.

В. Руге. О месте революционного кризиса 1917—1923 гг. в мировом революционном процессе; Г. Бензер. Антифа-комитеты — государственные органы — партийная организация. Соображения о размерах, роли и границах антифашистского движения в конце второй мировой войны; Г. Брендлер, В. Кютглер. Народные массы, прогресс и классовая борьба при феодализме; Журнальное обозрение. И. Хеллер, Х.-В. Шааф. Журнал «Вопросы истории» за 1976 год.

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». 1978, № 10.

И. Драбек. Объединение молодых социалистов в СДПГ в 1946—1977 гг.; К. Хольдапфель. Робеспьер и Пруссия; Х. Харниш. Сельская община, классовые бои между феодалами и крестьянами и аграрное устройство в позднем феодализме; М. Ньямман. О развитии феодальных производственных отношений в Индии III—X веков.

«Nghiên cứu lịch sử». Hà-Nôi. 1978, № 2.

Хонг Тхай. О союзе рабочих и крестьян в период социалистической индустриализации и в борьбе против американского империализма (1961—1975 гг.); Данг Нгиен Ван. Этапы становления единой вьетнамской нации; Фан Хай Нган. Выска-

звания президента Хо Ши Мина о крестьянстве в период социалистической революции в нашей стране; Буй Ханх Кан. Цели и деятельность иностранных священников во Вьетнаме в XVII и XVIII веках; Хуан Тунг. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освободительное движение в Болгарии весной 1878 г.; Ле Трунг Дунг. Предварительное исследование национально-освободительной революции в Анголе; Дуонг Минх. Ле Анх Туан и общество Дуонг Нгоай в 1-й половине XVIII века; Документы.—Нгуен Тханх Тийен. Рабочие и рабочее население городов Южного Вьетнама во время всеобщего наступления и восстания весной 1975 года. Фан Туонг. Опыт изучения конструкции крепости Фу Хуан; Туан Луонг. Об оригинальных текстах в прозе и стихах Доан Нгюен Туан; Фан Нгок Лиен. Роль и этапы перехода патристических школ Куан Нгай на путь антифранцузской борьбы.

«*Nghiên cứu lịch sử*». 1978, № 3.

О роли вьетнамского сельского хозяйства в истории; Ван Тан. О факторах, приведших к победе на Нгюен в XIII в.; Динх Ван Нхат. Рисовые плантации Лак во время короля Хунга; Хан Дай Доан. Изучение распахи земли для ведения хозяйства двух районов Тьен-хай и Ким-сон в начале XIX века; Хуан Луа. Некоторые соображения о миграции населения и использовании новых земель у Донг-най Гиадинх в XVII—XVIII вв.; Хай Ву. О плотинах и водных сооружениях во вьетнамской деревне в прежние времена; Ву Хай Фук. Об аграрной политике государства во Вьетнаме в средние века; Нго Ван Хоа. О роли Де Тхам в восстании 27 июня 1908 г.; Документы.—Хуонг Тхау. О заявлении Нгуен Труонг То по аграрному вопросу.

«*Dzieje Najnowsze*». Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk. 1978, № 2.

Е. Ярос. Вопрос о растущих архивных фондах в теории и практике; Б. Дюперала. Проблема доступа к морю в политической и экономической мысли и практике в последние десятилетия перед приобретением независимости (1870—1918 гг.); Я. Краевска. Роль книги в интеллектуальном развитии рабочих Королевства Польского в 1870—1914 гг.; Б. Познаньска. Отношение имущих классов — буржуазии и дворянства — к майскому перевороту 1926 г. и его политические и социальные последствия; К. Павляк. Соперничество сторонников либерализма и тоталитаризма в великопольской организации Национальной партии в 1934—1939 гг.; Э. Дурачиньски. Польские социалисты в 1939—1941 гг.; Т. Шарота. Немцы глазами поляков во время второй мировой войны; Я. Гурски. Роль молодежи в годы восстановления Варшавы (1944—1949 гг.); Разное.—З. Оленик. Установление могилы Неизвестного солдата; Обзор.—Ш. С. Майер. Несколько новых трудов о фашизме.

«*Kwartalnik Historyczny*». Warszawa. 1978, № 3.

Двадцатипятилетие Института истории Польской Академии наук. Ч. Мадайчик. Вклад Института истории в формирование общенациональности; Г. Самсонович. Историко-географические труды Института истории; А. Мопчак. Квантитативные исследования; А. Гонсёровски. Источниковедческие издания Института истории (1953—1977 гг.); К. Ясиньски. Достижения Института истории в области вспомогательных исторических наук (1953—1977 гг.). Попытка оценки; Г. Хамерска. Библиографические издания Института истории; К. Нацуски. Мазовье и борьба за власть в Польше на рубеже XIII—XIV вв.; А. Рутковски. Казимир Великий и его система управления государством; А. Вычаньски. Плохо ли жилось польскому крестьянину в XVI веке? А. Скшипек. Михал Бобжишески как организатор науки и издатель источников; Обзоры — полемика — предложения.—Э. Стшельчик. Последние исследования административной структуры государства восточных франков.

«*Śląski kwartalnik historyczny Sobótka*». Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk. 1978, № 2.

Материалы конференции «Складывание стереотипа поляка в Германии и немца в Польше в XIX и XX вв.».—Л. Тшечакowski.—Образ немца в польском общественном мнении в период разделов Польши; А. Галос. Образ поляка в Германии в XIX веке; К. Филор, Я. Собчак, В. Вржесиньски. Образ поляка в Германии и немца в Польше между двумя мировыми войнами и их значение для становления межгосударственных отношений; Т. Шарота. Стереотип Польши и поляков в немецком общественном мнении во время второй мировой войны; Н. Хонза, К. А. Кучиньски, Э. Дзиковска, Б. Венгерек. Образ поляка в литературе ГДР и ФРГ и образ немца в современной польской литературе после 1945 г. Попытка типологии: Сообщения.—Т. Шарота. Карикатура как источник по истории стереотипа; М. Чоска. Компенсационные функции этнических стереотипов в пастовских повестях.

«*Studia Historyczne*». Kraków. 1978, № 2.

Х. Мадурович-Урбаньска. Микро- и макроанализ и их проявление в историческом времени и экономической регионализации; А. Виньярска. Роль краковского книгопечатания в русской культуре в свете советской историографии; Б. Лыцко-Гродзицка. Проблема обеспечения безопасности в турецкой внешней политике 1919—1939 гг.; Ф. Жимски. Члены крестьянской партии в народных советах и государственных административных органах силезско-домбровского воеводства в 1945—1950 гг.; Р. Далецки. Организация и де-

тельность «румынского плацдарма» в сентябре 1939 г.; Заметки.—А. Овсиньска. Отчет французской полиции о польской эмиграции 1846 года. О политике Июльской монархии в отношении Польши; Ч. Лехицки. Корфаны и христианская демократия; Polemika i dyskusii.—В. Чаплиньски. Некоторые замечания о статье В. Серчика «Польская республика и казаки в первой четверти XVII века»; Ответ В. Серчика.

«*Studii și materiale de istorie medie*». București. 1975, Vol. VIII.

Статьи и исследования.—Г. Дузинкевич. Польско-молдавская война 1497 г. Критика источников; К. Николеску. Искусство эпохи Штефана Великого.

Отношения с западным миром; Ф. Константиану. От Михая Храброго до фанариотов: замечания о румынской внешней политике; Я. Биднан. Организация и роль ремесленников в экономической и социальной жизни Брашова XV века; Сообщения, заметки, дискуссии.—К. Резакевич. Неизвестное Четвероевангелие, принадлежащее семье (по материнской линии) Штефана Великого; Ш. С. Горовей. Исторические и генеалогические заметки о потомках Штефана Великого; И. Корфус. Штефан Великий на одной польской фреске; Т. Ионеску-Нитков. Чешский путешественник по Молдавии времен Штефана Великого; О. Илиеску «*Pepergi aurii ad sagium Venetorum*»; Источники и исследовательские методы.—Ф. Палл. Визит в Валахию в 1644 г. (неизвестное повествование Бакшича).

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ*

Афанасьев С. Д., Бабак В. А., Барановский В. Г. и др. Современные буржуазные теории международных отношений. Критич. анализ. (Ред. коллегия: В. И. Гантман (отв. ред.) и др.). М. 1976. 486 стр. Рец.: Soják V.—«*Mezinárodní vztahy*». Praha. 1978, № 3, s. 66—69.

Володин А. И. Утопия и история. Некоторые проблемы изучения домарксист. социализма. М. 1976. 271 стр. Рец.: Р. К.—«*Ceskoslovenský časopis historický*». Praha. 1978, č. 3, s. 469.

«Германия и Прибалтика». Рига. (Латвийский гос. ун-т им. П. Стучки. Учен. зап.). 1972. Т. 159; 1973. Т. 185; 1974. Т. 219; 1976. Т. 260. Рец.: Neander I.—«*Zeitschrift für Ostforschung*». Marburg. 1977. H. 4, S. 737—739.

Достян Н. С. Россия и балканский вопрос. Из истории рус.-балк. полит. связей в первой трети XIX в. М. 1972. 368 стр. Рец.: Bartl P.—«*Südöstliche Forschungen*». München. 1977. Bd. 36. S. 263—264.

«Древнее жилище Восточной Европы». (отв. ред. М. Г. Рабинович). М. 1975. 303 стр. Рец.: Bednarczyk A.—«*Lud*». Wrocław. 1977, t. 61, s. 264—266.

Ерофеев Н. А. Что такое история. М. 1976. 136 стр. Рец.: V. K.—«*Historický časopis*». Bratislava. 1978, č. 2, s. 300—301.

«Из истории культуры средних веков и Возрождения». (Отв. ред. В. А. Карпушин). М. 1976. 316 стр. Рец.: V. K.—«*Historický časopis*». Bratislava. 1978, č. 2, s. 302—303.

«Канада. 1918—1945. Ист. очерк». (Ред. коллегия: Л. В. Поздеева (отв. ред.) и др.).

М. 1976. 504 стр. Рец.: Е. Н.—«*Historický časopis*». Bratislava. 1978, č. 2, s. 307—308.

Круталевич В. А. Рождение Белорусской Советской Республики. (На пути к провозглашению). Минск. 1975. 335 стр. Рец.: Deruga A.—«*Z pola walki*». Warszawa. 1977, № 3, s. 255—258.

Лабецкий О. Б., Жмакин Ю. Д., Поляков Б. А., Рыбаков А. М. Социалистические международные отношения и их критики. Под ред. О. Б. Лабцкого. М. 1975. 205 стр. Рец.: Maliev S.—«*Historický časopis*». Bratislava. 1978, č. 2, s. 286—288.

Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии. М. 1976. 632 стр. Рец.: Kiskilowa P.—«*Études balkaniques*». Sofia. 1977, № 4, pp. 95—97.

«Международная политика КПСС и внешние функции Советского государства». (Ред. коллегия: Д. А. Керимов и др.). М. 1976. 160 стр. Рец.: L. Nc.—«*Ceskoslovenský časopis historický*». Praha. 1978, č. 3, s. 467.

Михутина И. В. Советско-польские отношения. 1931—1935. М. 1977. 287 стр. Рец.: Skrzypek A.—«*Kwartalnik historyczny*». Warszawa. 1978, z. 1, s. 208—211.

Парочницкая И. А. США и «новая восточная политика» ФРГ. М. 1977. 175 стр. Рец.: Richter H.—«*IPW-Berichte (Institut für internationale Politik und Wirtschaft)*». Berlin. 1978. H. 5, S. 63—64.

Пашуто В. Т., Шталь И. В. Корчула. Корчульск. статуты как ист. источник изучения общества и полит. строя о-ва Корчула XIII в. М. 1976. 207 стр. Рец.: 1) Łowmiański H.—«*Kwartalnik historyczny*». Warszawa. 1978, z. 2, s. 440—446; 2) Russocki S.—«*Czasopismo prawnohistoryczne*». Poznań. 1977. T. 29, z. 2, s. 252—253.

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Институт научной информации по общественным наукам АН СССР в июле — августе 1978 года.

Похлебкин В. В. СССР — Финляндия. 260 лет отношений. 1713—1973. М. 1975. 408 стр. Рец.: Piotrowski B.—«Kwartalnik historyczny». Warszawa. 1978, z. 2, s. 456—460.

Поцхверия Б. М. Внешняя политика Турции после второй мировой войны. М. 1976. 306 стр. Рец.: Након Д.—«Études balkaniques». Sofia. 1977, № 2, pp. 155—156.

«Религия и церковь в современную эпоху». (Ред. коллегия: Л. И. Великович и др.). М. 1976. 328 стр. Рец.:—«Historický časopis», Bratislava. 1978, č. 2, s. 303—304.

Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М. 1976. 216 стр. Рец.: J. Z.—«Československý časopis historický». Praha. 1978, č. 3, s. 459.

«Социальная организация народов Азии

и Африки». (Отв. ред.: Д. А. Ольдерогге, С. А. Маретина). М. 1975. 316 стр. Рец.: Ecsedy S.—«Acta orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae». Budapest. 1977, t. 31, fasc. 2, 266—268. old.

Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVII — начале XIX в. Политика России в Ионической республике 1798—1807 гг. М. 1976. 375 стр. Рец.: Mihneva R.—«Études balkaniques». Sofia. 1977, № 4, pp. 112—115.

Сухоруков С. Р. Западногерманская буржуазная историография советско-германских отношений. 1917—1932. М. 1976. 231 стр. Рец.: Hubená L.—«Právny obzor». Bratislava. 1978, č. 4, s. 367—369.

Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 г. М. 1976. 231 стр. Рец.: Bartha A.—«Századok». Budapest. 1977, 5 sz., 1064—1067. old.

КОРОТКО О КНИГАХ

◆ Польский международник Мариан Добросельский анализирует ход и итоги Белградской встречи представителей стран, подписавших Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, представляет позиции сторон и останавливается на политических аспектах переговоров, проходивших в октябре 1977 г.—марте 1978 г. (M. Dobrosielski. Belgrad 77. Warszawa. KiW. 1978. 165 str.).

◆ В серии «Польская политическая мысль XIX и XX века» издан том с очерками взглядов консерватора П. Понеля, публициста В. Фельдмана, кооперативиста Э. Абрамовского, националиста В. Студницкого, социалиста Г. Либермана, генерала В. Сикорского и коммуниста А. Лямле («Twórcy polskiej myśli politycznej». Wrocław. Ossolineum. 1978. 294 str.).

◆ В очередную книгу многотомника «700 лет польской мысли» включены первоисточники по истории общественной мысли Польши XVI века. Они охватывают политические учения, идейные программы, социологические представления и научные тексты. Во введении, написанном Львом Шуцким, анализируются достижения польского Возрождения в этой сфере («700 lat myśli polskiej. Filozofia i myśl społeczna XVI wieku». Warszawa. PWN. 1978. 668 str.).

◆ Анджей Гарлицкий (Польша) задается целью обрисовать политическую биографию Ю. Пилсудского, историю формирования его лагеря, зарождение легенды, которой стремились окружить имя своего вождя пилсудчики, и утверждение санационной диктатуры летом 1926 г. (A. Carlicki. U źródeł obozu belwederskiego. Warszawa.

PWN. 1978. 386 str.; jego że. Przewrót majowy. Warszawa. Czytelnik. 1978. 405 str.).

◆ Здислав Моравский (Польша) в своей книге характеризует Ватикан с точки зрения функционирования его как государства и как центра католической церкви (Z. Morawski. Watykan z daleka i bliska. Warszawa. KiW. 1978. 336 str.).

◆ В серии «Азия — Африка — Латинская Америка» увидела свет работа польского историка Збигнева Марцина Ковалевского о революционной партизанской борьбе в Никарагуа, Гватемале, Перу, Бразилии и Колумбии XX в. (Z. M. Kowalewski. Guerilla latynoamerykańska. Wrocław. Ossolineum. 1978. 235 str.).

◆ В той же серии издана работа Марцина Кули о революционном движении 1933 г. на Кубе. Автор рисует портреты его руководителей, характеризует идеологические течения той поры (M. Kula. Rewolucja 1933 r. na Kubie. Wrocław. Ossolineum. 1978. 342 str.).

◆ Об участии поляков в заморских экспедициях, открытии новых морских путей и материков, истории польского флота рассказывается в книге Ежи Пертека (Польша). Значительная ее часть посвящена научным экспедициям XIX в. (J. Pertek. Poles on the High Seas. Wrocław. Ossolineum. 1978. 371 str.).

◆ Специалист по сфрагистике Стефан Кништоф Кучиньский (Польша) анализирует в своей монографии печати мазовских князей XIII — начала XVI вв. (S. K. Kuczyński. Pieczęcie książąt mazowieckich. Wrocław. Ossolineum. 1978. 600 str.).

◆ Очередной том «Польского исторического атласа» знакомит с картами Силезии

конца XVIII века. Они содержат сведения о демографии, национальных проблемах, феодальной собственности, сельском хозяйстве («Atlas historyczny Polski. Śląsk w końcu XVIII wieku». T. I, cz. 1. Mapy; cz. 2. Komentarz. Wrocław. Ossolineum. 1978. 136 str.).

◆ Биографию императора Франца-Иосифа на фоне политических, национальных и государственных проблем монархии Габсбургов во второй половине XIX — начале XX в. представляет в своей книге польский ученый Станислав Гродзицкий (S. Grodzicki. Franciszek Józef I. Wrocław. Ossolineum. 1978. 260 str.).

◆ Польский издательский институт опубликовал переписку между Т. Костюшко и Т. Джефферсоном, начатую во время второго приезда Костюшко в США и продолжавшуюся вплоть до его кончины. Кроме писем, в издание включены завещание Костюшко, его доверенность на имя Джефферсона и написанная последним биография польского революционера. Письма воспроизводятся на языке оригинала (T. Kościuszko, T. Jefferson. Korespondencja. Correspondence. 1798—1817. Warszawa. PIW. 1977. 158 str.).

◆ Работы польских ученых, являющиеся результатом изысканий первой их археолого-этнографической экспедиции в страны Карибского моря и в Перу, касаются, в частности, неиндейских культур Больших Антильских островов и философии ацтеков («Polish Contributions in New World Archaeology». Wrocław. Ossolineum. 1977. 109 str.).

◆ В связи с 35-летием Польской Армии в ГДР опубликована работа по ее истории. Коллектив авторов рассказывает о возникновении этой армии, ее боевых операциях, послевоенном развитии. Основное внимание уделено борьбе польского народа за независимость, руководящей роли коммунистов. К книге приложена хроника событий («Geschichte der Polnischen Armee». Berlin. Militärverlag der DDR. 1978. 342 S.).

◆ В сборнике документов по истории Польши 1864—1939 гг. представлены важнейшие проблемы эпохи, включая этапы рабочего движения и борьбу за восстановление независимости Польского государства. Обстоятельно освещена и политика Польши в межвоенный период («Z dziejów Polski. 1864—1939». Warszawa. WSiP. 1978. 260 str.).

◆ «От средневековья до наших дней» — так называется книга польских историков Ежи Вырозумского, Юзефа Анджея Геровского и Юзефа Бушко. Авторы уделили особое внимание социально-экономической проблематике, формированию классов и социальных слоев, прогрессу науки и культуры, ведущей роли народных масс в развитии Польши. Изложение доведено до 1948 года (J. Wyrozumski, J. A. Gierowski, J. Buszko. Od średniowiecza po czasy współczesne. Warszawa. PWN. 1978. 348 str.).

◆ Автор книги «Сегодня и завтра Танзании» Охлы Раймунд много лет провел в этой стране, собирая материал о ее про-

шлом и настоящем. Он освещает факторы социальной жизни, внутреннюю и внешнюю политику Танзании, концепции ее руководства, становление общественного мнения. Во вводной части дан обзор истории Восточной Африки с VIII в. до наших дней (O. Rajmund. Tanzania dzisiaj i jutro. Warszawa. Iskry. 1978. 228 str.).

◆ Кишиштоф и Вальдемар Роммель (Польша) — авторы книги «Обломки колониализма в Латинской Америке». В ней показаны последствия колониальной политики великих держав, охарактеризованы пути деколонизации Латинской Америки, факторы, действующие в политической, экономической и национальной сферах (K. Rommel, W. Rommel. Pozostałości kolonializmu w Ameryce Łacińskiej. Warszawa. MON. 1978. 144 str.).

◆ Исследование Михала Хмары «Общественные классы и политические партии Республики Чили. 1964—1973 гг.» включает в себя анализ социальной структуры чилийского общества, деятельности различных политических партий и группировок, хода классовой борьбы с середины 60-х годов и вплоть до свержения власти блока Народное единство (M. Chmara. Klasy społeczne i partie polityczne Republiki Chile. 1964—1973. Warszawa. PWN. 1978. 312 str.).

◆ В ГДР, к 60-летию Ноябрьской революции в Германии, вышла серия работ. «Иллюстрированная история Ноябрьской революции в Германии 1918—1919 гг.» существенно расширена по сравнению с изданием 1968 г. за счет нового материала, включающего воспоминания участников революции и данные недавно открытых источников. Она начинается с рассказа о восстании кильских моряков 3 ноября 1918 г. и доведена до мая 1919 года. Работа «Милитаризм и оппортунизм — против Ноябрьской революции» Лотара Бертольда и Хельмута Неефа представляет собой анализ документов эпохи (воззвания, листовки, протоколы, телеграммы и пр.), из которых становится очевидным союз правых социал-демократов с военным командованием, сыгравший роковую роль в судьбах Ноябрьской революции. Документы охватывают время с 7 октября 1918 г. по конец июня 1919 года. Книга Инго Матерны «Исполком берлинских Советов рабочих и солдатских депутатов» опирается на архивные материалы, прежде всего протоколы заседаний Исполкома и Советов, наглядно характеризующие их деятельность с ноября 1918 года. Вольфганг Руге «Ноябрьская революция. Народное восстание против германского империализма и милитаризма в 1918—1919 гг.» — популярная книга серии «История». Хайнц Вольгемут «Возникновение Коммунистической партии Германии. Очерк» — обзор деятельности первых коммунистических ячеек немецкого рабочего класса, сложившихся в партию. Труд коллектива авторов под руководством Гюнтера Хоршмански «Ноябрьская революция 1918—1919 гг. Наглядные материалы» — пособие для самообразования. Вне этой серии увидел свет сборник очерков, написанных Хельмутом Боком, Вольфгангом Руге,

Марианной Томе и другими авторами, — «Устремления и люди. Миниатюры и портреты времен Ноябрьской революции в Германии 1918—1919 гг.». В разделе «Миниатюры» авторы дают зарисовки решающих моментов революционных событий, в «Портретах» рассказывают о видных политических деятелях К. Либкнехте, Р. Люксембург, В. Пике, Ф. Геккерте и других вождах рабочего класса, а также о таких лицах, как социал-предатель Г. Носке («*Illustrierte Geschichte der deutschen Novemberrevolution 1918/1919*», Autorenkollektiv u. Leit. G. Hertzschansky, Berlin, Dietz, 1978. 454 S.; L. Bertold, H. Neef, *Militarismus und Opportunismus gegen die Novemberrevolution*, 1978. 468 S.; I. Materna, *Der Vollzugsrat der Berliner Arbeiter- und Soldatenräte 1918/1919*, 1978. 294 S.; W. Ruge, *Novemberrevolution. Die Volkserhebung gegen den deutschen Imperialismus und Militarismus 1918/1919*, Schriftenreihe «Geschichte», 1978. 192 S.; H. Wohlgemuth, *Die Entstehung der Kommunistischen Partei Deutschlands. Überblick*, 1978. 308 S.; «*Novemberrevolution 1918/1919. Anschauungsmaterial*», 1978. 80 S.; H. Bock, W. Ruge, M. Thoms, *Gewalten und Gestalten. Miniaturen und Porträte zur deutschen Novemberrevolution 1918/1919*, Leipzig — Jena — Berlin, Urania-Verlag, 1978. 383 S.).

◆ «Латинская Америка в антиимпериалистической борьбе. Проблемы континента» — труд коллектива авторов ГДР под руководством Адальберта Дессау. В нем рассматриваются вопросы истории стран Центральной и Южной Америки после Великого Октября и особенно подробно после второй мировой войны. Большое место уделено деятельности коммунистических партий, всех антиимпериалистических и демократических сил. Отдельный раздел посвящен конкретным странам: Кубе, Чили, Перу, Бразилии и Мексике. Авторами освещены стратегия и тактика империализма в этом регионе, методы неоколониализма («*Lateinamerika im antiimperialistischen Kampf. Probleme eines Kontinents*», Berlin, Akademie-Verlag, 1978. 592 S.).

◆ О малоизвестных страницах молодежного антигитлеровского Сопротивления в Берлине 1930-х годов рассказывает Марго Пикарски. Речь идет о группе Херберта Баума, о ее связях с другими организациями, считавшими себя наследниками немецкого комсомола 20-х годов. Изложение строится на основе документов из бывших фашистских архивов (M. Pikański, *Jugend im Berliner Widerstand. Herbert Baum und Kampfgefährten*, Berlin, Militärverlag der DDR, 1978. 236 S.).

◆ Эрих Доннерт (ГДР) в течение ряда лет изучал архивы Москвы, Ленинграда, Таллина и Тарту, собирая материалы о враче, экономисте, общественно-церковном деятеле и историке Восточной Прибалтики XVIII в. Иоганне Георге Эйзене, являвшемся одним из первых пропагандистов отмены крепостного права в России. Автор обнаружил ряд неопубликованных работ Эйзена, его переписку, обращения к Екатерине II,

публичные выступления, изучил его труды и издававшийся им журнал «Филантроп», его связи с другими деятелями той эпохи, показал его место в идейной и общественно-политической жизни России середины XVIII века (E. Donnerert, *Johann Georg Eisen (1717—1779). Ein Vorkämpfer der Bauerbefreiung in Rußland*, Leipzig, Kochler und Amelang, 1978. 200 S.).

◆ В декабре 1975 г. в ГДР состоялась Международная конференция на тему «Революционный путь Монгольской Народной Республики к социализму». Материалы этой конференции увидели свет. В сборнике помещены 43 статьи (доклады, сообщения, выступления в прениях) ряда историков Болгарии, Вьетнама, ГДР, МНР, Польши, СССР и Чехословакии, охватившие различные проблемы истории Монголии, начиная с народной революции 1921 г. и кончая нашими днями. Главное внимание уделено тому, как МНР при братской помощи со стороны СССР миновала капиталистическую стадию в своем развитии («*Der revolutionäre Weg der Mongolischen Volksrepublik zum Sozialismus. Probleme der Umgebung des kapitalistischen Entwicklungsstadiums*», Berlin, Akademie-Verlag, 1978. 496 S.).

◆ «Шесть десятилетий, которые изменили мир» — так названа книга, опубликованная в США и касающаяся различных аспектов истории СССР. В нее включен доклад Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева на торжественном заседании, посвященном 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, выступление кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева 23 января 1978 г. в конгрессе США, а кроме того статьи ряда советских и прогрессивных американских авторов, которые рассматривают основные этапы истории СССР с 1905 г. до наших дней, отношение народа и властей США к событиям в России и СССР, миролюбивую советскую внешнюю политику, разные стороны жизни советских граждан. В предисловии издатели сборника Мэрилин Бехтель, Дэвид Лэйбмэн и Джессика Смит пишут, что его цель — ознакомить американцев с достижениями советского народа, показать выдающуюся международную роль СССР. Подборка материалов для сборника осуществлена журналом «New World Review», который регулярно выпускает работы прогрессивных авторов в своей «Коллекции», рассчитанной на широкие круги читателей («*Six Decades That Changed the World. The USSR After 60 Years*», New York, NWR Publications, Inc. 1978. 263 p.).

◆ Итальянский институт исторических исследований издал под редакцией Марчелло Джиганте переписку социолога и историка Бенедетто Кроче с проф. Адольфо Омодео, представляющую немалый интерес. Публикация включает 138 писем первого и 133 письма второго за 1921—1948 годы. В них отражены различные экономические, социальные, политические, литературные, философские и иные вопросы истории и

культуры Италии и эпохи в целом («Saggi di Croce — Omodeo», Napoli, ISS, 1978. 252 p.).

◆ В очередном, 21-м выпуске «Сообщений», издаваемых Школой аграрных исследований в Нидерландах, помещены две работы: Я. В. де Зейув (Сельскохозяйственный университет Вагенингена) «Торф и золотой век Голландии», Я. де Фриз (университет в Беркли, США) «Средства сообщения и капитализм». В первой рассматриваются вопросы использования нидерландцами природных ресурсов в топливно-энергетических целях в XVII—XIX вв.; во второй — проблемы развития пассажирского

транспорта в Голландской республике XVII—XVIII вв.: «эра фургонов», общее состояние транспортной системы в то время в техническом отношении, ее социально-экономический фон, вторжение в эту сферу капиталистического предпринимательства, производительность труда в ней, связь с подъемами и упадками промышленности, демографическими явлениями и ростом городов, производственными сезонами, внутренней и внешней торговлей, состоянием сельского хозяйства, эксплуатацией колоний. Обе работы построены на архивных данных («A. A. G. Bijdragen» 21, Wageningen, Veenman en zonen, 1978. 400 p.).

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

О РОЛИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ В РАЗВИТИИ РУССКОГО МОРЕПЛАВАНИЯ

В литературе слабо освещен вопрос о роли Российско-Американской компании в развитии русского мореплавания. Между тем деятельность компании способствовала развитию внешних связей России, ее водного и торгового флота, осуществлению географических исследований на Дальнем Востоке. Ниже приводятся некоторые новые данные по этому вопросу.

21 августа 1732 г. бот «Гавриил» под командованием геодезиста М. Гвоздева, подштурмана И. Федорова и морехода К. Мошкова первым из русских судов подошел к берегам Северной Америки¹. С этого времени начинается русское мореплавание из Охотска к американскому побережью. Но регулярным оно становится только после основания в Америке русских поселений. В 1783 г. купец Г. Шелихов с компаньонами Иваном и Михаилом Голиковыми снарядили в Охотске три корабля и 16 августа, имея на борту 190 промысловиков-охотников, направились к берегам Северной Америки. Шелихов основал постоянные фактории на трех островах Алеутского архипелага и на побережье американского континента в Кенайском и Чугачком заливах². В связи с этим возникла необходимость организовать регулярные рейсы из Охотска в Русскую Америку. Однако Охотск в то время не мог обеспечить надежную связь даже с Камчаткой. В результате из-за трудностей со снабжением продовольствием и боеприпасами вскоре пришлось расформировать батальон русских войск, размещенный в 1799 г. на Камчатке³.

С конца XVIII в. началось строительство судов в Русской Америке. В 1794 г. в Чугачком заливе купцом А. Барановым (позднее ставшим первым управляющим Рос-

сийско-Американской компании) был построен трехмачтовый фрегат «Феникс» водоизмещением в 180 т, вооруженный 22 пушками, а в 1795 г. — еще два корабля, «Дельфин» и «Ольга». Кораблестроение велось в трудных условиях: ощущался недостаток специалистов и материалов (на американском континенте не нашли, например, смолы)⁴. Однако, несмотря на это, оно развивалось, особенно после 1799 г., когда компания Шелихова и ряд других были объединены в Российско-Американскую компанию⁵. С 1799 по 1820 г. на о. Ситха, в административном центре компании Ново-Архангельске, было построено 15 кораблей и, кроме того, куплено еще 13⁶. Эти корабли сыграли значительную роль в развитии русского мореплавания в Тихом океане, особенно в северной его части. Суда, принадлежавшие компании, заходили в Калифорнию, где в 1812 г. было основано селение Росс, жители которого занимались земледелием и скотоводством, и на Гавайские острова, где также было русское поселение⁷.

Возникновение на американском материке русских населенных пунктов способствовало организации кругосветных плаваний русских моряков. Снабжение их через Охотск, куда грузы доставлялись сухопутным путем через всю Россию, было делом чрезвычайно трудным и дорогим (стоимость перевозки из Петербурга в Охотск по суше одного пуда груза равнялась 7 руб., а морем — 2 руб. 88 копейкам)⁸. Поэтому встал вопрос о доставке товаров морским путем. По инициативе правления Российско-Аме-

⁴ Там же, ф. 198, оп. 1, д. 67, л. 251.

⁵ Она просуществовала до 1868 г. и была ликвидирована на следующий год после продажи Аляски Соединенным Штатам Америки.

⁶ «Морской сборник», 1864, № 2, неофиц. отд., л. 37.

⁷ Там же.

⁸ ЦГА ВМФ СССР, ф. 166, оп. 1, д. 3963, л. 53.

¹ ЦГА ВМФ СССР, ф. 172, оп. 1, д. 414, лл. 196—199.

² «Морской сборник», 1862, № 1, неофиц. отд., л. 20.

³ ЦГА ВМФ СССР, ф. 168, оп. 1, д. 3963, л. 5.

риканской компании в 1803 г. была организована первая русская морская кругосветная экспедиция, возглавленная И. Ф. Крузенштерном и Ю. Ф. Лисовским. На средства компании в Англии были куплены два корабля. Русское правительство назначило на них офицеров и матросов военно-морского флота, но платило им лишь половину жалованья. Остальное обеспечение экипажей взяла на себя Российско-Американская компания⁹.

Одной из причин организации кругосветных плаваний военных кораблей была необходимость охранять Русскую Америку. С первых дней возникновения русских поселений у американских берегов появляются иностранные корабли нередко с недружелюбными намерениями. В 1789 г. Г. Шелихов пишет: «Гишпанцев, англичан, французов судов до тридцати около Америки появилось»¹⁰. В 1794 г. у русских берегов длительное время находились два английских фрегата, командиры которых заявили русским поселенцам, что эти места принадлежат Англии¹¹. Колонии были под постоянной угрозой нападения со стороны английских корсаров. Суда американских штатов доставляли огнестрельное оружие жившим по соседству индейским племенам, провоцируя их столкновения с русскими поселенцами. При подстрекательстве англичан племена индейцев в 1802 г. разграбили и разрушили главное селение русских — Ново-Архангельск. Командир английского корабля, находившегося поблизости, не только не оказал помощи жителям Ново-Архангельска, но занялся после его разгрома своеобразным «посредничеством»: взял у индейцев 32 русских пленника и потребовал за них 10 тыс. рублей¹².

В 1807 г. в первое кругосветное плавание отправился военный шлюп «Диана» под командованием лейтенанта В. М. Головнина. Наряду с доставкой военных грузов в Охотск, исследованием южных Куриль-

ских островов ему была поставлена задача: защищать русские колонии на американском континенте, взять под охрану судно Российско-Американской компании «Неву» и сопровождать его при плавании в Бразилию¹³. С этого времени начинается регулярное плавание русских торговых и военных кораблей из Балтики в Тихий океан. На протяжении 1803—1848 гг. кругосветное плавание совершили 38 русских кораблей, из них 16 были снаряжены Российско-Американской компанией, 21 являлись военными судами, одно принадлежало частному лицу¹⁴.

Таким образом, создание Российско-Американской компании способствовало возникновению русского мореплавания (как торгового, так и военного) из Балтийского моря в Тихий океан. Большое значение для развития русского мореплавания на Тихом океане имело также строительство судов на верфях компании, сначала в Чугацком заливе, затем в Ново-Архангельске, у форта Росс, в устье реки Славянки¹⁵. На кораблях компании прошли школу многие офицеры и матросы русского флота. С учетом ее опыта было создано в 1857 г. Русское общество пароходства и торговли, а в 1878 г. — Добровольный флот. Военный флот от плавания одиночных кораблей перешел к походам целых отрядов, а затем и эскадр на Тихий океан. Однако у Добровольного флота своих кораблей было мало, между портами Дальнего Востока пассажиров перевозили зафрахтованные старые норвежские пароходы. Что касается военно-морского флота, то он не имел на Тихом океане хороших баз. Царское правительство не заботилось о развитии Дальнего Востока, что было одной из причин поражения царизма в русско-японской войне 1904—1905 годов.

Д. Н. Эндаков

⁹ Там же, д. 909, л. 53.

¹⁰ Там же, ф. 198, оп. 1, д. 79, л. 1.

¹¹ Там же.

¹² «Морской сборник», 1891, № 8, неофиц. отд., л. 211.

¹³ ЦГА ВМФ СССР, ф. 166, оп. 1, д. 909, лл. 62, 110.

¹⁴ «Морской сборник», 1904, № 9, неофиц. отд., л. 66.

¹⁵ «Морской сборник», 1909, № 10, неофиц. отд., л. 66.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

КУЛАГИНСКАЯ КРАСНОЗНАМЕННАЯ

За последние годы все чаще издаются книги по истории отдельных воинских соединений Советских Вооруженных Сил¹. Одним из них была 178-я стрелковая дивизия (сд), все основные этапы боевого пути которой пока еще не нашли отражения в печати².

1 сентября 1939 г. в СССР был принят закон «О всеобщей воинской обязанности», усиливший мобилизационную готовность советского народа в условиях начавшейся второй мировой войны. Развернулось формирование новых воинских соединений³. Одним из них явилась 178-я сд, выросшая на базе кадрового 386-го стрелкового полка (сп) в Алтайском крае (Сибирский военный округ). Позднее дивизионный поэт писал: «В далекой Сибири, где злые морозы играют, где старые ели, где песни метелей хранит наш чудесный суровый Алтай, там мы собирались, там мы закалялись, чтоб выйти за Родину в бой!»⁴. Соединение формировали его командир полковник Н. И. Старухин и военком полковой комиссар М. М. Таланов. Дивизия сразу же присту-

пила к напряженной учебе, а в январе 1940 г. часть ее воинов получила первую боевую закалку, когда два лыжных батальона и еще 400 младших командиров, выпускников полковых школ, были направлены на Карельский перешеек во время конфликта с Финляндией⁵.

Когда грянула Великая Отечественная война, дивизию возглавил бывший командир 386-го сп полковник А. Г. Кудрявцев (позднее генерал-майор), ее начальником штаба являлся подполковник А. П. Квашнин (позднее генерал-майор, Герой Советского Союза). 29 июня—3 июля 1941 г. части и подразделения соединения убыли из Омска на Западный фронт и вскоре оказались северо-восточнее Смоленска. Там впервые встретились с налетами фашистских стервятников и звуком воющих авиабомб, там преградили путь танкам с черными крестами. В это время гитлеровцы рвались к Москве⁶. Развернулось Смоленское сражение.

Дивизия заняла оборону на восточном берегу Днепра, в районе Звягино—Холмец, а ее передовые отряды вышли у Ярцево к р. Вопь⁷. 16 июля, когда немцы ворвались в Смоленск, началась четырехлетняя боевая страда 178-й сд. Один из гитлеровских генералов писал впоследствии: «Группы армий «Центр» втянулись в ожесточенные бои с подошедшими резервами русских войск... Они оказали упорное сопротивление танковым группам... Давление противника непрерывно возрастало»⁸. Эта эпопея вошла в историю под названием Днепровской обороны. Воины дивизии дали клятву, что прев-

¹ За последние 15 лет увидели свет книги, отражающие историю следующих стрелковых дивизий: 6, 8, 9, 15, 18, 24, 25, 26, 32, 41, 46, 50, 52, 55, 69, 74, 76, 78, 80, 82, 91, 99, 108, 109, 112, 114, 117, 120, 125, 129, 132, 138, 139, 140, 144, 146, 150, 155, 158, 161, 170, 171, 175, 182, 185, 189, 195, 214, 218, 232, 234, 237, 242, 243, 269, 272, 279, 295, 301, 303, 309, 310, 311, 312, 313, 316, 318, 322, 326, 334, 339, 354, 357, 359, 360, 368, 375, 379, 380, 383, 385, 388, 393, 395, 416, 422. Опубликовано также множество статей об этих соединениях. Кроме того, напечатан ряд материалов о гвардейских дивизиях.

² Брошюра А. Кроника «Боевая летопись 178-й Кулагинской Краснознаменной дивизии» (Ч. 1. Киев. 1970) охватывает события по 1943 год.

³ «История второй мировой войны. 1939—1945». Т. 3. М. 1974, стр. 418, 441.

⁴ «178 сд. Год в Отечественной войне: сентябрь 1939 г. — июль 1942 г.» (далее — «178 сд...»). Составители: И. И. Аралин, А. М. Колосов, А. П. Терехин и др. Дудино. 1942, стр. 3 (машинопись, из личного архива М. М. Таланова).

⁵ Центральный архив Министерства обороны СССР (ЦАМО), ф. 1236, оп. 484381 С, д. 1, л. 6.

⁶ «Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк». М. 1970, стр. 59.

⁷ «Схема боевого пути 178 сд» (далее — «Схема...»). Составил М. В. Алексенко. Киев. 1970, позиция 1 (из личного архива М. М. Таланова).

⁸ К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М. 1956, стр. 184.

ратят долину реки в «долину смерти» для фашистов. Никто не отступал без приказа. Не жалея своей жизни и обильно поливая родную землю вражеской кровью, бойцы и командиры доблестно отступали каждую ее пядь. Костяком и моральным оплотом сражавшихся подразделений стали коммунисты — 494 члена и 450 кандидатов в члены ВКП(б) ⁹. Весь фронт облетело известие о подвиге танкистов разведбатальона В. Голубева и Г. Мосолова. Ночью они въехали в «ничейную полосу», в 150 м от переднего края противника взяли на буксир застрявший там немецкий истребитель и под яростным огнем благополучно доставили самолет в расположение своих войск ¹⁰. Столь же отважно действовали другие воинские дивизии. Героизм советских людей сорвал расчеты фашистского командования, и 30 июля на данном участке противник перешел к обороне ¹¹.

К сентябрю 1941 г. развернулось фашистское наступление на стыке 29-й и 22-й армий Западного фронта. Ставка Верховного Главнокомандования перебросила им в поддержку свежие силы, в том числе уже закалившиеся в первых сражениях 178-ю сд. Передав свой участок обороны одной из московских дивизий народного ополчения, части 178-й сд, преодолев за три дня форсированным маршем 200-километровое расстояние, передвинулись на восточный берег р. Западная Двина и с ходу завязали бой ¹². Пробираясь по колено в осенней грязи через обезображенные снарядами и пересеченные завалами сосновые леса, снимая с деревьев фашистских снайперов-«кукушек», прорывая бесконечные линии укреплений, воины дивизии смело дрались с врагом и способствовали ликвидации к 19 сентября ивашковско-дуловского плацдарма противника, вышибив его на западный берег реки. 82 командира и красноармейца дивизии были удостоены правительственных наград ¹³.

Тяжелые дни пережил правый фланг Западного фронта (затем Калининский фронт) в октябре 1941 года. Фашисты рвались к Торжку, Калинин и Ржеву. Отойдя по приказу командования вместе с соседними

соединениями от Западной Двины на восток, 178-я сд сначала прикрывала дорогу на Ржев, возведя мощный Плеханово-Олешинский оборонительный рубеж. Но затем ей пришлось отступать за р. Тьма, служа аррьергардом 29-й армии и левофланговым прикрытием 22-й армии ¹⁴. Это были те тяжелые бои, о которых потом А. Т. Твардовский писал: «Я убит подо Ржевом в безымянном болоте, в пятой роте, на левом, при жестоком налете» ¹⁵. Воины не хотели уходить от Плеханово; многие просили оставить их насовсем в дотах оборонительного рубежа и клялись, что умрут на месте, но, пока живы, не пропустят врага. Однако фронтовая действительность требовала строгого подчинения. Каждодневно нанося контрудары по фашистам, дивизия, совершив в непрерывных боях 300-километровый марш, врылась в землю у Перлево и прикрыла с юго-запада путь на Торжок ¹⁶. Ночью группы «охотников», организованные по инициативе коммунистов 709-го стрелкового полка, пробирались на немецкие позиции и производили там диверсии. Днем дивизия, окопавшись в полосе, получившей памятное название «Ни шагу назад!», стойко выдерживала натиск превосходящих сил фашистов ¹⁷. Командиры, политработники, красноармейцы проявляли в боях массовый героизм. Среди особо отличившихся — краснознаменец старший лейтенант А. Ф. Масленников, кавалеры ордена Красной Звезды сержанты В. К. Лобецкий и С. Н. Тодышев.

Особую страницу истории соединения составляет его взаимодействие осенью 1941 г. — зимой 1942 г. с партизанами. Успешной была, в частности, деятельность партизанского отряда, сражавшегося в районе между Селижаровским и Торопецким трактами, восточнее Молодого Туда. Этим отрядом командовал военный инженер 3-го ранга А. М. Владимиров. Установив контакт с жителями деревень Степанцево, Ефимова, Висино, членами колхозов имени Кирова, «Весна» и других и опираясь на их помощь, партизаны развернули боевые операции в тылу фашистских войск, стоявших

⁹ «178 сд...», стр. 73—74.

¹⁰ ЦАМО, ф. 1236, оп. 484381 С, л. 1, л. 18.

¹¹ «50 лет Вооруженных Сил СССР». М. 1968, стр. 279; «История второй мировой войны. 1939—1945». Т. 4. М. 1975, стр. 75.

¹² «Схема...», позиция II; ЦАМО, ф. 384, оп. 8529, д. 32, м/ф 1253.

¹³ А. Кроник. Указ. соч., стр. 11.

¹⁴ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945». Т. 2. М. 1961, стр. 244.

¹⁵ «Мое лучшее стихотворение». М. 1961, стр. 244.

¹⁶ «Схема...», позиция III.

¹⁷ «178 сд...», стр. 23—32; «Советская военная энциклопедия». Т. 4. М. 1977, стр. 44.

южнее р. Тьма. Западнее действовали другие партизанские группы¹⁸. В декабре 1941 г.—январе 1942 г., когда развернулось советское контрнаступление под Москвой, отряд наносил по врагу удары с тыла¹⁹, а после изгнания оккупантов многие члены отряда влились в ряды Красной Армии²⁰. Такая согласованность была в те годы явлением не исключительным, а повсеместным. Гитлеровские генералы, вспоминая о второй мировой войне, признавали, что «ни на одном другом театре военных действий не было такого тесного взаимодействия между партизанами и регулярной армией, как на русском»²¹.

В развернувшееся в декабре 1941 г. под Москвой контрнаступление Красной Армии внесла свою лепту и 178-я сд, совершившая «снежный поход»: ее воины в покрытом ледяной коркой обмундировании, не вылезая в течение многих суток из глубоких снегов, непрерывно атаковали врага, прорвали его укрепленный район у Перлево и в январе 1942 г. отбросили немцев к Волге, почти до железной дороги Ржев—Великие Луки, обеспечивая своими действиями правый фланг 39-й армии²². Попытки противника нанести контрудар неоднократно срывались. Так, 45 бойцов во главе со старшим лейтенантом Курченко отстояли от namного превосходивших вражеских сил Мантровские хутора; на поле боя осталось 350 фашистов. Обессмертил свое имя командир пулеметной роты старший лейтенант Салават Карымов. Еще в ноябре 1941 г. он организовал захват опорной высоты в немецком расположении; в декабре лично захватил фашистский блиндаж, уничтожив часть находившихся там вражеских солдат и пленив другую их часть; в январе умело и отважно руководил освобождением дер. Струйское, а обороняя с 7 бойцами дер. Фролово, 12 часов удерживал ее, истребив почти по-

ловину вражеского батальона²³. Дважды раненный, он оставался в строю. С. Х. Карымову, первому в дивизии, было присвоено звание Героя Советского Союза. В ходе Московской битвы стали кавалерами ордена Ленина красноармейцы Н. Ф. Леонтьев и П. И. Блохин, санинструктор Ф. И. Чернобровин, ордена Красного Знамени — 53 чел., ордена Красной Звезды — 60, медали «За отвагу» — 33, медали «За боевые заслуги» — 70 человек²⁴.

Весной—летом 1942 г. дивизия участвовала в боях за подступы к Оленино и затем в Ржевско-Сычевской сковывающей операции²⁵. К этому времени значение победы под Москвой стало ясным уже в полной степени, и один из гитлеровских военачальников отмечал, что на большей части Восточного фронта немецкие войска были вынуждены перейти к обороне²⁶. Когда в марте началась распутица, а затем в районе Ржева почти полностью нарушилось снабжение войск²⁷, в 178-й сд развернулось снайперское движение. Рядовой 386-го сп В. Челомбицкий за полтора месяца подстрелил 47 фашистов, сержант 709-го сп П. Носков — 50, руководитель группы снайперов 693-го сп Н. Денисов — 14. К июлю 1942 г., за год войны, дивизия уничтожила свыше 19 тыс. фашистов, подбила 500 единиц вражеской техники, пленила 134 солдата и офицера; ее трофеи составили 211 орудий, минометов и пулеметов, 3860 винтовок и автоматов²⁸. Немцы и в августе понесли тяжелые потери. Им пришлось, чтобы удержать Ржев, перебросить сюда ряд своих дивизий из-под Сталинграда и с Кавказа. В результате советским войнам, сражавшимся на юге, стало несколько легче, хотя наступление 178-й сд и ее соседей было приостановлено²⁹.

Следующий рывок на юго-запад, к верховьям Днепра, 178-я сд предприняла в ноябре. Это наступление войск Калининского фронта (продолжение Ржевско-Сычевской

¹⁸ «Ордена Ленина Московский военный округ». М. 1971, стр. 246.

¹⁹ «Вперед» (газета 178-й сд), 7.1.1942.

²⁰ «Основные этапы боевого пути 178 сККд». Составители: ветераны дивизии. М. 1978 (из личного архива М. М. Таланова), стр. 3; «Воспоминания партизан и жителей деревень Ржевского и Молодотудского районов» (хранятся в Музее боевой славы, средняя школа № 12, г. Электросталь), стр. 1—6.

²¹ Л. Рендулич. Партизанская война. «Итоги второй мировой войны». М. 1957, стр. 147.

²² «Схема...», позиция IV; «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945». Т. 2, стр. 290.

²³ А. Кроник. Указ. соч., стр. 13—14.

²⁴ «178 сд...», стр. 66—72.

²⁵ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945». Т. 2, стр. 475.

²⁶ Г. Гудериан. Опыт войны с Россией. «Итоги второй мировой войны», стр. 126.

²⁷ А. Верт. Россия в войне 1941—1945. М. 1967, стр. 185.

²⁸ «Основные этапы...», стр. 3.

²⁹ См.: Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М. 1969, стр. 395; Л. Сандалов. На московском направлении. М. 1970, стр. 299 сл.

операции) разворачивалось в неблагоприятных условиях, поскольку все главные силы Красной Армии находились в то время на Дону, Южной Волге и Кавказе, и вместо усиления калининцев у них, напротив, приходилось брать соединения для посылки их на юг³⁰, ибо там решалась судьба войны. Тем не менее частные задачи Калининскому фронту удалось выполнить. 178-я сд, прорвав оборону противника у Якимово, освободила от оккупантов до 20 населенных пунктов Ржевского района. После этого три с лишним месяца шли оборонительные бои сравнительно невысокой активности³¹.

Интенсивнее осуществлялась Ржевская операция преследования в марте 1943 г., когда был ликвидирован ржевско-вяземский плацдарм фашистских войск и линия фронта отодвинулась от Москвы еще на 130 километров³². В те недели дивизия в составе 39-й армии преодолела в сражениях 150 км, участвовала в освобождении ряда населенных пунктов, в том числе железнодорожных станций Чертолино, Оленино и Нелидово³³, и вышла почти к Духовщине³⁴. С радостью возвращались бойцы в места, которые они покидали в 1941 году. Два месяца соединение провело затем в резерве: пополнилось людьми, получило новую технику, в том числе станковые пулеметы Горюнова и автоматы Судаева. Все чаще в наших войсках встречались теперь самоходно-артиллерийские установки, а с воздуха поддерживали наступавших самолеты Ла-5, Як-7, Як-9 и Ту-2. В дивизии укрепились первичные парторганизации. С мая 1943 г. они появились в дивизионах и батальонах, в подразделениях и частях начали работать парторги³⁵. Возросла морально-политическая готовность бойцов нанести оккупантам решающие удары.

С июня 1943 г. 178-я сд вновь находилась на боевых позициях, а 18 августа изготовилась к броску посередине «Смоленских ворот», где между Ярцево и Духовщиной гос-

подствуют над местностью Кулагинские высоты, взятие которых определяло успех на данном участке Смоленской наступательной операции. В начале 1942 г. один из посланцев Военного совета 31-й армии, А. А. Воронов, организовал из молодежи дер. Кулагино, Степаново, Троицкое комсомольский партизанский отряд. Почти весь его состав погиб в сражении с оккупантами, а в апреле фашисты сожгли 100 кулагинских дворов. Уцелевшие колхозники переселились в землянки³⁶, но в июне 1942 г. фашисты выгнали 76 детей и стариков в овраг и расстреляли их там³⁷. Год спустя враг построил на местных высотах мощный оборонительный узел³⁸. Его-то и предстояло атаковать. Разгорелись упорнейшие кровопролитные бои, закончившиеся поражением гитлеровцев. Первым ворвался во вражеский узел взвод В. Х. Поповцева. 15 сентября 1943 г. на высотах взвился красный флаг, 19 сентября оккупанты бежали из Духовщины³⁹, и в тот же день приказом Верховного Главнокомандующего 178-й сд было присвоено наименование Кулагинской. Грудь многих воинов украсилась орденами и медалями⁴⁰.

После непродолжительного отдыха соединение было переброшено на 2-й Прибалтийский фронт. Три месяца готовилась дивизия к боям, уже под командованием генерал-майора А. Л. Кроника, участвовавшего в освобождении Невеля. В составе 10-й гвардейской, 3-й ударной, а затем 22-й армий 178-я сд должна была нанести удар по новосокольническому выступу вражеского фронта, чтобы через Пустошку, Идрицу и Себеж пробиться к Советской Латвии⁴¹. Предстояло освободить Новосокольники, прорвав оборонительную полосу со многими рядами сплошных траншей, прикрытых проволочными заграждениями, фосфорно-огневыми и минными полями, широкими и глубокими противотанковыми рвами⁴². Сковав противника маневренными действиями на 30-километровом участке, дивизия перешла

³⁰ Н. Н. Воронов. На службе военной. М. 1963, стр. 299.

³¹ А. Кроник. Указ. соч., стр. 16.

³² «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945». Т. 3. М. 1961, стр. 144—145.

³³ ЦАМО, ф. 1236, оп. 484381 С, д. 1, л. 160.

³⁴ «Схема...», позиция V; «История второй мировой войны. 1939—1945». Т. 6. М. 1976, стр. 145 и карта 11.

³⁵ «Военная история». Авторский коллектив под руководством И. Е. Кручинко. М. 1971, стр. 198—199.

³⁶ Н. Емельяненко. Мы не забудем героев. «Знамя коммунизма» (Духовщина), 15.III.1967.

³⁷ Л. Кириллова. Пути отцов — наши дороги. «Ленинское знамя» (Электросталь), 31.X.1972.

³⁸ «История второй мировой войны. 1939—1945». Т. 7. М. 1976, стр. 239.

³⁹ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945». Т. 3, стр. 366.

⁴⁰ А. Кроник. Указ. соч., стр. 19.

⁴¹ «История ордена Ленина Ленинградского военного округа». М. 1974, стр. 368.

⁴² «Схема...», позиция VI.

4 января 1944 г. в наступление, постепенно сжимая кольцо вокруг опорного пункта врага. Солдаты 211-го отдельного санерного батальона С. М. Башкирова под огнем расчистили подступы к фашистским позициям, и развернулся их штурм. Завязались ожесточенные схватки в траншеях и блиндажах, развалинах зданий и на улицах. 29 января город вновь стал советским. В тот же день Москва салютовала этой победе залпами из 124 орудий. Указом Президиума Верховного Совета СССР 178-я сд была награждена орденом Красного Знамени.

Между тем наступление продолжалось. В начале марта соединение вышло к истокам р. Великая. Очищение от оккупантов Великолукской области близилось к концу. За два месяца боев было освобождено много населенных пунктов, дивизии удалось спасти в Пановском лагере 3 тыс. советских граждан от угона в немецкое рабство. Во фронте противника была пробита брешь шириною в 30 км и глубиною в 70 км, взяты огромные трофеи, в том числе 100 паровозов⁴³. Многие воины 178-й сд пали в этих боях, начиная с замкомдива по политчасти полковника М. А. Жалиса и кончая сыном 709-го полка подростком Васильком Шавровым⁴⁴.

До мая соединение, находясь в резерве Ставки, получало новое пополнение, а затем было направлено на Ленинградский фронт, чтобы в составе 21-й армии участвовать в освобождении Карельского перешейка. Этот удар не только выводил Красную Армию к финляндской границе, но и способствовал оттяжкой вражеских сил на север последующему их разгрому в Белоруссии⁴⁵. Дивизией командовал А. Л. Кролик, а с июля — полковник И. И. Лебединский, заместителем комдива по политчасти был подполковник П. Н. Русаков, начальником штаба — полковник Л. Н. Дорошенко. В частях оборудовали учебные поля и опорные пункты по типу вражеской обороны, наладили обучение штурмовых групп, отрабатывали блокирование дотов и наведение переправ, офицеры неоднократно выезжали на рекогносцировку местности, командование дивизии участвовало в оперативно-тактическом проигрывании хода операции. Чтобы не привлечь внимания разведки противника, накануне операции подраз-

деления 178-й сд из Стрельны и Ропши прослали в Ленинград под видом обычных железнодорожных пассажиров; затем мелкими партиями, смешавшись с городской толпой, прошли на правый берег Невы и оттуда добрались до верховьев р. Охты, на исходный рубеж. По детально отработанному месячному графику перебросили на передний край артиллерию и минометы, подвезли боеприпасы, подтянули транспорт, выдвинули орудия на прямую наводку⁴⁶. Помог маскировке и тот факт, что фронтовая («На страже Родины»), армейская («Боевой натиск») и дивизионная газеты специально помещали материалы о предстоящих боевых действиях в Эстонии. Большую моральную поддержку воинам оказали труженики Ленинграда. Городские артисты часто выступали перед офицерами и солдатами, рабочие делегации привозили подарки, призывая своих защитников поскорее и подальше отбросить врага от города на Неве⁴⁷.

9 июня с утра авиация, артиллерия фронта и Балтийского флота провели многочасовую огневую подготовку. Вечером началась разведка боем, а 10 июня новая артканонада и авиабомбежка предшествовали прорыву⁴⁸. В составе 97-го стрелкового корпуса (ск), сражавшегося на участке между Каллелово и оз. Каллеловский разлив⁴⁹, дивизия форсировала р. Сестру и за первый же день продвинулась на 14 километров. На вторые сутки в пробитую ею брешь вошли соединения 98-го ск⁵⁰, а 178-я сд была переброшена в наступавшую севернее 23-ю армию. Через неделю дивизия, возвратившись в 21-ю армию, была использована для нанесения главного удара вдоль Выборгского шоссе. Повсюду на дорогах виднелись указатели «Вперед, на Выборг!», и такой же заголовок стоял на листовках, раздаваемых солдатам. Восстановленные финнами за период трехлетней оккупации Карельского перешейка укрепления «линии Маннергейма» были преодолены быстрее, чем ожидалось⁵¹. Дело резко осложнилось, когда показались окраины Выборга. В сражение вступили немецкие войска, над голо-

⁴⁶ «История ордена Ленина Ленинградского военного округа», стр. 374 сл.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Н. Г. Кузнецов. Курсом к победе. М. 1975, стр. 397; «Битва за Ленинград. 1941—1944». М. 1964, стр. 446.

⁴⁹ «История ордена Ленина Ленинградского военного округа», стр. 380.

⁵⁰ «Советская военная энциклопедия». Т. 2. М. 1976, стр. 423.

⁵¹ «Правда», 23.VI.1944.

⁴³ «Псковская правда», 29.I.1974.

⁴⁴ З. Исправникова Л. Чернышев. Здесь путь на бессмертье держали солдаты. «Омская правда», 30.VII.1977.

⁴⁵ Г. К. Жуков. Указ. соч., стр. 549.

вой повисли фашистские самолеты, из-за каждого вала стреляли «фаустники». Но ничто уже не могло сломить наступательный порыв бойцов. Перерезав железную дорогу на Ренолу, 178-я ед блокировала Выборг с севера и ворвалась в его предместья на пути к Сайменскому каналу. 20 июня старинный город опять обрел советское гражданство. Приказом Верховного Главнокомандующего стрелковым полком дивизии — 386-му подполковника В. Г. Савченко, 693-му майора А. П. Галкина и 709-му майора Б. А. Кострова — было присвоено почетное наименование Выборгских⁵².

С июля 1944 г. 178-я ед стояла в обороне, обеспечивая северо-западное Ладожского озера неприкосновенность советской границы с Финляндией. После того как последняя в сентябре вышла из войны, дивизия находилась в резерве и усиленно готовилась к новым боям. Весной 1945 г. ее перебросили на 2-й Прибалтийский фронт, вошедший затем в состав Ленинградского фронта, а соединение, подчиняясь 10-й гвардейской армии, включилось в борьбу с войсками группы армий «Север», зажатых на Курземском полуострове⁵³. Постепенно отступая под натиском Красной Армии, противник скапливался севернее линии Тукумс — Ауце — Вайнёде, сжимая свои боевые порядки и отказываясь капитулировать⁵⁴. В 1944 г. фашистские дивизии были здесь блокирова-

ны и отрезаны от Германии⁵⁵. Теперь предстояло уничтожить их либо заставить сложить оружие⁵⁶. 178-я ед активно действовала, продвигаясь от Добеле к Балтике, и освободила ряд населенных пунктов Лиепайской области, в том числе г. Салдус⁵⁷.

Многих ветеранов Кулагинской Краснознаменной иет уже в живых, другие еще служат в Советских Вооруженных Силах. Большинство же продолжает работать на трудовом фронте. Память о подвигах воинов дивизии хранят музеи и комнаты боевой славы, носящие ее имя. Особенно много экспонатов в музеях при средней школе № 12 г. Электросталь⁵⁸ и средней школе № 75 г. Омска⁵⁹. Впечатляют такие же музеи или комнаты в средней школе № 69 г. Барнаула, железнодорожной школе г. Новосокольники, ряде городских, поселковых и сельских школ Калининской, Смоленской, Ленинградской областей и Алтайского края. Славные дела защитников Родины вдохновляют ныне новые поколения советских людей.

М. М. Таланов

⁵⁵ И. Х. Баграмян. Так шли мы к победе. М. 1977, стр. 420–434, 441, 470, 480.

⁵⁶ С. М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. М. 1968, стр. 299.

⁵⁷ «Основные этапы...», стр. 5.

⁵⁸ См.: А. Савельев. По приглашению юных друзей. «Ленинское знамя», 25.I.1973; Л. Кириллова. Становится явным минувшее. «Ленинское знамя», 23.X.1973; В. Цыганков. Застывшие на пьедестале. «Ленинское знамя», 21.IX.1974.

⁵⁹ «Ратные подвиги воинов-сибиряков». Составители: В. И. Шихова и ветераны 178-й сККд (машиннопись, из личного архива М. М. Таланова), стр. 2–3.

⁵² «История ордена Ленина Ленинградского военного округа», стр. 374–394, 568.

⁵³ «Схема...», позиция VIII; «Советская военная энциклопедия». Т. 4, стр. 534.

⁵⁴ См. А. М. Василевский. Дело всей жизни. М. 1973, стр. 471.

ПРОТИВ КОГО БЫЛ НАПРАВЛЕН ПАМФЛЕТ?

В 1802 г. известный публицист, активный участник Французской буржуазной революции конца XVIII в., один из видных представителей утопического коммунизма П.-С. Марешаль анонимно выпустил книгу «История России, сокращенная до изложения только важных фактов». В конце ее был помещен сенсационный документ — «Добрые и последние советы Екатерины II Павлу I, найденные среди

бумаг российской императрицы после ее смерти»¹.

На протяжении полутора столетия вопрос о подлинности этого «Завещания» Екатерины II оставался открытым. Происхождение его казалось сомнительным. Но написано оно было настолько в «ска-

¹ «Histoire de la Russie, réduite aux seuls faits importants». L.—P. An X (1802), pp. 359–387.

терининском духе», что исследователи загадочного документа воздерживались от категорической оценки его подлинности². Г. А. Лихоткин убедительно доказал, что «Завешание» Екатерины II является историко-литературной мистификацией и принадлежит перу самого Марешаля³. Однако идейный замысел «Добрых и последних советов», ради которого Марешаль встал на путь мистификации, не получил достаточно убедительного истолкования.

Г. А. Лихоткин полагал, что поскольку в начале XIX в. были еще живы некоторые идеи эпохи Просвещения, например, теория просвещенного абсолютизма, которая после революции приобрела уже негативное звучание, то критика этой теории в новой обстановке имела актуальное общественно-политическое значение. И Марешаль задумал на фактах из истории России развенчать теорию просвещенного абсолютизма, разделявшуюся корифеями эпохи Просвещения. Полемизируя с Вольтером, но не называя его имени, Марешаль стремился доказать, что любой государь, даже самый просвещенный, по своей сути является деспотом. В этой связи для автора было особенно важно разоблачить Екатерину II, которой Дидро, д'Аламбер и Вольтер «воздвигали алтари по всей Европе». Поэтому он и написал «Завешание», чтобы представить российскую императрицу в образе «человека, для которого все средства хороши, если они помогают утверждению полного, ничем не ограниченного абсолютного самовластья»⁴. Европейский читатель последней четверти XVIII в. был хорошо знаком с опубликованной тогда перепиской Екатерины II и Вольтера. В ней императрица выглядела идеальным монархом, действующим по канонам просвещенного абсолютизма. Со страниц же «Завешания» представал облик «идеального деспота», использующего любые средства для управления народом, участь которого — лишь работать и молчать. В этом контрасте между двумя образами Екатерины виделся «мет-

кий и точный удар по теории просвещенного абсолютизма»⁵.

Однако возникает вопрос: не следует ли уточнить идейную направленность «Завешания»? Ведь среди политических проблем, волновавших французское общество начала XIX в., когда после переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 г.) в стране начал складываться авторитарный режим Наполеона Бонапарта, теория просвещенного абсолютизма не играла уже прежней роли. Зато призывы Марешаля обуздать правителей, «для которых пути закона есть не что иное, как ниточки пакли»; настойчиво повторяемая им мысль о том, что только народное восстание может принести избавление от деспотизма и тирании; наконец, упреки народу за то, что он не следил за деятельностью своих правителей и позволял им совершать одно беззаконие за другим, — все это звучало весьма злободневно в консульской Франции и метило отнюдь не в просвещенных монархов прошлого, а в Наполеона, чьи авторитарные устремления с каждым днем становились очевиднее. Таким образом, идейную основу «Завешания» составляет отнюдь не полемика Марешаля с Вольтером. Напомним, что в конце обзора царствования Екатерины II, после которого в книге Марешаля помещены «Добрые и последние советы», он сделал пометку: «Следующая статья не чужда данному сочинению»⁶. Но если Марешаль столь прозрачно намекает на свое авторство и читатель, следовательно, может без труда догадаться, что «Завешание» поддельно, то сравнение мистификации с подлинной перепиской царицы и Вольтера явилось бы холостым выстрелом.

Вряд ли верно и то, что Марешаль задумал дать оценку прошедшей во Франции революции и, поскольку касаться этой острой темы было тогда опасно, решил сделать это устами Екатерины II, для чего и написал «Добрые и последние советы», выделив их в особую часть своей книги. Известно, что оценка Французской революции была дана Марешалем еще в 1793 г. в трактате «Поправка в интересах революции». В этом наиболее полном изложении своих социально-политических воззрений он высказал идеи, которым оставался верен до конца своих дней. Марешаль проповедовал идею социального равенства⁷ и с этих

² См., в частности, Ф. А. Терновский. Русское вольнодумство при императрице Екатерине II и эпоха реакции. «Труды» Киевской духовной академии. Кн. III. Киев. 1908, стр. 127—129, 133; Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.-Л. 1951, стр. 522.

³ Г. А. Лихоткин. Сильвен Марешаль и «Завешание Екатерины II. (К истории одной литературной мистификации.) Л. 1974.

⁴ Там же, стр. 47.

⁵ Там же, стр. 48.

⁶ Там же, стр. 46.

⁷ «Correctif à la Révolution». P. 1793 (l'an II de la République), p. 307.

позиций критиковал революцию за ее буржуазный характер⁸. Поэтому ни блестящее мастерство имитации, ни талант перевоплощения в создаваемый образ не позволили бы Марешалю передать свою основную идею устами царицы. Г. А. Лихоткин согласен с тем, что нельзя отождествлять оценки, данные Французской революции в «Завещании», с оценками самого Марешаля: Екатерина отрицает революцию во имя сохранения абсолютизма, Марешаль же критически относится к ней во имя уничтожения абсолютизма и во имя той будущей революции, которая даст народам подлинное равенство⁹.

Итак, замысел Марешаля состоял в другом. Недаром глубокий знаток его жизни и творчества М. Домманже считал «Историю России» лишь предлогом для разоблачения Наполеона Бонапарта, «против которого жестокость времени не позволяла бороться открыто»¹⁰. Но Домманже не анализировал «Добрые и последние советы». Г. А. Лихоткин же считает, что «при самом предвзятом подходе к «Добрым и последним советам» видеть в них даже косвенные намеки на Наполеона весьма и весьма сложно»¹¹. Чтобы решить спорный вопрос, обратимся к тексту сочинения Марешаля. Автор «Завещания» после самой обычной для такого рода документов преамбулы уверяет, что вследствие революции искусство царствовать становится все более трудным, и потому призывает своего преемника Павла научиться «предотвращать народные бури»; «подданные ваши не должны иметь иных мыслей, кроме мыслей своего государя. Вы один знаете степень просвещения, нужную им»; правитель, усвоивший ту истину, что «нельзя располагать народом, рассуждающим по своей воле», обязан овладеть мыслями своих подданных, содержать общественное мнение, так сказать, на своем жалованье, с помощью религии направлять его выгодным для себя образом, не позволяя ему разглагольствовать. Для этого достаточно

иметь в государстве всего одну газету. А чтобы не питать народное любопытство, следует удалить от взоров народа описания политических возмущений, в первую очередь событий Французской революции. Нет ничего труднее, чем управлять народом, который во всем требует отчета; поэтому надо воспитывать его не на философских трактатах, а на семейных добродетелях, заключить его науки в пределы «домашней нравственности», покровительствовать обычным поэтам, прозаикам, романистам и историкам, уважать геометров и натуралистов, но сослать всех тех писателей, которые претендуют на то, чтобы быть государственными людьми (стр. 83—85).

Пожалуй, все европейские абсолютные монархи, в том числе и Екатерина II, могли бы одобрить эту своеобразную хартию классического макиавеллизма. Но едва ли в последовательном проведении в жизнь содержащихся в ней принципов кто-либо из них мог бы хоть отдаленно соперничать с Наполеоном. Как известно, 17 января 1800 г., то есть через два с небольшим месяца после переворота 18 брюмера, Наполеон, органически не переносивший чего-либо, даже отдаленно похожего на свободу печати, закрыл 60 французских газет из имевшихся 73. Оставшиеся же (9 из них позднее также прекратили существование) стали послушным орудием в руках первого консула. «Основной наполеоновский принцип,— писал Е. В. Тарле,— состоял в том, что газеты обязаны не только молчать, о чем прикажут молчать, но и говорить, о чем прикажут, и главное, как прикажут говорить. И любопытно, что Наполеон требует, чтобы все газеты в строгой точности так мыслили, как он в данный момент мыслит: со всеми оттенками, со всеми иногда весьма сложными деталями; чтобы бранили, как нужно, с теми самыми оговорками и пояснениями, которые находит нужным делать сам император, браня или хваля ту или иную данную страну, данную дипломатию»¹².

Одной из запретных для наполеоновской печати была тема Французской революции. Стремясь искоренить воспоминания о ее эпохе и деятелях, Наполеон наложил запрет даже на путеводители и топографические описания, в которых имелись малейшие упоминания о революционных событиях. Зато хорошо известно покровительство, которое он оказывал математикам, хими-

⁸ Ср.: Г. С. Кучеренко. Социально-политические взгляды Сильвена Марешаля. «История социалистических учений». М. 1962; его же. Судьба завещания Жана Мелье в XVIII веке. М. 1968, стр. 137—194.

⁹ Г. А. Лихоткин. Указ. соч., стр. 49.

¹⁰ M. Dommanget. Sylvain Maréchal. L'égalitaire. «L'homme sans dieu». Sa vie, son oeuvre (1750—1803). P. 1950, p. 397.

¹¹ Г. А. Лихоткин. Указ. соч., стр. 35. Ниже в тексте ссылки на «Завещание» даются по его публикации.

¹² Е. В. Тарле. Сочинения. Т. IV. М. 1959, стр. 433—494.

кам, физикам, астрономам. Особенное расположение он питал к египтологам¹³. Думается, не без намека именно на это обстоятельство Марешаль вложил в уста царицы следующую фразу: «От моих ученых мне стало известно, что древний Египет... закрывал входы своих портов иностранцам» (стр. 83). И даже если полагать, что меры, перечисленные в тексте «Завещания», носят универсальный характер, воплощают в себе типичные черты самодержавного режима и в равной степени могут быть отнесены к любой абсолютной монархии, то подтекст «Завещания» становится еще более ощутимым, как только речь заходит о послереволюционной Франции.

Действительно, автор «Завещания» призывает обрушиться на республику в наиболее подходящий момент, когда «она не сможет управлять собой лучше, чем другими». И хотя речь как будто идет о посылке войск во Францию для разгрома революции, обращает на себя внимание тот факт, что автор постоянно говорит о борьбе не с революцией и ее принципами, а о борьбе с республикой, удушение которой повлечет за собой усиление власти того, кому адресовано «Завещание»; «именно к этому вы должны стремиться прежде всего», — наставляет автор своего преемника и перечисляет средства, способные усилить абсолютную власть. Первоначальный план автора состоял в том, чтобы предоставить республику самой себе и дожидаться времени, когда она изживет себя; однако теперь, когда вся Европа потрясается ради общего дела королей, следует подумать, не настало ли время учинить это «великодушное предприятие» (стр. 85—87), то есть удушить республику.

Марешаль был соратником основателя «Заговора равных» Г. Бабефа, которые еще в 1796 г. усматривали в поведении генерала Бонапарта авторитарные замашки. В 1797 г. Марешаль выпустил антинаполеоновский памфлет «Поправка к славе Бонапарта», в котором высказал опасение, что популярный генерал может явиться в Национальное собрание и заявить: «Я дам вам короля в моем духе, или трепещите»¹⁴. В «Добрых и последних советах» приводится обстоятельная программа восстановления власти короля во Франции. А о том, что этот король будет в наполеоновском духе, ярко свидетельствуют те места «За-

вещания», в которых перечисляются средства, способствующие утверждению абсолютной власти. Так, укрепив внутреннее положение с помощью внешних победоносных войн, Павел сможет приобрести популярность. Но сама по себе популярность, эта добродетель республиканской магистратуры, ненадежна, ибо толпа неблагодарна и непостоянна. Поэтому следует позаботиться о том, чтобы привязать к себе армию: «Рубль, данный солдатам кстати, слово, обращенное к их генералу, оцениваются гораздо дороже победы». Вообще главным предметом любви императора должно быть войско. «С незапамятных времен на этой Земле все делается только силой, мы правим только нашими солдатами. Из всех правительств правительство военное есть вернейшее. Прежде всего заставьте любить себя войска. Народ — ничто, солдаты — все». Едва ли в чьих-либо иных устах эти сентенции выглядели бы столь убедительно, как у Бонапарта. Быть во всем обязанным только своим генералам, т. е. самому себе, основывать все на праве завоевания — вот что стало не только мыслью, а, так сказать, политическим мироощущением Наполеона. «Большие батальоны всегда правы» — это было одной из любимых поговорок Бонапарта»¹⁵.

По мнению автора «Завещания», император должен твердо и постоянно следить за армией, не допуская образования в ней каких-либо военных конфедераций. Не менее беспощадно должен он бороться с политическими клубами, обществами и кружками. Напомним в этой связи, что еще при Директории, 7 февраля 1796 г., Бонапарт как командующий «внутренней армией» закрыл «Общество друзей республики», преобладающее влияние в котором принадлежало единомышленникам Бабефа — бабувистам¹⁶. В советах автора «Завещания» не допускать, чтобы какая-либо корпорация предписывала императору законы, и сурово пресекать любые попытки вмешаться в его законодательную деятельность прямо отражена борьба Бонапарта с оппозицией, с которой он столкнулся как консул в Трибунате и Законодательном корпусе¹⁷. Равным образом советы вести борьбу с преступностью и нищетой, покончить с кончи-

¹⁵ Е. В. Тарле. Сочинения. Т. VII, стр. 92.

¹⁶ «История Франции». Т. II. М. 1973, стр. 94.

¹⁷ А. Олар. Политическая история Французской революции. М. 1938, стр. 868—871, 877—878, 925—926.

¹³ Е. В. Тарле. Сочинения. Т. VII. М. 1959, стр. 124—125.

¹⁴ M. Dommanget. Op. cit., p. 342.

республиканское правление оказалось не в состоянии (стр. 89—90), отражают те шаги Бонапарта на правительственном поприще, которые увеличили его популярность, когда он очистил дороги Южной и Центральной Франции от разбойничьих шайк, чья деятельность при Директории приняла характер социального бедствия, и боролся со «спекулянтствующим хищничеством»¹⁸.

Наполеоновские же ассоциации вызывает и совет не пренебрегать услугами шпионов и священников, держать их в зависимости, хорошо оплачивать, но пользоваться ими с осторожностью (стр. 89). Известно, на какую широкую ногу была поставлена соответствующая деятельность при Консульстве, как и то недоверие, которое первый консул питал к Ж. Фуше, возглавлявшему министерство полиции. Слова о духовенстве позволяют также вспомнить, как 16 мая 1801 г. Бонапарт и римский папа подписали конкордат о ликвидации провозглашенного в годы революции отделения церкви от государства, после чего государство вновь стало содержать священников¹⁹.

Автор «Завещания» считает, что солдат — это все для правительства, «но без денег нет войска», и поэтому советует заняться упорядочением финансов (стр. 91). Как раз к весне 1800 г. Бонапарт, чтобы накормить, одеть и вооружить громадную армию, провел ряд мер, укреплявших финансовое положение страны²⁰. Текст «Завещания» призывает преемника не забывать о роскоши, которая в противовес республиканской простоте должна окружать его двор, ослепляя подданных и поражая посланников других дворов. И здесь очевидна реминисценция: в 1800 г. Бонапарт переехал в Тюильри и занял прежние покои Людовика XVI²¹. Был создан двор первого консула, после чего усилия гофмаршала Дюрока оказались «направлены на то, чтобы роскошью, богатством, великолепием Тюильрийский дворец затмил все дворцы европейских монархий»²².

Таковы лишь основные советы Марешала, в которых, как представляется, отразились намеки на Наполеона. В ряде случаев они нарочито сопровождаются упоминаниями о реальных фактах из биографии Екатери-

ны II и Павла или выражениями, которые никоим образом не могли принадлежать первому консулу. Например, автор «Завещания» называет Ж.-Ж. Руссо единственным философом, оставшимся нечувствительным к вниманию с его стороны; в отношении же Дидро замечает, что ему было дозволено говорить откровенно: «Я нуждаюсь на время в людях такого рода; они были первым эхом моей славы... Они прозвали меня Северною Семирамидой... Это самое сказала я Дидероту»; а в заключение советует преемнику воздать должное правителям, которые во время путешествия оказали ему гостеприимство (стр. 83—86, 92). Но таких сугубо «биографических» деталей в тексте «Завещания» мало. Учитывая это, Марешаль сопроводил текст подстрочными примечаниями, где дополнительно поместил «екатерининский» материал. Эти примечания столь плохо согласуются с основным текстом «Завещания», что русские переписчики, как правило, опускали их, когда документ стал распространяться по России в списках. «Российский» фон «Добрых и последних советов» сыграл свою роль: без него Марешалю едва ли удалось бы преодолеть рогатки наполеоновской цензуры, железные тиски которой он с таким блеском изобразил в своем памфлете.

И еще один аргумент в пользу того, что «Добрые и последние советы» представляют собой антинаполеоновский памфлет. Обратимся к времени выхода в свет этого произведения. С 6 по 10 мая 1802 г. в высших государственных органах Французской республики обсуждался вопрос о назначении Бонапарта пожизненным консулом с правом избирать себе преемника. После того как это предложение, инспирированное Наполеоном, натолкнулось на оппозицию, консулы вопреки конституции и без согласия законодательных органов издали 10 мая постановление о плебисците, который состоялся 2 августа 1802 года²³. Памфлет же Марешаля вышел из печати 9 июня 1802 года²⁴, то есть накануне плебисцита. Далеко не все современники понимали смысл происходивших во Франции перемен. Замысел Марешаля, очевидно, состоял в том, чтобы раскрыть суть происходящего.

Для определения места, которое принадлежит рассматриваемой публикации Марешаля в развитии французской общественно-политической мысли периода Кон-

¹⁸ Е. В. Тарле. Сочинения. Т. VII, стр. 92—93, 95.

¹⁹ «История Франции». Т. II, стр. 122.

²⁰ Е. В. Тарле. Сочинения. Т. VII, стр. 95.

²¹ А. Олар. Указ. соч., стр. 871.

²² А. З. Манфред. Наполеон Бонапарт. М. 1971, стр. 413.

²³ А. Олар. Указ. соч., стр. 906—909.

²⁴ M. Dommanget. Op. cit., p. 397.

сульства, важно установить, как были встречены во Франции «Добрые и последние советы». Понял ли тогдашний французский читатель истинный замысел автора? Вызвало ли произведение Марешаля какие-либо отклики, либо прошло незамеченным? Но это уже особый сюжет. Что касается России, то в ней «Завешание» получило широкое распространение и в списках на французском языке и в русских переводах²⁵. Примечательно, что владель-

цы списков (а среди них были профессиональные историки Г. Н. Геннади и Н. К. Шильдер), очевидно, даже не подозревали, что имеют дело с антинаполеоновским памфлетом. Марешаль, искусно владея мастерством имитации, сумел высказаться по злободневному для консульской Франции вопросу, введя в заблуждение не только французских цензоров, но и русских собирателей редких рукописей.

М. М. Сафонов

²⁵ Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 178, оп. 1, д. 27; ф. 859, карт. 24 № 16; ЦГВИА. ф. 410, оп. 1, д. 20; Государственный исторический музей, Отдел письменных источников, ф. 445, оп. 1, д. 80-б, ч. 124; Государственная библиотека СССР имени В. И. Ле-

нина, Отдел рукописей, ф. 661, оп. 1, д. 41; ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, д. 422; Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, ф. 265, оп. 2, д. 3829; Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, ф. 16, оп. 1, д. 235.

У исторической карты народов мира

БАСКИ

Баски (самоназвание — *euskaldunak*, то есть «люди, говорящие по-баскски») населяют Западные Пиренеи и побережье Бискайского залива. В Испании они проживают в Стране Басков (историческая область, объединяющая провинции Бискайя, Гипускоа и Алава), а также в северных районах Наварры; во Франции — в лежащих на границе с Испанией областях Суль, Лабур и Нижняя Наварра, входящих в состав департамента Атлантические Пиренеи. В Испании басков насчитывается приблизительно 500—800 тыс. человек, во Франции — 150 тысяч. Во всех районах, населенных ими, а особенно в городах (Бильбао, Сан-Себастьян, Эйбар, Витория, Байонна и др.) наряду с ними проживают соответственно испанцы или французы. Поэтому баски, как правило, двуязычны¹.

Проблема этногенеза басков издавна привлекала внимание археологов, антропологов, лингвистов, этнографов и историков, причем одно из центральных мест в дис-

куссии, посвященной баскам, принадлежит вопросу о баскском языке — *euskera*. Своеобразие этого языка, чья принадлежность к какой-либо из известных в настоящее время языковых семей не доказана, породило множество гипотез. Крупные баскологи К. Уленбек (Нидерланды), Р. Лафон (Франция), А. Товар (Испания) выдвинули идею о родстве между басками и народами горного Кавказа, основанную на лексических и грамматических соответствиях между баскским и кавказскими языками². Ряд испанских археологов и этнографов (среди них — П. Бош-Гимпера, М. Барандиаран, Х. Каро Бароха), изучая археологические данные, пришли к выводу, что баски — потомки древнейшего коренного населения севера Пиренейского полуострова, которое в I тыс. до н. э. было оттеснено в горные районы переселившимися в Испанию племенами иберов и кельтов. Немецкий филолог Г. Шухардт относил басков к народам, живущим в Северной Африке. В литературе встречаются также

¹ P. Bosch-Gimpera. *Etnología de la Península Ibérica*. Barcelona. 1932; А. Н. Кожановский. Этнические процессы в современной Басконии. «Расы и народы». М. 1978.

² В последние годы большой вклад в разработку этой теории внесли советские ученые Ш. В. Дзидзигури, Ю. В. Зыцарь, Г. Чахтладзе и др.

гипотезы о родстве древнего населения Западных Пиренеев с этрусками, лигурами и другими древними народами³. Вопрос о происхождении басков и их языка остается пока открытым. Что касается современных басков, то вообще было бы неверным полностью отождествлять их с каким-нибудь одним древним народом, будь то «древние пиренейцы», этруски или иберы. Современные баски — сплав различных этнических элементов, обитавших в разные эпохи на побережье Бискайского залива.

Традиционные занятия басков — земледелие и скотоводство. Большие площади занимают здесь посевы пшеницы, ячменя, овса, яблоневые сады. После открытия Америки широкое распространение получили в Басконии завезенные из Нового Света кукуруза, картофель и фасоль. Недостаток плодородной земли в горных долинах сделал необходимым применение интенсивных методов обработки. В Стране Басков вплоть до XIX в. наряду с плугом существовала лайя, напоминающая большую двухзубую вилку с одной или двумя ручками и служащая для глубокого вскапывания земли. Разведение крупного рогатого скота, овец и свиней имеет здесь давние традиции. На это указывает тот факт, что большинство скотоводческих терминов в баскском языке — чисто баскского происхождения. Большую роль в жизни прибрежных районов играет рыболовство. Во внутренних, лесистых районах ранее была широко распространена охота. Одно из древнейших ремесел басков — обработка железа и получение древесного угля. До XVIII в. в Стране Басков сохранялся старинный способ выплавки железа: руда вместе с древесным углем закладывалась в выдолбленный, обмазанный изнутри глиной ствол дерева, а для поддува воздуха использовались мехи из козьих шкур, приводимые в движение руками или ногами⁴. В XIX в. использование астурийских залежей каменного угля превратило Бискаю в крупнейший центр металлургической промышленности Испании.

Для сельских районов, населенных басками, характерны деревеньки или даже одиночные поселения — касериос. Дома,

обычно двухэтажные, строятся из дерева и камня; снаружи их опоясывают крытые галереи, лестницы, балконы; окна небольшие. Каждый старый дом имеет свое название, и над входом помещается каменная доска, на которой высечены название дома, имена первого владельца и его жены, дата постройки. В качестве средств передвижения традиционно использовались повозки с очень массивными колесами, а для перевозки грузов по крутым склонам — сани. Национальная одежда, еще в XIX в. широко распространенная и имевшая многочисленные провинциальные варианты⁵, в настоящее время почти исчезла из повседневной жизни. Единственная деталь баскского костюма, не только сохранившаяся до наших дней, но и завоевавшая популярность за пределами баскских провинций, — берет.

Народное искусство басков очень своеобразно. Большого развития достигла резьба по дереву и камню. Характерными элементами баскского орнамента являются треугольники, звезды, спирали, розетки, стилизованные изображения Луны и Солнца, животных, инструментов. Обильно украшены резьбой могильные памятники, имеющие форму диска. Традиционные музыкальные инструменты басков: тксисту — разновидность флейты⁶, барабаны, сойну — струнный инструмент. Народные праздники в деревнях обычно сопровождаются ганцами, турнирами бертсолари (поэтов-импровизаторов) и спортивными состязаниями. Христианство распространилось среди басков сравнительно поздно, в IX—XI вв., и легенды и поверья доносят до нас различные следы языческих верований басков: обожествление Луны, культ женского божества Мари, вера в существование леших, драконов, русалок. Баскский фольклор в настоящее время привлекает внимание не только специалистов-этнографов, но и широких слоев общественности Испании. В 1960-е годы возникли пользующиеся огромной популярностью фольклорные ансамбли. Пропаганда народного искусства стала тогда одной из форм борьбы баскского народа против франкистской диктатуры и национального угнетения⁷.

⁵ B. Estornés Lasa. Como han sido y como son los vascos. Vol. I. San Sebastián. 1974.

⁶ Еще Страбон (ок. 63 г. до н. э. — ок. 20 г. н. э.) отмечал существование особой флейты у племен Северной Испании (Страбон. География. Л. 1964, стр. 151).

⁷ «Cuadernos para el diálogo», № 169, VI. 1976, pp. 37—38; «Cambio 16», № 218, II. 1976, pp. 65—66.

³ В наиболее систематизированном виде эти гипотезы изложены в книгах: А. В. Мишулин. Античная Испания. М. 1952, стр. 157—160; B. Estornés Lasa. Orígenes de los vascos. Vol. I. San Sebastián. 1967, pp. 246—252.

⁴ J. Caro Baroja. Los vascos. Madrid. 1972, p. 187.

Древнегреческие авторы (Птолемей, Страбон) упоминают в своих работах среди многих племен, обитавших на севере Испании, и племя васконов, занимавшее территорию с центром в Памплоне⁸. Римская колонизация Испании, начавшаяся в III—II вв. до н. э., привела к тому, что баскский язык и культура были оттеснены латынью и римской культурой в горные долины Западных Пиренеев, где власть римлян оставалась относительно слабой. В V в. н. э. вторжение германских племен коренным образом изменило политическую карту Западной Европы: на развалинах Римской империи возникли «варварские» королевства. В VII—VIII вв. территория, населенная басками, была разделена. Баскские земли к северу от Пиренеев были включены в состав герцогства Аквитания, а с 1154 г. перешли к английской короне. Только после победы Франции в Столетней войне области Суль и Лабур были присоединены к Франции. Баски, жившие на южных склонах Пиренеев, оказали упорное сопротивление германцам. Вестготское королевство вплоть до начала арабских завоеваний в Испании (711 г.) так и не смогло распространить свое господство на Басконию, хотя постоянно стремилось подавить там народные восстания. А в 778 г. баски разгромили в Ронсевальском ущелье отряд франкских войск во главе с маркграфом Бретонской марки Хруодландом (Роландом)⁹. Правда, в начале IX в. южные земли басков стали частью Испанской марки в рамках империи Карла Великого. Но после его смерти марка распалась, а на территории ее западных районов возникло королевство Наварра, в котором в IX—XII вв. находились и баскские земли к югу от Пиренеев. К XIII в. Бискайя, Гипускоа и Алава отпали от Наварры и на протяжении XIII—XV вв. постепенно были присоединены к королевству Кастилия, ставшему ядром складывавшегося Испанского государства. Наварра формально сохраняла независимость вплоть до конца XVI века. В 1512 г. южная ее часть была присоеди-

нена к Испании, северная вошла в состав Франции в 1589 году.

Баскские области Испании сохраняли тогда известную самостоятельность. В Бискайе, Гипускоа и Алаве существовало самоуправление — Генеральная хунта. Местные власти ведали сбором налогов, и без их согласия испанский король не имел права вводить новые или увеличивать старые налоги; любой королевский указ входил в силу на территории каждой провинции только после его утверждения Генеральной хунтой; в ведении местных властей находилась таможенная политика; баски несли военную службу лишь на территории своей провинции. Права и обязанности местных властей закреплялись в специальных документах — фуэрос. Баскские районы во Франции также пользовались особыми правами, хотя в значительно меньшем объеме, чем Бискайя, Гипускоа и Алава.

Социально-экономические отношения в баскских землях характеризовались в период средневековья сохранением общины и общинных угодий, а также существованием наряду с личнозависимыми крестьянами значительных групп свободного крестьянства (это явление было особенно типичным для баскских провинций Испании). Одним из крупнейших движений в Бискайе, Гипускоа и Алаве было народное восстание 1325 года¹⁰. А к XVI в. крепостное право было там ликвидировано. Одновременно крестьянам приходилось вести борьбу с узурпацией общинных гор и лесов со стороны феодальных сеньоров. Случаи захвата общинных угодий особенно участились в XIII—XV вв., когда Страна Басков стала ареной непрекращавшихся распрей двух феодальных кланов, один из которых поддерживал Кастилию, а второй выступал на стороне Наварры. С XVI в. развитие баскских районов Франции и Испании пошло разными путями. Формирование внутреннего рынка и становление централизованного абсолютистского государства во Франции способствовали упрочению экономических и политических связей между Лабуrom, Сулем и Нижней Наваррой, с одной стороны, и другими районами страны — с другой. В то же время эти области Франции стали в XVI—XVIII вв. центром развития баскской культуры. В 1545 г. в Бордо вышла первая книга на баскском языке — сборник стихотворений священника

⁸ Некоторые исследователи считают, что предками басков были не только васконы, но и соседние с ними вардулы и каристии, которые впоследствии слились с васконами (J. Caro Baroja. Los pueblos del Norte de la Península Ibérica. San Sebastián. 1973, p. 100).

⁹ Позднее не только французский, но и баскский эпос приписал победу над Роландом арабам.

¹⁰ F. de Pinedo. Crecimiento económico y transformaciones sociales del País Vasco, 1100—1850. Madrid. 1974, pp. 42—43.

Б. Деченарре. Второй книгой на баскском языке был «Новый завет», переведенный Х. Лисаррагой (опубликован в 1571 г.). Всего в XVI—XVIII вв. во Франции увидело свет около 70 книг на баскском языке¹¹. Основные их жанры — лирика, богословие, пословицы и афоризмы.

Французская буржуазная революция конца XVIII в. ликвидировала феодальные пережитки, сохранявшиеся в Лабуре, Суле и Нижней Наварре. Одновременно были уничтожены особые права, которыми пользовались баскские области. В XIX—XX вв. сельское хозяйство продолжало играть ведущую роль в экономике этих районов¹². Единственный их крупный промышленный центр — Байонна. Большое значение имеет также туризм (курорт Биарриц). Дальнейшее развитие получила баскская литература. Значительным вкладом в баскскую культуру явилась патриотическая поэма М. Ирибаррена «Баски» (1853 г.), посвященная героическому прошлому этого народа. Среди писателей XX в. известностью пользуется Ж. Барбье, автор стихотворений, новелл, пьес и очерков.

Напротив, Страна Басков, в особенности провинция Бискайя, в XVI—XVIII вв. стала одним из наиболее развитых в экономическом отношении районов Испании. Богатые залежи железной руды, близость к основным морским торговым путям, низкие налоги — все это способствовало развитию широкой международной торговли, росту кораблестроительной и металлургической промышленности. В XVIII в. баскские торговые поселения появились в Новом Орлеане, Венесуэле, Гвинее. Центром торговли и промышленности в Стране Басков стал г. Бильбао, вокруг которого группируется «новая знать», начавшая успешно конкурировать со старой, феодальной знатью. В этой борьбе нарождавшаяся буржуазия завоевывала все новые и новые позиции. В первой трети XIX в. один из представителей старой баскской знати А. де Мендоса писал: «Те богатства, которыми владели эти

фамилии, те богатства, которыми гордились древние роды, перешли в Бильбао в другие руки, в руки тех, кто нажил имущество и приобрел внешний блеск путем торговли в Индиях и выгодных браков с дочерьми и внучками англичан и французов»¹³. Развитие торговли и промышленности в Стране Басков происходило на фоне общего экономического упадка Испании, начавшегося в конце XVI века. Вследствие этого экономические связи баскских провинций с Францией, Англией, испанскими владениями в Америке укреплялись значительно быстрее, чем с остальными районами Испании.

Политическая власть в баскских провинциях находилась в руках местной олигархии. В XVII—XVIII вв. там вводятся имущественный и образовательный (умение читать и писать по-испански) цензы для избирателей и избираемых в органы местного самоуправления¹⁴. Центральное правительство в своей политике по отношению к Стране Басков руководствовалось главным образом стремлением собрать как можно больше налогов. Мадридские власти многократно пытались увеличить налоги и ввести систему монополий на основные товары. Одна из таких мер — установление монополии на соль, вызвала в 1631—1634 гг. мощное народное движение.

Развитие хозяйства Страны Басков вело к укреплению экономических связей между Бискайей, Гипускоа и Алавой, к стиранию межпровинциальных перегородок и создавало предпосылки для формирования национального самосознания. Одним из проявлений этой тенденции стала организация в 1766 г. «Баскского королевского общества друзей страны», ставившего своей целью содействие экономическому и культурному прогрессу Страны Басков, причем члены общества рассматривали баскские провинции Испании как единое целое. Для развития баскской литературы в Испании большое значение имела деятельность М. де Ларраменди, составителя баскской грамматики и испано-баскско-латинского словаря, а также Х. А. Могеля-и-Уркисы, популярного прозаика, автора диалогов на живом, разговорном языке¹⁵.

Важным этапом в складывании баскской

¹¹ S. G. Payne. *El nacionalismo vasco de sus orígenes a la ETA*. Barcelona. 1974, p. 160. Особые права французских басков рассмотрены в книге: Ph. Veyrin. *Les Basques de Labourd, de Soule et de Basse Navarre. Leur histoire et leurs traditions*. P. — Grenoble. 1955.

¹² Основой сельского хозяйства там служит мелкое землевладение. В некоторых горных долинах до сих пор сохраняется система общинных земель (G. Viers. *Le pays basque*. Toulouse. 1975, pp. 65—66).

¹³ M. de Ugalde. *Sintesis de la historia del País Vasco*. Madrid. 1974, p. 142.

¹⁴ F. de Pinedo. *Op. cit.*, pp. 62—63, 354—355.

¹⁵ L. Villasante. *Historia de la literatura vasca*. Bilbao. 1961, p. 208.

нации и в укреплении связей между басками и другими народами Испании явились конец XVIII — начало XIX в., когда угроза утраты независимости способствовала сплочению всех народов страны. Так, в 1794 г., когда французы попытались установить над Гипускоа свой протекторат, жители этой провинции с оружием в руках выступили против отторжения Гипускоа от Страны Басков и Испании¹⁶. Во время наполеоновской интервенции (1808—1813 гг.) баскский народ вместе с другими народами Испании вел борьбу за суверенитет страны.

Одним из ключевых стал в XIX в. вопрос, связанный с существованием фуэрос. В годы первой (1808—1814 гг.) и второй (1820—1823 гг.) буржуазных революций в Испании фуэрос отменялись, но победа контрреволюции дважды восстанавливала их. Испанские либералы считали особые права баскских провинций оплотом феодального местничества, препятствием для хозяйственного прогресса и создания централизованного государства с единым законодательством, единой финансовой системой и единой армией. Однако либералы не учитывали того, что фуэрос в то же время отражали национальную самобытность баскского народа. В 1833 г. феодальная реакция и клерикальные круги, сплотившиеся вокруг претендента на испанский престол дон Карлоса, развязали войну со сторонниками буржуазного развития страны, выступившими на стороне королевы Изабеллы. Карлисты использовали недовольство баскских крестьян политикой буржуазных деятелей и вовлекли их в контрреволюционную борьбу. Впрочем, это недовольство было связано не только с национальными чувствами басков, но и с огромным влиянием католической церкви, политической отсталостью крестьянства, а также с тем, что ликвидация фуэрос означала резкое увеличение налогового гнета. Буржуазия Страны Басков решительно поддержала мадридское правительство. Бильбао, дважды подвергавшийся осаде карлистов, так и не был взят. В борьбе с карлизмом мадридские власти вынуждены были подтвердить баскские вольности (закон 1837 г.), что послужило одной из причин поражения карлистов в 1840 году.

В последующие годы, несмотря на закон 1837 г., фуэрос все более ограничивались.

Наконец после окончания II карлистской войны (1872—1876 гг.), в которую карлистам опять удалось вовлечь часть баскских крестьян, баскские вольности были окончательно отменены.

Их место заняли «экономические соглашения», дававшие местным властям некоторую самостоятельность в использовании части налоговых сумм. Завершение промышленного переворота и приток иностранного капитала, главным образом английского и французского, вызвали бурный рост баскской промышленности. Это, в свою очередь, привело к значительным этническим и социальным изменениям в Стране Басков. Ряды баскского рабочего класса пополнялись выходцами из отсталых аграрных районов Испании, а Страна Басков превратилась в один из центров испанского рабочего движения с богатыми традициями классовой борьбы. Огромное влияние приобрела здесь созданная в 1879 г. Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП).

Централизаторская политика Мадрида вызвала отпор со стороны усилившейся в конце XIX в. баскской буржуазии, образовавшей в 1894 г. Баскскую националистическую партию (БНП). В первые годы существования БНП выступала с националистической программой, противопоставлявшей басков другим народам Испании. Однако такая линия не отвечала интересам баскской буржуазии, ориентирующейся на испанский рынок. И в начале XX в. БНП переходит к требованию автономии для Страны Басков в рамках Испанского государства. Пользуясь поддержкой мелкой и средней буржуазии, БНП пыталась привлечь на свою сторону также и рабочих. Борьба за национальные права нашла отражение в литературе. Стихотворение «Дерево Герники», написанное в 1853 г. Х.-М. де Ипаррагирре, стало впоследствии национальным гимном Страны Басков¹⁷. В 1901 г. в Бильбао прошел I Фестиваль баскской литературы. В 1918 г. в связи с I Конгрессом баскских исследований создается Академия баскского языка.

Установление республики в Испании открыло новый этап баскского национального движения. Конституция 1931 г. признала право районов, обладающих историческим, культурным и экономическим своеобразием, на автономию. Однако в течение более чем четырех лет правым силам удавалось бло-

¹⁶ M. García Venero. Historia del nacionalismo vasco. Madrid. 1968, pp. 105, 107—108.

¹⁷ M. García Venero. Op. cit., p. 203.

кировать в кортесах проекты автономного статута Страны Басков¹⁸. Победа Народного фронта на выборах 16 февраля 1936 г. изменила соотношение сил в парламенте, и 1 октября 1936 г., уже в условиях национально-революционной войны, провинции Бискайя, Гипускоа и Алава получили автономию¹⁹. На территории Бискайи и Гипускоа (Алава к тому времени была захвачена франкистскими войсками) 7 октября 1936 г. было создано автономное правительство во главе с президентом Х. А. Агирре, лидером БНП. Ведущую роль в этом правительстве играли БНП и ИСРП; кроме того, в его состав вошел представитель коммунистов Басконии (КПЭ — Компартия Эускади — образовалась в 1935 г. как автономная партия в рамках Коммунистической партии Испании), Баскского националистического действия (партии, возникшей в 1930 г. в результате раскола БНП) и двух левореспубликанских партий. Баскский язык на территории Страны Басков стал официальным языком наряду с испанским.

Крайний национализм и шовинизм, свойственные фашизму, проявились в Испании в жестокое преследование национальных движений басков, каталонцев и галисийцев. При этом франкисты с их немецкими и итальянскими союзниками использовали самые варварские средства. 26 апреля 1937 г. авиация мятежников подвергла г. Гернику, на протяжении столетий считавшийся символом национальных свобод басков, чудовищной бомбардировке, в результате которой погибло много мирных жителей. Оккупация Страны Басков франкистскими войсками уничтожила национальные завоевания баскского народа, а декрет от 23 июня 1937 г. провозгласил Бискайю и Гипускоа «провинциями-предателями». Были ликвидированы не только автономия Страны Басков, но и «экономические соглашения» конца XIX века. Разгрому подверглись все баскские культурные общества и библиотеки, где хранилась местная литература. Преподавание на баскском языке было запрещено. Национальные знамя и гимн Страны Басков рассматривались франкистами как элементы «подрывной деятельности».

¹⁸ О борьбе 1931—1936 гг. вокруг баскского автономного статута см. L. M. Castells Arteché. *El Estatuto vasco*. Bilbao. 1976.

¹⁹ На русском языке текст автономного статута опубликован в кн.: «Война и революция в Испании». Т. 1. М. 1968, стр. 392—401.

Баскский народ повел мужественную борьбу против фашизма, за восстановление демократии и национальных свобод. В рядах французского Сопротивления сражался баскский батальон «Герника», а партизанское движение в горах Северной Испании продолжалось до начала 1950-х годов. Несмотря на запрет забастовок, в Бильбао 1 мая 1947 г. состоялась массовая антифранкистская стачка, в которой приняло участие более 50 тыс. рабочих. В 50-е — 60-е годы баскские коммунисты боролись за интернациональное единство рабочего класса Страны Басков (это особенно ярко проявилось в деятельности рабочих комиссий, возникших там в 1956—1957 гг.), ликвидацию искусственных разграничений между басками и выходцами из других районов Испании. Одновременно коммунисты уделяли большое внимание собственно национальному вопросу. Так, в заявлении от 10 мая 1964 г. КПЭ указала на настоятельную необходимость защиты баскского языка и национальной культуры²⁰.

БНП в начале 50-х годов вступила в период тяжелого кризиса, связанного с крахом ее надежд на помощь США и Англии в борьбе против франкизма. Многолетняя связь БНП с состоятельными кругами, поддерживавшими франкизм, и типично буржуазный подход этой партии к социально-экономическим проблемам приводили к тому, что БНП отказывалась от поддержки забастовочного движения, от солидарности с антимонополистической борьбой народных масс Страны Басков. Отказ от активного противодействия франкистскому режиму вызывал разочарование мелкобуржуазных слоев в политике БНП. Политический вакуум в мелкобуржуазном и буржуазном национальном движении, связанный с самоизоляцией БНП, был заполнен новыми организациями, ведущее место среди которых заняла ЭТА («Euskadi ta askatasuna», то есть «Страна Басков и свобода»), сложившаяся в 1952—1959 годы. Возрождение лозунга обязательного отделения Страны Басков от Испании и обращение ЭТА к методам индивидуального террора явились своеобразной реакцией мелкобуржуазных слоев, разоряемых монополиями в условиях жесточайшего социального и национального угнетения. 60-е годы стали временем радикализации ЭТА: выросла ее антибуржуазная направленность, появилась тенденция к сотрудничеству с рабочим движе-

²⁰ «Aragoa», № 1, XII. 1964, p. 102.

нием. В то же время характерной чертой организации являлось гипертрофированное представление о роли национального вопроса в демократической борьбе и недоверие к деятельности демократических сил других районов Испании²¹.

В 60-е годы в борьбу против национального угнетения включились новые социальные слои, в том числе рабочие из других провинций. С требованиями восстановления национальных прав и демократических свобод, всеобщей политической амнистии выступали не только политические партии, но и многочисленные общественные организации — профсоюзы, объединения интеллигенции, студенческие союзы, родительские комитеты при школах, группы демократически настроенных священников, «Ассоциации соседей» и пр. Рост интереса к культуре баскского народа привел к созданию частных школ, ставящих своей целью изучение родного языка. Важным этапом баскского национального движения явилась борьба против судебной расправы над 16 членами ЭТА в декабре 1970 г. в Бургосе²². Повсеместно создавались «Хунты борьбы против репрессий». В промышленном центре Эйбаре было достигнуто единство действий основных оппозиционных сил Страны Басков — коммунистов, социалистов, БНП и левого крыла ЭТА (хотя ЭТА в целом с другими партиями не сотрудничает). В защиту баскских антифашистов выступила демократическая общественность всех народов Испании. Движение протеста

против смертных приговоров, вынесенных шести подсудимым, приняло такие размеры, что Франко заменил им смертную казнь тюремным заключением.

70-е годы принесли новый подъем антифранкистского движения в Стране Басков, ныне самом развитом в промышленном отношении районе Испании. Здесь особенно сильны позиции крупного капитала и иностранных монополий. Но сильны и местные отряды рабочего класса. В 1973 г. в Бискайе и Гипускоа развернулась массовая забастовочная борьба рабочих за удовлетворение 15 экономических требований. 15 января 1974 г. совместными усилиями КПЭ, ИСРП и БНП был проведен «День борьбы против диктатуры». В 1975 г. баскские провинции охватило мощное движение в защиту политических заключенных. Дальнейший рост демократической борьбы после смерти диктатора (ноябрь 1975 г.), организация забастовок, митингов и демонстраций под лозунгами всеобщей политической амнистии, восстановления демократических свобод и автономного статута 1936 г. (только в марте 1976 г. в Бискайе бастовало около 300 тыс. человек, в Гипускоа — около 200 тыс.) сделали невозможным проведение старой политики, направленной на прямое подавление движения. В защиту политических прав и свобод всех национальностей, входящих в состав Испанского государства, высказалась возникшая в марте 1976 г. Демократическая координация — блок антифранкистских партий и общественных организаций страны.

Процесс ликвидации франкистской диктатуры, начавшийся в конце 1975 г., создал условия для разрешения вопроса о статусе Страны Басков. 31 декабря 1977 г. совет министров Испании одобрил декрет об образовании Генерального совета Страны Басков, положив тем самым начало восстановлению национальных прав баскского народа. Ныне борьба за эти права продолжается.

Н. В. Пчелина

²¹ Идейная эволюция и практическая деятельность ЭТА рассмотрены: «Расы и народы». Вып. 6. М. 1976; Ortiz. Historia de Euzkadi. Nacionalismo vasco y ETA. P. 1975; J. L. Hollman. Basque Revolutionary Separatism: ETA. «Spain in Crisis. Evolution and Decline of the Franco Regime». L. 1976.

²² Поводом для организации политического процесса над членами ЭТА стало убийство 2 августа 1968 г. М. Мансанаса, начальника политической полиции Гипускоа, который в течение многих лет руководил репрессиями против ее жителей.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

В ы л д а н Михаил Августович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Автор книг «Укрепление материально-технической базы колхозного строя во второй пятилетке (1933—1937 гг.)», «Советская деревня накануне Великой Отечественной войны», «Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя. 1945—1958 гг.», «Завершающий этап создания колхозного строя (1935—1937 гг.)» и др. работ.

О с а д ч и й Иван Павлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории КПСС Кубанского университета. Автор книги «Октябрь на Кубани», брошюр и статей о социалистической революции и гражданской войне на Северном Кавказе.

Д у л о в Александр Всеволодович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР Иркутского университета. Специализируется по проблеме взаимодействия природы и общества в России периода феодализма. Автор статей по этой теме и по истории политической ссылки в Сибири.

Ж и г а л о в Иван Иванович — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института всеобщей истории АН СССР. Специалист по новейшей истории и истории коммунистического и рабочего движения. Автор монографий и научных статей по указанной проблематике, в том числе книги «Современная история Великобритании. 1945—1975». Один из авторов и редакторов коллективных работ «История второй мировой войны», «Всемирная история», «История Германской Демократической Республики», «История фашизма в Западной Европе» и др.

Д у б и н с к и й Александр Маркович — доктор исторических наук, профессор, научный консультант Института Дальнего Востока АН СССР. Автор монографий «Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке», «The Far East in the Second World War». Один из авторов и ответственных редакторов монографии «Внешняя политика и международные отношения Китайской Народной Республики (1949—1973)», соавтор коллективных трудов «Всемирная история», «История международных отношений на Дальнем Востоке», «История второй мировой войны. 1939—1945».

К у р м а ч е в а Мая Дмитриевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Специализируется по истории России эпохи позднего феодализма. Автор книги «Крестьянская война 1773—1775 гг. в Нижегородском крае», соавтор коллективного труда «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева».

Ч е р к а с о в Петр Петрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Специализируется по внешней политике Франции новейшего времени, автор монографии «Франция и Индокитай. 1945—1975 гг. (Эволюция французской политики в Индокитае)».

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СИДОРОВ

30 июня 1978 г. советская наука понесла тяжелую утрату: ушел из жизни крупнейший искусствовед и книговед, член-корреспондент АН СССР, профессор, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РСФСР Алексей Алексеевич Сидоров.

Один из старейших представителей советской науки (родился в 1891 г.), он сложился как исследователь в стенах Московского университета, который окончил в 1913 г., и там же в 1916 г. начал свою преподавательскую деятельность. Беззаветная любовь к истории книги и истории искусства отмечает его многолетний творческий путь, особенно плодотворный благодаря тому, что он был неразрывно связан с советской эпохой. Трудно переоценить значение деятельности Алексея Алексеевича как одного из первых исследователей советского искусства, зачинателя особой отрасли — об истории и искусстве книги. Преданность реалистическим принципам, активная позиция художественного критика со свойственным ему ощущением времени и социальной среды, поразительная эрудиция в самых разнообразных сферах позволяют говорить об А. А. Сидорове как специалисте истинно нового типа. Эти качества характеризуют все стороны его деятельности, включая педагогическую, пропагандистскую, организаторскую, общественную и даже собирательскую.

А. А. Сидоров принадлежал к тем представителям передовой русской интеллигенции, которые с первых дней Великого Октября бесповоротно соединили свою судьбу с Советской властью и сразу приняли участие в строительстве советской культуры. 1917 год застал его в должности приват-доцента кафедры теории и истории искусств историко-филологического отделения Московского университета, курс которого он закончил за четыре года до этого. Социалистическую революцию ученый встретил с восторгом и уже в первых работах советских лет («Революция и искусство». 1918 г.; «Два года русского искусства и художественной деятельности». 1919 г.) развивал мысль об огромном ее значении для обновления и дальнейшего развития культуры, расценивал первые мероприятия Советской власти в области художественной культуры как «праздник русского искусства». С 1918 г. он участвовал в осуществлении ленинского плана монументальной пропаганды, работал в Наркомпросе и отделах Моссовета, в 1921 г. выступил как один из инициаторов создания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) и стал заведующим секцией искусствоведения Института археологии и искусствоведения, входившего в эту ассоциацию. Одновременно он был избран действительным членом Государственной академии художественных наук (ГАХН), а в 1924 г. — ученым секретарем ГАХН и Научно-художественной секции Государственного ученого совета. С 1927 г. А. А. Сидоров — заведующий гравюрным кабинетом Государственного музея изобразительных искусств, где он активно способствовал созданию уникального собрания зарубежной, русской и советской графики.

В годы Великой Отечественной войны Алексей Алексеевич участвовал в работе комиссии по расследованию ущерба, нанесенного советскому народу фашистскими оккупантами, и тогда же стал одним из первых сотрудников основанного в 1944 г. Института истории искусств АН СССР (ныне Всесоюзный научно-исследовательский институт искусствоведения Министерства культуры СССР). В этом научном учреждении Алексей Алексеевич проработал свыше 25 лет и почти до конца жизни был членом его Ученого совета. Он принимал участие в написании таких многотомных коллективных

трудов, как «История русского искусства», «История европейского искусствознания», являлся одним из инициаторов создания «Русской художественной культуры начала XX века». Параллельно он трудился в 50—70-е годы как сотрудник Научно-исследовательского института полиграфической промышленности и техники, член экспертных комиссий по искусству и книговедению Высшей аттестационной комиссии, член Национального комитета СССР по организации советского отдела Международной выставки искусства книги в Лейпциге (1959 г.), член Оргкомитета по проведению юбилея 400-летия русского книгопечатания (1963—1964 гг.), член ученых советов Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина и Всесоюзной книжной палаты, Редакционно-издательского совета при Президиуме АН СССР. До последних дней жизни он руководил Комиссией комплексного изучения книги Научного совета по комплексной проблеме «История мировой культуры» при Секции общественных наук Президиума АН СССР.

На протяжении почти всего своего творческого пути Алексей Алексеевич занимался педагогической деятельностью. Он читал вплоть до середины 60-х годов курсы истории и теории искусства, марксистско-ленинской эстетики в Московском университете, Государственных художественных мастерских, изостудиях, московских Архитектурном и Полиграфическом институтах и Институте истории, философии и литературы, часто выступал с публичными лекциями.

Значительное место в советской науке заняли капитальные монографии и многочисленные статьи А. А. Сидорова, посвященные русскому и западному изобразительному искусству, советской живописи, рисунку, станковой и книжной графике, скульптуре, архитектуре, хореографии, музыке, театру. Вся его деятельность, тесно связанная с художественной жизнью страны, составляет неотъемлемую часть истории советского искусства. В 1922 г. он принял участие в разработке декларации Ассоциации художников революционной России (АХРР) и, отстаивая право на реалистическую направленность творчества членов этой ассоциации, опубликовал ряд статей в «Правде», журналах «Творчество», «Печать и революция» и пр. Его перу принадлежит одна из самых ранних статей (1924 г.) о портретах В. И. Ленина. Наибольшее место в его работах заняла графика, особенно книжная. Нет ни одного значительного явления, связанного с творчеством советских художников, проблемами оформления книги, книжной иллюстрации, станковой графики, плаката, гравюры, с выставками, музееведением и художественным коллекционированием в СССР, которое не нашло бы отражения в трудах ученого.

Крупнейшие его работы посвящены графике: «Очерки по истории русской иллюстрации» (1922 г.), «Русская графика за годы революции, 1917—1922» (1923 г.), «Рисунки старых мастеров. Техника. Теория. История» (1940 г.), «История оформления русской книги» (1946 г.), «Рисунок старых русских мастеров» (книга первая — 1956 г.; книга вторая — 1960 г.), «Русская графика начала XX века» (1969 г.), «Книга и жизнь» (1972 г.). В этих работах обобщается опыт советского искусствознания, вводится в науку обширный малоизученный материал. А. А. Сидоров первым из советских ученых избрал предметом исследования книгу в качестве произведения, созданного в результате синтеза литературы, изобразительного искусства, науки, техники и экономики. Самый термин «искусство книги» обязан своим появлением выходу в свет сборника статей ученого под этим названием (1922 г.). Первоначальному периоду русского книгопечатания посвящена его монография «Древнерусская книжная гравюра» (1951 г.). Он руководил также созданием коллективных трудов «400 лет русского книгопечатания», серии сборников «Книга», «Сводный каталог русской книги XVIII века» и многих других изданий. Работы А. А. Сидорова показывают его литературную одаренность, их отличает яркий и образный язык, изящный и точный анализ рассматриваемых явлений, тонкий художественный вкус.

Его коллекция произведений графики постоянно была доступна для обозрения. Входившие в нее рисунки, гравюры, плакаты и т. д. систематически экспонировались на советских и зарубежных выставках, а также публиковались в трудах ученого. Истории своего собрания Алексей Алексеевич посвятил увлекательно написанную книгу «Записки собирателя» (1969 г.). Его давнейшей мечтой было передать свою коллекцию, содержащую около 5 тыс. произведений, в государственные хранилища. И в 1968—1970 гг. он осуществил это намерение, передав все собрание в дар Государственной Третьяковской галерее, Государственному музею изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина и Государственному музею искусства народов Востока.

Заслуги А. А. Сидорова в развитии советского искусствознания, его научно-организаторская и общественная деятельность были высоко оценены. В 1946 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1947 г. ему было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Ученый являлся кавалером орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов и «Знак Почета». В памяти всех, когда-либо встречавшихся с ним, слушавших его лекции, читавших его книги, Алексей Алексеевич останется крупнейшим научным авторитетом в области русской, советской и зарубежной графики, искусства книги, тонким знатоком искусства, благожелательным рецензентом, стремившимся поддержать и отметить всякое новое и полезное начинание, каждую искру таланта, непримиримым борцом против формалистических искажений, в защиту реалистических принципов искусства.

SUMMARIES OF ARTICLES

M. A. VYLTSAN. Stage-by-Stage Development of the Concentration and Specialization of Agricultural Production in the U.S.S.R.

The article examines the most important distinctive features attending the development of the concentration and specialization of agricultural production in the U.S.S.R. The author substantiates the conclusion that the concentration and specialization of agricultural production on the basis of extensive co-operation, the persistent efforts to achieve a substantial increase in the output of farm products by switching the development of agriculture to modern industrial lines constitute the main direction of the further progress of socialist agriculture and mark a new stage in putting into practical effect the ideas of Lenin's co-operative plan in the conditions of developed socialism.

I. P. OSADCHY. The Victory of the Socialist Revolution in the North Caucasus

The article contains a brief analysis of the socio-economic development, the peculiarities of the political situation and the alignment of class forces on the eve of the socialist revolution in the different areas of the North Caucasus. On this basis the author brings out the distinctive features attending the development of the revolution and the Bolsheviks' tactic in the struggle for Soviet power, the creative application by the local Bolshevik organizations of Lenin's theory in the complex socio-political conditions obtaining in the given region. The events in the North Caucasus graphically confirm that the Great October Socialist Revolution combined both the general and the specific features, that its basic laws are objective in character and have international significance.

A. V. DULOV. Natural Conditions and the Development of the Productive Forces in Russia from the 18th to the Mid-19th Centuries

The article examines the increasing potentialities of society in mastering nature during the 18th and the first half of the 19th centuries, the influence of the social system on the effectiveness of utilizing natural conditions. Particular attention is devoted by the author to the interrelation between production and nature in the sphere of agriculture, industry and transport in an attempt to trace the impact of geographical environment on the peculiarities of Russia's economic development.

I. I. ZHIGALOV. The Genesis, Evolution and Specific Features of the British Peace Movement (1945-1978)

The author examines the historiography, periodization, genesis, evolution and specific features of the anti-war movement in Great Britain after the second world war. The article analyzes its causes, character, motive forces, ideological and political direction. The author also highlights the present stage of the struggle for peace in Britain, the active campaign of protest against the neutron bomb, against the new round of war preparations and systematic increase in the numerical strength of the British armed forces.

A. M. DUBINSKY. The Negotiations Conducted by the U. S. "Allied Group of Observers" with the CPC Leadership

The author traces the activity of the American "allied group of observers," which arrived in Yenan in July 1944 and entered in contact with Mao Tse-tung and his closest entourage. The special line of the CPC leadership in the person of Mao Tse-tung, their

anti-Sovietism manifested already at that time attracted the attention of American diplomats who tried to prevent the development of the national-liberation revolution in China into the socialist revolution and to bar China's orientation on the Soviet Union. But the whole course of the Chinese revolution in 1945-1949 thwarted the designs of American politicians.

CONTENTS

of the journal "Problems of History" No. 1, 1979

Articles: **M. A. Vyltsan.** Stage-by-Stage Development of the Concentration and Specialization of Agricultural Production in the U.S.S.R.; **I. P. Osadchy.** The Victory of the Socialist Revolution in the North Caucasus; **A. V. Dulov.** Natural Conditions and the Development of the Productive Forces in Russia from the 18th to the Mid-19th Centuries; **I. I. Zhigalov.** The Genesis, Evolution and Specific Features of the British Peace Movement (1945-1978); **A. M. Dubinsky.** The Negotiations Conducted by the U. S. "Allied Group of Observers" with the CPC Leadership. **Historical Essays:** **M. D. Kurmachova.** Serf Intellectuals in 18th-Century Russia; **P. P. Cherkasov.** The "Barricades Week" in Algiers. **Historical Science in the U.S.S.R. and Abroad. Surveys:** **R. L. Sabsovich.** The History of the Trade Unions as Reflected in the Works of French Historians and Sociologists. **Book Reviews:** A. E. Kucher, I. M. Tsemkalov. The History of Developed Socialism in the U.S.S.R.: Socio-Economic Problems; S. A. Fedyukin. The Struggle Against Bourgeois Ideology in the Period of Transition to NEP; E. Ambartsumov. The Beginning of Socialism. Russia Under Lenin in 1917-1923; O. S. Soroko-Tsyupa. The Labour Movement in Canada (1929-1939); "The U.S.A.: The State and Economy (the mechanism of state-monopoly regulation of the economy)"; "The Socialist Countries After the Second World War, 1944-1974: Problems of Political, Social and Economic Development" (Warsaw); Henry Steele Commager. The Empire of Reason. How Europe Imagined and America Realized the Enlightenment (New York), etc. **Scientific Notes. Facts, Events, People. Articles in Soviet and foreign historical journals. New books in the U.S.S.R. and abroad.**

SOMMAIRE

de la revue «Questions d'histoire», n° 1, 1979

Articles: **M. A. Vyltsan.** Les étapes de l'extension de concentration et de spécialisation de la production agricole de l'U.R.S.S.; **I. P. Ossaditchy.** Le triomphe de la révolution socialiste dans le Caucase de Nord; **A. V. Doulov.** Les conditions naturelles et le développement des forces productives de la Russie au XVIIIe — milieu du XIXe siècle; **I. I. Jigalov.** Le mouvement britannique pour la paix: genèse, évolution, particularités (1945-1978); **A. M. Doubinski.** Les pourparlers du «groupe des observateurs alliés» des Etats-Unis avec les dirigeants du P.C.C. **Aperçus historiques:** **M. D. Kourmatcheva.** Les intellectuels serfs en Russie du XVIIIe siècle; **P. P. Tcherkassov.** La «semaine des barricades» à Alger. **Science historique en U.R.S.S. et à l'étranger. Revues:** **R. L. Sabsovitch.** L'histoire des syndicats dans les travaux des historiens et des sociologues français. **Comptes rendus des livres:** A. E. Koutcher, I. M. Tsemkalov. Les problèmes économiques et sociaux de l'histoire du socialisme développé en U.R.S.S.; S. A. Fédoukine. La lutte contre l'idéologie bourgeoise dans les conditions du passage à la NEP; E. Ambartsoumov. Comment le socialisme débutait. La Russie de l'époque du vivant de Lénine en 1917-1923; O. S. Soroko-Tsupa. Le mouvement ouvrier au Canada (1929-1939); «Etats-Unis: Etat et économie (mécanisme de régulation monopoliste d'Etat de l'économie)»; «Les pays socialistes après la Seconde Guerre mondiale. 1944-1974. (Problèmes du développement politique, social et économique) (Varsovie); H. S. Commager. L'empire du raison. Comment l'Europe imaginait et l'Amérique réalisait les principes des lumières (New York) et autres. **Notes scientifiques. Faits, événements, hommes. Articles dans les revues historiques soviétiques et étrangères. Nouveaux livres en U.R.S.S. et à l'étranger.**

SUMARIO

de la revista «Cuestiones de historia» № 1, 1979.

Artículos: M. A. Vilzan. Etapas del desarrollo de la concentración y especialización de la producción agropecuaria de la URSS; J. P. Osadchiy. Victoria de la revolución socialista en el Cáucaso Septentrional; A. V. Dulov. Condiciones naturales y desarrollo de las fuerzas productivas de Rusia en el siglo XVIII—mediados del siglo XIX; I. I. Zhigalov. Movimiento británico en la defensa de la paz; génesis, evolución, particularidades (1945—1978); A. M. Dubinskiy. Negociaciones del «grupo aliado de observadores» de los EE.UU. con la dirección del PCC. Ensayos históricos: M. D. Kurmacheva. Intelectualidad de los siervos de la gleba en Rusia en el siglo XVIII; P. P. Cherkasov. La «semana de las barricadas» en Argel. La ciencia histórica en la URSS y en el extranjero. **Revistas:** R. L. Sabsovich. Historia de los sindicatos en los trabajos de los historiadores y sociólogos franceses. **Reseñas de libros:** A. E. Kucher, I. M. Zemkalov. Problemas económico-sociales de la historia del socialismo desarrollado en la URSS; S. A. Fediukin. Lucha contra la ideología burguesa en las condiciones del paso a la nueva política económica; E. Ambarzumov. Cómo se iniciaba el socialismo. Rusia con Lenin en los años 1917—1923; O. S. Soroko-Ziuba. Movimiento obrero en Canadá (1929—1939); «EE. UU.: estado y economía (mecanismo de la regulación monopolista estatal de la economía)»; «Países socialistas después de la segunda guerra mundial. 1944—1974. (Problemas del desarrollo político, social y económico)» (Warszawa) Henry Steele Commager. The Empire of Reason. How Europe Imagined and America Realised the Enlightenment. (New York), etc. **Notas científicas.** Hechos, acontecimientos, personalidades. Artículos en las revistas históricas, soviéticas y extranjeras. Nuevos libros en la URSS y en el extranjero.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Р. Т. АХРАМОВИЧ, В. И. БОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, П. А. ГОЛУБ, И. В. ДУДИНСКИЙ, И. И. ЖИГАЛОВ, М. П. КИМ, Ю. С. КУКУШКИН, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Н. Г. НЕФЕДОВ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, Б. А. РЫБАКОВ, А. Н. САХАРОВ, И. В. СОЗИН (заместитель главного редактора), А. И. ТИТОВ (заместитель главного редактора), И. А. ФЕДОСОВ, С. С. ХРОМОВ, А. С. ЧЕРНЯЕВ.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Адрес редакции: 103781, Москва, ГСП, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

Сдано в набор 05.12.78. Подписано к печати 04.01.79. А 01003. Формат 70×108^{1/4}.
Высокая печать. Усл. печ. л. 16,80. Учетно-изд. л. 19,85. Тираж 25 000 экз. Изд. № 300.
Заказ № 3198.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

Българо-съветски отношения. 1971—1976. Документи и материали Ред. колегия М Иванов (председател на бълг. част, и др.), Н. Н. Родионов (председател на съветската част, и др.). София. Партиздат. 1977. 748 с.

ВЕНКОВА-ИЛИЕВА Л., ШАНОВ С
Руско-турската война 1877—1878 и освободението на България: Библиография. София. Воен. изд-во. 1978 223 с.

ВЛАХОВ Т. Криза в българо-турските отношения. 1895—1908. София Изд-во на БАН. 1977. 191 с.

ГЪРДЕВ А. Борбага на английската работническа класа през 70-те години. София. Профиздат 1978. 147 с

ДИМИТРОВ С. Танзания по пътя на социалния прогрес. Десет години от обявяването на Арушката декларация София. Партиздат. 1977 117 с.

Идеологическата борба и мирното съвместно съществуване. Съст. и ред.: Асен Кожаров (главен ред.), и др. София. Паргиздат. 1977. 287 с.

Октомври и Балканите. Ред. колегия Николай Тодоров, и др. София. Наука и изкуство. 1977. 267 с.

Освобождението на България и руската общественост. Ред. колегия: В. Хаджиниколов (глав. ред.) и др. София. Изд-во на Отечества фронт. 1977. 339 с.

KEREKES G. Mit kell tudni Kubáról?
Budapest, Kossuth, 1977. 206. old.

IÖRINC D Harchan a földért Δ magy.

ten Wilhelm Piecks über die Grosse Sozialistische Oktoberrevolution. Eingel. und zugest. von Heinz Vosske. Berlin. Dietz. 1977. 159 S.

WOHLGEMUTH H. **Karl Lieb knecht.**
Stationen seines Lebens. Berlin. Deutscher
Verl. der Wiss. 1977. 172 S.

Монголын ард түмэн Октябрийн замаар. Улаанбаатар. Улсын хэвлэлийн газар. 1977. 333 с.

DOLATA B., JURGA T. Walki zbrojne na ziemiach polskich, 1939—1945: Wybrane miejsca bitew, walk i akcji bojowych. 3-ie wyd. popr. i rozsz. Warszawa. Wyd-wo Min. obrony nar. 1977. 764 s.

DOMARANCZYK Z., WÓJCIK T. **Republika Południowej Afryki: przedsionek piekła.** 2-ie wyd. rozsz. i uaktualnione. Katowice, Śląsk. 1977. 262 s.

KISIELEWSKA I., STEN M. **Meksykańskie ABC.** Warszawa. Iskry. 1977. 302 s.

PILICHOWSKI C. Falszerstwo czy prowokacja? Odwetowcy w roli oskarżycieli. Warszawa. KiW. 1977. 195 s.

STEFANOWICZ J. Europa powojenna 1945—1975. Warszawa. PWN. 1977. 383 s.

SUŁKOWSKA-KURASIOWA I. Dokumenty królewskie i ich funkcja w państwie Polskim za Andegawenów i pierwszych Jagiellonów 1370—1444. Warszawa. 1977. 286 s.

Cách mang thăng Muối và cách mang
Việt nam. Hà-nội Khoa học xá hói. 1977.
390 tr.

PETRESCU-DIMBOVITA M. **Depozitele de bronzuri din România.** București. Ed. Acad. RSR. 1977. 390 p.

CUTH J. *Mírovou cestou.* (Zahraniční politika Sovětského Svazu po XXV. sjezdu KSSS). Praha. Orbis. ÚV NF ČSSR 1977. 149 s.

MELICHAR V. Československý únor 1948 a socialistické státy. Praha. Svoboda. 1977. 253 s

Zivý odkaz Vel'keho Októbra: (Venované 60 výročiu Vel'kej Oktobrovej socialistickej revolúcie) Ed. Stefan Fano. Bratislava Veda. 1977. 268 s.

Slovenska Istra v boju za svobodo.
(Prispevki in gradivo za krajevno zgodovino). Ured. odb. Vid Vremec, Milan Guček. Koper. Lipa. 1976. 751 s.

TERČAK S. Celjski Stari pisker. Ljubljana. Borec. 1976. 281 s.

«Das Leben in der Stadt des Spätmittelalters». Internationaler Kongress. Krems a. d. Donau. 1976. Materialien... 20. bis 23. Sept. 1976. Vorgelegt Heinrich Appelt. Wien. Österreichische Akad. der Wiss. 1977. 274 S.

ЖС 9	Вопросы
В-74	истории.
н 1, 1979!	

nagy-
politika-
adó

lom-
i ta-
ipos
1978

uda-

Sam-
chen
(om-
1975
u. a.

1976
Ber-
;

dung
 von
 von
 Verl.

icher
ische
hrif-

НОВЫЕ КНИГИ

COSTA E. V. da. **Da Monarquia a República: momentos decisivos** São Paulo. Grijalbo. 1977. 325 p.

DONALDSON G. and MORPETH R. S. **A Dictionary of Scottish History**. Edinburgh. Donald. 1977. 234 p.

IKIME O. **The Fall of Nigeria. The British Conquest**. London. a. o. Heinemann. 1977. XI, 232 p.

JOHNSON N. **In Search of the Constitution: Reflections on State and Society in Britain**. Oxford. a. o. Pergamon Press. 1977. IX, 239 p.

LACEY R. **Majesty Elisabeth II and the House of Windsor**. London. Hutchinson. 1977. 381 p.

PIMLOTT B. **Labour and the Left in the 1930s**. Cambridge. a. o. Cambridge Univ. Press. 1977. XI, 259 p.

VICKERS M. **The Roman World**. Oxford. Elsevier-Phaidon. Cop. 1977. 149 p.

GARCIA CHUECOS H. **Pedro León Torres**. Caracas. Archivo gen. de la Nación. 1977. 130 p.

Maracaibo y la independencia de Venezuela (1810—1812). Doc. transcritos y prologados por Agustín Millares Carlo. Caracas. Archivo gen. de la Nación. 1977. 193 p.

MALUQUER DE MOTES BERNET J. **El socialismo en España, 1833—1868**. Barcelona. Crítica. 1977. 408 p.

MIGUELEZ F. **La lucha de los mineros asturianos bajo el franquismo**. Pról. de Gerardo Iglesias. Barcelona. Laia. 1977. VIII, 308 p.

PORTELL J. M. **Euskadi: Amnistía arrancada**. Barcelona. Dopesa. 1977. 340 p.

TUÑÓN DE LARA M. **El movimiento obrero en la historia de España**. I. 1832—1899. 326(5) p.; 2. 1900—1923. 360 p.; 3. 1923—1936. 213 p. Barcelona. Laia; Madrid. Taurus. 1977.

BJØRNSSEN B. **Det utrolige døgn**. Oslo. Gyldendal. 1977. 303 s.

SA V. de. **Repensar Portugal**. Reflexões sobre o colonialismo e a descolonização. Lisboa. Horizonte. 1977. 126 p.

BLACK J. K. **United States Penetration of Brazil**. Philadelphia. Univ. of Pennsylvania Press. 1977. XX, 313 p.

Palestinian Impasse: Arab Guerrillas and International Terror. Ed. by Lester A. Sobel. Contributing ed.: Hal Kosut. Indexer: Grace M. Ferrara. New York. Facts on File. 1977. 282 p.

IMHOF A. E. **Einführung in die historische Demographie**. München. Beck'sche Elementarbücher. 1977. 149 S.

HUBENSTEINER B. **Bayerische Geschichte: Staat und Volk, Kunst- und Kultur**. München. Süddeutscher Verl. 1977. 566 S.

Klassenkämpfe in Portugal heute: Dokumente und Materialien. Engel. und zugest. von Leon Bertold et al. Frankfurt a. M. Marxistische Blätter. 1977. 216 S.

LEISEWITZ A. **Klassen in der Bundesrepublik Deutschland heute**. Frankfurt a. M. Marxistische Blätter. 1977. 207 S.

Introduction à la culture africaine. Aspects généraux. Par Alpha I. Sow, Ola Balogun, Honorat Aguessy, Pathe Diagne. Paris. Union générale d'édition. 1977. 311 p.

DE GEER E. **Migration och influensfält**. Studier av emigration och intern migration i Finland och Sverige 1816—1972. Uppsala. 1977. 142 s.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вопросы истории» принимает статьи объемом в 1—1,5 авторского листа (24—36 стр.); воспоминания, исторические очерки и публикации — по предварительному согласованию с редакцией, обзоры — до 16 стр., рецензии, письма и заметки — 6—8 стр., заметки о статьях, опубликованных в зарубежных журналах, — 3—5 стр. Все материалы представляются в двух (первом и втором) экземплярах, отпечатанные с полями на стандартной машинке (текст через два интервала, списки через полтора интервала) на обычной бумаге. Вставки (после доработки материала), а также тексты и сноски на иностранных языках и языках народов СССР должны быть отпечатаны на машинке. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

Рукописи, превышающие установленный объем, могут быть возвращены без рассмотрения.

СОЮЗКНИГА ПРЕДЛАГАЕТ ИЗДАНИЯ:

Ленинизм и управление социальными процессами. АН СССР, Ин-т философии. М., Мысль, 1973. 438 с. 1 р. 57 к.

Книга о теоретических основах научного руководства социалистическим обществом.

Научно-техническая революция и социализм. М., Политиздат, 1973. 366 с. 90 к.

Совместная работа философов, социологов, историков науки и техники СССР и ЧССР. Рассчитана на читателей, интересующихся актуальными проблемами современного общественного развития.

Островский В. Б. Новый этап в развитии колхозного строя. М., Политиздат, 1977. 271 с. 1 р. 06 к.

Для широкого круга читателей, изучающих актуальные проблемы развития сельского хозяйства СССР на современном этапе.

Планирование социального развития. М., Мысль, 1976. 164 с. 53 к.

Сборник статей об опыте социального планирования, Предназначен для партийных, советских, профсоюзных работников, руководителей предприятий, социологов.

Философские проблемы общественного развития: Некоторые аспекты формирования и развития социалистического образа жизни. М., Мысль, 1976. 263 с. 84 к.

Работа группы ученых Академии общественных наук при ЦК КПСС рассчитана на философов, социологов, историков, экономистов, всех, кто изучает теоретические и методологические проблемы развития социалистического образа жизни.

Художественная культура и развитие личности. М., Мысль, 1978. 211 с. 75 к.

В книге освещается возрастающая роль культуры и искусства в идейно-нравственном и эстетическом развитии личности. Предназначена для научных и партийных работников, пропагандистов, преподавателей общественных наук, журналистов.

60 лет Великого Октября: Рекомендательный указатель литературы. (Гос. публ. ист. б-ка РСФСР. М., Книга, 1977. 190 с. 60 к.

Указатель рассчитан на библиотекарей, лекторов, преподавателей общественных наук, читателей, изучающих историю СССР и историю КПСС.

Уважаемый читатель! Эти издания вы можете приобрести в местных книжных магазинах, распространяющих общественно-политическую литературу, или заказать по адресу: 127540, Москва, ул. Дубнинская, 16-А, магазин № 194 «Книга — почтой». Книги будут высланы наложенным платежом.

Союзкнига